

Катажина Береника Мищук

Я, дьяволица

Моему Янеку, а также всем «Петрушам» и тем, кто ими является, но не догадывается об этом...

Я стояла напротив простого металлического стола. На двери под номером 6, в которую я только что вошла, висела табличка с надписью «Отдел кадров».

Существо, сидевшее передо мной, смахивало на типичного служащего. Воротник застегнут по самый подбородок, галстук в серую полоску и черный, немодный костюм. Один в один работник налоговой.

Я неуверенно подошла к стулу напротив него.

– Садитесь, – приказал он мне.

Я послушно села.

Служащий, не обращая на меня никакого внимания, с размаху ставил красные печати на заявлениях, лежавших перед ним, как будто от этого зависела его жизнь. Я слегка поерзала на стуле, который оказался чертовски неудобным.

– Попрошу не вертеться, – обратился он ко мне, и я застыла как вкопанная.

Он громко стукнул печатью в последний раз и посмотрел на меня своими красными глазами.

Он совсем не походил на типичного дьявола: у него были толстые бараньи рога, которые росли над человеческими ушами, бурая кожа и торчащие изо рта желтые клыки. Должно быть, какой-нибудь демон низшего класса. Безусловно, не дьявол.

Дьяволы были красивыми.

– Фамилия, – рявкнул он.

– Бьянковская, – пискнула я, изо всех сил пытаюсь не смотреть на него с отвращением.

– Имя.

– Виктория.

– Умерла.

– Э-э... Что?

– Когда умерла. – Служащий был очень раздражен.

Возможно, он заметил, что мой взгляд слишком часто останавливался на его бараньих рогах...

– А! Сегодня. – Я глянула на часы, которые остановились в момент моей смерти. – Ночью, в 1.43.

– Причина. – Демон исправно заполнял красной ручкой все пустые поля в бланке.

Я задумалась, потому что мало что помнила.

Была ночь, я возвращалась домой после вечеринки в «Стодоле». Кто-то вышел со мной из клуба. Шел за мной. Затем гнался. Уже у самого Поля Мокотовского он схватил меня за руку и потащил. Я кричала, но никто меня не услышал. Мужчина волок меня в сторону парка, между деревьев. Я вырвалась, хотела убежать, спастись, но он достал нож. Блеск клинка в свете одинокого фонаря.

– Нож. – Поняв, что ему требовался подробный ответ, я добавила: – Колотая рана в живот...

Я задумалась. Почему я ушла из этого клуба в одиночестве? Никак не получалось вспомнить. Я никогда так не делала – мы всегда возвращались домой всей компанией, не разделяясь. Почему я совершила такую глупость? И зачем, бога ради, пошла в сторону парка? Это совершенно на меня не похоже.

– Понятно, – буркнул он. – Кем направлена?

Перед глазами встал статный брюнет, который, по окончании спора с каким-то заносчивым блондином, отправил меня сюда. Перед этим он кратко объяснил мне, что я умерла и попаду в Ад, но я слишком красива, чтобы пропадать, как он сказал, «на жарком юге». Ни черта не поняла, что он имел в виду...

– Азazelь сказал мне прийти сюда...

– Все сходится. Прошу подписать здесь. – Он подвинул ко мне документ, и я послушно его подписала. – Следующий ваш шаг будет таким: отправляйтесь на Распределение в комнату 66. Там вы получите дальнейшую информацию.

– А... – начала я, но он перебил:

– Дверь прямо за вами. Благодарю, приятного дня. – Он улыбнулся мне, но глаза его не улыбались.

Мне было трудно оторвать взгляд от его безобразных зубов, с которых капала слюна. Просто отвратительно! Наконец я взяла себя в руки, захлопнула рот, крепко сжала в руке бумагу и вышла из комнаты.

Подняв взгляд, я увидела перед собой дверь с табличкой «Распределение» и большими цифрами 66 – могла бы поклясться, что раньше ее там не было. Я обернулась. Отдел кадров, из которого я только что вышла, перестал существовать. За мной была обычная стена. Я посмотрела направо, затем налево. Узкий коридор бесконечно тянулся в обе стороны.

Единственная дверь была передо мной. Выбирать не приходилось – войти я могла только в нее.

Хотелось плакать. Я совсем перестала понимать, что происходит вокруг.

Умерла... Попала в Ад... А теперь еще в какой-то Канцелярии!

Я почувствовала на глазах теплые слезы. Еще никогда не ощущала себя такой потерянной.

«Вдох и выдох. Именно в таком порядке, а не два вдоха или выдоха подряд. Запомни», – говорила мне моя лучшая подружка детства Зуза, и ее слова сейчас всплыли в памяти. Безусловно, это была шутка, но она подняла мне настроение и помогла успокоиться.

Я посмотрела на дверь и тяжело вздохнула. В конце концов, хуже, чем смерть, со мной уже ничего не случится. Нечего бояться. Наверное...

Я постучала.

– Входи, – раздался скушающий голос из-за двери.

Я вошла внутрь, ожидая увидеть там еще одного демона, однако, к моему удивлению, за столом сидел красивый парень. При виде меня он перестал театрально зевать.

– О, новенькая! – сказал он.

Я неуверенно топталась у порога, не зная, что делать.

– Заходи, – приглашающе жестикнул он.

– Меня направили сюда из комнаты 6, – сказала я и села напротив.

У него были черные как смоль волосы, местами отливающие темно-синим и зачесанные наверх в небрежный ирокез, большой рот и золотистые глаза.

– Привет, я Белет, – представился он и ободряюще улыбнулся. – Можно заявление?

Я отдала ему бумагу и скользнула взглядом по белым стенам, на которых висели дешевые акварели. В углу стоял засохший папоротник. Если бы все вокруг не убеждали меня, что я в Аду, то спокойно подумала бы, что попала в обыкновенную канцелярию.

– Как ты точно подметила, все мировые учреждения в оформлении интерьера берут пример с нас. Знаешь, кто придумал налоги?

– Ну... Люди?

– Нет. Мы! Вижу, Отдел Дезинформации действительно неплохо справляется. – Дьявол подмигнул мне.

Я была уверена, что это дьявол. Он был красивым.

– Да, я дьявол, – пробормотал он, откладывая мое заявление в сторону.

Я удивилась: как он узнал, о чем я думаю?

– В тебе еще много от человека, настолько, что обычный демон с легкостью может прочесть твои мысли, – объяснил он. – Через некоторое время, когда приспособишься, твой разум будет закрыт для всех. Даже для ангелов и дьяволов.

Я внезапно поняла, почему тот служащий был таким грубым: он просто слышал, как я мысленно комментировала факт его уродства!

– Да-а-а, – пробормотал Белет, – он мог на тебя за это обидеться. Видимо, Азazelь ничего тебе не объяснил, но не беспокойся, я все разложу по полочкам. Ты умерла. В тот момент, когда это случилось, время для тебя остановилось. – Он указал на часы на моем запястье. – Теперь ты – вечное существо, и время не имеет над тобой власти. Когда ты умерла, рядом с тобой появились две фигуры – ангел и дьявол, – которые стали торговаться за твою душу. Они зачитали все совершенные тобой добрые дела, все смертные грехи и все нарушенные заповеди.

Я вспомнила утреннюю сцену. Ангел перечислял мои добрые дела. Кто бы мог подумать, что за свою короткую двадцатилетнюю жизнь я целых пятьдесят четыре раза уступила место старушкам в трамвае!

Тем не менее мое транспортное благородство не одержало победу над столь часто нарушаемой второй заповедью...

– Как видишь, Азazelь победил, и ты отправилась к нам, – продолжал Белет. – Однако ты так ему понравилась, что он решил опустить формальности. К слову, он всегда каким-то чудом находит самых красивых девушек, ну что ж... Обычно те, кто сюда попадает, становятся гражданами Ада. Они выбирают место, где хотят жить, чем желают заниматься и так далее. Короче говоря, в Аду совсем не плохо. Мы никого не жарим, не сжигаем и не мучаем, это все пропаганда этих там. – Он показал пальцем на потолок. – У нас просто теплее из-за близости к ядру Земли – мы находимся довольно глубоко. На Небесах примерно то же самое. Вечные каникулы. Однако, как я уже сказал, ты сильно понравилась Азazelю и станешь одной из нас.

– Как это?

Я вконец запуталась. Сперва он убеждает меня, что в Аду сплошные каникулы и веселье, а сейчас у меня ко всему прочему могут вырасти рога?

– Да ладно, рога? – засмеялся он. – Похоже, ты немного одержима этой деталью.

Белет достал из кармана декоративный серебряный портсигар и протянул его мне, но я отрицательно покачала головой.

Он щелкнул пальцами. Как зачарованная я смотрела на огонек, который появился из ниоткуда и теперь скользил по подушечкам его пальцев. Дьявол как ни в чем не бывало поднес сигарету к охваченному огнем указательному пальцу и прикурил. Через секунду огонек погас, не нанеся пальцам Белета никакого вреда.

Дьявол затянулся и выпустил изо рта несколько колец из дыма.

– Я говорю вот о чем, – сказал он. – Ты станешь полноправной дьяволицей, у тебя будет сила. Думаю, ты в курсе, что все ангелы – мужчины. А дьяволы, как ни крути, это тоже ангелы, только сброшенные с Небес. Поэтому дьяволиц и ангелиц не существует. Однако Ад намного прогрессивнее Рая, и мы стали вербовать привлекательных смертных девушек.

Сказав это, он подмигнул мне. Я смутилась – никогда не считала себя особенно красивой: у меня был слишком большие нос, рот и взъерошенные, как у птицы, волосы.

– Дорогая, ты дьявольски красива, – сказал Белет. – Думаешь, мы берем в дьяволиц кого попало? Нет, здесь строгий отбор. У тебя же есть все, что нам надо: красота и привлекательность, – парни от тебя без ума. Ты умна, а в этой работе нужно быть находчивой, чтобы переспорить ангела. Кроме того, ты хорошенькая, когда волнуешься. – Он тепло мне улыбнулся.

Я тут же покраснела и, конечно, прокляла себя за это.

Он искренне рассмеялся.

Прокляла себя еще раз. Ну да, он же без проблем читает мои мысли.

– Осталось недолго. – Он снова затянулся сигаретой.

Я раскашлялась от дыма.

– Зачем ты куришь? Это же вредно для здоровья.

Он застыл, сбитый с толку, а затем громко рассмеялся.

– Дорогая, ты самая милая особа из всех, кого я когда-либо встречал, – весело сказал он. – Я бессмертен. Я не заболею раком легких, как вы, смертные, и не умру из-за этого. То же самое с

алкоголем. Самовосстанавливающийся организм, железная печень – мечта каждого алкоголика. Разве это не прекрасно?

– Э, ну... да... то есть... подожди. Я стану дьяволицей, верно?

Он кивнул, вперив в меня золотистый взгляд.

– У меня будет сила, так?

Снова кивнул. На его губах заиграла улыбка.

– И что дальше? Должна буду на вас работать?

– Верно. Будешь делать то же самое, что и Азазель: вербовать новых граждан Ада.

– То есть грешников? – поддела я его.

Дьявол поморщился:

– Как ужасно это звучит. Гражданин Ада – более изящное определение, а кроме того, еще и намного более политкорректное. Ты должна понять разницу между Адом и Раем: и там, и там все замечательно и все счастливы, только в Аду веселее. У нас тут и различные вещества, и экстремальные виды спорта, и другие классные вещи. Здесь позволено все, ну, почти все. Зато в Раю царят мир, спокойствие и всеобщие песнопения. Скукоти-и-и-ища...

– Стоп, – прервала я. – То есть получается, что после смерти всех ждет награда? Что насчет убийц? Насильников?

– А это совершенно другая история. Они просто перестают существовать. Их внутренняя сущность, душа, ка, разум, или как там это называется, исчезает. Думаешь, мы хотим иметь в Аду подобных дегенератов? – Белет был возмущен. – Что тогда это был бы за Ад? Ты должна понимать, что находишься сейчас в месте бесконечного веселья. С убийцами или психопатами повеселиться не получится...

Я долго сидела молча, пытаюсь уложить в голове услышанное.

– Значит, я не плохая и не поэтому попала в Ад? – спросила я наконец.

– Дорогая...

– Вики, – перебила я его, – просто Вики, все меня так называют.

– Ладно, Вики. – Он тепло мне улыбнулся.

Если бы мы встретились в обычной жизни, он бы немедленно вскружил мне голову.

Белет улыбнулся еще шире.

Черт побери... Услышал...

– Вики, ты не плохая. Ну, ты, конечно, и не святая невинность, иначе бы попала в Рай, но, поверь мне, здесь тебе будет намного лучше. Сама подумай: хотелось бы тебе целую вечность распевать гимны? Свихнуться же можно. Безусловно, это все вызывает шквал эмоций, какой-то особенный экстаз, ощущение Его присутствия...

Дьявол впал в раздумье и витал мыслями где-то далеко. Затем вдруг прочистил горло, слегка смущенный наплывом теплых воспоминаний. Хлопнув в ладоши, он открыл картотеку.

– Ладно, мы тут бла-бла, а нужно выделить тебе все необходимое. В конце концов, я занимаюсь распределением не просто так.

Минуто он листал содержимое картотеки.

– О! Вот. – Он протянул мне карточку с фотографией красивого дома в испанском стиле, с бассейном и ухоженным садом. – Предлагаю тебе поселиться здесь. Рядом с морем, на невысоком холме. Район тихий, но до хороших клубов рукой подать. Есть еще один плюс – я живу неподалеку, – хищно улыбнулся он.

Я решила оставить это без внимания.

– Значит, как я понимаю, ты согласна. – В его ладони появились ключи. – Держи, они от входной двери. Одежду найдешь в шкафах. Что касается твоего дьявольского имиджа: предлагаю одеваться в кожу, тогда парни будут сами идти к нам при одном взгляде на тебя. А это, – он протянул мне

какую-то карточку, исписанную мелким почерком и заполненную красными чернилами минуту назад, – направление в комнату 666, где ты получишь силу. Завтра один из наших консультантов заглянет к тебе, чтобы ввести в курс дела и рассказать о профессии дьявола.

– Хорошо. – Я взяла все и встала.

– Я правда очень рад с тобой познакомиться, – улыбнулся он, его глаза сверкнули. – До скорой встречи.

– Пока, – ответила я.

Когда за мной закрылась дверь, я глубоко вздохнула. Это какой-то ужас! Или сон. Да, это точно должен быть сон, потому что это невозможно. Я не могла умереть. Это наверняка какой-то кошмар. Сейчас я проснусь. Должна проснуться.

Кроме того, что с Мареком, моим старшим братом? У меня остался только он после смерти родителей, с младшего возраста мы жили вдвоем, и он заботился обо мне. Если бы я умерла, он остался бы один. Совсем один. Я, конечно, съехала от него полгода назад, потому что у него появилась невеста, с которой они собирались пожениться, но он все равно страшно по мне скучал. Известие о моей смерти должно было потрясти его до глубины души.

Снова захотелось плакать; ощущение потерянности, на какое-то время отступившее из-за болтовни Белета, вернулось.

Чернила на карточке высохли. Красные буквы сильно потемнели. Надеюсь, это обычная паста, а не кровь...

Вздохнув, я посмотрела на двери перед собой. Бесконечный коридор напоминал лабиринт. Не хватало только Дэвида Боуи в образе злого демона...

Я протянула руку и решительно постучала...

В дверь с номером 666.

– Входите, – ответил хрипловатый голос.

Я не знала, чего ожидать. Посреди кабинета будет стоять залитый кровью алтарь с заколотой овцой? Или, может, мне явится сам Сатана родом из народных страшилок, окруженный адским пламенем и держащий в когтях вилы?

Я была глубоко разочарована, не увидев перед собой ничего подобного. Вошла в самый обычный кабинет, ничем не отличавшийся от прежних двух. За строгим металлическим столом сидел обычный демон в немодном костюме. Этот был еще уродливей, чем демон в кабинете 6.

Едва я подумала об этом, демон угрожающе прищурился.

Невольно я обернулась и глянула на дверь 66, которая, конечно же, уже успела исчезнуть. Почему там сидел дьявол, если в остальных кабинетах были демоны? Наделение смертных силой явно было более важным занятием, чем распределение жилищных мест. В этой комнате, а ни в какой другой должен сидеть дьявол.

Подошла к столу и положила направление.

– Хм... Должен дать тебе силу... – пробормотал демон. – Человеку... Снова...

Было заметно, что ему совершенно не хочется этого делать.

– А сколько человек уже получили силу? – спросила я, падая на неудобный стул.

– Считаю тебя, четыре... Сейчас дьяволиц всего две. Ты будешь этой второй, – сказал он, роясь в выдвижном ящике.

На мебели, папках и лампах лежал чрезвычайно толстый слой пыли. Здесь нашелся и папоротник, который, по сравнению с предыдущими его товарищами из других кабинетов, был в состоянии мумификации...

Четыре дьяволицы. Демон очевидно не переутруждался.

– А что с остальными двумя? – спросила я.

– Они отказались от силы после того, как срок действия договора истек, – ответил он с явной неохотой. – Пожелали стать обычными гражданками Ада.

Демон громко и презрительно фыркнул и сплюнул на столешницу. По-видимому, он не мог понять их решения.

– Договор? – удивилась я. – Существует какой-то договор?

– Да... В момент, когда ты подписала направление в кабинете номер 6, договор вступил в силу. Длится шестьдесят шесть лет, начиная с сегодняшнего дня.

– Длится сколько? Почему никто мне об этом не сказал? Что значит шестьдесят шесть лет?! – Я ухватила за стол.

– Именно поэтому я не люблю людей, – сказал демон скорее себе, чем мне. – Нужно читать все, что написано мелким шрифтом, когда подписываете документы. Кроме того, у тебя впереди целая вечность. Что такое шестьдесят шесть лет по сравнению с ней?

Действительно, он был прав... И все же я чувствовала себя обманутой.

Он положил передо мной яблоко и несколько одинаковых листов, которые свидетельствовали, что я приняла силу. Не хватало лишь моей подписи.

– Пожалуйста, – сказал он отнюдь не любезным тоном, – шесть экземпляров декларации.

– Я не голодна. – Я убрала яблоко в сторону в поисках мелкого шрифта на одном из экземпляров документа.

Я внимательно изучала листок в течение нескольких минут, но пришла к выводу, что либо шрифт настолько мелок, что его не видно вообще, либо его там просто не было. На всякий случай я вдобавок проверила, действительно ли копии были копиями. В конце концов, я находилась в Аду. Вероятность того, что меня могут здесь обмануть, была громадной.

– А сила? – спросила я.

Демон указал на маленькое зеленое яблоко, напоминающее сорт «белый налив».

– Это и есть сила? – мне хотелось рассмеяться.

– Ты должна его съесть, – объяснил он. – Мы придерживаемся традиций.

Я ждала, что он посмеется надо мной, мол, позволила себя надуть, но он продолжал сидеть с серьезным выражением лица, сплетя руки.

– Серьезно? – спросила я снова, взяв яблочко в руки.

Он не ответил. Наверное, посчитал, что это ниже его достоинства.

Только я собралась откусить, он буркнул:

– Подпись на шести экземплярах, пожалуйста...

Я расписалась красной ручкой в пустых клетках и укусила яблоко. Ждала, что по телу пробежит разряд тока, скрутит и подожжет все внутренности, зарядит в глазах, но и тут я обманулась. На вкус оно было как самое обычное яблоко и не вызывало никаких побочных эффектов. Через минуту от него остался только огрызок.

– И что теперь? – спросила я.

– Выбрось в мусорную корзину. Мы не можем допустить, чтобы ты оставила себе семечки и вырастила из них дерево силы.

Я послушно бросила огрызок в протянутый мне контейнер.

– Поздравляю, вы стали дьяволицей, – сказал демон сухим деловым тоном. – По приезде в назначенный вам дом вы найдете там подробную информацию о том, как обращаться с силой, а также Адский Устав.

– Что же теперь будет со мной? – спросила я беспомощно.

– У вас есть несколько дней, чтобы приспособиться к новым обстоятельствам и способностям, а затем вы должны приступить к работе в соответствии с договором.

Я напряженно смотрела на него. Это, должно быть, сон. Я наверняка сейчас проснусь. Это просто ужасный сон.

– Это не сон. – Демон вручил мне маленький металлический ключ на серебряной цепочке.

Я взяла его и провела пальцем по тоненьким декоративным вырезанным линиям. Искусная гравировка была сделана в виде маленьких розочек. У Азазеля был такой же ключ, правда, не такой изящный. Он буквально воткнул его в стену и наколдовал дверь, которая привела меня сюда.

– Так и есть, – буркнул демон, – сперва надо подумать о месте назначения. Затем поднести ключ к плоской поверхности, ничем не занятой, лучше всего к стене. На ней возникнет переход. Нужно плавно погрузить ключ в материю, при этом поворачивая его по часовой стрелке шесть раз. Скоро, по-видимому, это как-то изменится: Азазель рьяно борется за то, чтобы ключи сменили пульты, как у телевизоров... – Демон фыркнул себе под нос. – Еще немного – и мы превратимся в людей.

«Было бы не так и плохо. Люди уж точно красивее...» – подумала я.

Демон сердито прищурился.

– Пока не научишься скрывать свои мысли, лучше не думай вообще. Тебе пошло бы только на пользу, – рявкнул он, снова переходя на «ты».

Смутившись, я опустила глаза.

– На этом я прощаюсь. Подумай о своем доме, который предложил тебе Белет, и поверни ключ.

Я встала и на негнущихся ногах подошла к стене. Глянула на демона, который с нескрываемым интересом следил за каждым моим движением.

– Если бы я не получила силу, то ключ бы сработал? – спросила.

– Нет.

– А если и с яблоком не получится?

- Получится.

Я стала усиленно думать о маленькой вилле на берегу моря, окруженной цитрусовыми деревьями. Вытянула руку и ткнула в белую стену. К моему удивлению, ключ вошел в нее с небольшим сопротивлением, будто бы я воткнула его в недавно замешенное тесто. Я снова постаралась представить себе изображение дома и повернула ключ шесть раз по часовой стрелке.

Стена передо мной покрылась рябью и сменила цвет на темно-вишневый. Секунду спустя я уже стояла перед старой деревянной дверью, в замке которой торчал мой ключ. Я вытащила его и нажала на дверную ручку.

За дверью мне открылась убегающая вперед небольшая мощеная дорожка, по обе стороны которой на слабом ветру покачивались экзотические растения. За ней я увидела вход в свое новое жилище.

Повернулась и посмотрела на демона, который продолжал пристально следить за мной.

- Добро пожаловать в Ад, - сказал он и, пожалуй, впервые искренне мне улыбнулся.

Я невольно улыбнулась в ответ и переступила через порог.

Едва я ступила на дорожку, дверь за моей спиной стала закрываться. Секунду спустя в воздухе парил только сверкающий силуэт, единственное подтверждение ее присутствия, но вскоре и он исчез, развеянный морским ветром.

Я протянула руку, но наткнулась на одну пустоту. Никакой стены здесь больше не было. Дверь окончательно исчезла. Узкая тропинка вела от кованых главных ворот к моему новому дому.

Не осознавая, что невольно задержала дыхание, я шумно выдохнула.

Ну что ж, я в Аду.

Этому противоречило буквально все, чего касался мой взгляд. Яркие цвета, живописная бухта, словно вырезанная из журнала о путешествиях, щебет птиц среди деревьев, легкий солоноватый бриз.

Вдали виднелись и другие особняки. По сравнению с некоторыми строениями мой дом с парой-тройкой комнат казался настоящей лачугой... Все здания отличались друг от друга, но в то же время все они идеально соответствовали этому мирному сонному пейзажу экзотического курорта.

Обычно я могла только мечтать о поездке в теплые страны. Сейчас? Я будто бы оказалась на морском побережье в солнечной Греции.

Я без спешки пошла к дому. Покрытое тенью крыльцо прямо-таки приглашало на мгновение присесть на стильный бамбуковый диванчик и насладиться этим прекрасным днем. Внутри дом оказался еще более прекрасным. Восточный стиль и интерьер вызывали у меня ощущение, будто я перенеслась в какую-то из тысячи и одной сказок, которые нашептывала по ночам Шахерезада. Я провела пальцами по изящной цветастой мозаике на одной из стен.

Да. Мне тут очень нравилось. Если это был всего лишь сон, в этот раз мне совершенно не хотелось просыпаться.

Я положила ключ на низкий столик, заваленный тяжелыми книгами, и прочла вслух названия на корешках.

«Адский Устав, том I из VI», «Правила пользования силой», «Труд дьявола – основы», «Дьявол – долг или обязанность?», «666 законов и правил адского служащего», «Список 666 ресторанов и клубов Нижней Аркадии», «Как стать привлекательной и соблазнительной за час».

Я хихикнула себе под нос, подозревая, что последняя книга – небольшой подарок от Белета по поводу нашего знакомства.

За низенькой кушеткой я нашла остальные довольно объемные тома «Адского Устава» (в каждом, конечно же, было по 666 страниц), а также несколько руководств и карт этой местности. Я решила вернуться к книжкам позже и отправилась дальше исследовать дом, который оказался просто гигантским. Все комнаты были наполнены светом, льющим из высоких окон с деревянными ставнями.

Наконец я добралась до хозяйской спальни, большую часть которой занимала огромная кровать с балдахином. Ее украшало сатиновое постельное белье бордового цвета и бесчисленное количество кремовых подушек. На кровати такого размера два человека ночью в темноте могли бы даже потерять друг друга.

Бездонные шкафы ломились от шикарной одежды. Я достала ярко-красное платье, декольте которого заканчивалось где-то в районе пупка.

– «Дьябло Габбана», – прочла я вслух.

Я перевернула платье, но спина оказалась еще более открытой. Видимо, то, что я сначала приняла за декольте, действительно им и было. Белет наверняка спит и видит, как я надеваю это платье куда-нибудь...

Еще какое-то время я рылась в шкафу, разглядывая бирки с неизвестными брендами. Наконец я наткнулась на блузку с надписью M&S.

О! «Маркс и Спенсер»? Хотя что-то земное и человеческое!

Я глянула на другую сторону этикетки. Все-таки нет. «Мефистофель и Сатана»...

Спальня была соединена с огромной ванной комнатой. Я улыбнулась. Если этот сон все еще длится,

то можно воспользоваться им сполна. Я открыла краны и налила в воду пахнущую шоколадом пену для ванны.

Одна стена в спальне была сделана из зеркал, которые визуально увеличивали и углубляли все пространство комнаты. Я посмотрела на себя. Вытянутые в коленях джинсы, грязные кроссовки, черная футболка и взъерошенная голова. Ну прям ходячий секс...

Глянула на красное платье, оставленное на широкой кровати с балдахином, и потянулась за ним. В конце концов, ничего не случится, если я его примерю.

В течение следующего часа (вода уже успела остыть), я примеряла наряды один за другим, аккуратно развешивая понравившиеся и бросая на пол те, которые никогда бы не надела.

Вечером, отмокая в ванне, с маской на лице и кондиционером на волосах, я листала «Как стать привлекательной и соблазнительной за час». Возможно, это не самая образцовая литература, но я решила, что «Адский Устав» и прочие книжки о работе дьявола я могу прочесть и позже.

Я с наслаждением потянулась. Хорошенько выспавшись, повернулась на другой бок. Мое лицо осветило теплое солнце; я пробормотала что-то нечленораздельное. Было так хорошо. Распахнула глаза.

Увидела высокие приоткрытые двери, ведущие на балкон. Белая полупрозрачная занавеска, расшитая золотыми розами, едва колыхалась от теплого ветра.

Где я?

Волна воспоминаний вдруг нахлынула на меня. Мужчина в парке. Нож. Кровь. Боль.

Я схватилась за живот и откинула сатиновый пододеяльник. На животе под футболкой не было никаких следов. Провела пальцами по гладкой коже; на секунду я ощутила фантомную боль от раны.

Снова огляделась. Залитая светом, выдержанная в теплых тонах спальня в моем новом доме. В Аду...

По щеке скатилась соленая слеза. Впервые за все это время после моей смерти.

Это не сон. Я умерла... Действительно умерла. Больше у меня не получалось убедить себя в том, что это просто кошмар, бред, галлюцинация. Все это происходит на самом деле.

Я почувствовала страшную тоску по брату. Мне так хотелось его обнять... Я подумала о своих подругах. Зуза была мне как сестра. И что теперь? Занимаются ли они моими похоронами или, забеспокоившись из-за моего отсутствия, только сейчас стали меня искать?

Не знаю, сколько времени я пролежала в слезах. Часы на моем запястье остановились в момент моей смерти; с тех пор время для меня не имело значения.

В конце концов с кровати меня поднял голод. В пижаме, то есть в первой попавшейся футболке и коротких спортивных штанах (атласные сорочки с кучей кружева меня не особо привлекали), я спустилась вниз.

На кухне я обнаружила, что холодильник и все шкафчики были пусты. Нет, я, конечно, нашла кучу кастрюль, сковородок и современных кухонных приборов, которыми не смогла бы воспользоваться даже после прочтения инструкции, но еды не было ни крошки.

Погодите, разве Иисус случайно не создавал пищу из ничего? Я поморщилась; никогда не отличалась особой религиозностью. Придется мне подтянуть свои знания по Библии и истории христианства, иначе я совсем тут пропаду.

Я направилась в гостиную за книгой о пользовании силой. Нужно было еще вчера заняться ее прочтением, а не этим выдающимся трудом о том, как в домашних условиях сделать очищающую маску из огурца. У меня и огурцов-то не было...

Быстро нашла раздел о еде и создании предметов.

И что же? Нужно было указать на что-то пальцем? Или размахивать ложкой, как Гарри Поттер волшебной палочкой?

Выбрала способ с пальцем. Вытянула его в сторону кухонной столешницы и подумала о французском круассане. Он тут же появился из ниоткуда прямо на моих глазах. Ха!

Довольная собой, я откусила кусок от своего круассана. На вкус он был... он был... никаким.

Я вернулась к книге. А... Нужно было подумать о вкусе, запахе, консистенции, питательности... Не о слишком ли многом надо подумать? Так весь аппетит пропадет.

Попробовала снова. В этот раз диетический французский круассан на низкокалорийном сливочном масле получился просто восхитительным. Я съела аж три штуки, ясное дело, сначала их продублировав, чтобы не думать об одном и том же несколько раз.

Книжка о силе была довольно занятной, чего нельзя было сказать по серой обложке и загадочному названию. По дороге в спальню я сотворила на столике в гостиной пару фотографий Марека и своих подруг, на стене акварели, которые висели в моей комнате. В углу уместился велотренажер, появился плазменный телевизор с DVD-плеером, а также книжный шкаф, в который, стоило мне едва махнуть рукой, встали в алфавитном порядке все книги, валявшиеся рядом с кушеткой.

Когда я сидела за туалетным столиком в только что созданном синем платье и экспериментировала с макияжем, кто-то постучал в дверь шесть раз.

Консультант.

Я сбежала по лестнице и открыла дверь. За дверью, небрежно прислонившись к колонне на крыльце, стоял Белет. При виде меня он широко улыбнулся и посмотрел на меня поверх зеркальных солнцезащитных очков.

– Дорогая, – сказал он низким теплым голосом, от которого побежали мурашки по коже. – Ты выглядишь просто прекрасно.

Я покраснела.

– Спасибо, – пробормотала я. – Прошу, входи.

Белет уверенной походкой сразу прошел в гостиную и стал с любопытством осматриваться.

– Вижу, чудеса создания вещей получаются у тебя без проблем, – улыбнулся он мне.

Я пожала плечами. Это было совсем не трудно – обходилась даже без помощи пальца.

– Теперь ты консультант? Уволился из Распределения? – спросила я. – Быстро же ты переучился.

– Скажем так, за Азазелем был должок, и он помог мне перейти на другую должность. Все ради того, чтобы встретиться с тобой.

– Ясно...

Я посмотрела на Белета, грациозно развалившегося на кушетке. Расстегнутая на несколько пуговиц черная рубашка отличного качества идеально сидела на его таком же идеальном теле. Он мог бы спокойно исполнить старый польский хит «Потому что во мне есть секс». Черные волосы он убрал назад, снова уложив их в небрежный ирокез. Эбонитовая подвеска, напоминающая мусульманские четки, скрывалась под рубашкой.

Я села напротив него.

– О чем я подумала?

– Понятия не имею, – ответил он, поигрывая очками.

Его взгляд беззастенчиво скользил по моим ногам. Я поправила платье, прикрывая колено.

– Значит, я могу спокойно думать обо всем, о чем захочу, и никто не прочтет мои мысли? – захотела убедиться я.

– Если только ты сама не хочешь, чтобы тебя кто-то услышал.

Я удивилась:

– Как это?

– Так называемая свободная передача мыслей, по-смертному – телепатия.

– «По-смертному»? – рассмеялась я.

– Мы говорим так в Нижней Аркадии.

Я прищурилась. «Тебе очень идет эта рубашка», – подумала я, с силой подтолкнув эту мысль в сторону Белета.

– Спасибо. Мне она тоже очень нравится. – Он слегка наклонил голову. – Ты быстро учишься.

– Учусь у мастера, – ляпнула я.

Он искренне рассмеялся в ответ.

– Не стоит благодарностей. Очаровывать ты уже умеешь.

Некоторое время мы сидели в тишине. Белет внимательно смотрел на меня, пристально и без смущения изучая каждую часть моего тела. На его губах играла милая развратная улыбка.

– Значит, теперь ты консультант, – повторила я, чтобы нарушить тишину.

– Да, – пробормотал он, переводя взгляд на мое лицо. – Короче говоря, я должен ввести тебя в курс

Адовых дел. Объяснить какие-то вещи, которые ты не найдешь в уставе, показать Нижнюю Аркадию, помочь, когда тебе впервые поручат торговаться за душу. К тому же я тот, кто с радостью не позволит тебе чувствовать себя одинокой.

Это не человек, я должна об этом помнить. Это дьявол, и поэтому он такой привлекательный, красивый и сексуальный.

С другой стороны, я сама дьяволица...

– Объясни мне, что значит быть дьяволицей. Я такая же, как и ты?

Он положил очки на низкий столик.

– Нет. Ты не такая, как я. Помни, что ты родилась человеком, у тебя человеческая душа. У меня души нет, никогда не было тела. Я просто часть Бога. Ты же... – он замолчал, подбирая точное определение, – ты – максимум четвертинка.

Четвертинка Бога. Как гордо это звучит...

Белет слегка улыбнулся, заметив выражение моего лица.

– Это не так плохо. Ты тоже принадлежишь Ему. Ты – Его часть.

– Так я отличаюсь от тебя только этим?

– Нет, – рассмеялся он. – Можно сказать, мы с тобой принадлежим разным видам. Я, как и остальные ангелы, возник из огня. Ты из глины. Глина никогда не станет огнем. Ну, самое большее, что она может, – это обуглиться.

Я хотела возразить, но он остановил меня:

– Дело не в том, что между нами есть морфологические различия. Речь идет о совершенно другом складе души. Ты человек. Ты хорошая и плохая, великодушная и завистливая, умная и глупая. Ангелы не такие двойственные, не настолько слабые. Конечно, и мы впадаем в крайности. У нас есть свое собственное мнение, мы также совершаем ошибки, лжем, завидуем, желаем. Мы обладаем всеми вашими слабостями и, можно даже сказать, сильнее их ощущаем. Тем не менее мы можем их контролировать и использовать себе во благо. Хотя, конечно, и у нас встречаются личности, как бы сказать... неприспособленные к жизни. В общем, человеческие проблемы нас забавляют. Для нас нет оттенков серого. Только черное и белое.

– Хм... что-то типа биполярного расстройства?

Белет прямо-таки потерял дар речи.

– Нет, – наконец выдал он, – мы не сумасшедшие. Мы просто чувствуем... сильнее. Ты должна понять, что в нас больше божественности, чем во всех людях, вместе взятых. Все, что мы делаем, имеет определенную цель.

Я сидела молча, пытаюсь все осознать, но это было непросто. До сих пор Ад казался мне местом, которым управляют привлекательные безумцы, убежденные в своей божественности. Нижняя Аркадия обладала всеми признаками человеческой монархии...

Я вдруг поняла, что теперь дьяволица. Эй! Я принадлежу к правящему классу!

– Кроме того, не забывай, что, как и другие, я помню начало знакомого тебе мира, – продолжал Белет. – Я видел, как он возник, я помогал его создавать. Видел, как потомки Адама совершают ошибки. Я учился. Мой опыт несравним ни с чьим другим.

– Ничто человеческое мне не чуждо, – пробормотала я.

– *Homo sum, nihil humani a me alienum esse puto*, – кивнул он. – Только я не человек.

– Сколько языков ты знаешь?

– Все существующие и уже исчезнувшие.

Эта масса информации немного выбила меня из колеи. Нужно было уложить все это в голову. Кроме того, я наконец поняла, что Белет не тот, кем кажется. Это не жизнерадостный волокита, не задумывающийся о будущем, а могущественное существо, скрывающееся за такой маской просто потому, что ему так удобнее.

– Ты начинаешь понимать, – подтвердил он.

– Ты читаешь мои мысли.

– Это нетрудно, когда ты прямо-таки кричишь про себя. У тебя пока нет таких сил, чтобы скрыть свои мысли ото всех. Но тебе нет нужды меня бояться. Я не сделаю тебе ничего плохого.

Я изо всех сил старалась не думать слишком громко, но это было ужасно трудно. Снова я почувствовала себя потерянной. Слишком потерянной.

– Могу тебя обнять, если хочешь, – с готовностью предложил Белет.

– Не хочу.

Он с пониманием кивнул. В его глазах плескалась нежность.

– У тебя много лиц, – сказала я, подметив это.

– Таким я был создан.

Мы снова сидели в тишине. Взгляд Белета скользил по интерьеру гостиной, надолго задержавшись на семейных фотографиях.

– Кто был первым? Адам или Ева?

Он вздрогнул, удивленный моим голосом. Посмотрел на меня, и на его губах заиграла веселая улыбка.

– Ты серьезно хочешь это знать?

– Да.

– У вас, у людей, странные проблемы, – фыркнул он. – Неужели это действительно так важно, кто был первым?

Я пожала плечами:

– Мне просто интересно.

– Присмотрись ко мне, Вики. Я выгляжу как мужчина. Я создан по Божьему подобию. Совсем как первый человек... – Увидев мою мину, он весело рассмеялся, и на его щеках появились ямочки. – Знаю-знаю, – наконец выдохнул он, – я сейчас разочаровал всех феминисток на свете.

Я скривилась. А теперь это могущественное существо смеется надо мной. Просто замечательно.

– Вы можете иметь детей? – снова поинтересовалась я. – Раз вы сложены так же, как и обычные мужчины?

Белет резко посерьезнел и уставился на меня, внимательно разглядывая. По его лицу невозможно было понять, о чем он думает.

– Это так называемое табу... – сказал он.

– То есть ты не ответишь?

– Нет.

– Ну, раз ты боишься...

Он от души рассмеялся.

– Ты мне нравишься, Виктория. Никто другой не мог меня так развеселить.

– Я рада, – фыркнула я.

– Если у тебя больше нет вопросов, то, может, отправимся на небольшую экскурсию? – предложил он.

Я с облегчением согласилась: этого разговора мне хватило сполна. У меня было ощущение, что Белет играет со мной.

Еще до этого я заметила возле дома красный спортивный автомобиль. Как только мы вышли на крыльцо, я поинтересовалась, что это за марка. «Ламборгини Дьябло». Почему меня это совсем не удивило?

Минуту спустя мы уже мчались по узким извилистым улочкам по склону над побережьем. Мое сердце билось где-то у горла, но я молчала. Только мысленно твердила, что не умру дважды, если мы сорвемся с обрыва.

Даже если Белет и читал мои мысли, он их полностью игнорировал, входя в еще более крутые повороты с гораздо большей скоростью.

Должна признать, Ад был прекрасен. Он напоминал мне живописные греческие либо турецкие пейзажи, только без душного влажного воздуха. Естественно, было тепло, но не жарко. Запах соленого моря... Рай...

Когда мы въехали в город, Белет продолжил движение медленнее и стал рассказывать мне о его обитателях и вообще в целом о городе под очаровательным названием Лос-Дьяблос... Город называли так потому, что тут было самое большое скопление дьяволов во всей Нижней Аркадии.

Белет рассказал мне о создании города восемь тысяч лет назад. Сначала это была небольшая приморская деревенька, основанная несколькими гражданами Ада. Только потом она стала модной, а теперь тут обитают самые выдающиеся фигуры «горячего юга». В самом сердце теперь уже мегаполиса находится огромная резиденция самого Люцифера.

Знаменитый человеческий Лос-Анджелес тоже был основан ангелами. Его прообразом как раз является адский Лос-Дьяблос.

Белет снова показался мне до ужаса человеческим. Смеялся над моими неудачными шутками, беззастенчиво флиртовал со мной, когда мы не спеша прогуливались по городу, любуясь видами и старинными домами, когда зашли пообедать в маленький ресторанчик.

- В Аду есть деньги? - поинтересовалась я, доедая изумительное ризотто.

- Нет, - ответил он. - У нас нет денег, доходов, зарплат, налогов.

Я глянула на тарелку и симпатичного итальянца, ранее подавшего нам еду, которую он приготовил сам, а сейчас сидел у бара и пил чай, читая книжку. Тишину нарушали лишь шумевший на потолке вентилятор и звон чашки о блюдец.

- И как мы... отблагодарим его?

- Вежливо поблагодарим и похвалим его кухню, а потом уйдем, чтобы он мог убраться, - сказал Белет, пожимая плечами.

- И он не возражает, что готовил для нас бесплатно?

- Это же его хобби, - засмеялся мужчина. - В Аду каждый делает то, что хочет. Он очень любит готовить, но его не радует, когда он готовит только для себя. Поэтому он готовит для других. Точно так же и остальные занимаются чем-то для себя и для других: шьют, стригут, учат, пишут газетные статьи. Так они проводят свое свободное время. Конечно, есть куча мертвецов, которые ничего не делают, но обычно после пары сотен лет безделья и они берутся за какую-нибудь работу и учатся существовать и для других, а не только для себя.

- Утопия. На Земле так бы не вышло.

- На Земле нет дьяволов, которые в случае необходимости сотворят еду для нуждающихся, - напомнил мне Белет. - Кроме того, смертные болеют, умирают... Здесь никто не болеет.

Я вытерла губы салфеткой и посмотрела на спокойную улочку за большим витринным стеклом. Проехал спортивный автомобиль, а за ним мужчина, одетый в кожу, на коне без седла.

- Идем?

- Еще нет. Я договорился встретиться сегодня кое с кем. Она объяснит тебе пару вещей. Думаю, с ней тебе будет намного легче общаться, чем со мной.

В этот момент в помещение вошла стройная женщина с необычными чертами лица. У нее были черные волосы до плеч и челка, ярко накрашены глаза. На шее, посреди других украшений, на серебряной цепочке висел дьявольский ключ.

- А вот и она... - Лицо Белета тут же просветлело.

Он встал и протянул ей руку.

- Прекрасна, как всегда. - Он приобнял ее и поцеловал в щеку.

- Ой, само обаяние... - Она похлопала его по плечу и посмотрела на меня.

Я чувствовала на себе ее оценивающий взгляд, критически скользящий по платью и причёске.

- Это та новенькая? - бесцеремонно спросила она Белета.

- Да, это Виктория... - Он вытянул ладонь в мою сторону.

Женщина прервала его:

- Виктория хорошее имя. Царское.

- Да-а-а-а. - Белет подмигнул мне. - Виктория, рад представить тебе... Клеопатру.

Вскоре Белет ушел, оставив меня одну... с давно умершей царицей Египта.

Я с любопытством разглядывала ее. У нее был довольно большой нос (точь-в-точь как в мультфильме про Астерикса и Обеликса!), но она была красавицей. Экзотическая красота в сочетании с уверенностью в себе, заметной в каждом жесте, эффектно привлекала внимание.

– Во всех фильмах про твою жизнь, которые я видела, тебя играли далеко не такие красивые актрисы, – призналась я.

Клеопатра посмотрела на меня с жалостью.

– Люди в двадцать первом веке действительно безнадежны... Девочка, чего ты достигла в своей жизни? Только не спеши с ответом.

Я снова посмотрела на улочку. Чего я достигла? Хм... Надо подумать.

– Я прекрасно сдала выпускные экзамены, а еще получила водительские права, – сказала я после долгого молчания.

Клеопатра оторвалась от тетриса и глянула на меня с той же снисходительной улыбкой, что и раньше.

– Девочка... – вздохнула она, отбросив электронную игрушку на стол, и положила подбородок на сцепленные руки. – Когда мне было 17, я стала царицей Египта после смерти своего отца, Птолемея XII Авлета. Чтобы править дорогим мне краем, я должна была выйти замуж за своего младшего брата, десятилетнего Птолемея XIII. Я терпеть не могла этого маленького засранца, но у меня не было выбора. Его опекуны, – она изобразила в воздухе кавычки, – несколько раз пытались от меня избавиться, но у них ничего не вышло. Меня изгнали, но я собрала войско в Палестине и вторглась в Египет. Затем, при помощи моего любимого Цезаря, я избавилась и от опекунов, и от их марионетки – бестолкового Птолемея. После смерти Цезаря я и мой сын Цезарион остались одни, и нам пришлось снова сражаться за то, чтобы Египет не поделили на части и не поставили во главе страны какого-нибудь римлянина. Только когда я вышла замуж за Марка Антония, Египет достиг наибольшего расцвета. К сожалению, последующие междоусобицы и беспорядки в Риме вынудили нас уступить. Антоний покончил жизнь самоубийством, а я... что ж... поскольку я умерла при родах несколькими годами ранее, я инсценировала свою смерть, позволив королевской кобре укусить меня, и таким образом покрыла себя вечной славой и заставила свой народ поклоняться мне.

Клеопатра сияла, рассказывая мне историю своей жизни. Посмотрев на нее, поняла, что я далеко не первая (и даже не в первой сотне...), кто слушает эту краткую биографию.

Она тяжело вздохнула, оценивающе глядя на меня пронзительными черными глазами.

– Придется хорошенько постараться, чтобы сделать из тебя настоящую дьяволицу...

Секундочку! Как это она умерла при родах, а пару лет спустя подстроила свою смерть? Что-то тут не стыковалось.

– Как это умерла при родах? Ты же покончила с собой при помощи кобры...

Она состроила претенциозно-удивленное лицо:

– О... Тебе никто этого не объяснил?

Я чуть не вышла из себя. Белет забыл рассказать мне об этой малюсенькой детали? Например, что я, возможно, все еще жива?!

– Нет, – почти прорычала я. – Я что, еще жива? Могу вернуться на Землю?

Теперь красивое лицо Клеопатры выражало только сочувствие. Она утешительно похлопала меня по руке:

– Нет, Виктория... Ты не жива и не можешь туда вернуться, чтобы жить дальше...

Я погрузилась. А я уже решила, что смогу снова увидеть брата. Сказать ему, что со мной все в порядке. Он наверняка переживал: мы не жили вместе, но часто созванивались. Вчера я не позвонила.

Интересно, мое тело уже нашли? Полиция просила его опознать мои останки? Я проглотила комок в

горле. Как мог выглядеть мой труп? Я не знала, что убийца с ним сделал. К горлу подступила тошнота.

– Виктория... Ты не можешь туда вернуться, чтобы жить, но можешь вернуться, чтобы существовать. – Клеопатра радостно улыбнулась.

Мне казалось, что я разговариваю с женской копией Белета. Господи боже, говорить загадками – это что, черта, присущая всем дьяволам?

– Послушай. Подписав договор, ты стала дьяволицей. А у дьяволов нет тела, – пыталась объяснить мне ситуацию Клеопатра. – Это значит, что твои земные останки превратились в пепел в тот самый момент, когда ты дописала последнюю букву своей фамилии на документе.

– Я поняла. То есть никто и никогда не отыщет мой труп.

– Именно. Кроме того, у тебя есть дьявольский ключ. А с ним ты можешь попасть куда угодно, в любое измерение. Не можешь только путешествовать во времени, – поморщилась она. – На это способны только настоящие дьяволы-мужчины. Они могут брать с собой пассажиров, но не хотят этого делать из-за запрета. Кто бы мог подумать... Они снова и снова нарушают божьи правила, а взять меня на землю моих предков – уж извините. Теперь у меня даже нет причин появляться в Египте: там правит эта грязная арабская шваль! А моя вера? Истинная вера в египетских богов? Сгинула, променянная на Аллаха.

– Подожди, – прервала я ее ворчание. – Значит, я смогу вернуться на Землю, буду для всех видимой и смогу притворяться, будто я жива?

– Да. – Она грациозно пожала плечами. – Я так и делала.

Я широко распахнула глаза от изумления. Она сразу поспешила с объяснениями:

– Увы, после того, как я с мучениями родила своего младшего сына, Птолемея Филадельфа, я умерла от заражения. Но мне не хотелось умирать. Подписав договор, я узнала, что могу вернуться, и вернулась. Конечно, я должна была торговаться за души, но благодаря моим успехам мне давали больше свободного времени, которое я проводила с Антонием и детьми. И правила страной, естественно. А потом это самоубийство. Совершенное в политических целях! Современные политики не способны на такие вещи. Тюфяки, да и только.

– Ну, ты и так уже была мертва. Какая разница, как умереть во второй раз, если это понарошку, – заметила я.

Она продолжала, будто не слышала моего замечания:

– Ах, единственное, о чем я жалею, – это то, что ушла в небытие. Могла бы разыграть воскрешение из мертвых! Представляешь? Моим врагам пришлось бы признать меня воплощением богини Исиды – единственной полноправной владычицей страны на Ниле. Как же жалко, что эта прекрасная мысль пришла мне в голову только спустя сто лет, когда было уже слишком поздно.

Я поняла, что у кого-то здесь непомерные амбиции.

– Клеопатра VII, воплощение богини Исиды, – сладко выдохнула она. – Какие красивые надписи были бы на памятниках! Мне бы построили новые храмы – один в Александрии, другой в Карнаке! Мой народ воздал бы мне должное и увековечил бы мое имя. Клеопатра VII, воплощение богини Исиды... Земное воплощение богини Исиды... Богиня Исида во плоти... Шагающая по земле богиня Исида...

Я громко кашлянула, прерывая этот благоговейный поток хвалебных титулов. Откровенно говоря, мужчины наверняка покупались на ее красоту, потому что характер у нее был ужасный.

– И что теперь? – спросила я. – Я могу вернуться домой за оставленным ключом и отправиться на Землю, верно?

– Ты оставила ключ дома? – Клеопатра застыла. – Ты с ума сошла?

Я решила не отвечать на этот явно риторический вопрос.

– Ты обязана всегда носить его с собой! А если кто-то его украдет? Второго такого ты уже не получишь! – поучала она меня, засовывая тетрис в сумочку. – Быстро! Направляемся к тебе домой!

– Кто мог его украсть? Кому он нужен? – слегка встревоженно спросила я и поднялась вместе с ней.

Клеопатра вставила свой дьявольский ключ в стену ресторана и посмотрела на меня как на полную идиотку.

- А-а-алло-о-о-о-о, мы в Аду, - напомнила она и показала на потолок: - Хорошие и правильные этажом выше.

Вопреки ее подозрениям, дома никого не оказалось. Ключ спокойно лежал на том же самом месте, где я его оставила, - на кушетке под подушкой. Ну, ладно, не оставила, а выронила из кармана, что возмущенная Клеопатра приняла по меньшей мере за государственную измену.

К счастью, я избавилась от нее через несколько минут. Ее наставления уже вконец меня замучили. Кроме того, я хотела вернуться как можно скорее.

Вернуться за Землю.

Когда мне наконец удалось выпроводить Клео, я смогла взять свой дьявольский ключ и, переодевшись в свои старые шмотки, войти в стену.

Я вошла в комнату своей крохотной однушки в Праге. Сверкающий прямоугольник за моей спиной исчез, как только я ступила на паркет. Я окинула взглядом старую родную мебель и желтые стены, увешанные фотографиями родственников и друзей. С любовью глянула даже на выжженный полукруг на полу посередине комнаты – напоминание о последних гаданиях в Анджейки.

Я была дома!

Мне хотелось прыгать от счастья. Я повесила ключ на шею и бросилась на кровать. М-м-м... Я была дома. Снова вздохнула, радостно утыкаясь в подушку лицом.

Тут я осознала, что вчера не позвонила Мареку. Он, скорее всего, ужасно волновался! Кто знает, может, он уже начал меня искать.

Черт побери, тот убийца наверняка меня ограбил, или кто-то просто нашел мой телефон и забрал себе. Я усиленно стала о нем думать.

Себек разглядывал серебряное устройство в руках и курил травку, отчего у него закружилась голова.

Новехонький «Самсунг». Именно ему повезло его найти. И где! В траве на Поле Мокотовском! Оставалось всего лишь вытащить симку предыдущего владельца, точнее, вполне симпатичной девчонки, судя по фото в галерее, и вставить свою.

Он еще раз покрутил телефон в руках. Просто супер. Так хотелось посмотреть на лица корешей, когда они его увидят.

Внезапно серебряная штучка замерцала и исчезла. В руках ничего не было. Пустота. Он удивленно разглядывал свои ладони.

– Твою... – Парень недовольно посмотрел на косяк. – Что за хрень...

Телефон материализовался в руке. Я усмехнулась себе под нос, убедившись, что на симке не потрачен ни один злотый. Улыбка сползла с лица, когда я увидела шесть пропущенных от Марека.

Быстро набрала его номер.

– Вики, куда ты, черт возьми, подевалась?! – закричал он в трубку.

– Я тоже тебя люблю, и я рада слышать твой голос, – пробормотала я.

– Знаешь, как я волновался?! – продолжал кричать он. – Где ты была? Почему не брала трубку? Что случилось?

Я поморщилась. Теперь еще придется лгать. Не могла же я сказать ему: «Сорри, братик, я откинула коньки, а Сатана не дал мне позвонить раньше».

– Была на вечеринке, – смиренно ответила я. – Не слышала, как ты звонил, а потом совсем из головы вылетело перезвонить тебе. Сегодня голова весь день болит как проклятая. Знаешь, в универе...

– На вечеринке? – снова повысил голос он.

Марек был очень заботливым братом. С тех пор как я переехала, а он стал жить со своей невестой, он продолжал меня контролировать, опасаясь, что я не справлюсь в одиночку.

– Пила? Тебя потом проводили до дома? Какой-нибудь парень? Надеюсь, крупный? Ты же знаешь, что живешь в небезопасном районе. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Не волнуйся, меня друг проводил, – гладко соврала я.

– Какой друг?

– Мы встречаемся уже какое-то время, – продолжила я свою маленькую ложь. – Сегодня иду с ним на свидание.

Я буду гореть в Аду за это вранье. А нет... я ведь уже в нем горю...

– Я хочу с ним познакомиться, – потребовал Марек. – Откуда он? Из Варшавы? Если он из другого города, то может тобой попользоваться, а потом с легкостью бросить, вернуться в свой город и...

– Марек, – перебила я его, – ты слишком забегаешь вперед. Мне всего двадцать. Найти себе

партнера на всю оставшуюся жизнь я планирую только через какое-то время, а о браке еще не думала вообще.

– О боже, вы что, спите? – в голосе Марека слышалась паника.

Именно поэтому я была рада, что съехала от него, хотя я ужасно по нему скучала, а пустая квартира порой угнетала меня. Я все еще могла растеряться, когда начинал течь кран, лопалась прокладка или по стене ползал самый обычный паук. Тем не менее то, что он больше не мог следить за каждым моим шагом, приносило мне такое удовлетворение, которое с лихвой компенсировало эти мелкие неприятности.

– Марек, – воскликнула я. – Я ни с кем не сплю! Я встретила с ним один раз, а...

– Встретила с ним один раз, а он уже провожает тебя домой? – подловил он меня.

– Марек. Ты перегибаешь.

Он тяжело вздохнул и тихо рассмеялся.

– Господи. Начинаю вести себя как твой отец.

– В точку. Перенимаешь всего его худшие черты...

– Послушай, сестренка, я пока не собираюсь становиться дядей, запомни. Понимаю, что тебе нужно больше свободы... Прости. Я действительно очень волновался, и у меня слегка сдали нервы.

Мы поговорили еще немного. Когда наконец нажала на отбой, вздохнула с облегчением. Мареку дай только нотации почитать.

Внезапно телефон зазвонил в руке.

– Привет, – сказала я Зузе, своей лучшей подруге.

Мы познакомились в начальных классах и с тех пор были неразлучны. Даже поступили на одну специальность.

– Женщина, я два дня пытаюсь до тебя дозвониться! Сегодня вечеринка у Томека, пойдешь? Слышишь меня?

– Э-э-э, – неохотно протянула я. – Не очень хочется.

– Там будет Петр.

Три этих волшебных слова подействовали на меня как «Ред Булл». Я буквально вылетела с кровати и стала рыться в шкафу в отчаянных попытках найти какой-нибудь приличный наряд. Из-за этой суеты из головы совсем вылетело, что я могу сотворить его сама.

Эх... Петр, Петя, Петруша... Моя большая безответная любовь. Высокий брюнет, с непослушными черными волосами, падающими на пронзительные глаза. М-м... Эта сексуальная однодневная щетина, обрамляющая чувственные губы, которые так часто изгибались в ироничной, будто всезнающей улыбке.

И все же мне так и не удалось узнать его получше. Он большей частью молчал, а если и говорил, то взвешивал каждое слово, в отличие от такой болтушки, как я. Он меня интриговал.

Я была влюблена в него уже несколько месяцев. Забавно, что раньше я совершенно не обращала на него внимания. Петруша был мне просто другом, с которым я ездила на автобусе, дурачилась, которому могла обо всем рассказать.

И вот как-то в меня попала стрела Амура; этого ничто не предвещало. На какой-то вечеринке мы сидели вдвоем на балконе и смотрели на звезды. Болтали о какой-то ерунде и об учебе. Он просто сидел рядом, курил и смотрел сквозь забор на серую многоэтажку на Жолибоже, а я поняла, что могла бы сидеть так рядом с ним целую вечность.

Вот черт, а я ведь всегда себе повторяла: «Не будь такой дурочкой, как Бриджит Джонс», и что теперь? Всего десять дополнительных килограммов, и я смогу состязаться с ней за победу в номинации «Самая большая неудачница».

Я вставила ключ в стену и быстро прыгнула в свой дом в Лос-Дьяблосе. Решила взять что-то из тех шмоток, которые выбрал для моего гардероба Белет. В конце концов, он был парнем и знал, что привлекательно, а что нет.

Я раскидала всю одежду по кровати и стала примерять ее перед громадным зеркалом, критически рассматривая свое отражение.

Может быть, так?

Нет.

А может?..

Перед глазами возникло лицо Моники. Я узнала у знакомых, а те у своих знакомых, что в прошлом Петруше очень нравилась Моника.

Снова посмотрела в зеркало. Нужно было выкатить тяжелую артиллерию, чтобы выглядеть сногшибательно, тем самым поразив Петрушу и победив Монику.

Секундочку... Мне и теперь следует подумать о пропорциях? Я сбежала вниз за книжкой о пользовании силой.

Минуту спустя я уже мысленно загадывала желание и громко рассмеялась, увидев свое отражение.

– Таким образом чашечка В становится С, чтобы порадовать кое-кого, – воскликнула я.

Через час, красиво одетая, накрашенная и благоухающая, я вышла из стены в пустом переулке на варшавском Жолибоже.

В квартире Томека, где царил беспорядок, уже собрались почти все мои одноклассники, а также соседи моего друга с других университетов. Я отдала ему бутылку водки и чипсы, которые сотворила на лестнице (превращение воды в разбавленное вино было хорошей идеей, но около двух тысяч лет назад).

Я села рядом с подружками, держа в руке выпивку, и стала осматриваться. Заметила Монику, как обычно окруженную парнями (как она это делает, ума не приложу), а в углу комнаты – Петрушу с приятелями. На нем была красная футболка, которая ему очень шла из-за его темных волос.

Совсем как Черный Петер из той детской карточной игры. Подождите... Разве ты не проигрывал, когда вытаскивал эту карту из колоды?

Я вздохнула.

– Земля вызывает Вики, прием-прием, – крикнула Зуза у меня под ухом. – Не строй такое блаженное выражение лица, а то люди будут спрашивать, что такое ты пьешь.

Девушки посмотрели на меня с сочувствием.

– Забудь ты о нем, – сказала Зуза.

– Брось его, – засмеялась Магда.

– Чтобы его бросить, с ним надо встречаться, – буркнула я.

– Внимание, тупица на горизонте, – предупредила нас Кася.

Как по команде мы повернули головы, скользя взглядом по стенам.

Точно... К нам направлялся Павел – один из чудеснейших соседей Томека. Он был из тех, кто мог сказать: «Смотрите, у меня шея шире лба!» На дух его не переносила. Он меня тоже, с тех пор как я сказала ему, что еще немного стероидов, и он не сможет засунуть в карманы свои коротенькие накачанные руки.

Честно говоря, если совсем углубляться в детали, то я сказала ему, что он не сможет взять определенную часть своего тела обеими руками, так что вот...

– О, Вики, – злобно усмехнулся он. – У тебя сиськи выросли, что ли?

– Даже если да, – спокойно ответила я и многозначно опустила взгляд на его пах. – Зато у тебя ничего не выросло. Хотя подожди... У тебя ведь там никогда ничего не было.

Девчонки вокруг меня стали давиться смехом, а Павел стоял разъяренный, не в силах придумать остроумный ответ. Ничего удивительного: его мозг даже без действия алкоголя всегда работал медленнее, чем мозг обычного человека.

Мне хотелось что-нибудь добавить, но это было бы словно добивать раненого. Даже с ним совесть мне бы не позволила такого сделать.

Зуза потянула меня за руку в сторону, пока я не вышла из себя окончательно. По уровню интеллекта Павел в действительности не уступал рукоятке для молотка: как он оказался в политехе и еще не вылетел оттуда, наверное, навсегда останется для меня загадкой.

Мы подошли к группке, в которой находился Петруша.

– Привет. – Я села рядом с ним.

Он кивнул мне в ответ, и этим все закончилось. Он вернулся к прерванной беседе. Я вклинилась в разговор, но это не меняло того факта, что для него я была всего лишь частью красочной обстановки.

Восхитительно...

У меня был глубокий вырез, идеально облегающие брюки, я выглядела прекрасно. И ничего. Конечно же, рикошет попал в его приятелей. Вскоре ко мне подвинулся Мацек и попытался со мной заговорить.

Либо у Петруши была стальная выдержка, либо я совершенно ему не нравилась... Что со мной не так?

В конце концов я сдалась и ушла к подружкам. Мацек пошел за мной. Супер, еще минута, и я снова сорвусь. Вероятно, самое худшее на свете – это сказать кому-то, что он тебе не нравится. Я сама не хотела бы этого услышать, поэтому обычно у меня не хватает смелости это сказать... Так что, к сожалению, я удивительно часто попадаю в безвыходные ситуации и мне приходится идти с кем-то на свидание.

Самый настойчивый звонил три раза (в среднем раз в неделю), но и он наконец сдался после того, как я постоянно говорила, что у меня нет времени.

Зуза твердит мне, что сказочные принцы не будут преследовать меня вечно, если я буду постоянно от них убегать, на что я всегда отвечаю, что ни они не похожи на принцев, ни я на принцессу, поэтому пусть она уже уgomонится.

Около двух часов ночи я спросила Петрушу, не пойдет ли он домой: он бы заодно проводил меня и мне бы не пришлось ходить одной по темным улицам. Так у меня была бы возможность хотя бы в ночном автобусе побыть с ним наедине. Да, он уже шел домой, но вместе с Мацеком, своим соседом по квартире.

Замечательно.

Мы ехали в автобусе, болтая обо всем и ни о чем. Петруша, как обычно, был мил и вежлив... Но не более того.

Я вышла на своей остановке и пошла к своему дому. Как только автобус исчез за углом, а вокруг никого не было, я вставила ключ в стену и вернулась домой в Лос-Дьяблос.

Стянула с себя одежду и в одном белье упала на кровать. Я была немного пьяна и расстроена, и из-за этого хотелось скорее заснуть.

– Ты с ума сошла?! – взревел кто-то прямо надо мной.

Испугавшись, я резко подняла голову. В крошечной темноте в кресле рядом с кроватью сидел Белет.

Я схватила одеяло и прикрылась им.

– Что ты тут делаешь?! – настала моя очередь кричать. – Как ты тут оказался?

– Представь себе, сквозь стену.

Это меня рассмешило. Хихиканье переросло в громкий смех, который я не могла остановить. Да уж, одна (или четыре – это подлежит обсуждению) рюмка водки – это слишком много.

– Ну да, дьяволенок, – пробормотала я и положила голову на подушку, прикрывая глаза. – Сквозь стену...

– Не спи! – крикнул Белет и выдернул подушку из-под моей щеки.

– Эй! – слабо запротестовала я.

– Ты понимаешь, что наделала? – рявкнул взбешенный Белет, комкая подушку.

Он и вправду был разозлен. Три расстегнутые на его рубашке пуговицы открывали треугольник его груди. Оливковая кожа оттеняла нить с нанизанными на нее черными бусинами, немного напоминавшими четки, хотя у меня они больше ассоциировались с мусульманскими четками *субха* или буддийскими *мала*.

Белет был невероятно красив. Я не могла отвести глаз от его груди. Взъерошенные волосы, в этот раз не уложенные в изящный ирокез, падали ему на лоб.

– Сосредоточься на том, что я говорю, а не на том, как я выгляжу, – прогремел он, но уже спокойнее.

В его глазах заиграла веселая искорка.

– Снова читаешь мои мысли, – пробормотала я, разозлившись.

– Когда ты пьяна, ты их совсем не скрываешь, – спокойно сказал он и сел на край кровати, возвращая мне подушку.

Я с удовольствием положила ее обратно под голову.

– Ну, так просвети меня, что же я такого сделала, ведь я точно не смогу заснуть, пока этого не услышу.

– Ты вернулась на Землю и показалась людям, – посерьезнел он. – Тебе нельзя этого делать! Ты мертва!

– Но Клеопатра сказала, что я могу так сделать, – пыталась защититься я.

В его глазах вспыхнула ярость.

– Так это она тебе рассказала?! – крикнул он больше себе, чем мне.

Мысленно комментируя черты его лица, я смотрела, как он вскипает от злости. Я правда делала это неосознанно. Он был таким красивым!

– Мало того что ты думаешь вслух, так еще и по твоей улыбке можно обо всем догадаться, – проворчал он.

Я пожала плечами, довольная собой. Ну и черт с ним.

– Послушай, – начал Белет. – Тебе нельзя возвращаться на Землю. Я понимаю, что ты скучаешь по своим близким, что ты хотела уверить их, что все в порядке, но не делай этого. Никто не может увидеть, как ты творишь чудеса, как проходишь сквозь стены, иначе ты наделаешь дел.

Ого, хорошо, что Белет не знал, что Клеопатра хотела воскреснуть после смерти, он был бы вне себя от ярости.

– Не делай этого, прошу тебя. Ради себя самой. Ты навредишь в первую очередь самой себе. Ты уже не человек. Ты мертва. Не можешь повернуть время вспять.

– Да-да, я знаю. Только дьяволы могут путешествовать во времени. Дьяволицы нет... Это мне тоже рассказала Клеопатра, – добавила я быстро, пока он не зарычал, откуда я это знаю.

– Ладно, не важно. – Он потер лоб рукой. – Послушай. Ты не должна возвращаться на Землю. Ты сделаешь себе только хуже.

– Погоди, – пробормотала я. – Ты определись: либо мне совсем нельзя этого делать, потому что я нарушаю какое-то правило, либо можно, но нежелательно?

– Нет такого правила, которое запретило бы тебе это сделать. Быть дьяволицей – это единственная возможность возвращаться на Землю... Но не делай этого, потому что ты можешь страшно напортчить.

– Тогда я буду осторожна, – махнула я рукой. – Сорри, Белет, но я не собираюсь расставаться с жизнью. Я ее люблю. А поскольку как дьяволица я имею право возвращаться на Землю, то буду возвращаться столько, сколько захочу.

Он был зол. Злость исходила от него волнами так, что у меня волосы вставали дыбом.

– Ты не передумаешь? – спросил он.

– Скорее всего, нет, – улыбнулась я.

- Тогда в следующий раз, когда отправишься на Землю, возьми меня с собой.

Еще чего.

Он встал и подошел к стене, игнорируя мои протесты. Вытянул руку с золотым ключом и уже собирался вставить его в стену, но в последний момент остановился.

- Да, - повернулся он в мою сторону, - завтра, а точнее - уже сегодня утром тебя навестит Смерть. Первый торг уже не за горами.

Затем он исчез в сверкающем прямоугольнике. Ослепленная, я закрыла глаза и не смогла увидеть, как выглядела его дверь.

Смерть... Супер! Только ее до кучи не хватало.

Убаюканная собственным смехом, я тут же заснула, стоило только коснуться щекой подушки.

Ровно в час дня раздался звонок в дверь. Возможно, мне удалось проспять бы намного дольше, но кто-то особо назойливый не собирался убирать палец со звонка. Громко его проклиная, я накинула атласный халатик и сбежала вниз по лестнице.

Еще в спальне я мельком глянула в зеркало и обнаружила, что выгляжу ужасно. Волосы торчали во все стороны, несмытый макияж слегка размазался. Сама свежесть и радость с утра пораньше!

Я собиралась сказать пару ласковых этому гостю, который, видимо, пытался пробуравить пальцем дырку в звонке и проникнуть в дом.

Но, открыв дверь, я потеряла дар речи.

Передо мной стоял невысокий человек в рясе. Росту в нем было примерно метр пятьдесят, а может, даже метр сорок. Длинные рукава прикрывали его руки, в которых он держал папку с надписью «Совершенно секретно», а лицо скрывалось в тени широкого капюшона. Я не могла понять, мужчина это или женщина. Коричневая ряса успешно скрывала фигуру.

– Дьяволица Виктория? – визгливо спросил гость.

– Да, – кивнула я. – А ты?..

– Смерть. Приятно познакомиться.

До меня дошло, что я стою с открытым ртом. Я захлопнула его как можно скорее.

– Мне тоже, – пробормотала я и постаралась следить за собой, чтобы не глазеть на нее. – А ты, значит, принесла мне... задание.

Я пыталась звучать профессионально.

– Да. – Смерть слегка наклонила голову и протянула мне папку так, чтобы я не увидела ее руки.

– Спасибо. Может, хочешь чего-нибудь выпить? – предложила я вежливо, хотя мне совсем не хотелось пускать ее домой. – Сегодня так жарко, а ты в таком длинном... платье.

– Я не являюсь женщиной, – услышала я.

Ой... Блин...

– Прошу прощения, – быстро сказала я. – Просто по-польски смерть женского рода, поэтому я подумала...

– По-английски – мужского, – проинформировал меня мой гость, – но мужчиной я тоже не являюсь.

– О... Тогда кто ты? – Я была сбита с толку.

– Я среднего рода, – с достоинством сообщила она мне.

– Среднего... – повторила я.

Хотя я не видела ее скрытого под капюшоном лица, я чувствовала, что она смеется надо мной.

– Золотце, ты слышала, чтобы смерть размножалась? – спросила она. – Если я не размножаюсь, зачем мне род?

Я покивала, мол, понятно, хотя понятнее не стало.

– Я доставлю клиента в указанное место в назначенный час, – загадочно сказала Смерть. – До встречи.

Она повернулась ко мне спиной, и перед ней появилась черная дыра. Я не заметила, чтобы она вытащила откуда-нибудь ключ. Видимо, у Смерти были свои способы передвижения.

Я собиралась уже закрыть дверь, как вдруг услышала ее голос:

– И постарайся выглядеть прилично, а не так, будто ты только встала с кровати после бурной гулянки.

– Хорошо! – крикнула я, глядя на черную дыру, в которую вошла Смерть.

До меня донесся только шелест ее рясы, и в следующий момент ее уже не было. Класс! Я тоже хочу переносную черную дыру!

Я села за кухонный стол и, сотворив плотный завтрак (ясное дело, бескалорийный – при жизни мне не было до этого дела, так хоть после смерти могу постараться), принялась за чтение таинственной папки.

В ней была небольшая книжка под названием «Краткая биография Стефана Житомирского». Краткая... Хорошо... В ней было 300 страниц! Помимо нее там лежали фотографии милого дедушки и карточка с датой: «13 мая, понедельник, 15.45; рак». То есть завтра. Место встречи со Смертью указано не было. Спрошу Белету.

Наверное, сначала стоит прочитать книгу о профессии дьявола – я к ней даже не притронулась.

Я читала до самого вечера. Из нее я поняла, что мне нужно было запомнить все плохие поступки этого старика и перечислить их в ответ Ангелу. Я тщательно составила список, начиная от момента, когда четырехлетний Стефан пнул собаку, и кончая тем, что он намеренно хлопнул дверь прямо перед соседкой и придавил ей пальцы около недели назад.

Вдруг в спальне, где я лежала на кровати, на стене появился мерцающий прямоугольник, который превратился в золотую дверь с вырезанными на ней иероглифами. Без каких-либо проблем я сразу поняла, кто сейчас войдет в мою комнату.

Следует отметить, что она постучалась шесть раз, прежде чем ворваться ко мне, но даже не дождалась, когда я скажу «входи».

– А если бы я была голой? – спросила я. – Или ты поймала бы меня *in flagranti*?

Клеопатра фыркнула:

– Успокойся. Тебя? Да я большей скромницы никогда не видела.

М-да.

– Одевайся! Я похищаю тебя в клуб своего предка. Туда пускают только в вечерних платьях. Все, что подают «Под головой Анубиса», – египетское. Это единственное подобное место во всем Аду.

Я взглянула на ее сверкающее платье из белой плиссированной ткани, расшитое золотыми и лазуритовыми бусинами. Ожерелье на ее шее выглядело чертовски тяжелым, как и серьги и диадема в виде королевской кобры.

Клеопатра без спроса подошла к моему гардеробу и стала просматривать висевшие там платья. Мне было нечего возразить, поэтому я вернулась к чтению.

Она бросила мне красное платье с глубоким вырезом.

– Ну уж нет, – буркнула я.

– Ну уж да, – огрызнулась Клео. – Ты даже не представляешь, сколько у меня из-за тебя проблем.

Я удивилась. «Она что, бредит?»

– Белет закатил мне такой скандал из-за того, что я рассказала тебе о возможности возвращения на Землю.

– А платье тут при чем? – поинтересовалась я.

– Дорогая, ты очень нравишься Белету. Он тоже придет на эту вечеринку. Ты будешь выглядеть просто потрясно, скажешь ему пару любезностей, и он слегка успокоится и перестанет меня доставать.

– Я ему нравлюсь? – удивилась я. – Я думала, что он ведет себя так с каждой женщиной.

Шумно вздохнув, Клеопатра села рядом со мной.

– Понимаешь, дьяволам нельзя... хм... спать с женщинами. Это запрещено.

– Белет что-то такое упоминал, – сказала я наигранно безразлично и подхватила туфли, которые она бросила на кровать.

Клео любила поболтать. Если не давить, то она наверняка сама расскажет о том, что меня интересует.

– Но ты больше не женщина, – продолжила она, как я и предполагала. – Ты – дьяволица. А это значит, что многие дьяволы тобой заинтересуются. Со мной тоже так было, но я дала им всем понять, что не собираюсь становиться жертвой их политических интриг, поэтому уже больше тысячи лет меня никто не трогает.

– Почему дьяволам запрещено влюбляться в женщин? – спросила я с подлинным интересом.

– Влюбляться им можно. Запрет касается только секса и возможности иметь потомство.

– Они могут иметь детей? – воскликнула я. – Белет не стал мне этого рассказывать.

– Честно говоря, я ничему не удивляюсь после того, что он сам натворил. Ну, одевайся.

Я отправилась с платьем в ванную и крикнула ей:

– Расскажи мне о Белете!

– А потом мне снова попадет, когда ты ему все выболтаешь, да?

Я высунулась из ванной:

– Нет, клянусь!

Клеопатра вновь стала рассматривать содержимое моего шкафа.

– Знаешь... А может, и не знаешь, в конце концов, вы в двадцать первом веке ничего не знаете... – начала Клеопатра, пока я натягивала красное платье. – Потомки ангелов – это так называемые силачи, гиганты или великаны. Во времена Ноя случился потоп, чтобы частично их уничтожить, а затем на рождение подобных просто наложили запрет. Ты должна понять, что дети ангелов или дьяволов не являются людьми, хотя живут совсем как люди. Они больше, сильнее, агрессивнее. Теперь их не существует. Сгинули, все до одного.

– Какое отношение это имеет к Белету? – одевшись, спросила я.

В этом платье я чувствовала себя голой: из-за глубокого декольте я не могла надеть под низ бюстгалтер. Вырез, как я и предполагала, доходил до самого пупка. Спина была почти полностью открыта. Ну, что ж... По крайней мере, платье было по щиколотку.

– Я бы добавила еще пару украшений, – широко улыбнулась мне Клеопатра.

Она усадила меня на кровать и начала создавать различные ожерелья и серьги. Каждый следующий комплект был крупнее и сверкал сильнее предыдущего.

– Как это связано с Белетом? – спросила я снова.

– А ты как думаешь? Почему его понизили в должности и он уже три тысячи двести лет сидит в Распределении?

– У него есть ребенок?! – Я повернулась к ней.

– Был. Ахилл погиб, кажется, в 1184 году до нашей эры под Троей. Больше никаких родственников у него нет.

– Ахилл был его сыном?! Тот самый Ахилл?! Да?

– Не понимаю, что тебя так взбудоражило. Мифические либо библейские герои в основном были потомками ангелов. Такие люди не рождаются.

Ого... Я подумала о Пудзяне. Нет... Он точно человек – полубог не стал бы рекламировать пиво.

– Так они теперь где-то в Аду или на Небе? – спросила я.

– Нет. – Она застегнула на моей шее длинную цепочку с тяжелым рубином, который красиво смотрелся между грудей. – Идеально.

– Так где они? – не унималась я.

– Их не существует. Они просто исчезли, как и все черные души. – Она пожала плечами. – Я говорила тебе, что они были сильными и агрессивными. Они убивали. *Любили* убивать. Они были... безумны. Такова была плата за их силу и мощь. Все это произошло задолго до моего рождения, а дьяволы, как ты знаешь, довольно скрытны, если речь заходит о семейных дрызгах, поэтому много я тебе не расскажу.

Она махнула рукой, и мои волосы мягкой волной легли на плечи. Она широко улыбнулась, довольная своими усилиями.

– Можем идти, – сказала Клео и вставила ключ в стену. – Познакомишься с моим предком Рамзесом II. Только не удивляйся, у него рыжие волосы, и это его больное место. В общем, я не удивлена – кто хотел бы родиться рыжим?

Я не стала комментировать ее болтовню. Засунула свой ключ за широкий браслет на запястье, а для надежности обмотала его цепочкой.

– Запомни. – Клеопатра остановилась, держась за огромную дверную ручку. – Будь любезна с Белетом. Улыбайся и потанцуй с ним как минимум два раза.

После ее рассказа дьяволы перестали казаться мне безумцами с божественной силой. Теперь они казались мне сексуально озабоченными безумцами с божественной силой...

Я вошла в стену следом за ней. С другой стороны золоченой двери темнел клуб. Многие были в египетских одеждах. Некоторые мужчины носили одни лишь набедренные повязки.

На нас бросали заинтересованные взгляды. Наконец мы подошли к столику в углу, где в небрежной позе сидел явно скучающий Белет. Черный ирокез в приглушенном свете отливал темно-синим, а коротко постриженные волосы по бокам, казалось, поглощали свет. На рубашке снова было растегнуто несколько пуговиц.

Как только он увидел меня, его глаза вспыхнули. Он встал, когда я садилась.

– Ты выглядишь великолепно. – Он поцеловал мою руку. – Само воплощение искушения.

Он старался не пялиться на мое декольте, но вырез явно его привлекал.

– Ты тоже, – подмигнула я ему, и он улыбнулся еще шире.

Я прекрасно понимала, как выгляжу. Прежде чем уйти, я внимательно осмотрела себя в зеркале. Ярко-красное платье прекрасно прикрывало то, что нужно было прикрыть, в то же время намекая, что под ним находится. Тяжелый рубин, сверкавший на груди, привлекал внимание. Клеопатра превзошла саму себя, и все же я чувствовала себя неловко в этом платье.

К нашему столику подошел мужчина в головном уборе фараона. Из-под ленты торчали рыжие волосы.

– Здравствуй, Клеопатра, – поприветствовал он нашу спутницу. – Белет...

– Это Виктория, – представила она меня. – Дьяволица. Новенькая.

– Ах, дьяволица. – Он лукаво улыбнулся.

Я будто кожей чувствовала, как он тихонько что-то замышляет и рассчитывает. Я присмотрелась к нему. В Древнем Египте его родственники наверняка высмеивали его рыжую шевелюру, столь нетипичную для той местности.

– В моем клубе тебе всегда будут рады, – сказал он.

– И мне приятно было с тобой познакомиться, – соврала я.

– Нам, пожалуйста, три ибиса, – сказала Клеопатра, на что Рамзес II кивнул и отошел.

Я завязала разговор с Белетом о своем будущем торге, в котором он должен был мне помогать. Красивый дьявол смотрел мне в глаза, будто хотел пробуравить меня взглядом. Мне стало жарко.

Во время беседы Белет подсел ко мне ближе и небрежно положил руку на спинку дивана прямо за мной. Я чувствовала исходящее от нее тепло.

Вскоре к нам подошел Рамзес II с тремя красными напитками в высоких стаканах, в которых плавала земляника.

– Земляника? – удивилась я. – Она вроде не растет в Египте...

Клеопатра надменно посмотрела на меня и сказала уверенным голосом:

– В Египте все растет!

Я решила не вступать с ней в дискуссию. Иначе наверняка бы узнала, что картофель, привезенный первооткрывателями Южной Америки, тоже впервые уродился в Египте...

Внезапно шум, царивший в забитом до отказа зале «Под головой Анубиса», утих. Через необычайно роскошные двустворчатые двери в клуб вошла женщина, одетая... в точно такое же платье, что и Клеопатра.

– Хатшепсут, – с ненавистью прошипела Клеопатра.

Я глянула на Белета, чье лицо находилось примерно в пятнадцати сантиметрах от моего. Даже не заметила, когда он придвинулся ко мне еще ближе. Он пожал плечами и с любопытством наблюдал за действиями Хатшепсут, лицо которой исказилось в гримасе ярости, когда она увидела Клео в таком же платье. Она шла прямо к нам.

– Образ Исиды – не твоя собственность! – крикнула она Клеопатре. – Снова тебе нужно было надеть ее церемониальный наряд, да? А ты ведь даже не египтянка!

Белет наклонился ко мне, убрал мои волосы в сторону и прошептал на ухо:

– Так они ругаются почти каждую неделю. Хатшепсут правила Египтом намного раньше Клео и была одной из тех немногих женщин, которые носили титул фараона. Мужской титул...

От его теплого дыхания у меня побежали мурашки по коже. Я невольно задержала дыхание и тут же прокляла себя за такую слабость по отношению к Белету.

– Может, я и не египтянка по крови, но царица уж точно лучше! – воскликнула Клеопатра. – Мне не нужно было притворяться мужчиной, чтобы править страной!

– Я, по крайней мере, была фараоном! – возмущенно ответила Хатшепсут. – А ты? Греческая плебейка, дорвавшаяся до власти!

– А я, по крайней мере, управляла Египтом как женщина. Мне не нужно было наряжаться в мужскую одежду и разыгрывать спектакль под названием «ваяйте безгрудые статуи»!

– Но это я построила самые великолепные храмы!

– Но это я ходила в военные походы! В твоё правление укрепились коалиция!

– Но не в мое правление Рим полностью захватил Египет, а наша вера погибла!

В зале воцарилась тишина. Хатшепсут выкатила тяжелую артиллерию. Древние правители Египта не могли смириться с тем, что никто уже не почитает старых богов, а также их самих: каждый фараон получал титул «воплощение Гора» – одного из богов египетского пантеона.

– Но ведь их вера в любом случае не была истинной, – шепнула я Белету. – Не бывает богов с собачьими или птичьими головами. Есть один Бог, ангелы и дьяволы.

– Начиная с третьего тысячелетия до нашей эры никому еще не удалось объяснить им, что их вера на самом деле лжива. У тебя, думаю, тоже не получится... – пробормотал он.

Он говорил о них, но смотрел на меня. Любовался впадинкой между ключиц, изгибом плеча, тенью, отбрасываемой подбородком. Его взгляд обжигал кожу.

– Ой, я тебя умоляю, – проворчала Клеопатра. – Иди, поболтай с Бельфегором. У вас много общего.

На другой стороне зала нам помахал типично женским жестом стройный мужчина с длинными волосами, одетый... в платье с оборками.

– Это?.. – прохрипела я, внезапно потеряв голос.

Губы Белета почти касались моего уха, что мешало мне сосредоточиться на его словах.

– Это Бельфегор, один из дьяволов. Прежде чем мы стали набирать женщин в качестве дьяволиц, Бельфегор согласился притворяться женщиной, чтобы искушать мужчин. Сначала все восхищались его смелостью и преданностью делу, а затем Бельфегору очень понравилось быть женщиной...

Я кивнула и, наклонившись к столу, потянулась за коктейлем. На секунду мне пришлось оторваться от дьявола. Рядом с ним, так близко к его телу, я не могла думать, не получалось сосредоточиться.

И снова я разозлилась на себя за то, что так реагировала на его прикосновения и взгляды.

Я сделала большой глоток. Мне не грозило мгновенное опьянение после одного коктейля, поэтому можно было не бояться, что я начну, как дурочка, хихикать и виснуть на Белете.

Ух, вот это крепость! Я удивленно посмотрела на своего спутника.

– Там около пятидесяти процентов, – сказал он и тоже сделал глоток.

– Пятьдесят процентов?! Господи, от подобного алкоголя в больших количествах наверняка можно умереть!

Белет, поднеся стакан к губам, замер, а затем весело посмотрел на меня:

– Дорогая... Ты уже мертва. Больше нельзя.

После очередного раунда напитков, которых Рамзес II для нас не жалел, рука Белета на моих плечах перестала меня смущать. Я даже вытащила его на танцпол. Несколько часов мы сходили с ума под пристальным взглядом других дьяволов. Несколько раз мне пришлось потанцевать и с остальными – я не могла отказаться.

В конце концов, когда мир немного перестал кружиться перед глазами, я сказала Белету, что, наверное, мне пора поискать стену.

– Уже? – спросил он явно разочарованно.

Его ладони скользили по моей нагой спине.

– Да, хотелось бы еще раз взглянуть на свои записи завтра утром, а после такой вечеринки меня наверняка будет мутить. Кроме того, у меня жутко кружится голова. – Я громко рассмеялась.

– Может, подвезти тебя? – предложил он. – Побудем вместе подольше.

– Хочешь пьяным сесть за руль? – удивилась я.

Белет снова выглядел так, будто я сказала нечто уморительное.

– Я дьявол, ты постоянно об этом забываешь. – Он повел меня к выходу.

Я не смогла перебороть себя и помахала Бельфегору.

Он улыбнулся мне так, что я увидела состояние его восьмерок, и изящно помахал в ответ. Как мило!

Перед входом «Под головой Анубиса», совсем рядом с нами, материализовался кроваво-красный «Ламборгини» Белета.

Пока мы ехали, я рассказывала ему о составленном мной списке грехов своего первого клиента, о том, как меня посетила Смерть, о своей семье, даже без смущения начала рассказывать, как в 17 лет мне удаляли аппендикс. Белет не возражал, только смеялся и иногда комментировал мои истории.

Мы доехали в целости и сохранности. Автомобиль ни разу не повело в сторону.

Белет проводил меня до двери и оперся рукой об косяк, не позволяя мне пройти внутрь.

– Я прекрасно провел сегодня время.

– Я тоже. – Я улыбнулась ему своей улыбкой номер 6 (может, без восьмерок, зато точно с семерками).

Он прильнул ко мне и нежно погладил по плечу. Мне так хотелось его поцеловать, до дрожи. Он был таким притягательным: высокий, в черной рубашке, идеально сидящей на его идеальном теле, с легкой улыбкой на губах. Из него прямо-таки била энергия мужчины-завоевателя.

Белет наклонился и поцеловал меня. Я обняла его за плечи, а он обвил руки вокруг моей талии. Никто еще не целовал меня так пылко и чувственно.

Никто...

Перед глазами встало лицо Петруши. Его полные губы, черные как уголь глаза в обрамлении длинных ресниц.

Если бы он так меня желал...

Я оторвалась от Белета, заглянула в его подернутые дымкой глаза. Не следовало его целовать.

– Я, пожалуй, пойду, – сказала я. – Спасибо за прекрасный вечер. До завтра.

Чмокнула его в щеку и пролезла под его рукой. Только несколько минут спустя, после того как за мной закрылась дверь, я услышала шум мотора.

Белет рассказал мне, что своим поведением, советами и историями я должна убедить умершего в том, что он действительно хочет и вообще всегда мечтал попасть в Ад. Конечно, меня могут обыграть еще в самом начале, когда попадается тот, кто на протяжении жизни был прямо-таки воплощением добродетели. Тогда ангел попросту заткнет меня, перечисляя все добрые поступки, и у меня даже не будет возможности убедить клиента в том, что ему на роду написано развлекаться в Аду.

Однако, если жизнь покойного была... скажем так, нормальной, то можно было бы поспорить о месте его вечного покоя, тогда душа сама может решить, куда она хочет пойти. Естественно, все говорят, что желают отправиться в Рай – такой уж существует стереотип, что там намного лучше. А о том, что на большой высоте людям с низким давлением явно будет худо, почему-то никто никогда не задумывается...

Если клиент заявляет, что хочет попасть в Рай, и отправляется туда – так тоже не бывает. Он действительно должен этого хотеть. Необходимо разжечь в нем это желание. В основном у всех людей на торгах в голове такая неразбериха, что спрашивать их нет никакого смысла – они не могут желать всем сердцем.

Так было и со мной. Ангел пытался переубедить меня, но Азазель перекричал его, а я была так напугана тем, что отправляюсь в Ад, что была не в состоянии думать.

Поскольку моим первым заданием был старик, я решила одеться в приглушенных тонах без глубоких вырезов. Сказывался опыт: восьмидесятилетний охранник в университете каждый раз испепелял меня взглядом, когда я проходила мимо него в мини-юбке.

За пять минут до назначенного времени кто-то постучал в дверь. С длинным – примерно пару метров – списком грехов господина Стефана (видно, он даром время не терял) я спустилась по лестнице. На пороге меня уже ждал Белет, небрежно прислонившийся к колонне на крыльце. При виде меня он улыбнулся:

– Готова?

– Готова.

Он сунул ключ в стену рядом со мной. Я никогда раньше не видела его двери. У Клеопатры, как и у Хатшепсут, были золотые ворота, определяющие их эпоху. У меня была обычная деревянная дверь вишневого оттенка. А у Белета?

Перед нами появились белые двойные двери с множеством разноцветных стеклышек. Они с чем-то у меня ассоциировались, но я не могла вспомнить, с чем именно.

– Красивые, – сказала я.

Он кивнул и пропустил меня вперед.

Мы оказались в причудливом месте – я запомнила его с момента своей смерти. Все было белым-бело, снизу поднималась молочная мгла. Не было ни стен, ни потолка – только нереальная белизна. Все расплывалось перед глазами.

– Твоим противником будет Мюриэль. Он из хора Господства, – сообщил мне Белет.

– А ты из какого хора? – поинтересовалась я.

Не знала, что у них есть какие-то хоры. Черт побери, надо было разобраться в этом вопросе.

– Власти... Я был из хора Власти...

– Ну и где этот ангел? – спросила я, сменив явно неприятную для Белета тему.

– Скоро появится, – пробормотал он.

Только он это сказал, и напротив нас появилась обычная черная дверь. Из нее вышел высокий, одетый в белое мужчина. Он был прекрасно сложен, совсем как Белет, только лицо его обрамляли светлые волосы средней длины, идеально подчеркивающие квадратную челюсть. Из-под челки на меня смотрели голубые глаза. Он улыбнулся мне.

Матерь божья, ну вылитый Брэд Питт!

Белет соорудил такое лицо, будто я его чем-то ударила, а ангел быстро склонил голову, чтобы я не

заметила его улыбку.

Вот черт, снова я подумала слишком громко.

– Приветствую, я Мюриэль. – Он пытался быть серьезным, но я видела, как за плохо скрываемой улыбкой дрожат уголки его губ.

– Привет, я Вики, – улыбнулась я ему. – Та, что слишком громко думает.

Этого Мюриэль вынести не смог и залился громким смехом, который эхом отразился в этом странном мире. Его теплый смех обрадовал меня, и я почувствовала себя счастливой. Ого, очередное волшебство, Белет тоже врачевал меня подобным образом, только у него был низкий чувственный голос, который окутывал меня словно бархат.

На мое счастье (и Мюриэля, потому что Белет выглядел готовым взорваться в любой момент), возле нас образовался небольшой вихрь, который превратился в черную дыру. Из нее вышла Смерть под руку с напуганным дедом. Все тут же посерьезнели.

Мюриэль махнул рукой, и из ниоткуда появился стул, на который сел господин Стефан. Смерть весело помахала мне и встала за ним. Интересно зачем? Бедняга выглядел так, будто собирался умереть во второй раз, только в этот раз от сердечного приступа... вряд ли ему хотелось убежать...

Я мило и успокаивающе ему улыбнулась. Не сработало... Обнадеженный старик не отрывал взгляда от Мюриэля, который наколдовал себе крылья. Позер...

– Господин Стефан Житомский, – сказал ангел, – вы умерли сегодня. Теперь я и посланница Ада, – он указал на меня, – будем торговаться за вашу душу. От этого зависит, отправитесь вы на вечный покой в Рай или на вечные муки в Ад. Тем не менее окончательное решение за вами.

Мне хотелось возмутиться. Мюриэль с самого начала обставил все так, что у меня почти не осталось шансов. Старик теперь глядел на меня недоверчиво.

– Господин Житомский, – быстро сказала я, – все мы хотим, чтобы вы приняли правильное для себя решение и не сожалели о нем целую вечность, которая, как мы все знаем, чрезвычайно длинная. Вам придется сделать это после того, как мы с Мюриэлем расскажем вам о несомненных преимуществах наших миров.

– Понятно, – буркнул старик.

Мы приступили к делу. К моему удивлению, Мюриэль по памяти стал перечислять все добрые поступки Стефана Житомского. Черт... Я его грехи могла только красиво прочесть. Откуда мне было знать, что их надо было выучить!

Когда он закончил, то приглашающе посмотрел на меня.

Прочистив горло, я вытащила из кармана карточку, которая развернулась на несколько метров прямо до ног старика. Я порадовалась, что в самом начале списка сгруппировала, какие заповеди и сколько раз нарушил их покойник.

Я перечислила гораздо больше грехов, чем Мюриэль – добрых дел. Ха!

Старичок посмотрел на ангела.

– Я хочу отправиться в Рай, – сказал он уверенно и повернулся к ангелу: – Можно ведь, правда?

– Конечно же, – согласился Мюриэль. – Мы уже ждем вас там.

Дед улыбнулся, довольный таким поворотом.

О нет! Он этого правда желает! Мне не удалось устроить его громадным количеством совершенных им грехов! Ну что за человек? Его совсем не беспокоит, что он так часто грешил? Неужели в наши дни никто не хочет раскаяться?

– Господин Житомский, – начала я, – прежде чем вы примите окончательное решение, вы должны понять, чем Рай отличается от Ада. Так вот, они в самом деле ничем не отличаются.

Все вперились в меня слегка удивленными взглядами.

– В Аду климат намного лучше, – нахваливала я, – идеально подходит тем, кто страдает ревматизмом. У нас обширная сеть баров и ресторанов, прекрасно развита инфраструктура. С уверенностью могу сказать, что там много ваших друзей...

– Ну конечно, – фыркнул старик. – Эти дьяволы определенно горят в адском огне. Так им и надо! Збышек до сих пор не отдал мне пятьдесят злотых, которые проиграл в карты! А пенсия у него была побольше, чем у меня! Умер, а не отдал, старый хрыч! Ну и прекрасно, пусть горит в Аду!

Мюриэль улыбнулся мне, а на лице его было написано превосходство и презрение уверенного в себе победителя.

– Господин Житомский, но что же ждет вас на Небесах? – решила я зайти с другой стороны. – Что вы будете там делать целую вечность? Распевать «Ave Maria»? С ума сойти можно... Зато в Аду куча разных красивых... э-э-э... старушек, – подмигнула я ему.

– Золотце, я умер от рака простаты... – поведал мне господин Стефан.

Я глянула на Смерть. Этого не было в документах! Там был только рак! Смерть беспечно пожала плечами.

– Я принял решение, – торжественно заявил господин Житомский. – Хочу отправиться в Рай. Желаю этого всем сердцем. Прости, золотце, – улыбнулся он мне.

– Но... – начала я, но Белет положил руку мне на плечо.

– Конец торга, – сказал он. – Ты проиграла.

Я посмотрела на довольного Мюриэля. Ему было нечему радоваться – он ничего вообще не сделал. Стоял себе, такой красивый со своими крылышками, благодаря чему соблазнил моего клиента. Возмутительно! Я пожала ему руку в знак окончания торга. Когда наши руки соприкоснулись, они вспыхнули белым сиянием.

Мюриэль взял господина Житомского под руку и прошел с ним через черную дверь. В небытии остались только я, Белет и Смерть.

– Для первого раза неплохо, – проскрипела Смерть, – хотя со старушками ты слегка промахнулась.

Ее смех еще долго звучал после того, как она исчезла в черной дыре.

– Было вправду хорошо, – улыбнулся мне Белет. – Еще немного потренируешься и наверняка уговоришь кого-нибудь отправиться в Ад либо так ловко перечислишь грехи и оспоришь добрые дела, что у покойного даже не будет права решать, куда пойти. В следующий раз все получится.

В следующий раз я прижму Смерть к стене, чтобы она мне подробно выложила, от чего умер клиент...

– Да ладно тебе, детка, не расстраивайся. – Он обнял меня по-дружески. – Это был твой первый раз. В следующий будет лучше.

– Когда будет этот следующий раз? – спросила я.

– Смерть придет к тебе завтра со следующим заданием. Мы дадим тебе больше времени на подготовку.

Я тяжело вздохнула. В этот раз придется выучить все грехи. Идиотская бюрократия. Будто просто прочесть все грехи недостаточно...

Меня окутала тьма. Чувственная, теплая, безопасная. Я уверенно шла между деревьями. Не знала, куда иду и зачем. Чувствовала, что должна идти вперед. Это даже не предчувствие. Это было принуждение. И все же я полностью ему доверяла – знала, что все это к лучшему.

Еще глубже в темноту, докуда не достает даже свет фонаря. Туда, далеко. Вперед.

Я споткнулась. В ту же секунду меня одолели сомнения. Что я тут делаю? Где я? Куда я направляюсь?

Однако сомнения исчезли так же быстро, как и появились. С улыбкой на лице я снова шла вперед. К своей судьбе.

Внезапно я что-то услышала. Шорох, шаги, чье-то тяжелое дыхание. Я не испугалась и продолжала идти вперед. Несомненно, я должна идти. Не могла свернуть, вернуться к друзьям, которых покинула. Не помнила, где и когда. Теперь это не имело значения. Я должна была идти вперед и не беспокоиться ни о чем другом.

Просто идти.

Из тьмы рядом со мной вынырнул мужчина. Я точно его не видела. Его фигуру скрывала темнота. Он был выше меня, в черном расстегнутом плаще. Его полы, взметнувшись вверх от ветра, напоминали огромные крылья.

Его глаза.

Я впервые почувствовала страх.

Его глаза были пустыми. Светло-голубые, водянистые, лишенные каких-либо эмоций. Смотревшие на меня с безразличием.

В темноте блеснуло лезвие.

Я пыталась убежать. Бежала вперед. Где-то выронила свой мобильный телефон, когда пыталась вытащить его из кармана джинсов. Хотела кричать, но не могла произнести ни звука.

Мужчина бежал за мной.

Догонял.

Он схватил меня за плечо. Я почувствовала пронзительную боль, когда он впервые пырнул меня ножом. И все-таки больше всего меня напугал его равнодушный мертвый взгляд. Будто бы он не осознавал, что делает.

Молчаливая машина.

Я схватила его за полы плаща, а он продолжал крепко держать меня за плечо, ударяя снова. Я ощущала стекающую по коже кровь. словно любовники, мы стояли друг напротив друга в танце смерти. Я смотрела в эти пустые глаза, не зная, где я и зачем. Я знала одно – что умираю.

Я опустилась на землю, а он упал на колени рядом со мной. Теплая кровь на зеленой траве. Снова и снова он стал ударять меня ножом. Урывками сознания я увидела, как его тело перед очередным ударом сотрясли рыдания.

Я резко вскочила с кровати. Отброшенное одеяло в сатиновом пододеяльнике с шелестом скатилось на пол.

«Где я?!» – крикнула я слишком громко.

Обняв себя за живот, я огляделась. Спальня в Лос-Дьяблосе. Я включила свет и подошла к зеркалу. Сняла с себя футболку.

Никаких следов, даже шрамов не осталось. И тем не менее я чувствовала пронзающую внутренности острую боль. Фантом того вечера, того страдания.

Не переставая дрожать, я прошлась по всему дому, зажигая свет в каждой комнате. Хотела прогнать темноту, доказать самой себе, что мне ничто не угрожает, что никто не подстерегает меня в тени с ножом в руках.

В конце концов я вернулась в спальню. Меня всю била дрожь. Поверх футболки я натянула свитер, но озноб не проходил.

Я съезжилась на кровати.

Сон никак не приходил, а в голове крутились только мысли о тех глазах. Глазах, в которых не было ни чувств, ни жизни, ни... воли?

Что-то было не так. Никак не получалось составить из своих воспоминаний полную картину. Я помнила тот вечер как в тумане. Почему я ушла одна? Кусочки головоломки не складывались воедино. Наконец я заснула, уверенная в том, что моя смерть была чрезвычайно странной.

На следующий день в час дня я уже стояла у двери. До этого пришлось уладить пару вопросов по учебе: если уж я притворялась живой, то придется притворяться, будто я учусь. Весь день я занималась чем угодно, лишь бы не вспоминать о вчерашнем сне. О тех пустых глазах...

Когда Смерть нажала на звонок, я тут же открыла ей дверь.

– О, да ты ждала меня, – удивленно сказала она. – У меня для тебя задание.

– Я уже догадалась, – процедила я. – Проходи. У меня к тебе несколько вопросов. Ты должна рассказать мне о смерти нового клиента, чтобы я не совершила такую же ошибку...

– Я бы с удовольствием выпила чаю...

Разве Смерть пьет? Я решила промолчать. Она проворно забралась на барный стул на кухне, пока я заваривала зеленый чай.

– Может, перейдем в столовую? – предложила я.

– Нет, мне и тут хорошо, – ответила она.

Минуту спустя я просматривала документы, которые она принесла, в поисках даты и причины смерти, а она спокойно попивала чай. Делала она это искусно, совсем не показывая лица.

– Почему ты не снимешь капюшон? Тебе холодно? – коварно поинтересовалась я.

– Нет, все в порядке, – проскрежетала она. – У тебя довольно уютно.

– Спасибо.

Эх, она не попала на мою маленькую уловку.

– Знаю, куда ты клонишь. Тебе хочется узнать, как я выгляжу. – Она засмеялась.

– Не отрицаю.

– Ну, так смотри.

Она откинула капюшон, под которым... ничего не было.

О-о-о...

У нее не было ни головы, ни шеи. Коричневая ряса окружала несуществующую шею, скрывая остальное тело в тени.

– Ты невидимая? – любопытствовала я.

– Нет. И, уж если на то пошло, невидимое. Ты забываешь, что у меня нет рода. Нет, я не невидимое. Меня попросту нет.

Я протянула руку и провела ей в воздухе, по тому месту, где у Смерти должна была быть голова, но не встретила никакого сопротивления. Пустота. Обыкновенный воздух. Там в самом деле не было головы! Смерть... не существовала.

– О... Но как это возможно? – Я никак не могла это осознать.

– Меня на самом деле нет. – Она накинула капюшон обратно на голову.

Ткань приняла форму несуществующего черепа. Я наклонилась и заглянула под стол. Ног, опирающихся на перекладину высокого стула, не было. Ряса свисала с несуществующих коленей, но не было видно ни ног, ни обуви. Смерть, видимо, обувью не пользовалась.

– Но ты говоришь со мной, – отметила я. – И пьешь мой чай...

Она склонила голову, словно заглядывая в чашку.

– Действительно. Я пью твой чай, но все-таки меня тут нет.

– А если ты снимешь рясу, то ты будешь существовать или нет? – продолжала любопытствовать я.

– Буду, но в то же время нет. Удобно, когда нужно незаметно к кому-то подкрасться. Некоторые

пытаются убежать от Смерти, – произнесла она так, будто считала этих людей невменяемыми.

– Кстати, – подхватила я, – легенды гласят, что с тобой можно поспорить на жизнь. Это правда?

Она пренебрежительно махнула рукой:

– Правда, но я все время выигрываю. Проиграло я всего три раза... Впрочем, это маленькая цифра по сравнению с миллиардами существ, которые стояли у ворот, ожидая торга.

– А как ты... э-э-э... не знаю, как бы сказать, проспорило?

Полезно было бы об этом узнать. Может, я смогла бы подсказать Мареку, как это сделать, – пусть тренируется!

– Эх... Хвастаться тут нечем... Должен был умереть один программист. Ну, мы и поспорили, кто напишет программу лучше, а затем каждый пустил свою в продажу.

Программирование в качестве спора?.. Такое мог придумать только программист...

– И что было дальше?

– Он написал XP, а я – Висту... Не знаю почему, но никому не понравилась моя Виста... Вот и пришлось дать ему еще тридцать лет...

Я подавилась чаем. Мой брат постоянно твердил, что Висту изобрел Сатана. Что ж... он промахнулся, но совсем немного.

– Мне жаль, – сказала я.

Смерть печально кивнула. По ней было видно, что она не могла оправиться от того, что какой-то программист вот так вырвался из ее рук.

– А почему тебя часто изображают с косой? Я еще не видела тебя с ней, – расспрашивала я дальше.

Меня чрезвычайно увлекла эта тема. Смерть была... своеобразной фигурой. Совершенно уникальной и противоречивой. В целом она даже вызывала симпатию.

– Не знаю... – пробормотала она. – Иногда я хожу с топором, потому что некоторые не хотят умирать сразу. Откуда взялась эта коса? Понятия не имею.

После этого короткого ответа я уже не была так уверена в том, что она вызывает симпатию, и решила не задавать ей больше никаких вопросов. Не хотелось бы узнать, что она делает этим топором...

– О, в этот раз авария на мотоцикле, – сменила я тему, вчитываясь в биографию нового клиента. – Парень попадет под грузовик. В два часа ночи?! Разве мы работаем ночью?

Я возмущенно глянула на Смерть. Эта работа нравилась мне все меньше. Мало того что у ангелов до сих пор есть преимущество из-за стереотипов, так вдобавок к этому я должна работать еще и ночью? Я люблю поспать...

– Люди постоянно умирают, – равнодушно сказала она.

Я посмотрела на нее:

– А сейчас нет? Ты же сидишь сейчас со мной.

– Я всегда могу вернуться в прошлое, – рассмеялась Смерть.

Вдруг в моей голове что-то щелкнуло. Почему ее не было рядом со мной, когда я умирала? Почему она не проводила меня в небытие? Не встала за моим стулом во время торга? Там, в туманном краю, где вечные существа решают будущее покойного, ее не было. Нас было только трое: я, незнакомый мне ангел и дьявол Азазель.

– Почему я не помню тебя в момент своей смерти?

– Потому что меня там не было.

– Почему? Ты приходишь не на все смерти?

– На все.

Она злилась, я слышала ярость в ее визгливом голосе. С громким стуком она поставила чашку на

стол.

– Твоя смерть была другой. Незапланированной.

Смерть вздохнула, подхватила чайник и налила ароматный напиток в свою чашку. Она спокойно потягивала чай, и, казалось, совершенно не представляла, что только что мне открыла. Зато я не могла сдвинуться с места.

Как это моя смерть была незапланированной? Что это значит? У них же все тщательно запланировано и разложено по полочкам на год вперед. Бога ради, Ад – это же прототип налоговой. Они знают все!

– Случайность? – выдавила я наконец. – Объясни.

– Не случайность. Я не знало, что ты умрешь. А узнало только во время чаепития. – Она указала на чашку и зашлась скрипучим смехом, чрезвычайно довольная собственной шуткой.

– Но ты же Смерть, – сказала я сквозь зубы. – Как ты можешь не знать, когда кто-то умирает?

– Ну, такое случается, – вздохнула она. – В основном тогда, когда кто-то из наших в это вмешивается. Гитлеру было написано прожить девяносто лет, а Рейх должен был оккупировать всю Европу. Ну, Люцифер тогда сказал, что это чересчур, во время преследований толпы людей будут умирать одновременно, а у нас нет столько персонала, чтобы обслужить всех, и Гитлеру был вынесен приговор.

– Мне тоже кто-то вынес приговор? – спросила я после недолгого молчания.

– Нет, – пожала она плечами. – Вот почему это так интересно.

– Да уж... Ужасно.

Какое-то время мы просто сидели молча. Тишина была нарушена, только когда Смерть отхлебнула чаю.

Почему меня убили? Этого не было в планах – смерть от колотых ран на Поле Мокотовском не была мне предназначена. Кроме того, никто даже не соизволил сообщить об этом Смерти. Я чувствовала себя обманутой.

– Как мне узнать, почему я умерла? – спросила я. – Кто-то ведь должен знать, правда?

– Сходи в Отдел кадров, комната номер 6. У них должна быть твоя биография, в которой все написано. – Она прыгнула со стула на пол. – Ладно, мне уже пора идти. Сегодня землетрясение в Италии. – От ее довольного голоса меня пробила дрожь.

Я проводила своего маленького гостя до двери. Смерть двигалась совершенно бесшумно. Хм... Должно быть, очень полезная штука – намного легче застать людей врасплох, когда летишь на них с топором, не так ли?

– Обожаю Италию, – болтала она, выходя на крыльцо. – Помпеи, Везувий, чума, набеги варваров, Муссолини. Люблю эту страну. А после сегодняшнего землетрясения особенно. Будет просто... потрясающе!

Ее скрипучий смех звенел еще долго после того, как она исчезла в черной дыре. Я решила, что стоит снова заглянуть в Учреждение. К сожалению, теперь мне нужно было бежать в университет. Сегодня будут занятия с Петрушей! Выяснение загадочных обстоятельств своей смерти придется отложить на потом. Жизнь, пусть и притворная, была для меня куда важнее.

Я вышла из стены в каком-то темном переулке в Средместье, напугав бурого котенка с единственным рыжим ухом, который тут же с грохотом нырнул в мусорный контейнер.

– Прости меня, киса, – крикнула я ему, но в ответ услышала только сердитое фырканье и шелест пластикового пакета.

На прошлой неделе мне удалось успешно загипнотизировать преподавателей – они были убеждены, что я присутствовала на всех лекциях и выполняла все задания. Утром таким же способом я обеспечила себе самый высокий балл в тесте по биологии.

Но теперь у меня были занятия с Петрушей, поэтому я обязательно должна была их посетить. Вообще, *de facto* это были не занятия один на один – просто несколько групп собирались в одной громадной аудитории с микроскопами. Это ничего не меняло – у меня все равно была возможность его увидеть. Знаю-знаю, это выглядит... жалко. Вся эта идеализация, будто он самый красивый, самый замечательный, самый умный. Только он один. Вот только я ничего не могла с этим поделать.

Я вошла в аудиторию, проходя мимо его стула.

– Привет. – Я весело ему улыбнулась.

– О, привет, – слегка улыбнулся он в ответ.

– Как дела? – спросила я, присаживаясь на скамейку и полностью игнорируя толпу девушек, которые вечно не давали ему прохода.

– Ничего интересного. Вчера ходил на вечеринку, так теперь в отключке.

– Ага... – Я совершенно не знала, что еще сказать, спросить ли о чем-нибудь или помолчать и подождать, пока он не заговорит первым.

Он промолчал и просто смотрел мне в глаза. В полной отключке...

Ну вот почему всегда, всегда, когда я с ним разговариваю, у меня складывается впечатление, будто я ему навязываюсь?

– Ладно, пойду к своим, – снова улыбнулась я.

Он кивнул, и я ушла, пытаюсь идти с прямой спиной и, не дай бог, не споткнуться у него на глазах. Сев на свое место, я глянула на него краем глаза. Он смотрел не на меня. Черт возьми... Я безнадежна! Я тут же сгорбилась от осознания своего поражения.

Недавно мы пошли на прогулку в Старый город. Точнее, я его вытащила – он бы никогда не пригласил меня, никогда бы не предложил. Это я всегда выступала с инициативой. Действительно, трудно не выглядеть отчаявшейся и навязчивой, когда единственная возможность увидеть кого-то – это предложить ему встретиться...

Одна из многих сердечных истин гласит: не навязывайся. А как не навязываться, если кто-то такой безынициативный? Это как известное модное правило: не надевай мини-юбку и блузку с глубоким декольте, иначе будешь выглядеть как шлюха. Но и это не всегда получается соблюдать, особенно когда собираешься на вечеринку.

Тогда в Старом городе я упала на лестнице. Ничего странного – я и в самой удобной обуви на ровном месте могу споткнуться. Хорошо хоть, не покраснела, а только громко рассмеялась. Это он запаниковал и быстро поднял меня на ноги. Меня вся ситуация так развеселила, это было... в моем стиле. Тем не менее повторять этого мне бы не хотелось. Очаровательной растяпой можно предстать лишь однажды. Хуже, если печально известной.

Всю оставшуюся часть трехчасовых занятий я тайно поглядывала на Петрушу. Один раз я заметила, как он смотрит в мою сторону. Всего один раз...

Вся наша группа вышла из здания. Я быстро подошла к нему и спросила, едет ли он домой, если да, то я пойду с ним. В автобусе, как обычно, рассказывала ему смешные истории. Он смеялся, участвовал в разговоре, а я, естественно, чувствовала себя как в раю.

– Провожу тебя немного, – удивил он меня, выйдя на моей остановке. – Ты должна закончить эту жуткую историю.

Обрадованная, с еще большей энергией и остроумием, я закончила рассказ о том, как упала в погоне за автобусом. Я всегда рассказывала ему обо всем на свете. Так хотелось поделиться

историями про Ад, но я не могла. Он принял бы меня за сумасшедшую...

Когда мы дошли до моего подъезда, что-то жалобно замыкало под лестницей. Мы повернули головы на звук. Под самой нижней ступенькой, свернувшись в клубок, сидел маленький бурый котенок с одним рыжим ухом. Я замерла. Откуда он тут взялся? Он же был на другой стороне Вислы, в Средместье!

Должно быть, это какой-то другой кот. Тот не смог бы сюда попасть. И откуда ему знать, где я живу?

Кот повернул ко мне мордочку и громко мяукнул, будто оглашая, что знает обо мне все.

– О, какой милашка. – Петруша присел рядом с ним и погладил его по треугольной мордочке.

Я тоже присела на корточки. Котенок тут же выпрыгнул из своего укрытия и оказался у меня на коленях.

Петрек громко рассмеялся.

– Похоже, он выбрал тебя своей новой хозяйкой, – сказал он, продолжая поглаживать кота. – Люблю котов. Они правда такие милые.

Петруша почти никогда не рассказывал о себе, о своем доме. Казалось, он не скучал по семье с тех пор, как приехал в Варшаву учиться, но однажды выдал себя, с грустью вспоминая своего кота.

Котенок смотрел на меня желтыми глазами, буравя взглядом. Я почувствовала себя неуютно.

– Может, возьму его себе, – слегка натянуто улыбнулась я Петруше и солгала: – Всегда мечтала иметь котика.

Петрек широко улыбнулся:

– Значит, я буду чаще к тебе захаживать.

Одного предложения хватило, чтобы моя маленькая ложь превратилась в чистейшую правду. Я сильнее стиснула кота в объятиях, чтобы он не попытался сбежать. Теперь он был просто обязан жить у меня. У него не было выбора.

– Ладно, я пойду, у меня в четыре часа поезд домой, а я еще не собрал вещи, – вздохнул тяжело Петруша, глядя на часы.

По его лицу было видно, что он хотел бы подольше посидеть со мной и котом на лестнице.

– Когда вернешься? – спросила я.

– В понедельник, наверное. Пока не знаю. Поеду в Гданьск к друзьям, а на обратной дороге загляну к семье в Мальборк. В конце концов, нужно запастись соленьями на целый месяц.

Мы попрощались, я с котом зашла в свою квартирку и поставила его на пол. Кот был грязным, слегка вонял и не сводил с меня взгляда. Он вел себя как одержимый, ей-богу.

– Это не можешь быть ты, правда? – спросила я его на всякий случай, чтобы доказать себе, что это самый обычный кот в мире.

Я не удивилась, когда он не ответил.

– Ты воняешь, – сообщила я ему и щелкнула пальцами.

В одно мгновение грязно-коричневая шерстка стала шоколадного цвета, а его ушко – нежно-рыжего. Котик понюхал свою лапку и недовольно посмотрел на меня.

– Ну, уж извини, – сказала я. – Радуйся. Теперь ты чистый и обработан от глистов, и я не заражусь от тебя токсоплазмозом.

Я сотворила ему миску с кормом, воду, лоток в ванной и несколько игрушек, чтобы он, заскучав, не слишком быстро уничтожил мои шторы и мебель.

– Ладно, я в Ад. – Я вставила ключ в стену. – Хата твоя. Громи на здоровье.

Проходя через дверь, я обернулась. Он недоверчиво обнюхивал миску с едой. Ну... учитывая его предыдущие условия, ему бы наверняка больше понравилась двухнедельная протухшая рыба с помойки.

Я закрыла за собой дверь и зашла в гостиную в Лос-Дьяблосе. Комната была залита светом, проникающим сквозь громадные окна. Совершенно иначе, нежели в моей маленькой, тесной квартирке в Праге. Я бросила ключ на столик у кушетки и замерла.

Прямо напротив меня, среди множества расшитых подушек, сидел бурый котенок с рыжим ухом...

– Белет?.. Это ты прикалываешься? – Я протянула к нему руку.

Кот посмотрел на меня осуждающе и ударил лапой по моему пальцу. Затем спрыгнул с кушетки и, высоко вздернув хвост, стал гулять по комнате, обнюхивая мебель.

Я выпрямилась. Не знала, что и думать. Сначала он появился у меня в Праге, а теперь пришел в Ад? Нет, это, конечно, очень мило, что на этой планете есть хоть одно существо, которое без колебаний отправится за мной в Ад, но тут явно что-то было не так.

О боже! А может, я?!

– Я что, убила тебя, когда ты упал в контейнер? – выкрикнула я, беря его на руки.

Мне показалось, что он покачал головой.

– Подожди-ка. Если я тебя не убила, еще раз покачай головой из стороны в сторону.

Котяра скучающе зевнул и отрицательно покачал головой.

– А теперь покачай головой сверху вниз в знак того, что понимаешь каждое мое слово.

Кот снова послушно кивнул. Я чуть не уронила его от удивления.

У меня есть говорящий кот! Ну ладно, только понимающий, что я говорю, но он может общаться со мной!

Я поставила его на пол. Он вернулся к прерванной прогулке вдоль мебели.

Это, пожалуй, слегка ненормально... Я огляделась и вдруг осознала одну простую вещь: я в Аду – ничего более ненормального со мной уже не случится.

Кто у нас разбирается в котах? Я задумалась. Мне нужен был эксперт.

«КЛЕОПАТРА!» – мысленно закричала я, надеясь, что она получит мое сообщение. Я не была уверена, как далеко можно передавать мысли при помощи телепатии.

Ждать пришлось недолго. Мгновение спустя на стене передо мной появилась сверкающая золотом дверь.

– Что случилось?! – Клеопатра вбежала со сдвинутой набок короной и недокрашенным глазом. Я была крайне удивлена, потому что она, несомненно, прибежала сюда без промедления.

Я указала на маленький пушистый комочек у своих ног.

Клеопатра проследила за моим пальцем.

– О! Котик! – радостно воскликнула она и села рядом с ним на полу. – Какой милый! Мое малюсенькое чудо! Мур-мур-мур. – Она потерлась своим носом о его.

Я смотрела на нее с отвращением. Что может быть лучше такого зрелища: великая царица в платье со шлейфом стояла на коленях и ворковала с котенком, у которого резко увеличилась громкость мурчания...

– Клео, – прервала я их тет-а-тет. – Знаю, что он прекрасен, но послушай...

Я быстро рассказала ей, как этот маленький четвероногий преследовал меня.

– Кошки, – сказала она тоном, из которого явно следовало, кто здесь умный, а кто – глупец, – это естественные проводники между миром живых и мертвых. Они видят и чувствуют намного больше, чем смертные. В Египте мы поклонялись кошкам как воплощению богини Бастет.

Будем честными, чему они там вообще не поклонялись?

– Нет сомнений, ты его не убила. Он просто понял, что ты вызываешь интерес, и захотел жить вместе с тобой. Коты приносят счастье, могут чувствовать опасность, они скажут тебе, когда кто-то замышляет против тебя какое-то злодейство. Ну, если им, конечно, на тебя не наплевать. Меня еще ни разу не выбрал ни один кот. – Она поморщилась.

– А может, ты захочешь жить со мной? – снова обратилась она к коту. – Я – царица Египта.

Я выхватила у нее кота.

– Размечталась, он мой.

Мне самой пригодится такая обнаруживающая опасности грелка. Ну, и Петруше он понравился. Ради него я могла бы приютить даже корову.

Она тяжело вздохнула, вставая.

– Ну ладно, – сказала она и наколдовала дверь. – Только помни, что коты ненавидят дьяволов мужского пола.

Котенок замурчал у меня на руках, когда золотая дверь исчезла и после нее остался только мерцающий контур. Я погладила его под подбородком и спросила:

– Какое хочешь себе имя?

Мне показалось, что он закатил глаза, будто пытаясь сказать, что ему на самом деле все равно.

– Назову тебя Бегемот. В честь демонического кота из «Мастера и Маргариты». Сойдет?

Он снова покивал.

– Ну что же, приятно познакомиться, Бегемот. – Я обняла его, совершенно случайно снова включая его мурчалку на полную катушку.

После всего этого я совершенно забыла, что должна была узнать, как умерла.

Я куда-то шла с Петрушей. Улица была залита солнцем, он держал меня за руку. Вдруг он наклонился, чтобы шепнуть что-то на ухо...

– Мяу!

Вырванная из сна, я подняла голову с подушки. Рядом со мной сидел Бегемот и страшно мяукал.

– Что такое? – пробормотала я неосознанно и глянула на часы.

Почти два часа ночи. Ну вот, мой клиент сейчас попадет под грузовик. Прекрасно... они могут умирать в нормальное, человеческое время? Я потеряла лицо рукой.

– Да встаю я, – буркнула я коту, который снова начал на меня мяукать.

Система, информирующая о злых намерениях, грелка, а теперь еще и будильник. В этом коте не было ни капли нормальности.

– А ты со мной не пойдешь, – сообщила я ему, одеваясь в кожаный костюм.

На этот раз к торгу я подготовилась основательно – у меня было несколько дней на то, чтобы внимательно изучить материалы от Смерти. Я выучила наизусть все грехи своего клиента и оделась соответствующе.

На стене напротив появилась дверь из разноцветных стеклышек. В комнату зашел Белет, и он, в отличие от Клеопатры, сначала постучался и подождал, пока я не скажу «войдите». Она никогда не ждала.

– Привет, дорогая, – улыбнулся он мне.

– Привет... – Я надела высокие сапоги на каблуке.

Бегемот развалился на моей подушке и начал мурчать. Ага, согрела ее своим лицом специально для тебя, пушистик.

– О, котик! – восторженно воскликнул Белет. – Какой милый!

Он сел рядом с котом и стал его гладить, что мурлыка с удовольствием ему позволял.

– Я думала, коты ненавидят дьяволов мужского пола, – сказала я.

– Меня они любят, – ответил Белет. – Это я их придумал.

– Что? – Я замерла на полпути.

Кот стал мурчать громче, когда рука Белета поднялась к его шее.

– Во время сотворения мира Бог разрешил нам придумывать разных существ. Я придумал котов.

Дьявол удобней расселся на моей кровати и внимательно оглядел меня. Я прекрасно видела его похотливую улыбку, когда его взгляд скользил по глубокому декольте, а затем по узким кожаным штанам.

– Понятно... Круто, – пробормотала я и зачихнула ногу в сапог. – А почему они не любят остальных дьяволов?

– Я в этом не виноват. Я вдохнул в них слишком много силы, и они вышли из-под моего контроля. Коты – индивидуалисты, их не заставишь ничего делать. – Он улыбнулся мне.

– Знаю... Этот пришел сюда за мной с самой Земли.

– Это хорошо, – коротко бросил он и встал. – Он предупредит тебя об опасности и дурных намерениях чужих людей. Готова?

– Готова.

Он обнял меня за плечи.

– Я не говорил, что тебе надо одеваться в кожу, моя богиня секса?

Я лишь рассмеялась в ответ.

В месте вне времени нас уже ждал Мюриэль. Не знала, что этот торг мне снова придется провести с ним. Просто супер... Он мне не нравился.

Он кивнул головой в знак приветствия и провел рукой по пшеничным волосам. Как обычно, на его лице ничего не отражалось – никаких эмоций. Его взгляд остановился на вырезе моего кожаного костюма, который намного больше показывал, чем скрывал. Молнию на узкой курточке, под которой был только бюстгальтер, я расстегнула так, что было видно кружево лифчика.

Белет наклонился ко мне и прошептал:

– Bravo, ты вводишь в искушение даже ангела.

Я глянула на него:

– А лучше бы тебя.

– Я уже давно под твоими чарами, – признался он, улыбаясь, обнял меня за талию и легонько сжал пальцы на моем бедре.

Так тебе! Не надо было его провоцировать. Я рассмеялась и отпрянула.

В этот момент между нами и Мюриэлем появилась черная дыра, из которой вышла Смерть, ведя за собой молодого растерянного парня в кожаной куртке и высоких ботинках. К счастью, он не был изуродован. Я боялась, что он попадет сюда прямо из-под колес грузовика и... ну... прямо перед нами развалится на части.

Я улыбнулась ему и оглядела оценивающим взглядом. Как я и надеялась, парень сразу же потерял интерес к господину с крыльями. Ха! Один-ноль в мою пользу.

Мюриэль приступил к делу. Сообщил клиенту, что тот умер и попал в место торгов за душу. Затем перечислил все добрые поступки покойного. Меня особенно тронуло, что в пятом классе умерший одолжил другу шпаргалку по географии. Однако крылатый почему-то забыл добавить, что та шпаргалка была даже не по теме контрольной...

– Кроме того, наш покойный является донором органов. Есть шанс спасти чью-то жизнь, – сообщил ангел полным превосходства тоном.

– Ага, – буркнула я и быстро парировала: – Если санитарам удастся отскрести какую-то часть его тела из-под колес грузовика.

Мюриэль кинул на меня злобный взгляд, но никак не прокомментировал мой выпад. Если ангел будет и дальше задирать свой нос, то однажды упадет, не заметив поребрика.

Когда он закончил перечисление, я представила свой список. Мне потребовалось около получаса, чтобы рассказать про все прегрешения клиента (включая упоминание о том, что наш красавец какое-то время заражал других венерическими заболеваниями). Себастьян Ребек терпеливо выслушивал, и по нему было видно, что его пугало подавляющее преобладание плохих поступков над хорошими.

После перечисления я выжидающе посмотрела на Мюриэля. Он удивленно посмотрел на меня – я без боя передавала ему слово.

– Теперь, Себастьян, – он повернулся к парню, – тебе нужно решить, куда ты хочешь пойти – в Рай или Ад.

– О... так я могу выбирать? – Покойный был искренне удивлен.

– Ага, – скушаяще протянула я, играя волосами.

– Уверяю тебя, на Небесах ты будешь счастлив. Ты заслуживаешь Рая, – искушал его Мюриэль. – Тебе нужен Рай...

– ...Как слепому – очки, – фыркнула я и хлопнула Белета по плечу. Мы оба рассмеялись.

Себастьян растерянно посмотрел на меня.

– Ты не будешь уговаривать меня пойти в Ад? – спросил он.

Вот рыбка и попалась на крючок.

– А зачем? – снова рассмеялась я. – У нас в Аду и так толпы, на вечеринку-то едва протиснуться. Это они, – я указала на Мюриэля, – должны биться за каждую, даже самую безнадежную душонку.

- Неужели никто не хочет попасть в Рай? – удивлялся покойный.

- Дорогой, – я послала ему свою самую красивую улыбку, – никого не вдохновляет хоровое пение и держание за руки. Все хотят к нам. Вечное лето, пляжные вечеринки, напитки, и все это без остановки...

- Пляжные вечеринки? – восторженно подхватил Себастьян. – Девочки в бикини?

- В бикини и без. В конце концов, кто изобрел нудистские пляжи, как думаешь? Явно не они...

Мы все посмотрели на Мюриэля, который с ног до головы был одет в белое. Под сандалиями (конечно же, как у Иисуса – из множества ремешков) у него были – ни дать ни взять польский турист из анекдотов – белые носки. Ангел покраснел.

- Кроме того, загар должен быть ровным, – поднажала я, возвращаясь к теме нудистских пляжей.

- Должен, – пылко поддержал меня Себастьян.

- Теперь ты понимаешь, почему мне все равно, куда ты пойдешь. – Я беззаботно пожала плечами. – Твой выбор, твоя вечность. Мы на отсутствие жителей не жалуемся. К нам может прийти каждый – даже самые праведные и добродетельные.

Себастьян понимающе покивал, как будто осознавал понятие «добродетельный».

- К тому же, – ужалила я напоследок, – в Раю холодно. А у нас климат похож на средиземноморский.

- Холодно? – Себастьян вздрогнул.

Он был просто очарователен. Я будто видела, как в его мыслях появляются два образа – снег и девочки в бикини. Одно, к сожалению, исключало другое...

- Ты сам подумай, – сказала я. – Мы недалеко от ядра Земли. Геотермальное отопление и так далее. А они? В облаках. Все же знают, что чем выше, тем холоднее. К тому же посмотри на него. Блондин – будто родом из Скандинавии. Могу поспорить, что у него дома стоит мебель из «Икеи».

Мюриэль был красным от ярости.

- Это неправда! – взъярился он.

- Неправда, что у нас теплее или что у тебя мебель из «Икеи»? – спросила я.

Мюриэль был настолько взбешен, что даже не смог мне ничего ответить.

- Я хочу пойти в Ад! – сообщил довольный собой Себастьян, заканчивая наш спор.

Я протянула руку Мюриэлю.

- Он действительно хочет этого всем сердцем, – сказала я.

Себастьян виновато посмотрел на ангела:

- *Сорри*, чувак... но, понимаешь... девочки в бикини!

«Под головой Анубиса» было, как всегда, не протолкнуться, независимо от времени суток. Мой кожаный костюм выделялся из вереницы роскошных платьев и торжественных костюмов.

- Что закажешь? – спросил Белет.

Крепкого «ибиса» не хотелось. Я сильно устала.

- Не знаю, – ответила я, глубже проваливаясь в диванные подушки.

Он кивнул. Некоторое время сидели молча.

- Может, секс на пляже? – предложил он, наклоняясь ко мне и заглядывая в глаза.

Я задумалась. Да! Когда-то я пробовала этот коктейль. Очень сладкий, малиновый. Вкусный.

- Да, хорошая идея.

Белет улыбнулся еще шире. Его глаза весело блестели.

- Лично мне очень нравится эта идея, хотя сейчас на пляже, должно быть, холодновато. Скоро

рассвет, ты же понимаешь. Но зато нас никто не побеспокоит...

Я поняла, он обвел меня вокруг пальца.

– Погоди! – Я взмахнула руками. – Я думала, мы говорим о коктейле?

– О каком коктейле? – Он изобразил возмущение, но его глаза смеялись.

– Тогда я закажу «ибис», – сказала я.

Он тяжело вздохнул.

– Значит, мне не рассчитывать, что мы пойдем на пляж? – поинтересовался он.

– Нет, – засмеялась я.

– Нужно как-нибудь основательно тебя напоить, – сказал он.

Где-то полчаса спустя Белет сидел, развалившись на диване рядом со мной, скользя скучающим взглядом по окружающим нас душам. Совсем как лев, хозяин и владыка мира. Он бездумно перебирал пряди моих волос.

Я точно так же наблюдала за людьми, трубочкой помешивая свой коктейль. У меня даже не было сил повернуть на него, чтобы он оставил мои волосы в покое.

Мы отмечали мою первую полученную душу, первого грешника. Я устала, глаза закрывались сами собой, голова гудела от земляничного «ибиса». Видимо, мой организм был создан для сна в четыре часа утра.

С Белетом мы просто молчали: он знал, что у меня нет сил на беседы, и не пытался искусственно поддерживать разговор. Меня это устраивало – достаточно было просто сидеть в этом магическом месте и проводить тут время.

Я наклонилась вперед и положила руки на стол. Рука Белета переместилась с моего плеча на талию.

Прямо напротив нас на стене появились огромные черные ворота. Я подняла голову, подперев ее рукой, и с любопытством смотрела на них. Дверь, выглядящую настолько... грозно, я видела всего один раз.

Это была дверь Азазеля – дьявола, который привел меня в Ад.

Белет, сидевший рядом, резко выпрямился. Рука на моей талии слегка сжалась.

С силой толкнув створки, которые распахнулись в обе стороны, в зал гордо вошел Азазель и оглядел его черными как уголь глазами. Черные волосы, достающие до лопаток, были заплетены в густую косу.

Он усмехнулся и облизнул губы, когда увидел нас. Я услышала, как Белет неразборчиво буркнул себе что-то под нос. Он был зол.

– Ах, моя любимица! – Азазель пододвинул стул к нашему столику и уселся напротив меня. – Как у тебя дела? Как справляешься, дьяволица?

– Привет, – улыбнулась я. – Все в порядке. Сегодня выиграла свой первый торг!

Азазель выглядел как отец, гордящийся своим дитятей.

– Поздравляю, малышка. Так что, ты благодарна мне за то, что я дал тебе силу? Не хотела бы стать обычной грешницей, верно?

Азазель был первым встреченным мной дьяволом, который назвал граждан Ада грешниками. Есть ли еще кто-нибудь такой же неpolitкорректный, как я?

– Да. Если бы не сила, я бы не могла возвращаться на Землю.

Я на самом деле была ему благодарна. Если бы я просто умерла, я бы никогда больше не увидела Петрека.

– Ах... – Азазель неискренне улыбнулся, заинтересовавшись моими словами. – Так ты возвращаешься на Землю?

Белет беспокойно поерзал рядом со мной.

– Отлично, – похвалил меня Азазель и усмехнулся Белету. – Ты должна взять от жизни все, что только возможно. Особенно когда у тебя есть такие возможности. Ты можешь столько всего сделать, изменить, получить то, что обычному смертному не суждено...

Белет прочистил горло, прерывая его умозаключения. Какое-то время они смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

Его слова заинтриговали меня. Видя мой интерес, Азазель улыбнулся еще шире, а черные бездонные глубины его глаз зловеще блеснули.

– Помни, что теперь ты сама себе хозяйка, – сказал он. – Можешь делать все, что хочется. До встречи, моя любимица. Белет. – Он кивнул моему прекрасному дьяволу и встал.

Встревоженный Рамзес чуть ли не прыжками подскочил к нему:

– Азазель, ты уже уходишь? Не выпьешь?

– Нет, – отрезал Азазель и вставил в стену огромный, грубо выкованный из железа ключ. Мгновение спустя он исчез за черными воротами.

Белет снова расслабился. Эта встреча явно пришлась ему не по вкусу.

– Нельзя ему доверять, – произнес он, приобнимая меня.

– Почему? – спросила я упрямо, хотя пришла к тем же выводам.

Азазель выглядел так, будто все время что-то планировал, подсчитывал и замышлял. Его глаза все время бегали, изучали и оценивали. Этот дьявол – воплощение зла. Я глянула на Белета, который с воинственным видом буравил взглядом стену, с которой исчезли ворота Азазеля. Белет рядом с ним был... ну... как щеночек.

– Потому что Азазелю в принципе нельзя доверять. Он делает все ради одной цели.

– Какой? – не унималась я.

– Такой, которая приведет его к исполнению всех его планов. Как говорите вы, люди... злых планов.

Я не стала вникать, о каких злых планах говорил Белет. Мне было все равно. Я слишком устала.

– Идем? – спросила я. – Я хочу выспаться.

Белет поднялся без слов. Мы вышли на освещенную фонарями площадку перед клубом. Красный «Ламборгини» моего дьявола уже ожидал нас. Белет открыл мне дверь.

По пути домой глаза сами собой закрывались. Белет расточал мне комплименты, а я сонно ему отвечала. Не раз его рука вместо рычага коробки передач оказывалась на моем колене, поэтому я сидела, вжавшись в дверь, лишь бы не давать ему предложения.

У моего дома он снова открыл мне дверцу машины. Холодный воздух слегка приободрил меня – больше не хотелось так сильно спать. Он проводил меня до самой двери, но снова остановился и преградил мне путь.

– Ты в самом деле сегодня прекрасно выглядишь, – сказал он и скользнул взглядом по моему декольте.

Я рассмеялась и улыбнулась в благодарность за комплимент.

– Только я на твоём месте расстегнул бы молнию еще больше. – Он показал пальцем на мой бюст.

– Ох, Белет, Белет, – устало вздохнула я.

– Дорогая, – мягко прошептал он, нежно скользя пальцами по моему плечу и ближе наклоняясь ко мне.

– Белет... – произнесла я далеко не так мягко, на что он поморщился.

– Вики, в тебе нет ни капли спонтанности, – разочарованно пробормотал он, когда я отстранилась.

– Я могу быть спонтанной, когда случайно спотыкаюсь в погоне за автобусом. – Я закатила глаза.

– Почему ты не даешь себя соблазнить? – В его голосе слышалась претензия. – Почему?

Он наклонился и невесомо поцеловал меня в щеку. Его губы опустились ниже по шее.

- Белет, - я оттолкнула его, - оставь меня в покое. Я в любом случае не буду с тобой спать.

Он хмуро отошел назад.

- Почему? Чего мне не хватает?

- Потому что свой первый раз я хочу провести, во-первых, с тем, кто меня любит, во-вторых, с тем, кто заботится обо мне, и, в-третьих, с тем, кого люблю я сама, - объяснила я. - А ты не соответствуешь этим критериям.

- А если я скажу тебе, что выполню первые два условия? Ты же знаешь, что это правда, что это может быть правдой, - чувственно искушал он меня.

- Но не исполнишь третьего.

Золотистые глаза Белета засияли во тьме, будто зажженные неким внутренним огнем.

- А кто отвечает этим трем условиям? - спросил он тихим, эмоциональным голосом. - Думаешь, этот твой Петр выполнит?

Он засмеялся.

- Может быть, третье, но наверняка не первые два.

- Откуда ты о нем знаешь?! - воскликнула я.

- Ты забываешь, кто я.

- Держись от него подальше, - прорычала я.

- Нет проблем, - ответил он. - Я к нему даже не приближусь. Так же как и он к тебе.

Его слова ранили. Ранили сильнее потому, что были правдивыми.

Утром, разозленная, я прошла сквозь стену в свою квартирку. Бегемот быстро скакнул за мной, едва не прищемив хвост дверью, что он громко прокомментировал раздраженным фырканьем.

– Да ладно тебе! – прикрикнула я на него.

Он удивленно остановился на полпути с поднятой лапой. И тут же послушно скрылся, пока я бегала как ужаленная по квартире в поисках сумки и тетради с конспектами.

Мало того что Белет разозлил меня вчера, так еще и Марек позвонил мне утром с просьбой, а точнее, с приказом привести сегодня моего парня к ним на ужин. Придуманная мной сказочка ради чрезмерно заботливого брата внезапно стала слишком реальной. Где я достану парня за 10 часов, если я не могла встретить его годами?!

Не хотелось, чтобы Марек узнал, что я солгала ему. Нужно было быстро найти какого-то парня, который согласился бы притворяться перед моей семьей.

Я решила обратиться за помощью к Петруше. Он наверняка согласится. Этот маскарад точно его повеселит.

Я выбежала из дома, вылавливая в бездонной сумке ключи от машины. Сегодня занятия проходили в академическом корпусе за городом. Я решила поехать туда на своей маленькой машинке, которая досталась мне от Марека около года назад. По дороге я должна была забрать Петрушу. Как обычно, придется ждать минут пятнадцать у его дома, пока он не соизволит выйти.

Я села за руль, громко проклиная все, что я так ненавидела в своей смертной и бессмертной жизни. Я глянула на счетчик топлива. Прекрасно.

Щелкнула пальцами, и бак тут же наполнился. Этого мне и не хватало, чтобы не повторить ситуацию, случившуюся несколько месяцев назад.

Мы с Петрушей на моей машине тогда ехали на дачу к знакомым. Естественно, я не заметила, что у меня нет топлива. К счастью, бензин кончился примерно в пятидесяти метрах от заправки.

Мы дотолкали дотуда мою «Опель Корса», точнее, Петруша толкал – я была в белой юбке. Тем не менее я подсказывала ему, как нужно толкать.

Когда мы добрались до станции, Петрек сказал:

– Хорошо, давай скинемся. По сколько? – Он смотрел на меня своими черными глазами, которыми я могла любоваться бесконечно. – У меня нет наличных, только карта.

– Сейчас скажу, – пробормотала я, роясь в кошельке.

В глубинах кошелька я отыскала пять золотых и двадцать три гроша, чешуйку карпа, пластырь, две таблетки парацетамола и несколько чеков.

– Так по сколько скидываемся? – снова спросил Петруша.

Я растерянно посмотрела на него.

– Мои пять золотых и твоя карта?.. – робко предложила я.

Сперва он обомлел, но потом рассмеялся. Ну и, конечно, потом я вернула ему деньги за бензин. И все же теперь хотелось бы избегать подобных ситуаций.

Я осторожно тронулась с места. Поскольку я давно не садилась за руль, то, выезжая с парковки, задела машину сзади. Сработала сирена.

Вот черт...

Я махнула рукой. Машина затихла, а небольшая вмятина исчезла. С черепашьей скоростью, из-за которой остальные машины меня обгоняли, я добралась до многоэтажки Петрека и выдохнула с облегчением. Ненавижу водить – общественный транспорт в миллиард раз лучше. Там можно просто ехать, ни о чем не думая, расслабиться, разглядывая виды за окном. В машине было иначе. Нужно было следить за множеством вещей сразу: руль, педали, коробка передач, поворотник, зеркала. Порой я просто терялась.

Вдобавок я до конца так и не освоила парковку.

Вскоре в машину сел Петруша, потягивая йогурт.

- Привет, - улыбнулся он и пристегнул ремень безопасности.

Он знал, как я езжу, и всегда пристегивался.

Как обычно, разговор завела я. На его присутствие я реагировала двумя способами: либо так волновалась, что совершенно не знала, что сказать, либо болтала без умолку обо всем на свете. Сегодня я болтала...

- Именно поэтому Марек думает, что у меня есть парень... - закончила я свой рассказ. - Ты не мог бы составить мне сегодня компанию за ужином, притворяясь моим парнем?

Петрушка громко рассмеялся.

- С удовольствием бы, но не могу. Во второй половине дня еду к друзьям в Гданьск. Прости.

Я разочарованно вздохнула. И что теперь делать?

- Правда не могу. У подружки сегодня день рождения, - признался он.

Я чуть не нажала на тормоз, а йогурт чуть не оказался на его рубашке вместо баночки. Нужно ему было так откровенничать, когда я за рулем?

- Но, если что, можешь сказать, что я сегодня не могу, - предложил он.

- Нет... Я уже сказала, что приведу сегодня тебя... то есть моего парня... - ответила я, разочарованная им и всем миром.

- Ну, что ж... прости, но сегодня не могу, - повторил он. - Но, уверен, тебе удастся кого-нибудь найти.

Я не разделяла его оптимизма и совершенно не представляла, что делать. Ну, что ж... В крайнем случае, скажу Мареку, что «мой парень» сегодня все-таки не сможет. Только я уже заверила его, что приду вместе с ним. Зная Марека, если я попытаюсь увильнуть, он сразу же начнет что-то подозревать.

После занятий я возвращалась домой одна. Мы закончили в разное время. Я вошла в свою квартиру и села на диван. Бегемот несмело притулился ко мне и потерся об меня своей головкой, чтобы я его погладила.

Посреди комнаты появилась черная дыра. Я глянула на часы. Ну да... Час дня.

Из черной дыры вышла Смерть и встала прямо напротив нас. Бегемот стал яростно шипеть, а Смерть заслонила рукой и отступила на пару шагов.

- У тебя есть кот?! - вскрикнула она, напугавшись.

Заинтригованная ее реакцией, я взяла котика на руки, чтобы он, обезумев, не кинулся вдруг на нее. Что же это, Смерть желает мне зла, а Бегемот это распознал?

- Не любишь кошек? - недоверчиво спросила я, подходя ближе.

Как я и думала, она отстранилась.

- Скажем так, недолюбливаю, - проворчала она, пятясь назад. - Кошки чуют смерть, катаклизмы. Предупреждают людей. Не нравятся они мне.

Я кивнула в знак понимания. Что-то в этом было.

Смерть бросила мне под ноги папку с очередным заданием и наколдowała черную дыру.

- До встречи в следующий раз. - Она прыгнула в дыру так быстро, что зашелестели полы ее рясы.

Я почесала Бегемота под подбородком. Он громко замурлыкал. Я подняла папку клиента и отправилась домой в Лос-Дьяблос. Там кот тут же выпрыгнул с моих рук и сквозь открытую дверь понесся на террасу гонять птиц. Я опустила на шезлонг у бассейна, вглядываясь в безоблачное небо.

Видимо, придется попросить об этом его...

Интересно, согласится ли он?

Я неподвижно сидела рядом с Бартеком, своим парнем, а напротив меня сидел брат, который не спускал с него глаз. Будучи дьяволицей, я могла читать мысли, крутившиеся в его голове. Ни одна

из них не была положительной.

Бартек зевнул. Ему явно было скучно. Если честно, я удивилась, что он вообще согласился. Думала, после вчерашней ссоры он меня пошлет.

Белет посмотрел на моего брата, который все это время его оценивал. Улыбнулся ему. Марек не улыбнулся в ответ. Дьявол тяжело вздохнул.

Я пнула его под столом. Он медленно повернул ко мне голову и вопросительно вскинул брови.

К счастью, в комнату вошла моя будущая невестка (свадьбу назначили на июнь) с миской какого-то салата. На этот раз вздохнула я. В отличие от моего брата, она была нормальной. Может, хоть сейчас мы сможем продолжить разговор.

– Бартек, надеюсь, тебе понравится. – Она широко улыбнулась и положила салат на его тарелку.

– О да, – восторженно воскликнул он. – Обожаю хорошую кухню.

Марек тоже немного расслабился. Но Белету обязательно надо было нарушить это минутное перемирие.

– Да... Люблю хорошую кухню, а также ванн комнаты и спальни. Особенно спальни, – продолжил он с невозмутимым спокойствием.

Марек тут же застыл, а его лицо превратилось в маску. Я ударила Белета снова.

– Но больше всего я люблю прихожие, – закончил он, глядя мне прямо в глаза. – Повезло мне, что у меня не остается синяков, правда?

Невеста Марека, Наталья, слегка искусственно улыбнулась и упомянула прекрасную сегодняшнюю погоду. Я подхватила эту тему, и мы мило с ней побеседовали, стараясь не затрагивать острые вопросы. К разговору не присоединился ни Белет, который был слишком занят разглядыванием комнаты, ни Марек, который, видимо, силился убить дьявола одной силой воли.

В конце концов Наталья не выдержала и шикнула на Марек:

– Хватит играть в молчанку. Разве так ведут себя с гостями?

Марек неохотно отвел взгляд от Белета.

– Может, расскажешь им анекдот про змея? – предложила Наталья и умоляюще посмотрела на меня.

– Точно! – поддакнула я. – Марек, расскажи анекдот про змея, я его еще не слышала! Наверняка смешной.

Даже Белет заинтересованно посмотрел на моего брата, который соорудил скромную мину (притворщик, как обычно) и стал рассказывать.

– Так вот, Эдем. Адам и Ева сидят у речушки без всякой одежды. Тут Ева слышит голос. Обращается, а там под кустом сидит змея и что-то ей шепчет.

– Разве змея может сидеть? – встрял Белет.

– Бартек, заткнись, пожалуйста, – процедила я.

– Ну что? Я просто хотел убедиться... – пробормотал себе под нос Белет, притворяясь тугодумом.

Не обращая на него внимания, я виновато улыбнулась брату.

– Продолжай, – сказала я.

Марек прочистил горло и, буря взглядом Белета, продолжил рассказ:

– Короче, Ева подходит к нему и слушает, что он ей говорит. А змей пытается ее убедить, мол, ну съешь это яблоко, съешь, смотри, какое оно красивое. Ну, Ева и съела. В конце концов, она же женщина, нет?

Наталья тут же ткнула его в бок.

– В любом случае, съела Ева это яблоко. Внезапно небо потемнело, и раздался громкий голос: «ЕВА! В НАКАЗАНИЕ ТЫ ЗАПЛАТИШЬ ЗА ЭТОТ ГРЕХ БОЛЬЮ И КРОВЬЮ!» А затем Бог изгнал Адама и Еву из рая. Спустя какое-то время Ева встречает змея и говорит: «Видишь, что ты натворил? Теперь

из-за тебя мне придется заплатить за этот грех болью и кровью!» А змей ей на то: «Ну, куколка, не дуйся. Я все уладил. Договорился, чтобы ты погасила долг удобными ежемесячными платежами!»

Марек громко рассмеялся, Наталья и я неуверенно рассмеялись вместе с ним. Только Бартек не изменился в лице.

– Не стоит смеяться над Богом... – кисло произнес он.

Марек тут же умолк и соорудил обиженное лицо – он не привык к тому, что кто-то не смеется над его шутками.

– Так откуда ты, говоришь? – спросил он Белета.

– Я не говорил, – ответил дьявол, любезно улыбаясь.

Однако Марек не терял запала:

– Так, может, скажешь?

– Бартек из Варшавы, – быстро приняла я эстафету. – Мы учимся вместе. На одном курсе.

Марек подозрительно глянул на меня:

– А выглядишь старше малышки.

Белет вскинул брови.

– Малышки? – Он повернулся ко мне: – Ну и ну... а вчера ночью ты уверяла меня, что ты совершеннолетняя...

У Марека в очередной раз глаза чуть на лоб не вылезли.

– Он шутит, – быстро сказала я и снова пнула дьявола под столом, на что он отреагировал лишь скучающим вздохом. – Мы правда одного возраста.

Марек положил руки на стол и начал нетерпеливо постукивать пальцами по столешнице. Белет посмотрел на него и усмехнулся.

– Мы не спим друг с другом, если это ты имел в виду, – сказал он.

Он прекрасно знал, что именно это Марека и интересует. Его мысли прямо-таки кричали об этом нам. Мой брат слегка расслабился.

– Но, думаю, как только Вики слегка опьянеет... – протянул Бартек, невинно улыбаясь.

Марек громко втянул в себя воздух. Наталья разразилась громким смехом, хлопая по руке брата, которая уже сжалась в кулак.

– Ах, Бартек, ты такой забавный! – Ее смех звучал так же искусственно, как и мой. – Хорошо, что Вики нашла кого-то настолько... милого!

Позже, когда Белет провожал меня домой, мне хотелось его прикончить.

Он специально пытался разозлить моего брата, строя из себя полного идиота. Я уже собиралась все ему высказать, как вдруг он тихо произнес:

– У тебя хороший брат. Он заботится о тебе.

Вся моя злость куда-то улетучилась в одно мгновение. Мне стало жаль Белета. У него никого не было, а за то, что он захотел иметь кого-то, его понизили до бумажной работы в Распределении на три тысячи двести лет.

– Иногда он бывает слишком назойливым, правда, – отметила я.

– Факт, – признал он. – И у него отвратительное чувство юмора...

В этот раз он не стал преграждать мне путь – встал в метре от меня, скрестив руки за спиной. Это удивило меня.

Я тяжело вздохнула. У меня тоже никого не будет. Все из-за того убийцы, который напал на меня. Жалость тут же улетучилась, а ее место заняла ярость. Он должен заплатить за то, что сделал. Наверняка теперь он ходит по улицам, наслаждаясь свободой. В конце концов, мое тело исчезло, исчезли и все следы преступления.

- Доброй ночи, - пробормотала я Белету.

Он печально кивнул и наколдовал свою красочную дверь, в которой тут же исчез. Даже не поцеловал меня в щеку на прощание.

Ну и ладно.

Следующие два дня я не ходила на учебу. Не хотелось. Слонялась по Лос-Дьяблосу и нигде не могла найти себе места. В мыслях постоянно всплывал мой убийца. Я пыталась вспомнить, как он выглядел, тембр его голоса, его рост.

Я сделала глоток крепкого кофе, оглядывая маленькое кафе на шумной набережной у пляжа. Медленно сгущались сумерки, отбрасывая длинные тени пальм на асфальт. Прямо перед моим столиком прошел какой-то мачо в набедренной повязке, держа в руках длинное копье. Он глянул на меня поверх своей густой бороды и улыбнулся. Я не улыбнулась в ответ.

– Ах, ты его так огорчила, – шепнул мне кто-то на ухо. – Он так хотел завоевать новую женщину. Предыдущая, видимо, бросила его ради какого-нибудь Робин Гуда в трико.

Я посмотрела на Азазеля, который уселся на стул рядом со мной.

– Пещерные люди меня не интересуют, – сказала я.

– А дьяволы?

– Тебе кто-то на меня пожаловался?

Азазель от души рассмеялся.

– Нет. Белет – мой товарищ, но со мной ничем не делится. Думаю, он никогда не доверял мне до конца.

Я допила кофе и отставила чашку.

– А есть ли вообще кто-нибудь, кто тебе доверяет?

– Полагаю, такой человек еще не родился или не был создан, – гордо ответил он.

Официант подал ему кофе. Я поблагодарила, когда он поставил передо мной кремовое пирожное. А что? Могу побаловать себя время от времени.

Азазель с интересом наблюдал за мной, потягивая кофе. Он улыбался, но в его глазах читался голод. Я прекрасно осознавала, что это не из-за пирожного.

– Ты странно на меня смотришь... – отметила я.

Он громко засмеялся и весело похлопал себя по колену.

– Теперь ясно, почему Белет ходит такой недовольный. Ты не даешь ему даже пофлиртовать с тобой!

Я пожала плечами. Не мои проблемы.

– Почему ты такая злая? – Он придвинулся ближе.

Несколько прядей, выбившись из его косы, упали на высокий лоб. Я изучающе его оглядела. Азазель, как и все дьяволы, был очень красив и мужественен. Только если Белет с его искренней улыбкой и блестящими веселыми глазами обладал мальчишеским обаянием, Азазель был его полностью лишен. Циничная усмешка, проницательный взгляд прищуренных глаз.

Все в нем было черным. Волосы, глаза, одежда. Наверняка и сердце тоже.

– Не бери в голову, – пробормотала я.

– Ты можешь поделиться со мной, – сказал он. – В конце концов, это благодаря мне ты здесь. Меня беспокоит твое благополучие.

Я неохотно глянула на него. Не верила его словам.

И все же мне хотелось с кем-то об этом поговорить, но я не знала с кем. С Белетом мы поссорились, кроме того, он бы посчитал это полнейшей глупостью. Клео могла отказать мне в помощи. Никогда не знаешь, что у нее на уме.

– Я все время о нем думаю, – вздохнула я.

Азазель молча кивнул и отпил кофе.

– Так хочется его убить, но знаю, что этого нельзя делать. Кроме того, наверное, я бы и не смогла

этого сделать.

Дьявол слегка побледнел, но ничего не сказал. Громко проглотил кофе.

– Меня так злит то, что он сделал, как себя повел. Все могло быть иначе. Моя жизнь могла бы быть другой. Я могла бы столького добиться.

Азазель до сих пор не отзывался и слегка отодвинулся от меня.

– Я так его ненавижу! Хочу, чтобы все было как раньше. Ты даже не знаешь, как я по этому скучаю.

– Знаешь... – начал Азазель, подбирая слова. – Может, ты прямо ему скажешь, что не хочешь с ним целоваться... Белет наверняка поймет. Зачем сразу убивать?

Я смотрела не него, не понимая, о чем он говорит.

– Что? Я говорю о своем убийце... – прояснила я.

– А-а-а... – облегченно выдохнул дьявол. – Это хорошо, потому что, в общем-то, я люблю Белета. Порой он страшный трус и в штаны готов наложить, но он мне нравится.

Красивый дьявол широко улыбнулся. Ветер играл прядями его черных как смоль волос, отбрасывая их ему на лицо.

– Странная у вас дружба, – кратко сказала я.

– А с убийцей, скажу я тебе, не такая плохая идея, – сказал он, игнорируя мои последние слова. – Я бы на твоём месте уже давно его убил.

Он сидел, развалившись на стуле, скользя взглядом по людям, неспешно шагавшим мимо нашего столика. Он походил на черную кляксу на фоне пастельной набережной. Единственной не черной вещью на нем была небольшая индейская подвеска из перьев на груди и серебряное колечко в ухе, напоминающее пиратское украшение.

В нем было что-то от Джека Воробья. Такие же лукавые глаза.

– Я не смогу его убить... – грустно вздохнула я.

Азазель бросил на меня быстрый взгляд.

– С одной стороны, да, и в общем-то, с другой, это хорошо. Поверь мне, – пробормотал он и беспокойно поерзал на стуле. – И все же месть сладка.

Я представила, как стою над своим убийцей, а он рыдает у моих ног, умоляя меня простить и пощадить его. Приятный образ.

– В конце концов, разве ты должна убивать его прямо сейчас? – продолжил Азазель спокойным голосом. – Можешь напугать его или покалечить. В любом случае ты должна сделать что-то, чтобы он больше никогда не тронул ни одну женщину.

Я посмотрела на него. Азазель был прав. Этот тип мог убить еще кого-нибудь! Я даже не подумала об этом! Может, он серийный убийца? Я должна остановить его! Черт со мной, я во второй раз не умру, но ведь он мог навредить кому-то еще. Может, даже больше, чем мне. Можно сказать, мне еще повезло, а кому-то могло прийти еще хуже...

– Ну, разве мне говорить тебе, что делать? – Он весело ухмыльнулся. – Сама ведь знаешь, что хорошо, а что плохо. Каждый грех требует наказания. А такой громадный грех, как убийство, особенно... – Он сделал многозначительную паузу.

Я поморщилась. У меня бы не получилось причинить ему боль. Я не агрессивна. Во всяком случае, не настолько, чтобы намеренно кого-нибудь покалечить.

– Думаешь, следует отомстить? – убедилась я.

– Дорогая, я ничего не думаю. Я не вправе ничего тебе советовать. – Он говорил тепло, но его глаза оставались холодными.

Я задумалась. Его правда нужно было обезвредить. Кроме того, мне хотелось узнать, почему он убил меня. Почему именно я? Может, он сможет это как-то объяснить.

Я посмотрела на Азазеля. Не хотелось бы рассказывать ему эту часть моего плана: я еще не успела познакомиться с адскими обычаями. Он же привел меня сюда. Кто знает, вдруг бы он обиделся,

если бы я сообщила ему, что мне кажется подозрительным отсутствие Смерти во время моей кончины?

– Ага... – пробормотала я.

– Но у Клеопатры есть некоторый опыт, – натолкнул он меня на мысль. – Полагаю, тебе стоит спросить совета у нее. Как бы там ни было, наша дьяволица отомстила всем, кто когда-либо досадил ей.

Я усмехнулась себе под нос. Да! Обращусь за помощью к ней. Вместе мы что-нибудь придумаем.

– Спасибо, Азазель, – сказала я, поднимаясь со стула. – Ты мне очень помог.

– Милая, я ничего не сделал, – возразил он. – Мы всего лишь немного поговорили о грехах и возможных решениях.

– Ладно, не важно. Я пойду.

Я помахала владельцу кафе и вставила ключ в стену.

Уже переступив через порог, я обернулась и посмотрела на Азазеля. Он хищно наблюдал за мной, словно волк за добычей. Белет был прав – он был странным...

– Клео! – крикнула я, войдя в ее дом.

Я не стала ждать, когда она крикнет в ответ «входи!». Зачем? Раз она не уважает мое личное пространство, то и я не должна уважать ее. В общем, она и так мне не сильно удивилась. Царица сидела за позолоченным столом и разбирала какие-то бумаги.

Я неуверенно окинула взглядом комнату, которая оказалась огромным тронным залом. В углу сидел даже леопард в золотом ошейнике... В общем, этого и следовало ожидать.

– О, привет, – поздоровалась она, даже не глядя в мою сторону. – У меня новое задание. Завтра скончается епископ из Франции. Он будет моим. Только придется немного постараться. Он на монахиню ни разу даже одним глазком не взглянул. Безнадежный случай...

Я разочарованно вздохнула. Она была занята...

– Кстати, в дверь надо стучать шесть раз, – сообщила она мне.

– Что, прости?

– Шесть раз. Ты постучала дважды.

– Почему именно шесть, а не пять? – Это не укладывалось у меня в голове.

– Таков адский обычай. – Она вернулась к чтению документов.

– Не найдешь для меня пару минут? – простонала я, садясь в золотое кресло напротив нее.

Все в помещении было золотым либо мраморным. Если бы свет был ярче, можно было бы ослепнуть.

Она посмотрела на меня и нахмурилась. Корона слегка съехала в сторону.

– Я немного занята... За несколько тысяч лет я не проиграла ни одного торга. Не могу портить себе статистику. Чего тебе надо?

– Помнишь, я говорила тебе, как я умерла? – начала быстро объяснять я. – Меня убил какой-то тип в парке. Мне кажется, он может быть опасен, и я обязана что-то сделать, пока он не навредил кому-либо еще. Хотела спросить, поможешь ли ты мне.

– Хочешь его убить? – буднично спросила она, откладывая ручку в сторону.

– Нет... Наверное, просто напугать или что-то в этом роде.

Она скривилась, изящно сморщив точеный носик.

– Жаль... Никакого веселья.

Я потеряла дар речи. Думала, она посчитает меня поехавшей, которой нечего делать, кроме как копаться в прошлом, а она... ну... выглядела так, будто ей было только в радость. На будущее надо запомнить, что ее лучше не злить – она может и отомстить потом.

- Ладно, и так повеселимся. Помучаем его... Когда отправляемся?

Я посмотрела на бумаги на столе:

- А епископ какой-то там?

- Пф, - фыркнула она. - Я царица Египта. На всей планете нет такого человека, который бы не сделал то, чего я пожелаю. Давай пойдем поиграем с твоим убийцей! - Она хлопнула в ладоши. - Будет весело, говорю тебе!

Она встала, и длинное полупрозрачное платье растеклось по плитке. Павлиньи перья, украшавшие длинный шлейф, собрали с пола всю пыль. Несколько килограммов украшений на шее Клеопатры ослепительно сверкнули в свете ламп.

- Знаешь что? - сказала я. - Уже, правда, темно, но ты будешь слегка выделяться из толпы...

Убийца, скорее всего, высмотрел меня в «Стодоле». Наверняка он вышел за мной из здания, а затем скрылся в темноте меж парковых деревьев. Нашу маленькую охоту мы решили начать отсюда.

Я заставила Клеопатру одеться нормально: она должна была стать приманкой для убийцы. Я сменила цвет волос и черты лица, чтобы он меня не узнал, а Клео произвела настоящий фурор. Огромный вырез ее блузки и вызывающий (для нее – нормальный) макияж притягивал взгляды полчищ студентов.

Мы были в клубе уже несколько часов. Мне становилось скучно, но я была уверена, что встречу его сегодня. Какое-то предчувствие, что сегодня у нас все получится.

К нашему столику подошел какой-то парень.

– Эй, потанцуем? – спросил он Клео.

Она критически оглядела его, потягивая коктейль через соломинку.

– Э-э... ты худоват, – ответила она.

Парень пару мгновений стоял с глупой миной, не зная, как отреагировать. Я пожала плечами, когда он посмотрел на меня в поисках помощи. Он ушел к своим друзьям и что-то им сказал. Они стали над ним смеяться. Бедняга. Ну, видимо, «царице Египта» накачанные красавчики больше по вкусу.

– Эти студенты просто безнадежны, – сказала она. – Вот были же мужчины когда-то. Высокие, крепко сложенные, энергичные... А эти? – Она показала пальцем на группу прыщавых задохликов, пыжившихся найти себе девушку. – Какая-то ошибка эволюции. В свое время такие умирали сразу после рождения, настолько хиленькими они были...

– Вы умели посочувствовать другим, – пробормотала я.

В какой-то степени она была права. Студенты в большинстве своем выглядели как пьяные в стельку астматики, которым только-только удалось удрать из-под маминой юбки. «Где эти мужчи-и-и-и-ны?» – видимо, их стало не хватать уже во времена Дануты Ринн.

К нашему столику подошел очередной паренек. Он был низеньким, а длинные мышинные волосы, убранные в хвост, делали его похожим на девушку. Он казался таким... хрупким.

Паренек застенчиво нам улыбнулся и поднял руку. Только он раскрыл рот...

– Мамочку потерял? – спросила Клео и громко отхлебнула коктейль через трубочку.

– Э-э... – выдавил он, повернулся и скрылся.

Я посмотрела на танцующие пары. Сплетение тел, изгибающихся в такт музыке. Короткие юбки, расстегнутые рубашки, разноцветные всполохи света, скользящие по фигурам танцоров.

Я оперлась на локоть. С удовольствием бы сейчас потанцевала. Даже знаю с кем.

– Ты не видишь убийцу? Здесь так скучно. Даже глаз не на кого положить, – утомленно произнесла Клеопатра, резко возвращая меня с небес на землю. Мечтания мои были бесплотны: Петрек никогда не танцевал. На вопрос «Почему?» он красноречиво отвечал: «Потому что нет».

– Не вижу. – Я обвела взглядом забитый людьми зал. – Я практически не помню, как он выглядел...

– Постарайся вспомнить.

– Представь себе, я стараюсь...

Внезапно мое внимание привлек высокий мужчина, стоявший в углу. Он был неряшливо одет, на лице двухдневная щетина. Интересно, как охранники вообще пустили его сюда. Он тревожно оглядывал зал. У меня перед глазами встали образы: ночь, холод, шаги за спиной.

Эти глаза. Эти ужасающе пустые глаза!

– Это он. – Я указала пальцем на мужчину.

– Ты уверена? – спросила Клеопатра.

– Да, – ответила я. – Уверена.

Я пригляделась к нему снова. Тусклый взгляд над грязной щетиной. Противная улыбка. Это он! Сто процентов!

Клеопатра выставила руку с высоким стаканом, в котором осталось еще немного «Текилы санрайз», за стол. Стакан звонко разбился о пол и разлетелся на мелкие осколки, оранжевая жидкость облила нашу обувь. Я уже хотела крикнуть на нее, что она испортила мои туфли, как вдруг она выкрикнула:

– Дура! Я тут больше не останусь! Ухожу домой!

– Но... – начала я.

– И без твоей машины обойдусь! Пойду пешком. И разговаривать я с тобой не собираюсь! – продолжала разыгрывать сцену Клеопатра. – Иду домой! И не пытайся меня остановить!

Она гордо вскинула голову и прошла мимо меня, наступая на стекло подошвами сапог на высоком каблуке. Равновесие она сохраняла без проблем. Вот это мастерство!

К выходу она прошла мимо бородатого неряхи. Она метнула на него презрительный взгляд черных глаз, оглядев его с головы до ног. Мужчина повернулся и мгновение спустя вышел следом за ней. Он открыл охоту.

Я храбрости ради допила свой коктейль и тоже отправилась поохотиться.

Мы договорились заранее, что Клеопатра пойдет в полную глушь. Она пересекла широкую улицу, прошла мимо паба «Зеленый Гусь» и направилась в аллею. Убийца уверенно следовал за ней. Он даже не задумался, зачем молодая женщина в одиночестве направляется в темный парк около полуночи. Либо наивный, либо идиот.

Я вернула себе свои черты лица и волосы. Теперь он должен был узнать меня.

Клеопатра шла, беззаботно размахивая сумочкой. Убийца тихо шел по ее следам, словно кот. Вдруг она остановилась и стала рыться в сумочке. Достала серебряный портсигар.

Убийца прошел мимо нее, будто он вовсе не преследовал ее.

– Эй, прикурить не найдется? – обратилась к нему царица.

– А что я получу взамен? – Он подошел ближе.

Теперь и она увидела его безумные глаза. Вызывающе улыбнулась.

– А чего бы ты хотел?

Я подошла к нему сзади. Все воспоминания ожили в моей голове. Я почувствовала боль в области желудка – там, куда он ударил ножом.

– Тебя, – ответил он хрипло.

– Ну, тогда *сорри*... Обойдусь без огонька, – пожала плечами царица.

Он резко схватил ее за руку и дернул к себе.

– Ты так уверена в этом?

– Она уверена, – сказала я, выходя из темноты.

– Что... – начал он, но вдруг нашел меня глазами.

Он быстро отпустил Клео и отскочил от нее. Впился в меня безумным взглядом.

– Это... это... – лепетал он.

– Именно, кретин, это ее ты убил, – услужливо помогла ему Клеопатра.

Мужчина запаниковал. Он водил испуганными глазами по моему лицу, фигуре, одежде.

– Это невозможно. Ты мертва! Я убил тебя! Ты рассыпалась в прах на моих глазах! – вскрикнул он.

Я вспомнила, что рассказывала мне Клео. Это было правдой – после подписания договора мои земные останки должны были исчезнуть.

Ад порядочен – всегда убирает за собой.

Убийца бросился бежать. Черный грязный плащ запутался в его ногах. Клеопатра протянула к нему руку, мужчина повис в воздухе и начал кричать.

– Заткнись, а, – пробормотала я и махнула рукой. Он затих в одно мгновение.

Я посмотрела на свою руку. Эта мощь, сила, власть. Это было нечто потрясающее!

Клеопатра перенесла мужчину к самому большому дереву и прицепила к нему. Каким образом? Понятия не имею. И все же убийца, прикрепленный к стволу, висел рядом с нами и не мог пошевелиться. Его глаза тревожно бегали из стороны в сторону, останавливаясь то на мне, то на Клео.

– Ты знаешь, что наделал, неандерталец? – Царица ткнула его пальцем в грудь. – Ты убил мою подругу! А теперь ты понесешь за это наказание. Прямо из Ада.

Она демонически рассмеялась. Даже у меня по телу прошла дрожь. Не хотела бы я быть ее врагом.

Я тоже встала напротив него, дабы не выходить из роли.

– Почему ты меня убил? – спросила я и махнула рукой, возвращая ему голос.

Он тут же начал звать на помощь. Клеопатра заставила его заткнуться.

– Нет смысла. Он тебе этого не расскажет. К тому же посмотри на него. Псих какой-то, – быстро произнесла она. – Нет смысла с ним разговаривать. Давай быстро сделаем то, зачем пришли.

Я закусил губу. Но я хотела именно поговорить с ним. Черт побери!

Я смотрела на него с презрением и ненавистью. Он отобрал мою жизнь. Я потеряла из-за него абсолютно все!

– Может, попробуем еще раз? – предложила я. – Вдруг он что скажет...

– Не думаю. Он слишком напуган. А если и скажет, то может соврать.

– Ну в общем-то...

– Так что будем делать? – спросила Клеопатра. – Как я вижу, убивать его ты не хочешь. А жаль. Он заслужил.

Я задумалась на мгновение. Я действовала импульсивно, до сих пор не зная, что хотела с ним сделать и хочу ли я вообще что-нибудь с ним сделать. Из-за этого меня слегка мучила совесть.

– Ты заметила, что убийцами, педофилами и насильниками всегда оказываются мужчины? – спросила моя спутница, разглядывая его с интересом, словно некую находку. – С мужской психикой что-то не так. Они просто ненормальные.

– Встречаются и нормальные, – подумала я о своем Петруше.

– Да, но сам факт. Ты слышала когда-нибудь, чтобы женщина совратила ребенка? – Она фыркнула, презрительно глядя на убийцу. – Зато мужики делают подобное снова и снова. Сразу видно, кто у богов вышел лучше. Мужчина, может, и появился первым, но идеальными получились женщины, а не эти прототипы...

Я никак не прокомментировала эту феминистическую болтовню. Клеопатра была склонна к таким суждениям. Уже который раз мне приходилось выслушивать, что женщины стоят на более высокой ступени эволюции, чем мужчины.

К тому же меня не интересовали другие извращения. Меня интересовал только этот конкретный убийца.

– Не знаю, что с ним делать, – обреченно вздохнула я. В голове было пусто.

Клео хлопнула в ладоши, возвращая убийце голос.

– Ты хотел ее убить или изнасиловать? – спросила она.

– Изнасиловать! – взревел он, видимо считая это менее тяжелым преступлением.

Царица щелкнула пальцами, снова отбирая у него голос.

– Хотел тебя изнасиловать, – сообщила она мне, хотя я прекрасно слышала его слова. – Кастрируем его! – Она с удовольствием потерла руки.

Мужчина, прицепленный к дереву, уставился на нее во все глаза. Не в состоянии выкрикнуть что-либо, он начал пищать. Видимо, он понял только теперь, что нужно было ответить, будто он хотел меня убить.

– Да! – воскликнула я. – Ему пойдет только на пользу. Сможет устроиться в оперу, как только голосок станет высоким.

– Не-е-е-ет, – Клеопатра задумчиво потерла подбородок. – Их надо было кастрировать в детстве, чтобы голосовые связки не выросли или что-то типа того... Не знаю, никогда не любила оперу...

Я глянула на убийцу. Да уж... У этого вырос бы только осевой скелет, потому что позвоночника у него точно не было. Он вопил как маленький ребенок. Скорее моллюск... Или креветка...

– Ладно, не важно, – махнула я рукой. – Петь высоко он не будет. Главное, чтобы он больше не тронул ни одну женщину.

Клеопатра хлопнула в ладоши, ее глаза сверкнули в темноте. Вся эта ситуация чрезмерно забавляла ее.

– С чего начнем? Надо снять с него штаны!

Будто бы в ответ на ее слова мокрое пятно расплзлось по его штанам в области промежности.

Клеопатра отступила на пару шагов с отвращением на лице.

– Фу, он описался. Я его там трогать не буду. – Она указала на его пах. – Трус!

Я громко рассмеялась. Бедная кровожадная царица. Жертва в приступе паники испортила ей все веселье.

– Ладно, кастрируем его с помощью силы, – сказала я. – Думаешь, это решит проблему? Вдруг он потом снова кому-то навредит?

– Можем его кастрировать, а потом сделать из него овощ. Без особых чувств и способности мыслить он вряд ли кому-то навредит, – предложила она.

Я в шоке посмотрела на нее. Эх... Я не хотела делать ему ничего плохого. Конечно, приятно было представлять, как он ползает у моих ног, умоляя о пощаде, но действительно ли мне это нужно? Стоит ли мстить того?

Я громко вздохнула. Не могу... Я не смогу ни убить его, ни покалечить. Меня уже начинала мучить совесть.

– У тебя такое лицо, будто ты хочешь сказать, что мы ничего ему не сделаем, – отметила сухо Клеопатра.

– Я чувствую себя виноватой.

– А я нет, – сказала она и махнула рукой.

Парень начал пищать и извиваться, пытаясь освободиться.

– Что ты творишь?! – крикнула я.

– Уже ничего. – Она пожала плечами. – Представляю тебе господина Евнуха.

Я смотрела на нее в ужасе. Нет, она не могла этого сделать!

– Слушай, ты бы еще его отпустила домой и по голове погладила, мол, ему это все приснилось. Будь последовательна, женщина! Он тебя убил! А до этого хотел изнасиловать, только все испортил. Так ему и надо. Не умрет же он оттого, что ему яиц не хватает. – Она рассмеялась собственной шутке.

Убийца тихо всхлипывал. Лицо его было красным.

– А если ты тронешь еще хоть одну женщину, – Клеопатра ткнула его пальцем в судорожно вздымающуюся грудь, – то хрен свой тоже потеряешь. Запомни.

Где-то позади нас затрещала рация. Послышались шаги двух человек. О нет! Городская стража! И нужно им слоняться по парку посреди ночи?! Ну вот, уже нельзя спокойно помучить убийцу, потому что стража обязательно вмешается.

А где вы были, когда убивали меня?!

Мужчина, прилепленный к дереву, начал громко пищать и дергаться. Понял, что это его шанс спастись.

Стражники, обеспокоенные странными звуками, побежали в нашу сторону.

- Отвлеки их! - крикнула Клеопатра, подбегая с дьявольским ключом к ближайшему широкому дереву, на стволе которого поместились бы ее золотые ворота.

Интересно как?! Я не знала, что делать. Беспомощно наблюдала, как двое мужчин в форме влетели на небольшую полянку, где мы находились.

Что мне делать?! Я махнула рукой, и дерево рядом с ними загорелось. Испугавшись, они отпрыгнули назад.

- Иди уже сюда! - нетерпеливо окликнула меня Клеопатра.

Я вбежала за ней в золотые ворота, замечая, как стража смотрит на нас испуганными глазами.

- Это было незаметно, - пробормотала Клео, - как не знаю что...

На следующий день в университете все только и говорили о приклеенном к дереву мужчине и поджоге части Поля Мокотовского. От моего неудачного огненного шара успела загореться куча деревьев, прежде чем туда добрались пожарные.

Уже ходили невероятные слухи о том, что у преступников был огнемет, клей неизвестного происхождения (мужчину до сих пор не могли оторвать от дерева), а еще они настолько запугали «прилипалу», что он не хотел говорить, кто это сделал.

Ладно, признаю... Мы с Клео забыли отменить два заклинания, кроме того, я подняла шумиху, но чтобы все этим так заинтересовались?

Около полудня грянула весть, что мужчина кастрирован. Я как раз стояла с друзьями в коридоре, рядом с Петрушей, когда к нам подбежал с этой новостью Томек.

– Эй, но как это возможно, что у него на теле даже следов никаких не осталось? Будто у него никогда и не было яичек? Может, он крипторх?

– Кто? – поинтересовалась какая-то девушка.

– Ну, крипторх. Это у кого яички внутри тела, а не в мошонке. Боже, ты что, передачи про животных не смотришь? В восемь утра по выходным на «Пульсе» идет сериал про ветеринаров. – Зуза посмотрела на нас. У всех нас, видимо, было одинаковое выражение лица, поэтому она спросила: – Вы его тоже не смотрите?

Я отвернулась, давась смехом, Петрек закусил губу. У одного Томека не было такта:

– Женщина, ты совсем того?

Зуза ссутулилась.

– А что? Мне нравится этот сериал... – пробормотала она.

– В инете писали, что он не крипторх, – сказал Томек и довольно улыбнулся. – У него их попросту нет!

Он выглядел таким радостным, будто хотел добавить: «Разве это не чудо?!»

Черт... Почему их так это волнует? Я почувствовала еще большие угрызения совести.

– Вам не кажется, что он слишком уж мужественный для женщины? – продолжила Зуза, уверенная в своей теории. – Наверняка у него где-то есть эти яички. Иначе не было бы столько вторичных половых признаков...

Разгорелась дискуссия. Даже Петруша принимал в ней активное участие. Одна я не проронила ни слова. Думала, как все исправить, пока Белет обо всем не узнал. На самом деле я была удивлена, что он еще не появился тут с криком, что я нарушила какое-то там предписание.

– Что случилось? – спросил меня Петрек через пару минут. – Ты притихла. Все в порядке?

– Все хорошо, – улыбнулась я ему. – Сняли они его с этого дерева?

– Да, но им пришлось отдирать его с корой, – объяснил мне Томек. – О, кстати, ребята, пока я не забыл – вечеринка у меня! Сегодня вечером. Мы сдали еще один зачет – нам причитается. Присутствие обязательно!

Мне хотелось, чтобы вечеринка поскорее началась. Мне нужно было отвлечься, забыть про убийцу на какое-то время.

– Идешь? – спросила я Петрушу.

– Еще спрашиваешь?

Под конец дня молчание со стороны Белета стало меня беспокоить. Что-то было не так. Я вошла в свою квартирку. Мы возвращались сегодня вместе с Петрушей – он хотел поближе познакомиться с котом Бегемотом.

Не успел он войти в квартиру, как котенок, подпрыгивая, понесся к нему.

– Какой ты красивый. – Петрек взял пушистика на руки, а кот начал громко мурчать.

- Хочешь чего-нибудь попить или поесть? – спросила я, кидая сумку на пол и входя на маленькую кухню. – Может, сделать тебе чаю?

- Можно, – ответил он, садясь на диван.

Я посмотрела на полку, заставленную разноцветными коробками.

- Какой хочешь? Обычный черный, черный с жасмином, черный со смородиной, обычный зеленый, зеленый с ванилью, зеленый с персиком, зеленый с лимоном, красный с клубникой и ванилью? – перечисляла я все виды чая, которые у меня были.

- Э-э-э... А можно просто воды? – спросил он неуверенно.

Я рассмеялась. Я просто помешана на чае. Всякий раз, когда Петруша был у меня дома, он никак не мог выбрать. Я решила за него и заварила ему и себе обычный зеленый чай.

Я вытаскивала кружки из шкафа, когда из стены показалась голова Белета. В испуге я отскочила и уронила кружку, которая разбилась о пол.

- Нам нужно будет поговорить, – сказал он и скрылся, как только Петруша появился в дверях.

- Все хорошо? – спросил он.

- Да-да, – быстро кивнула я и наклонилась собрать осколки. – Выскользнула из рук.

Я посмотрела на Петрека, неосторожно схватилась за острый край какого-то осколка и больно порезалась.

- Ай! – Я отдернула руку.

На пальце тут же выступила кровь. Прекрасно.

- Сейчас помогу, – предложил Петруша и быстро убрал пол.

Я сунула руку под струю холодной воды. Палец продолжал кровоточить. Ранка была маленькой, но глубокой. Что я за растяпа. Как обычно, на что-то уставилась (в этот раз – на кого-то), и вот, пожалуйста... снова поранилась.

- Подашь мне пластырь? – попросила я. – Упаковка в ванной на полочке рядом с зеркалом.

Там, где я, всегда куча бинтов, перекиси водорода и пластырей. Случайно пораниться или ушибиться – в этом вся я.

Петруша встал рядом со мной и умело наложил пластырь.

- Спасибо, – улыбнулась я ему.

Он скромно пожал плечами и ушел. Я глянула под пластырь. Никакой ранки. Хорошо, что она не исчезла у него на глазах. Я не стала снимать пластырь, чтобы не вызывать у него подозрений.

Следующие несколько часов мы готовились к предстоящему зачету, повторяя материал. В последнее время мы часто так учились: сдавали зачеты один за другим, поэтому передохнуть даже времени не было. Мы сидели рядом на диване. Плечо к плечу.

И все! Он даже не прижался ко мне, не обнял, хотя мы много раз заглядывали друг другу в глаза... Эх.

В конце концов вечером он ушел, чтобы поесть и купить алкоголь для вечеринки у Томека. Как только он вышел, на стене появились двери из разноцветных стеклышек.

- Ты осознаешь вообще, что вы с Клеопатрой наделали?! – зарычал на меня Белет.

- Осознаю, – пробормотала я, – что мы немного напортачили.

- Немного? НЕМНОГО?! – кипятился он, кружа по комнате. – Я с самого утра сидел в Канцелярии, объяснялся перед Люцифером! Ты не понимаешь, что я обязан за тобой присматривать, чтобы ты не творила таких глупостей? Я выглядел некомпетентным. С самого утра пытаюсь все уладить!

Я слушала его, уставившись в пол. Гордиться было нечем. Еще и совесть вконец замучила.

- Он уже начал говорить? – спросила я, прерывая его тираду.

- Кто?

- Убийца, - объяснила я. - С ним ты тоже все уладил?

- Какое мне до него дело? Он сделал тебе больно, так что заслужил. Черт побери, не могли вы, что ли, повернуть все тихо и осторожно? С сегодняшнего дня ты не ходишь на Землю без меня, ясно?

Не собиралась я никуда его брать. Тоже мне, нянька нашлась.

- Не делай такое лицо, - погрозил он мне пальцем. - Я знаю, что у тебя на уме! Слышал, как ты с ним об этом говорила. - Он показал на дверь, из которой вышел Петруша. - Сегодня будет какая-то вечеринка, и я пойду с тобой!

- Ни за что! - воскликнула я.

Я не могла его с собой взять. Что бы подумал Петруша? Вдруг он решит, что Белет - мой парень?! Лучше уж вообще никуда не идти.

Я вспомнила, как сильно мне хотелось пойти на эту вечеринку. Кроме того, я уже сказала Петруше, что приду. Я должна была там появиться!

- Я не согласна, - заявила я, уперев руки в бока.

- Дорогая, - холодно улыбнулся мне Белет, - у тебя нет выбора.

Нет! Что подумает Петруша? Я не могу пойти с Белетом!

Дьявол закрыл уши руками и обиженно посмотрел на меня из-под темной челки. Его глаза заблестели теплым желтым светом.

- Хватит кричать в мыслях. Я все слышу, - буркнул он. - Я возьму с собой Клеопатру. Она притворится моей девушкой. Довольна?

Я успокоилась. Такое решение меня полностью удовлетворило. Нужно было только позвонить Томеку и спросить, могу ли я привести с собой еще двух друзей. Наверняка он не будет против. У него очень снисходительные (или глухие) соседи, которые смиренно терпели вечеринки примерно раз в месяц.

- Встречаемся в восемь вечера, - сказала я. - И скажи Клео, чтобы оделась нормально.

Он тяжело вздохнул и вставил в стену дьявольский ключ, до сих пор выглядя обиженным.

- Наконец-то познакомлюсь с твоим Петрушей, - заметил он.

Прежде чем я успела как-то отреагировать, он исчез. Мерцающий дверной контур светился на стене еще мгновение и вскоре тоже исчез. Я посмотрела на Бегемота, лежавшего на диване.

- Если бы он затевал что-то плохое против меня или Петруши, ты бы мне сказал, правда?

Однако кот даже не смотрел на меня...

Мы прошли через красочную дверь Белета на Жолибож. Я посмотрела на многоэтажку Томека. Именно здесь, на этом балконе, третьем сверху, четвертом справа, я влюбилась в Петрушу. Непонятно, зачем и как...

Если бы я могла что-то изменить сейчас, то сказала бы я, что меня все устраивает? Не знаю. А может, просто не вышла бы на этот балкон? Жить стало бы намного проще.

- Я должна наконец с ним познакомиться. - Клеопатра взяла меня под руку. - Он хоть красивый?

Я кинула на Белета яростный взгляд. Он рассказал ей!

- Мне нравится, - пробормотала я уклончиво.

Он был красивым. Особенно эффектно он выглядел слегка небритым. Моя лучшая подружка Зуза, правда, считала, что с щетиной он смотрится болезненно и совершенно несимпатично.

На мой взгляд, он был очень симпатичным. Ладно... этот его эгоизм, молчание и таинственность слегка раздражали, но он был самим собой. Я не замечала недостатков, а видела одни только преимущества (Зуза утверждала, что их не существует).

Мы зашли в забитую до отказа квартиру. Я сразу заметила Петрушу. Вместе с Томеком он смешивал различный алкоголь в высоких стаканах.

Как только Белет переступил порог, как по приказу все женские взгляды остановились на нем.

Действительно, посмотреть было на что. Рост примерно метр девяносто, идеальная точеная фигура, красивое, слегка мальчишеское лицо с искренними золотистыми глазами, на которые падали черные волосы, не уложенные сегодня в ирокез. Белет был очень красив.

Я снова удивилась, почему он мне не нравился. Безусловно, он привлекал меня, очень сильно. Но думала я только о Петруше.

Я представила своих дьявольских знакомых. В комнате раздался коллективный стон разочарования, когда я сказала, что Бартек и Клеопатра встречаются.

– Клеопатра? – обратилась к ней Зуза. – Довольно необычное имя.

– Царское, – ответила она.

На ней не было ни платья со шлейфом, ни дорогих украшений, но своей осанкой, каждым своим жестом она выделялась из толпы студенток. Она обладала природной элегантностью, шиком, некоторой долей эгоизма и превосходства. Все мужское внимание было приковано только к ней.

– Они слишком красивы, чтобы быть реальными, – тихо сказала мне Зуза, когда мы отошли в сторону. – Откуда ты их знаешь?

– С работы, – ответила я.

– Ты устроилась на работу? – удивилась она. – Ты ничего мне не говорила...

– Да я только на этой неделе вышла. Не хотелось сглазить. Ничего особенного, но лишняя копейка на шмотки в кошельке не повредит, – быстро сказала я. – Расскажу потом.

Мы договорились заранее, что если кто-то из моих знакомых спросит, то скажем, будто мы знакомы по работе в сфере бизнес-консалтинга. Я села рядом с Петрушей. Он тоже не сводил взгляда с Клеопатры.

– Они с Бартеком помолвлены, – сообщила я ему.

Он слегка потерял к ней интерес, но все же заглядывал в глубокий вырез ее блузки.

– У нее синдром принцессы, – неодобрительно сказала Зуза, когда Клео потребовала красное вино.

К счастью, Белет держал все под контролем: громко провозгласил всем, что он как раз принес вино и сейчас нальет Клео.

– Привет, я Клеопатра. – Она протянула руку моему Петруше, оглядывая его с головы до ног.

– Привет, – ответил он и сжал ее ладонь.

Она скривилась, явно ожидая, что он поцелует ее руку. Эх, не те времена сейчас, женщина. Хорошо, если парень вообще поздоровается... У меня в старшей школе в знак приветствия нужно было поцеловать друг друга в щеку – обмен микробами какой-то. Зато в универе? Возможно, это чисто варшавский обычай, потому что никто больше так не делает. Парни, конечно, жмут друг другу руки, но с девушками они так не здороваются. Порой не здороваются вообще.

В общем, Петруша ведет себя точно так же. Он всегда на всякий случай стоит в полутора метрах от меня, чтобы я, не дай бог, не потянулась поцеловать его в щеку. Не понимаю этого... Разве в его родном Мальборке парни не здороваются с девушками?

Когда Петрек отошел, Клеопатра наклонилась ко мне, чтобы поделиться своими мыслями.

Я залпом допила свой коктейль, чтобы хоть как-то это вынести.

– Студенты – это какой-то кошмар, – сказала она.

Ничего удивительного, я уже слышала это от нее в «Стодоле».

– Этот твой Петруша... Слушай... Ну, может быть. Эта щетина, черные волосы, высокий рост. Выглядит мужественно, ничего не могу сказать. В этом отношении он мне нравится, но... он такой увалень, ну прямо медвежонок, которого хочется потискать, – шептала она мне на ухо. – Но все равно красавчик, так бы и съела. В общем, одобряю.

Я начала сожалеть, что так быстро выпила весь коктейль.

– Спасибо, Клео, – ответила я. – Всегда мечтала это услышать.

– А теперь посмотри на него. – Она указала на Павла. – У этого есть фигура, мышцы. Сразу видно

тестостерон.

Мне очень хотелось рассмеяться вслух. Этот болван стоял рядом с Зузой и показывал ей свои бицепсы. Он весь надулся и стиснул зубы, чтобы напрячь мышцы как можно сильнее. Мне стало жалко Зузу: она выглядела так, будто хотела умереть. Павел скривился еще сильнее и выглядел просто ненормальным.

Белет сел с другой стороны от меня, занимая освободившееся место Петруши. Черт... Он указал на Павла, который от натуги весь покраснел. Я вспомнила анекдот про блондинку и трепанацию черепа. Нейрохирурги внутри вместо мозга нашли только натянутый поперек шнурок. Когда они его разрезали, у блондинки отвалились уши.

Павел выглядел так, будто у него сейчас что-то лопнет либо уже лопнуло...

– Ты... Он что, под кайфом? – спросил меня Белет.

– Нет, это его обычное выражение лица, – ответила я.

Клеопатра внимательно следила за ним.

– Да, он вполне себе... – подытожила она, облизывая губы.

– Клео... он принимает стероиды, кокс, что угодно, чтобы так выглядеть, – объяснила я ей. – К тому же в интеллектуальном плане он примерно на уровне тапка...

– Стероиды? – Она скривила свой изящный носик. – Пф, так он фальшивый? Нет, пластиковые парни – это печально. Он мне разонравился.

Я громко рассмеялась.

– Не то что наш Белет. – Она погладила его по мускулистому плечу и подмигнула мне: – Стопроцентно натуральный!

Я поморщилась от этой явной рекламы.

– Может, еще биоразлагаемый? – фыркнула я.

Клеопатра нахмурилась, не понимая, что я ей говорю. Она попыталась произнести слово «биоразлагаемый», но после трех попыток сдалась и снова стала наблюдать за Павлом, прищурившись. Она что, ослепла?

Я глянула на Белета, который никак не отреагировал на наши слова. Он нас вообще не слушал – вместо этого он внимательно следил за каждым движением Петруши. Не сводил с него глаз.

– Перестань так пялиться на него, – прошипела я.

Он перевел взгляд на меня. Золотистые глаза горели огнем, но в них не было ни единой эмоции. Одна пустота.

– Не понимаю, что ты в нем нашла, – сказал он.

– Не все можно понять, – съязвила я.

– Поменяйся со мной местами, – потребовала Клеопатра и втиснулась между мной и Белетом.

Сразу стала шептать ему что-то на ухо. Я не обращала на них внимания; рядом со мной сел Петруша и подал мне стакан с загадочной смесью, которую только что намешал Томек.

– На помощь! – Перед нами как из-под земли выросла Зуза и упала мне на колени. Я охнула. – Еще секунда в его обществе, и я повешусь!

За ней неотступно следовал Павел, рассказывая какую-то историю и бурно жестикулируя. Он встал прямо над нами.

– Короче, я состою в этом суперсекретном известном обществе. Говорю тебе, мы делаем там просто невероятные вещи. Ты должна записаться туда, – он продолжал вещать слегка захмелевшей Зузе, которая пользовалась у него глубочайшим уважением. – Некоторые ритуалы мы проводим голыми.

На его лице появилась похабная улыбка.

Петруша фыркнул:

– Ритуалы нагишом? Чел, что ты несешь?

Павел, не теряя запала, начал заново:

– Потому что я состою в таком известном тайном обществе...

– Разве слова «известный» и «тайный» не взаимоисключающие? – прервала я его.

Мы с Петреком рассмеялись. Павел стоял с глупой миной.

– Ну, нет, – наконец ответил он. – Оно ведь и знаменитое, и тайное.

Я посмотрела на Павла с жалостью. Как обычно, он стоял и глупо скалил зубы, уверенный в своей гениальности. Откуда такие люди только берутся?

– Павел, ты такой умный... – выкрикнула я, а этот болван покраснел от удовольствия, – как утка!

– Теперь он тебя возненавидит, – тихо сказал мне Петруша.

– Как-нибудь переживу.

В тот же момент Павел со злостью скинул со стула мою сумку.

– Кретин... – заявила я.

– Кретинка! – выкрикнул он.

– Ничего оригинальнее не смог придумать?

Павел замолчал на мгновение. Зуза истерически хихикала.

– Глупая кретинка!

Мы с Петреком посмотрели друг на друга. Петруша прикусил губу, чтобы не рассмеяться вслух, потому что это еще больше выбесило бы Павла. Мы смотрели друг на друга намного дольше обычного. Петрек мягко мне улыбнулся. Он внимательно изучал мое лицо, будто хотел запомнить каждую черточку. Мне в свою очередь было трудно отвести взгляд от его полных губ.

Зуза немного неуверенно поднялась с моих колен, вернув нас в реальность из этого своеобразного транса, и бодро направилась на кухню. Вероятно, она надеялась, что если сделает это достаточно быстро, то Павел потеряется по дороге. Она ошибалась. Он последовал за ней, снова твердя о своем известном тайном обществе.

– Наверное, его кто-то уронил в детстве, – произнес Петруша, допивая свой напиток. – Принести тебе еще?

Я посмотрела на свой полный стакан, до которого даже не дотронулась. Цвет напитка немного пугал меня.

– Пока нет, спасибо, – ответила я.

Петруша встал и исчез на кухне, а я осталась на диване рядом с Клео и Белетом, которые до сих пор о чем-то перешептывались. Надо отдать им должное – из роли помолвленных они не вышли ни разу.

Я сидела в забитой до отказа аудитории с микроскопами. Была весна, сквозь окна проникали теплые лучи солнца. Многолетняя пыль летала в воздухе. Сегодня у нас была только общая лекция. Минус два часа от жизни – и домой. Преподавательница, как обычно, считала нас за стадо дебилов и каждым своим словом и жестом пыталась нам доказать, что она лучше нас. Заданные ей вопросы она игнорировала либо отмахивалась от нас, мол, сами в учебнике прочитайте, на что вам тогда учебники.

Терпеть не могла эту женщину...

Краем глаза я наблюдала за Петрушей. Он оперся на локоть, а глаза его закрывались все чаще и чаще и все дольше не открывались. Если преподавательница заметит, ему несдобровать.

Я послала ей приказ, чтобы она не замечала Петрека, когда он уснет, чтобы ей казалось, будто он внимательно слушает.

Голова объекта моих воздыханий, словно по сигналу, опустилась еще ниже. Он часто спал на занятиях. Мне открылся прекрасный вид на его профиль. Прямой нос, черная щетина на смуглой коже, блаженное спокойствие спящего человека.

Я вздохнула. И зачем мне все это?

Потому что он мне нравится – пришлось напомнить самой себе.

Я машинально чиркала в тетради, устраивая очередную размазную. Еще немного, и будет казаться, что я в Академии изящных искусств...

Вдруг тетрадь загорелась. На ней появились буквы, будто их кто-то выжег. В воздухе запахло дымом и серой. Я быстро огляделась, заметил ли кто, и помахала рукой, чтобы отогнать этот смрад.

К счастью, на меня никто не смотрел. Все, оцепенев, сидели на своих местах, бездумно глядя в пространство. Из этой комы, вызванной монологом лектора, их мог вывести только слайд с надписью: «Конец. Спасибо за внимание».

Это я, Клеопатра. Должна рассказать тебе кое-что важное. Немедленно. Это вопрос жизни и смерти. Речь идет о том, кого ты любишь.

Я испуганно посмотрела на Петрушу. Господи Иисусе! Вдруг у него мозговая опухоль и поэтому он спит?! Я тут же успокоилась: почти все спали. Опухоли не заразные...

Я пожелала стать невидимой для преподавательницы. Медленно сложила все вещи в сумку и стала выбираться из аудитории на четвереньках, за спинами своих одноклассников. Она меня не видела, но они могли удивиться, если бы я вышла просто так. Ее я могла потревожить лишь скрипучей дверью.

Люди просыпались, когда я наступала им на ноги, и смотрели на меня с восхищением, что у меня хватило смелости сбежать со скучных лекций этой ведьмы. Ну... смелости у меня хватило только потому, что я стала для нее невидимой.

Я заползла под парту Петруши, которая была у самой двери. Тоже проснувшись, он заглянул под стол и широко мне улыбнулся.

– Вики, ну ты даешь! Круто! – сказал он мне.

У меня сразу стало теплее на сердце.

Я похлопала его по колену на прощание, преодолела небольшое расстояние между партой Петрека и дверью и спряталась за выступом. Только здесь я встала на ноги и взялась за дверную ручку.

Как я и думала, дверь ужасающе скрипнула, когда я прошмыгнула сквозь нее.

– Что происходит? – Я услышала обеспокоенный голос преподавательницы, вырванной из монотонности лекции, которую она неизменно произносила одними и теми же словами на протяжении десятилетий.

– К нам кто-то заглянул. Ничего не происходит, – услышала я голос Петруши.

Я усмехнулась себе под нос. Защитил меня.

Я побежала в туалет. Закрылась в кабинке и вставила ключ в стену, усиленно думая о доме

Клеопатры.

– Что случилось? – крикнула я, падая в роскошный тронный зал.

При виде меня Клеопатра встала с золотого кресла с леопардовыми ножками. Белое плиссированное платье растеклось по полу. Клео вдохнула и сделала грустное лицо.

– Это ужасно! – Она заломила руки.

Сокол, сидевший на жердочке рядом с ней, тихонько вскрикнул, вырванный из дремоты.

– Я даже не знаю, как тебе об этом сказать, – она обняла меня, когда я подбежала к ней, – какие слова подобрать...

– Тебе дали задание на Марека?! – выкрикнула я. – На его невесту? На Петрушу?!

– Нет! – Клео отстранилась. – Просто Азазель рассказал мне кое-что жуткое.

Я выдохнула с облегчением. Значит, никто не умрет. Речь с самого начала шла о ней. Секунду, откуда она вообще взяла, что я могу ее любить?..

– И только поэтому ты выдерживаешь меня с занятий? – неохотно спросила я.

Мне было все равно, что там сказал этот интриган. Наверняка раскритиковал ее платье или корону... А я могла бы и дальше сидеть в аудитории и любоваться тем, как Петрек засыпает все крепче...

– Послушай! – Она встряхнула меня. – Азазель рассказал мне то, что ему рассказал Белет.

Я замерла. Видимо, речь пойдет не о платьях и не об украшениях.

– Что Белет ему рассказал? – осторожно спросила я.

– Белет рассказал Азазелю, что собирается убить Петрушу... – Ее слова повисли в воздухе.

Я будто окаменела. Убить Петрушу? Зачем? Почему? Кроме того, как он собирался это сделать?

Я вспомнила, как презрительно он отзывался о моем убийце и как удивился, когда я сказала, что хочу устранить причиненный ему вред. Тогда в его глазах была пустота. Та же самая пустота отражалась в его глазах вчера, когда он наблюдал за Петрушей.

– Но что это ему даст? – выкрикнула я, нападая на подругу с вопросами. – Это же не означает, что я перестану любить Петрушу и полюблю его!

Лицо Клеопатры выражало сочувствие.

– Это еще не все? – догадалась я.

Она утвердительно кивнула головой.

– Он же не будет его мучить?! – испуганно воскликнула я.

– Нет. Дело в том, что после того, как он убьет его... он отправит его в Рай.

Я замерла, крепко задумавшись о том, что вообще происходит. В конце концов я пришла к выводу, что это меньшее из двух зол. Клеопатра, увидев мое выражение лица, отрицательно покачала головой:

– Вики, если Петруша попадет в Рай, то вы никогда больше не встретитесь... У тебя нет доступа в Аркадию, а ему нельзя будет спуститься в Ад. Как обыкновенный житель Неба, он не сможет посещать Землю, поэтому там вы тоже не встретитесь. Таким образом, Белет разлучит вас навечно.

Я не знала, что сказать. Во мне кипела ярость, я так злилась на Белета. Да как он смеет? Какое право он имеет отбирать у меня последнего человека, из-за которого я чувствую себя живой?

Я усмехнулась себе под нос, когда решение пришло мне в голову. Все было так просто!

– Петруша не попадет в Рай. У него нет шансов! Он пьет, курит, ругается матом! Он далеко не хороший мальчик. Любой дьявол сможет переманить его!

– Вики. – Царица погладила меня по плечу. – Не важно, какой он. Не важно, сколько грехов он совершил, сколько заповедей нарушил. Все на самом деле зависит только от ангела и дьявола. А когда ему позволят самому решить, он наверняка выберет Рай.

О нет! Она права. Что же теперь делать?

– Когда? Азazelь сказал тебе, когда Белет собирается убить Петрушу?

– Сегодня.

Я замерла. У нас только закончилась лекция. Я должна вернуться немедленно, должна защитить его. Быстро! Я вырвалась из рук Клеопатры, игнорируя ее крики, и всунула ключ в стену.

– Подожди, давай составим план! Не уходи! – Она пыталась меня остановить, но я ее не слушала.

Не было времени на размышления. Белет мог атаковать в любой момент. Он наверняка не собирался убивать Петрека сам. У меня были подозрения, что он хотел подстроить все так, чтобы это выглядело как несчастный случай и вина, боже упаси, не пала на него. Но я не была в этом уверена.

Просто я бы сделала именно так на его месте.

Я выбежала из уборной, теряя сумку по дороге. Это было не важно. Все сейчас было не важно.

Аудитория уже была закрыта, все отправились домой. Я бежала по опустевшему коридору. Нигде не было студентов с моего курса.

Я должна успеть! Обязана!

Я сбежала по мраморной лестнице, чуть не наворачнувшись, оттолкнула возмущенного охранника, пытавшегося преградить мне путь.

Перед зданием почти никого не было. Петрушу с друзьями я увидела у пешеходного перехода. Они не торопились расходиться, о чем-то весело болтая.

Я выдохнула с облегчением.

Я успела. Он еще жив.

Внезапно на другой стороне улицы я заметила Белета. Он стоял, небрежно прислонившись к стене довоенного здания. Ветер развеивал его волосы, лицо его было каменным. Он не смотрел на меня. Не смотрел даже на Петрушу. Он, застыв как статуя, не сводил глаз со светофора.

Я грязно выругалась, хотя обычно никогда этого не делала.

Петрек сказал что-то друзьям. Они пожали плечами. Ветер донес до меня отрывки их разговора. Они прощались.

Светофор для пешеходов загорелся красным. Из-за угла на всей скорости вылетел грузовик. Полуфабрикаты спешили доставить в магазины. Водитель, увидев зеленый свет, еще сильнее надавил педаль газа.

Петруша обернулся, намереваясь перейти улицу. Белет улыбнулся, и светофор для пешеходов засветился мертвенно-зеленым. Для водителя грузовика тоже горел зеленый. Он летел вперед с большой скоростью, чтобы быстрее добраться до места назначения.

Мой любимый Петруша, не глядя по сторонам, уверенно вышел на пешеходный переход.

Я вскрикнула и бросилась бежать в ту сторону. Он обернулся, увидев летящий на него грузовик, и испуганно замер прямо на середине дороги.

Все происходило как в замедленном фильме.

Водитель грузовика нажал на тормоз, но уже было слишком поздно. Огромная машина по инерции неслась прямо на Петрека, который застыл, не в силах двинуться.

В последний момент я выскочила на переход и со всей силы толкнула Петрушу. Грузовик налетел на меня и проехался по моей ноге. Я услышала грохот и хруст раздробленных костей.

От боли я потеряла сознание.

– Вики! ВИКИ!! – кричал кто-то прямо надо мной, и я медленно очнулась.

Боль исчезла так же быстро, как и появилась. Я чувствовала только твердый асфальт под спиной.

Открыла глаза. Надо мной склонился Петруша.

Значит, он жив. Я выдохнула с облегчением и улыбнулась ему.

– Вики! Ты слышишь меня? Вики!! – Его пальцы касались моего лица и рук.

Я села. Голова даже не кружилась. Я чувствовала себя полной сил. Ничто так не возвращает бодрость духа, как столкновение с полуфабрикатами.

– Слышу, – ответила я, глядя на свою ногу.

Она была цела. Не осталось даже малюсенького шрама. Штанина слегка испачкалась там, где по ней проехалось колесо, но, к счастью, крови не было. Нога, по-видимому, успела срастись до того, как пошла кровь. Мне стало тошно при мысли о том, что я могла потерять конечность, если бы не была уже мертва.

Надо мной склонилось еще несколько человек, включая перепуганного водителя грузовика.

– Я переехал ее, переехал, – всхлипывал он.

– Вы меня не переехали, – сказала я и встала. – Я в порядке.

Петруша вскочил на ноги и схватил меня за плечо, опасаясь, что я упаду.

– Что ты делаешь? Тебе надо лежать! Сейчас приедет «Скорая»! Они должны тебя осмотреть. У тебя могут быть внутренние травмы.

Я не обращала на него внимания. И смотрела на место, где стоял Белет. Его уже не было. Он исчез.

– Но я хорошо себя чувствую, – сказала я Петреку.

– Он сбил тебя! – прошептал он, смотря мне прямо в глаза. – Должно быть, сбил. Ты упала далеко от меня, ударившись о капот. На нем даже вмятина есть! И ты потеряла сознание!

Он был напуган. Все это время он не переставал меня касаться, будто пытаясь увериться, что я жива и здорова.

– Да только слегка задел, – неохотно проворчала я.

В этот момент в конце улицы раздалась сирена «Скорой помощи». «Скорая» подъехала к нам, скрипя шинами. Из нее выскочили двое мужчин в красных куртках.

– Где раненая? – крикнул один из них.

– Здесь. – Петруша потянул меня к ним, игнорируя мои громкие возражения.

Фельдшеры «Скорой» настояли на госпитализации, чтобы тщательно меня обследовать. По их мнению, я могла быть в шоковом состоянии и поэтому не чувствовала боли. Рентген черепа и томография, по их словам, были просто необходимы.

У меня не было расширенных, не реагирующих на свет зрачков, никаких кровотечений, сознание я потеряла на одно мгновение, но они настаивали. Так же как и Петруша. По правде говоря, я не удивилась. Мое хорошее самочувствие выглядело подозрительным.

Петрек залез вместе со мной в «Скорую помощь», мне велели лечь. Он шепотом обещал мне, что не оставит меня одну. Уже без препираний я села на носилки, а затем легла на твердую поверхность.

- Что за цирк... - пробормотала я, когда они привязали меня ремнями. - Я в порядке...

- Таковы правила, уважаемая, - ответил фельдшер.

Петруша все время держал меня за руку, осторожно сжимая пальцы. Убрал мои волосы со лба и нежно погладил по щеке. А я, черт возьми, была связана и не могла двигаться!

- Ты спасла мне жизнь. Спасибо, - шепнул он мне на ухо, а затем поцеловал в щеку.

В его глазах плескалась нежность, но он больше ничего не сказал. А где «я тебя люблю», черт побери?!

- Нет проблем, - разочарованно вздохнула я. - Ты бы поступил так же со мной.

- Я мог умереть. Просто взять и умереть, - говорил он больше с собой, чем со мной, глупо уставившись на дверь «Скорой». - Просто...

Романтика и волшебство исчезли в одно мгновение. Да... ты мог умереть. Я тоже! Алло! Я заслуживаю еще немного нежности! Возможно, я умираю! Эй!

Даже захотелось, чтобы у меня начались судороги и кровотечение...

В больнице меня осмотрели с головы до ног. Рентген и томография, конечно, ничего не показали. Кто бы мог подумать...

- Я отвезу тебя домой, - сказал Петруша, когда мы наконец покинули больницу. Остаться под наблюдением я категорически отказалась. Не согласилась я и на то, чтобы они проинформировали моего брата об этом инциденте. У него от нервов случился бы сердечный приступ.

Петрек всю дорогу старательно поддерживал разговор. Пытался шутить, что в моей компании всегда можно нарваться на какие-нибудь приключения. Не отрицаю... Он решил, что я напугана и устала. Он ошибался. Я была в ярости. На Белета. Собиралась рассчитаться с ним, как только увижу его.

Когда мы добрались до двери на четвертом этаже моей многоэтажки, Петрек неуверенно остановился. Позднее утро перетекло в вечер. Один за другим загорались фонари.

- Ты, наверное, хочешь позвонить своему брату? - спросил он.

- Зачем? - удивилась я, вытаскивая из кармана ключи.

- Ну, вдруг ты почувствуешь себя плохо или упадешь в обморок? - сказал он. - И никого рядом с тобой не окажется. Кто-то должен за тобой присмотреть. На всякий случай.

Он такой милый. Мне стало намного лучше. Может, до этого он и не блеснул своими романтическими порывами, не заявил во весь голос, что всегда любил меня больше жизни, но он волновался за меня. Это беспокойство пока что меня удовлетворило.

- Марек тогда весь изведется, - сказала я. - Я не собиралась ему звонить.

- Вики, - начал Петруша, - сегодня ты чуть не погибла из-за меня. Я не могу тебя просто так оставить. Врач сказал наблюдать за тобой.

Он указал на дверь.

- Ты хочешь остаться с ночевкой? - спросила я, не очень понимая, что он имеет в виду.

- Если ты не против.

Я не смогла сдержать улыбку. Я буду против? Ага, конечно.

- Хорошо, - согласилась я. - Ты так беспокоишься обо мне!

Он засмутился, но не отпустил моей руки.

- Да, - просто ответил он.

- Тогда входи. - Я не могла перестать улыбаться.

Мы вошли в мою маленькую квартирку. Бегемот вышел нас встречать. Петруша наклонился и взял

его на руки. Котенок сразу начал громко мурлыкать. Я оставила их наедине и пошла на кухню, крикнув, что приготовлю что-нибудь поесть. Я была жутко голодна. В последний раз я ела только утром.

Я поставила чайник и заглянула в холодильник. Ничего, кроме заплесневелого сыра, там не было. Я махнула рукой, и на столе как по заказу появились продукты для спагетти болоньезе. Достала сковородку и выложила на нее фарш.

Бегемот громко мяукнул. Мгновение спустя он терся о мои ноги в надежде, что я брошу ему какое-нибудь лакомство. За котом на кухню зашел Петруша.

– Эй, не утруждайся, – запротестовал он, но с любопытством посмотрел на то, что я готовила.

– Ты наверняка голоден. Впрочем, я тоже.

– Давай я чем-нибудь помогу, – предложил он.

Следующие несколько минут мы толкались на одном квадратном метре микроскопической кухни – все остальное место занимали шкафчики, плита и раковина. Иногда нам приходилось тереться друг о друга или выхватывать друг у друга со смехом ложку или нож. Мы шутили и передразнивали друг друга. В какой-то момент Петрек запустил палец в томатный соус и мазнул им по моему носу.

– Эй! – со смехом вскрикнула я и погрозила ему деревянной ложкой.

Он поднял руки вверх в знак перемирия. Взял тряпку и осторожно вытер соус с моего носа. Кончиками пальцев он погладил меня по щеке. Я застыла, удивленная этой непредвиденной лаской.

Макароны пригорели.

Ужинали мы, сидя рядышком на диване. Дурачились, когда не могли подхватить длинные нити спагетти. На ноутбуке включили какой-то фильм. Я даже не знала какой. Меня больше интересовал сидевший рядом Петрек, чем недостижимые звезды на экране.

Я жутко устала, как и он. День выдался таким длинным. Слишком много впечатлений за один раз.

Петрек стоял на своем, что мне нельзя переутомляться, поэтому я пошла мыть посуду, пока он боролся со слегка заклинившим диваном. Больше спать ему было негде, поэтому пришлось положить его рядом с собой.

Как будто меня это как-то беспокоило.

– У тебя постельное белье с пиратскими черепами? – засмеялся он, пока я переодевалась в пижаму в ванной. – Классное!

Пижамы у меня были еще лучше. Черные шорты и черная свободная футболка с громадным котом. Она ему тоже понравилась.

Я посмотрела на Петрушу, снимающего джинсы. Он был крепким парнем...

Мы легли лицом друг к другу. Бегемот недовольно фыркнул в кресле. Он злился, что какой-то парень занял его место на кровати.

Петруша прикрыл глаза, как только его голова коснулась подушки. Длинные ресницы отбрасывали тень на его щеки. Черные иголки однодневной щетины выделялись на его лице. Я удержалась от прикосновения, хотя уже протянула к нему руку.

Я вздохнула. И что теперь? Будем так спать? Он меня не обнимет? Ничего? Ноль? Бога ради, я лежу рядом с ним в одной пижаме под одним одеялом. Его лицо рядом с моим, его обнаженная нога рядом с моей, его рука рядом с моей...

Его дыхание выровнялось. Петрек заснул. Просто взял и заснул.

Что со мной не так?! Я ему совершенно не нравлюсь? Он в постели с девушкой – и ничего? Абсолютно ничего?

Мне хотелось расплакаться. Белету не требовались такие декорации, чтобы попытаться соблазнить меня. Ему даже толпа людей «Под головой Анубиса» не мешала приставать ко мне и делать аморальные предложения.

Я разочарованно вздохнула. Даже мой кот прижимался ко мне по ночам. Мозг у него был размером с мячик для гольфа, и то он был сообразительней.

Я повернулась к Петреку спиной, прижимаясь лицом к подушке и сдерживая слезы. Петруша стал тихо похрапывать. Понимаю, мы ужасно устали. Прикончив спагетти, мы оба едва сдерживали зевки, но я все же думала, что он меня хотя бы обнимет.

Что со мной не так?

Конечно, мне было не заснуть. Даже на минутку. Все это время я думала о нем, о том, что он лежит так близко, но находится дальше, чем был раньше. Я не могла даже обнять его сама – это выглядело бы, будто я навязываюсь.

Или нет?

Все-таки я не решилась, хотя мне очень этого хотелось.

Это напомнило мне слова одного парня. Он спросил, люблю ли я его. Я ужасно испугалась. Я его не любила, мы даже не встречались – так, пару раз куда-то сходили вдвоем. Но мне не хотелось делать ему больно, поэтому я сказала, что еще не думала о любви. Примерно месяц спустя он снова спросил, люблю ли я его. Я тогда была зла – он выбрал слишком неподходящий момент – и рявкнула: «Снова ты начинаешь?!» Прекрасно помню, как он сказал мне тогда, что я черствая.

Была ли я черствой? Возможно, немного зажатой, потому что я ужасно волновалась из-за него: боялась, что сделаю что-нибудь не так и он подумает, что я дурочка. Но была ли я черства? Может, дело было именно в этом? Может, он тоже думал, что я черствая, и поэтому даже не попытался меня соблазнить?

Я снова повернулась к нему. Он во сне ловко воспользовался моментом, когда я свернулась калачиком у самой стены, перевернулся на спину и занял теперь почти всю кровать.

Я вздохнула и слегка подтолкнула его, чтобы он подвинулся и мне было куда лечь. У меня не получилось сдвинуть его даже на миллиметр.

На секунду показалось, будто он проснулся, но его дыхание снова выровнялось. Он даже не пошевелился и продолжал лежать, как лежал.

Ненавижу свою жизнь... Ой, простите – у меня ее теперь нет.

Я снова повернулась на правый бок и уткнулась в стену. Не могла уснуть.

Где-то под утро Петруша проснулся и повернулся в мою сторону, обнимая меня за талию. Я улыбнулась и поправила подушку. Почувствовав какое-то движение, он убрал руку.

Черт бы его побрал. Ну просто черт бы его побрал...

Мы валялись в кровати до девяти утра. То есть я лежала. Он спал... Я провела пальцами под глазами, убирая темные круги – напоминание о бессонной ночи.

Я была зла и обижена. Он меня даже не обнял. Наверное, я ему совсем не нравилась... Трудно было принять то, что он, очевидно, считал меня такой страшной.

Утром, когда он ушел, трижды убедившись, хорошо ли я себя чувствую, и извинившись, что он заснул (он собирался бодрствовать), я обняла Бегемота и расплакалась. Кот шершавым языком слизывал соленые слезы с моих щек, а потом перестал, уткнулся своей мордочкой в мою шею и терпеливо сносил мои слезы, капавшие на его шерстку. Наконец я успокоилась.

Я поставила кота на пол и вытерла лицо. Пора взять себя в руки. Может, Петруша просто очень устал и поэтому сразу уснул? Да, наверняка так и было. В конце концов, я тоже жутко устала.

Хм... и все же я не уснула.

Это потому, что я слишком много думаю. Вот и все!

– Я должна сходить накричать на Белета, – сказала я котенку. – Неизвестно, когда он снова попытается убить Петрушу.

Я вставила ключ в стену, усиленно думая о своем дьяволе. Когда передо мной появилась дверь, я заколебалась. Следовало бы постучать, но хотелось ли мне быть вежливой? Я дважды ударила кулаком по вишневному дереву.

– Заходи... – ответил мне его голос.

Я нажала на ручку и вошла во дворец родом из сказок «Тысячи и одной ночи». Громадная спальня в восточном стиле слепила бесчисленным количеством деталей, скульптур, украшений и орнаментов.

Круглая кровать, заваленная узорчатыми подушками, так и манила к себе. Интерьер навевал мысли о ревностно охраняемых тайнах восточных гаремов.

Я увидела Белета возле большого зеркала. Он стоял босиком на мраморном полу, на нем были только широкие, темно-зеленые шаровары, подвязанные на талии широким поясом.

Он не смотрел на меня – был полностью сосредоточен на прозрачной полоске ткани. Мне открывался прекрасный вид на его сильную мускулистую спину и столь же прекрасную рельефную грудь, отражавшуюся в зеркале. Оливковую кожу на спине уродовали только два черных, будто прижженных, шрама на лопатках.

Черные непослушные волосы лежали на опущенной шее, падая на лоб и щеки. Глаз его я не видела.

Тоже мне, Аладдин чертов.

Я подошла к нему. Подождала, пока он наконец соизволит повернуться ко мне, и, когда наши глаза встретились, со всей силы ударила его по лицу.

– Ты что себе вообразил?! Чего ты хотел добиться? – крикнула я, барабанила кулаками по его груди. – Ненавижу тебя!

Я снова расплакалась. Не знаю, плакала ли я потому, что Петруша чуть не умер, либо потому, что он совсем не обращал на меня внимания и ночью не предпринял никаких шагов в мою сторону.

Белет стоял как окаменевший, с опущенной головой и без сопротивления сносил мои крики.

– Ненавижу тебя! – крикнула я и посмотрела на него, уперевшись руками в его грудь.

Белет схватил меня за запястья и отодвинул от себя, нахмурившись.

– Ты... – выдавил он. – Твои глаза, твои зрачки...

– Не уходи от темы, – буркнула я, обеспокоенная ужасом на его лице, и глянула в зеркало.

Мои глаза, как обычно, были темно-карими.

– Сейчас они нормальные, – объяснил он. – Должно быть, мне показалось... что они были молочно-белыми. Клянусь.

– Что ты имеешь в виду?! – Я снова посмотрела в зеркало.

Мои глаза были совершенно обычными. Какие молочно-белые? О чем он говорит? Единственное, что не было нормальным, – это покрасневшие от злости щеки.

– Не уходи от темы! – завопила я, не в силах понять его поведение, и вырвала свои руки из его. – Ты!.. Ты!.. Ненавижу тебя! – снова начала я.

Наконец мои силы иссякли. Я отошла от него и присела на деревянной скамейке у кровати. Уткнулась лицом в руки. Не помню, когда в последний раз мне было так плохо.

Дьявол без слов сел рядом со мной. Я посмотрела на него. Он надел замысловато вышитую рубашку, доходившую ему до самых колен.

– Прости, – сказал он, упрямо глядя мне в глаза, будто ища там какие-то отклонения. – Я не хотел причинять тебе боль. Не знал, что ты будешь так страдать. Я просто хотел его... убрать. Заставить тебя забыть о нем. Чтобы ты была только моей.

Его золотистые глаза казались искренними. Только он был дьяволом. Дьяволы не могут быть до конца честными.

– Не делай так больше. Никогда. Не смей забирать у меня людей, которых я люблю.

Он кивнул. Я не верила, что он не попытается сделать подобное снова. Верить я ему больше не могла.

– Поклянись, что не причинишь ему вреда!

Он сидел, молча глядя перед собой. Открыл рот, но не мог произнести ни звука. Не мог выговорить это обещание. В конце концов он посмотрел на меня. Я вгляделась в его пустые золотистые глаза.

Внезапно я испугалась – что он захочет в обмен на это обещание? Мне не хотелось ничего ему давать. Особенно себя.

– Я не хотел делать тебе больно, – только повторил он.

– Но сделал. – Я перешла в нападение, пользуясь моментом, чтобы ему и в голову не пришло торговаться со мной. – И сделаешь еще больнее, если причинишь ему вред.

Белет снова стал смотреть перед собой. Он о чем-то глубоко задумался, а затем едва заметно усмехнулся. Я вздрогнула. Это была неприятная усмешка.

– Я больше никогда не причиню ему зла. Клянусь, – довольный собой, он протянул мне руку.

– Ты просто так соглашаешься? – недоверчиво спросила я.

Он пожал широкими плечами.

– Ты важна для меня. Не хочу делать тебе больно. К сожалению, делая больно ему... я делаю больно и тебе, – вздохнул он.

Он выглядел подавленным, но в уголках его губ затаилась легкая улыбка. Он что-то задумал, что-то запланировал, и я не могла ничего с этим сделать.

– Подожди... – Я убрала ладонь, которую уже протянула ему. – Поклянись также, что не попросишь никого навредить ему.

– Клянусь, – ответил он спокойно.

Что-то было не так. Он слишком легко согласился. Не отступился. Наверняка просто придумал какой-то способ обойти клятву.

Но у меня не было выбора. Мы пожали друг другу руки. Я почувствовала, как по руке поднимается теплая волна, от которой по коже побежали мурашки.

– Откуда у тебя вообще взялась идея убить его? – поинтересовалась я, убирая ладонь.

Не хотелось трогать его дольше, чем необходимо. Только не после того, что он сделал. Белет слегка обиженно посмотрел на меня.

– Ты же должен был знать, что я возненавижу тебя за это.

Белет поморщился и провел рукой по волосам, но они вновь встали дыбом. Я подавила в себе порыв пригласить их.

- Эта идея... не только глупая, но еще и не моя, - сказал он. - Не знаю, зачем я это сделал. Теперь я понимаю, что ничего бы не изменилось. Я выбрал наихудший метод...

Он говорил об этом так обыденно, будто говорил о цвете обоев. Тон его голоса меня разозлил.

- И чья это была идея? - буркнула я.

- Азазеля...

Его ответ меня не удивил. Мерзкий интриган. «Главное - устроить хаос» - таков его девиз.

- А откуда ты узнала, что я собирался его убить? - с любопытством спросил он.

Из его золотистых глаз исчезла пустота. Он снова был тем самым спокойным Белетом, который полюбился мне в самом начале.

- Клеопатра рассказала мне, что Азазель рассказал ей, что ты рассказал ему о своей гениальной идее.

Белет нахмурился и резко выпрямился.

- Это была не моя идея! - повторил он. - Это он... - Он рассмеялся. - Ну да. В общем, Азазель мне этого не советовал. Он говорил полунамеками, поддакивал в нужных моментах. Сказал, что он сделал бы так на моем месте.

Он снова рассмеялся, восхищаясь Азазелем.

- Вот это дьявол. - Он хлопнул в ладоши. - Хотел бы я уметь так манипулировать.

Я не смеялась - я была в ярости. На них обоих. За то, что они так беспечно относились к чужой жизни. Для них это была просто забава, очередная словесная стычка. В конце концов, что такое человек? Только прах и пыль... Ну, я сейчас Азазелю устрою!

- Чего ты такая сердитая? - спросил Белет.

Этот нелепый вопрос вывел меня из себя. Он что, издевается?!

- Помимо того, что ты пытался убить Петрушу? - фыркнула я, а он, изображая раскаяние, опустил голову.

Я тяжело вздохнула. Не было смысла с ним спорить. У него была своя правда, и он уже принял решение убрать Петрека из моей жизни.

- Что с тобой? - Он по-дружески пихнул меня плечом.

- Кажется, я не нравлюсь Петруше...

Белет застыл на мгновение. Он хотел помириться со мной, но не думал, что я наброшусь на него с такими словами.

- Значит, он тебе тоже не нравится? - удостоверился он спустя пару секунд.

- Нравится... - вздохнула я. - В этом-то и проблема. Должно быть, это какое-то особое отклонение. Я, наверное, ненормальная.

- Из вежливости не стану тебе перечить... - разочарованно сказал он.

- Не зли меня, - рявкнула я и встала.

Белет тоже поднялся. Галантность и манеры, как обычно. Это меня всегда в нем привлекало. Парни моего возраста себя так не вели. Ну... видимо, мужчины начинают себя так вести, когда им стукнет миллиард лет.

- Извини, - снова сказал он. - Простишь ли ты меня когда-нибудь?

Я заколебалась. В руке я уже сжимала дьявольский ключ. Начала вертеть его в руках, любуясь вырезанными розочками.

Прощу ли я его? Вечность длинная. Возможно, спустя какое-то время я снова поддамся его нежным рукам и верным золотистым глазам. Но сейчас я была на него зла.

- Не знаю.

Он печально кивнул, будто не ожидал другого ответа.

Я вставила ключ в стену, усиленно думая об Азазеле. Передо мной появилась обычная дверь. Я обернулась к Белету в последний раз.

– Почему ты так странно одет? – спросила я, потому что это не давало мне покоя.

Его одежда сочеталась с интерьером его дома, но он не одевался так каждый день.

– Я собирался вернуться сегодня в свое любимое место во всем времени и пространстве, – ответил он.

– Ты выглядишь как Аладдин.

Он весело мне улыбнулся.

– Почти угадала. Познакомься с тринадцатым демоном Гоэтии. – Он поклонился мне.

– Я не имею никакого понятия, о чем ты говоришь... – вздохнула я.

Он громко рассмеялся.

– Всего нас семьдесят два. Присоединение к ним было моим единственным шансом периодически сбегать из Ада, после того как меня разжаловали. Колдуны могли призывать нас на помощь. Однажды меня вызвал сам Соломон. Угадай, кто посоветовал ему разрезать ребенка напополам, чтобы таким образом узнать его настоящую мать? – Его голос был наполнен гордостью.

Я вспомнила, что Клеопатра рассказывала мне про его наказание.

– Да, знаю, – сказала я. – Тебя понизили и отправили в Распределение за роман со смертной.

– Откуда ты знаешь?

– Не забывай, кто я.

Он понял, что я цитирую его слова, и ухмыльнулся.

– Никогда не забуду. – Он снова склонил передо мной голову.

Я открыла дверь и вошла в темную комнату. Дверь захлопнулась и исчезла, на мгновение осветив помещение. Я напрягла зрение, чтобы разглядеть хоть что-то, но все было зря.

По спине пробежала дрожь. Где я?

Вдруг напротив меня вспыхнул свет.

Я вскрикнула и отскочила назад, ударившись о стену спиной. Всю комнату осветили лучи солнца, проникавшие сквозь большие эркерные окна, которые обрамляли тяжелые портьеры. Передо мной стоял невысокий мужчина с явно выраженными латиноамериканскими чертами лица, одетый в старомодный наряд дворецкого. У него даже были эти смешные черные туфли с бантиками и белые гольфы. Густые черные волосы он заплел в короткую косу.

Мебель, заполнявшая, а скорее загромождавшая обширную комнату, была богато украшена. Выглядевшие невероятно мягкими кресла стояли на изогнутых ножках, создавая иллюзию легкости. Обивка слегка поблескивала на солнце. Комната настолько изобиловала удивительными деталями, что я даже не знала, на чем остановить свой взгляд.

Невысокий мужчина, стоявший передо мной, прочистил горло.

Ясно, остановить свой взгляд предполагалось на нем.

– Кто ты такой? – атаковала я его. – Я ищу Азазеля. Это его дом.

Либо мой ключ меня подвел...

– Я Карлос, – ответил он. – Служу у господина Азазеля. Как вас представить?

Мне стало смешно.

– Госпожа дьяволица Виктория, – ответила я весело.

Мужчина слегка побледнел и испуганно посмотрел на меня.

– Прошу немного подождать, госпожа. – Он поклонился мне и быстро зашагал к двери.

До меня долетели его тихие слова, сказанные на испанском:

– Боже праведный и Святая Дева Мария, это дьяволица.

Парень дрожал. Я сильно его напугала. Даже почувствовала муки совести, но только на мгновение. Тревожно – неужели меня и совесть уже покинула?

Он быстро бормотал что-то о проклятой душе и адском пламени. Я прекрасно понимала его слова, хотя говорил он по-испански. Я не знаю испанского, говорю только на английском и русском – да и то из рук вон плохо.

Мне вспомнилась вавилонская башня. Неужели смешение языков не коснулось дьяволиц? Отлично, может, наконец на учебе начну получать хорошие отметки по английскому...

Я услышала громкий и сердитый голос Азазеля, который тут же превратился в льющуюся сладчайшую музыку, когда слуга сказал ему, что пришла я.

Он ворвался в комнату минуту спустя, одетый, как Людовик какой-то там, в роскошный костюм, какие носили в восемнадцатом веке. На лице у него была белая арлекинская маска с одинокой черной слезой, текущей по щеке.

Господи Иисусе... Сначала Белет изображает из себя Аладдина, а теперь Азазель – принцессу? Что это вообще такое? День Психа?!

Он снял маску, открывая мне свое красивое лицо с задорной улыбкой.

– Дорогая, – он поцеловал меня в обе щеки, – что привело тебя ко мне?

Честно говоря, все это так меня захватило, что я даже забыла.

– Пришла высказать тебе все – что ты науськал Белета убить Петрушу! Единственного человека, которого я... – Я заколебалась.

– ...Люблю? – закончил он за меня.

Я не ответила. «Любить» – это сильное слово. Слишком сильное. Любить можно только раз в жизни. Хотела ли я его любить? Любила ли я его?

Я мысленно выругалась. Если бы я его не любила, то мне не было бы так больно из-за того, что он ничего ко мне не испытывает.

- Да, - ответила я.

- Надолго же ты задумалась, - отметил он, садясь в кресло. Его поза была расслабленной - одну ногу он перекинул через подлокотник и помахал в воздухе стопой в черном ботинке.

- Тебе что до этого, - буркнула я.

Он искренне рассмеялся.

- Садись, дорогая. - Он указал на кресло напротив себя.

Я села, но расслабиться не смогла. Все во мне было напряжено. Спинка кресла оказалась жесткой, чего нельзя было понять по мягкой линии подушек.

- Зачем? - спросила я. - Почему ты это сделал?

- Ты хочешь честный ответ или такой, который тебя удовлетворит?

Азазель насмешливо улыбнулся, помахивая ногой. Строил из себя придворного шута.

- Они не будут одинаковыми?

- Нет, - ответил он. - Они будут совершенно разными.

- Тогда хочу узнать оба.

Его глаза загорелись внутренним пламенем. Он на сто процентов был дьяволом и не смог бы этого скрыть, даже если захотел. В нем были тьма и зло, и он не умел скрывать это так хитро, как Белет.

- Тогда я начну с ответа, который тебя удовлетворит, хорошо? - Он подождал, пока я не кивну. - Белет - мой лучший друг. Я хотел ему помочь. Видел, как он несчастен, как он мучается, что не может заставить тебя полюбить его. Поэтому я решил посоветовать ему, что он мог бы сделать, если, конечно же, захотел.

- А он захотел...

- Я ничего не мог поделать с тем, что... он так сильно тебя любит...

Я фыркнула. Это была не любовь, а обычная страсть. Азазель не стал ничего говорить про выражение моего лица, на котором отражалось, мягко говоря, сомнение. Он так же, как и я, понимал, чем руководствовался Белет - желанием обладать мной, не более того.

- Что со вторым ответом? - спросила я.

- Мне нравится сеять хаос.

- И все? - Мне в это слабо верилось.

- Да. Послушай, Виктория. Я не люблю гармонию и порядок. Если бы любил, то никогда бы не стал участвовать в восстании этого неудачника Люцифера. Точно так же, как не люблю порядок, я не люблю людей. Жизнь твоего Петруши ничего для меня не значит. Одним грешником больше, одним меньше. Какая разница? Только прах и пыль.

- Да у тебя души нет. - Я была в полном шоке.

- В самое яблочко, солнышко. - Его улыбка стала хищной. - У меня нет души. Как у любого ангела или дьявола. Все мы были так созданы. Такими прекрасными и идеальными. И какое задание было нам поручено? Нам, сыновьям огня, дыханию Бога? Забота о людях. О жалкой пыли. Что для меня пыль, когда я - само пламя?

Я вздохнула. Не знала, что на это можно ответить, как отреагировать. Не думала, что в нем столько ненависти к людям.

- Пыль, - придирчиво сказала я, - я тоже пыль. Меня ты тоже ненавидишь?

Он замолк на какое-то время, только заинтригованно смотрел на меня. Должно быть, он не ожидал такого ответа.

- Ты не пыль...

- Потому что благодаря тебе я теперь дьяволица?

- Ты никогда не была пылью.

- Да... Ты очарователен, когда осыпашь меня комплиментами, - пробормотала я, на что он снова рассмеялся. - Но я все еще на тебя зла. Петруша очень много для меня значит. Не смей никогда причинять ему боль, даже пытаться!

- Почему?

Теперь он застал меня врасплох.

- Потому что я тебя об этом прошу.

Повисла тишина. Я знала, что он меня не послушает. Азазель считался только с самим собой. Я стала скользить взглядом по стильной мебели. Не могла вспомнить, из какой она эпохи.

- Это барокко? - поинтересовалась я.

- Раннее рококо. - Он нежно погладил спинку стула. - Тогда у мебели была душа.

Я вспомнила ворота, которые всегда выколдовывал Азазель. Они тоже напоминали эту эпоху своими богатыми украшениями и множеством деталей. Дверь Белета? Сделанная из бесчисленных кусочков стекла, словно турецкая лампа. Моя же? Обычная вишневая дверь из цельного куска древесины. Значит ли это, что в моей квартире должна быть обычная сосновая мебель? Ужас... что за отсутствие вкуса и стиля...

Вдруг кто-то тихо постучался в дверь. Азазель гневно выдохнул.

- Чего?! - рявкнул он.

В комнату заглянул напуганный слуга в ливрее.

- Господин... У Педро больше нет апельсинов. Кончились.

Дьявол закатил глаза. Это все раздражало его. Он щелкнул пальцами в воздухе.

- Теперь у него есть еще одна тонна, и он может продолжать, - сообщил Азазель, а напуганный лакей убежал, оставляя нас наедине.

- Апельсины? - спросила я.

- Второй мой подчиненный, Педро, чистит для меня апельсины в подвале. Уже неделю, - ответил он.

- Зачем тебе столько? - удивилась я.

- Незачем. Но у Педро на них аллергия.

- Так ты его мучаешь?!

- А почему нет?

- Потому что так нельзя!

- Кто тебе это сказал? - с любопытством спросил он, наклоняясь ко мне.

Я фыркнула:

- Давай поразмышляем, это же такой трудный вопрос. Может, Господь говорил что-то о любви к ближним?

- Но ты же понимаешь, что это относится к людям, а не к ангелам и дьяволам?

Я умолкла. Он был прав, ведь все эти правила были созданы для смертных. Я глянула на Азазеля, в котором не было ни капли человечности. Вспомнила и Адский Устав, который гласит, что ни один гражданин Ада не может эксплуатировать другого. Издан он был тоже исключительно для людей. Это было даже написано на обложке.

- Как видишь, я прикрыт со всех сторон, - сказал он с усмешкой. - Я не делаю ничего плохого.

- Но это плохо. Ты злой!

Он весело мне улыбнулся, совсем как мальчишка. На его щеках появились небольшие ямочки.

- Ты даже не представляешь, как ты мне льстишь! - довольно сообщил он.

– Это не лесть. Зло – это не что-то хорошее, оно ужасно! Мне от всего этого противно.

Он сдвинул брови. Ему не понравился мой ответ.

– Поразмысли, что такое зло, – попросил он. – Вспомни сцены, символизирующие ужасы настоящего зла. Что это? Дым и огонь, охватившие башни Всемирного торгового центра, заставившие весь мир застыть на месте? Может, это костры, сложенные из истощенных тел в нацистских лагерях смерти? Или тысячи скалящихся черепов на полях смерти Пол Пота? Закрой глаза и подумай, что такое зло, и ты увидишь его.

Я послушно сделала то, что он сказал, но меня не постигло никакое откровение.

– Вижу только тебя.

Он слегка поморщился и подозрительно посмотрел на меня:

– Солнце, да ты просто одержима мной...

Я громко рассмеялась, и он задорно улыбнулся. Он смеялся надо мной. Как обычно, переводил все в шутку.

– Зачем тебе слуги? – спросила я. – Ты же сам можешь создать эти очищенные апельсины.

– Я уже говорил тебе, что апельсины не имеют для меня никакого значения. Тебе не кажется, что иметь слуг – это классно? Люди держат слуг на протяжении веков, а мне почему нельзя? – Он еще больше развалился в кресле, как самодовольный кот.

– Разве в Аду не все свободны? Сомневаюсь, что кто-то по своей воле согласился бы служить тебе: ты их унижаешь, заставляешь носить эти идиотские шмотки и чистить то, на что у них аллергия.

– Идиотские? – Он погладил переливающийся сюртук. – А мне нравятся... Они стильные.

Ну, для костюмированной вечеринки они отлично годятся. Для всего остального они бесполезны, но мне не хотелось злить его своим мнением.

– Знаешь, Виктория... Все можно устроить, – ухмыльнулся он. – Кто будет копаться в реестрах, выискивая там две заблудшие душонки, когда каждый день умирают миллионы? К тому же это я их убил.

Гордость и самолюбование в его голосе заставили меня похолодеть. Я почувствовала, что в гостиной внезапно стало очень холодно. Я не понимала ни дьяволов, ни их мотивов. И не хотела понимать – они были такими бесчеловечными.

– К тому же это очень забавная история. – Он впервые сел нормально, поставив обе ноги на пол. – Думаю, я проявил большую изобретательность в присвоении себе этих двух кретинов. Я тебе расскажу.

Я невольно отпрянула, когда он придвинулся ко мне. Моя спина наконец встретилась с подушками на кресле, такими же мягкими и удобными, какими они казались.

– Правильно, – похвалил он меня, – устраивайся поудобнее, а я расскажу тебе о своем приключении. Какое-то время назад меня заинтересовала некоторая информация, появившаяся во многих СМИ, – мол, некоторые люди продают свои собственные органы за деньги. Международные банды, крадущие органы – или, как они сами себя называли, предприимчивые бизнесмены, открывшие новый рынок, – начали появляться во многих частях света. Это меня заинтриговало. Даже очень. С самого начала я всего лишь хотел повеселиться за их счет. Только потом я пришел к мысли, что они могут мне пригодиться. Я ответил в интернете на объявление, написав, что я почти нищий, а у меня жена и семеро детей, и, чтобы обеспечить их, я готов продать свою печень и почки. Подчеркнул, что никогда не болел разрушающими тело болезнями и не употреблял алкоголь (потому что на него не было денег). «Бизнесмены» вышли со мной на связь очень быстро. Я встретился с ними, но, естественно, мне пришлось изменить свой внешний вид. В конце концов, если бы они увидели ЭТО тело, – гордо добавил он, – то не поверили бы, что я изможденный бедняк, любой ценой готовый пожертвовать собой ради семьи.

Мы встретились в пригороде Мехико, в одном из многочисленных бедных районов. Я до сих пор удивляюсь, какими наивными они были. В конце концов, ну откуда у нищего доступ в интернет? Ну, дураков никто не сеет – сами нарождаются... К сожалению, мне случилось наткнуться на двух экземпляров-переростков.

К перекрестку, на котором мы договорились встретиться, они подъехали на дорогом американском автомобиле с тонированными стеклами. Я быстро сел в машину. На заднем сиденье сидел высокий

мужик, исполнявший роль телохранителя, который должен был следить за тем, чтобы драгоценные почки не сбежали. Передо мной сидели они: Педро за рулем, а Карлос беспечно ковырялся перочинным ножиком под ногтями.

– Операцию проведем сегодня, – сообщил мне Карлос. – Я буду тебя оперировать. Твоя семья получит деньги после операции.

– Как я могу быть уверен, что вы меня не обманываете? Может, вы убьете меня, заберете органы, а моя семья ничего не получит! – крикнул я.

– Но мы ведь дали тебе аванс, – рявкнул Педро, поворачиваясь ко мне, из-за чего мы чуть было не столкнулись с медленно едущим перед нами грузовиком. – Остальное заплатим твоей уродливой женушке и грязным соплякам.

Чтобы не выйти из роли, я возмущенно воскликнул, что моя жена красавица. Призрак жены, который я создал специально для них, и вправду был безобразен. Видела бы ты их физиономии, когда я представил им свою уважаемую жену и нежно поцеловал ее в прыщавую щеку над беззубым ртом.

«Клиника» оказалась небольшой виллой в богатом районе. Высокий забор и лесистый участок успешно скрывали здание от посторонних глаз. Мужчины проводили меня в импровизированную операционную, но сначала велели искупаться. Ну да... не дай бог «доктор» Карлос запачкает свои пальчики под ногтями.

Мне не терпелось оказаться на операционном столе. Я чувствовал себя ребенком, который собирался открыть подарок. Так и хотелось уже крикнуть «Сюрприз!».

Телохранитель куда-то исчез. В комнате помимо меня остались только Карлос, надевавший латексные перчатки, и Педро, который следил за прибором, к которому меня должны были подключить. Ах! Получается, Педро был анестезиологом. В предвкушении у меня по спине снова побежали мурашки. Сейчас они меня усыпят и начнут операцию! Мне стоило немало выдержки не усмехнуться в тот момент.

– Ложись на стол, – приказал мне Карлос.

Я послушно повиновался. С меня сняли временную одежду, холодный металл стола коснулся голой кожи. Белая лампа светила прямо в глаза. Я вспомнил, что вообще-то должен играть в умирающего.

– Пожалуйста, скажите Терезе, моей жене, что я люблю ее, – воскликнул я, схватив Педро за руку, когда он подошел ко мне с маской, через которую в мой рот должно было попасть усыпляющее средство. – Умоляю, поцелуй ее от меня еще раз! Скажи ей, что я люблю ее! – раскричался я еще громче.

Анестезиолог скривился при мысли о моей призрачной жене и поцелует с ней. Естественно, он не собирался этого делать. Так же как он не собирался платить ей оставшиеся деньги за мои органы.

Он с силой приложил маску к моему лицу. Я сделал вид, что заснул. Почувствовал забавное покалывание, будто мне ввели в вену мышечный релаксант. В это время Карлос еще раз обмыл мой живот.

– Скальпель, – потребовал он, протягивая к Педро ладонь.

Педро подал скальпель Карлосу, бормоча себе под нос, мол, тоже мне великий хирург нашелся, как будто не мог взять нужный инструмент сам.

Карлос умело сделал разрез по центру моего живота, прямо над пупком. Я хихикнул, потому что стало очень щекотно.

Врачи с беспокойством посмотрели друг на друга.

– Он точно спит? – слегка испуганно спросил Карлос.

– Не ссы! Конечно, спит, – рявкнул Педро и еще больше раскрыл клапан усыпляющего раствора. – Нам показалось.

Врач быстро справился с изъятием печени и почек. Конечно, быстро все пошло только потому, что он совершенно не старался. Наконец он кое-как сшил мое брюхо, чтобы кишечник не выпал при перевозке моего тела в сторону строительной площадки нового жилого района, где мне предстояло быть забетонированным в фундамент какого-нибудь домика для небольшой семьи.

Мои палачи внезапно мне кого-то напомнили. Совсем как древние ацтеки, хоронившие своих предков под полом! Хм... а может, это были инки? Никак не мог вспомнить.

В те времена меня не было на Земле по определенным... и очень важным личным причинам.

Педро закрутил клапан и снял маску с моего лица. Кровь, обильно вытекавшая из моих кровеносных сосудов, заливала живот. Такое странное покалывание. К счастью, оно сразу исчезло, когда печень и почки появились вновь, и все срослось.

Мужчины сняли перчатки и осторожно поставили небольшие холодильники для органов на стол у стены.

Я сел. Они стояли ко мне спиной.

Я кашлянул.

Они не отреагировали. Я кашлянул громче. Они обернулись. Холодильник выпал из рук Карлоса.

– Прощу прощения, – сказал я, – могу я сходить в туалет? Очень хочется писать. Кстати, все ужасно зудит внутри. Это, наверное, из-за швов?

Педро бросился к выходу. Карлос нет – схватился за грудь и в страшных судорогах упал на пол.

Говорю тебе, это первоклассный сердечный приступ. Поразило правый желудочек и часть перегородки. Ха! Я был горд своей злобностью. Только Педро меня расстроил. Он просто сбежал.

К счастью, несколько недель спустя я выследил его и вынудил совершить самоубийство.

Если Азазель ожидал, что я буду хохотать и хвалить его чувство юмора, то он сильно ошибался. Я сидела в шоке, не зная, что и думать о его низости и ненормальности. То, что Азазель был ненормальным, не подлежало сомнению. Кто в здравом уме стал бы такое вытворять?

– Круто, правда? – весело скалился он.

– Безусловно, – пробормотала я, но он не заметил иронии.

– Я знал, что тебе понравится, – ответил он. – В конце концов, разве ты не поступила со своим убийцей так же? Теперь он сидит в психиатрической лечебнице, наспигованный таблетками. Каждый день его посещают бесчисленные специалисты, пытающиеся выяснить, каким образом он стал евнухом, а он не может ничего ответить. Идеальная месть!

Угрызения совести стали мучить меня с удвоенной силой. Я не знала, что его чем-то накачивают...

– Чего так погрузтелась? Тебя это не радует? – удивился он.

– У меня... угрызения совести.

– В общем-то, заслуженно. – Он резко посмотрел на меня. – Бедняга жутко страдает.

Я удивилась. Ожидала его насмешек, уверенный в том, что я ничего плохого не сделала. А он меня осудил! У него что, биполярное расстройство?

– Что? Разве я не прав? Я своих хотя бы убил, а жизнь твоего превратилась в Ад на Земле.

Черт побери, он действительно прав. Я не могу это оставить просто так. Да, он убил меня, да, может, убил кого-то еще. Не сомневаюсь, что он кого-то изнасиловал. Но мне ли его судить и наказывать?

Азазель печально кивнул головой, будто читая мои мысли и поддакивая.

– Что мне делать? – спросила я.

– Если бы я был на твоём месте, то, может, попытался бы его убить, – воодушевленно предложил он. – Сердечный приступ вызвать просто. Достаточно представить себе, как лопаются либо сужается одна маленькая артерия.

Я была ошеломлена. Я не могла его убить. Как ему вообще пришла в голову эта идея?! О нет! Постараюсь как-нибудь это исправить. Может, вернуть ему голос?

К тому же я хотела знать, почему он убил меня. Я мало что помню о той ночи; недавний сон сильно меня встревожил. Я до сих пор не знала, почему я вышла из клуба одна. Может, он подсыпал мне что-то в коктейль, а я не заметила? Мне нужно было это выяснить. И почему Смерть утверждала, что мое убийство не было запланировано? Надо бы выбраться как-нибудь в эту Канцелярию...

Я приняла решение. Навещу его и постараюсь расспросить. Я рассказала об этой идее Азазелю.

Дьявол коротко ответил, что я странная, но при этом улыбнулся, будто мой ответ его полностью устроил и именно такого он и ожидал.

– Почему ты так одет? – поинтересовалась я, вставая.

– Хочешь увидеть? – предложил он, хищно улыбаясь.

Я глянула на стену. Мне не терпелось отправиться к своему убийце, а не тратить здесь время попусту – я и так уже потеряла много времени, слушая глупые истории Азазеля. Теперь я не смогу уснуть, потому что буду видеть перед глазами его операцию, когда ему в сознании вырезали почки и печень.

– Сегодня встречаются мои последователи, – сказал он, видя мои колебания. – У меня есть своя церковь! А это часть моего божественного образа! Я очень горжусь этой сектой.

Его энтузиазм поражал – как маленький мальчик при виде новой игрушки... ну серьезно.

– Кла-а-ассно... – протянула я.

Психически больных людей лучше не злить лишний раз.

– Я возьму тебя на встречу. Сегодня. Все началось ровно десять минут назад, – взволнованно

говорил он. – Только тебе придется переодеться.

Я глянула на выцветшую футболку и джинсы. Что с ними не так? Перевела взгляд на его роскошный сюртук, украшенный золотыми нитями. Ага... вот что с ними не так.

Он хлопнул в ладоши. Я почувствовала, как стискивает грудную клетку, и в один момент меня окутало рулонами ткани.

– Что это? – Я не могла вдохнуть.

– Это, дорогая моя, корсет – часть дамского гардероба.

Я встала. Красивое платье растеклось по ковру. Тонкий материал поверх множества обручей и нижних юбок переливался на солнце. Корсет, невероятно сильно стиснувший мои ребра, сотворил мне осиную талию. Кружево, вышивка, позолота – столько деталей! Я посмотрелась в зеркало, которое Азазель сотворил передо мной.

Это была не я.

Волосы собраны в замысловатый пучок, жемчуг на шее, утонченный макияж. Я посмотрела на белую маску, которую держала в руке. На щеке была нарисована одна черная слеза.

– А маска для чего? – спросила я.

– Мы же не хотим, чтобы нас узнали эти примитивы... хм... последователи, – ответил он. – Ты правда прекрасно выглядишь.

– Спасибо. – Я снова глянула на себя в зеркало.

Он был прав. Это платье смотрелось на мне просто идеально.

Азазель задумчиво почесал подбородок.

– Хотя ты все равно должна стать невидимой, – подытожил он.

– Невидимой? – удивилась я. – Зачем?

Он пожал плечами:

– Не хочу, чтобы мои последователи тебя увидели. Их бог – это я, и я не собирался обзаводиться богиней. Пока, – ухмыльнулся он. – Но как только я решусь на это, то дам тебе знать.

– Раз мне придется стать невидимкой, зачем ты велел мне так нарядиться? – Я попыталась вдохнуть, но корсет не позволил мне этого сделать.

– Потому что я хотел посмотреть, как ты будешь выглядеть в таком платье.

Он обезоружил меня своей искренностью.

– Так как мне надо стать невидимой? – угрюмо спросила я. Я была сыта по горло всем этим маскарадом.

– Подумай о том, что с этой секунды ты хочешь стать для всех невидимой, – подсказал он.

Я подумала.

– Отлично, – похвалил он меня.

Я посмотрелась в зеркало, в котором секунду назад отражалась моя фигура. Теперь там никого не было. Никакого отражения.

– Но я хочу тебя видеть, – сказал он, глядя в пространство над моим правым плечом. – Теперь подумай, что ты разрешаешь мне видеть тебя всегда, даже когда ты невидима.

– А ты не можешь пожелать, чтобы я стала для тебя видимой?

– Нет, твое заклинание самое сильное, оно возьмет верх над моим. Ты должна разрешить мне видеть тебя всегда, даже когда ты невидима, – повторил Азазель.

Я пожала плечами. Какая мне разница? Я произнесла формулу, которую он мне сказал, и его глаза встретились с моими. Теперь он видел меня.

– Мадам. – Он протянул мне руку.

Мы подошли к стене вместе, и он вставил в нее свой ключ. Черные ворота открылись, и мы увидели темный подвал. В середине стоял широкий жертвенный стол, вокруг которого собралось около десяти человек. На мужчинах были только набедренные повязки, а на женщинах – коротенькие платица. Кроме того, у каждого на голове был... громадный ярко-розовый капюшон с прорезями для глаз.

Я не могла удержаться и прыснула со смеху. Они выглядели так глупо!

Азазель резко на меня посмотрел.

«Не говори вслух», – мысленно велел он.

«О'кей», – ответила я.

Дьявол любил унижать других: об этом говорил наряд его верующих.

– Приветствую, дорогие мои! – прогремел Азазель, поднимая руки вверх. – Поклонитесь мне!

Его последователи затянули молитву:

О ты, всех Ангелов мудрейший, славный гений, О Бог развенчанный, лишенный песнопений! Мои томления помилуй, Сатана! Владыка изгнанный, безвинно осужденный, Чтоб с силой новою воспрянуть, побежденный! Мои томления помилуй, Сатана! Ты, царь всеведущий, подземных стран владыка, Целитель душ больных от горести великой! Мои томления помилуй, Сатана!..

Я посмотрела на Азазеля, который прямо-таки сиял от удовольствия. Его последователи, низко склонившись, бормотали оставшуюся часть литании.

«Притворяешься Сатаной?» – спросила я его.

Только Люцифер имел право пользоваться этим титулом. Остальные низвергнутые с Небес ангелы были просто дьяволами. Сатана был только один.

«Да, я выдаю себя за Люцифера», – мысленно ответил он мне.

«Зачем?»

«Чтобы... прошу прощения за очаровательный сленг собравшихся здесь примитивов... чтобы Люцеку пришел кирдык, – рассмеялся Азазель. – Нам категорически запрещено стоять во главе церквей и сект».

«Так сильно его не любишь?»

Он удивленно задумался. Видимо, он никогда не думал об этом с такой стороны. Он глянул на меня из-за маски арлекина.

«Ну... безусловно, я уважаю его за всю эту революцию и заговор. Надо иметь яйца, чтобы такое затеять, не спорю, но он не имеет никакого представления о том, как управлять Адом. Если бы я был тут шефом!.. Все определенно было бы лучше».

Я не стала никак это комментировать. Устав от монотонной молитвы верующих, я стала разглядывать помещение. На доске над ритуальным столом висел какой-то круглый символ. Два объединенных овала. Интригующе. Что-то мне это напоминало, но я не могла понять что.

«Что это?» – спросила я у Азазеля и указала на странную фигуру.

«Ты что, правда не знаешь? – удивился он. – Никогда их не видела? Виктория... это мужские яички...»

«Ой... э-э-э... у меня плохо с воображением, – быстро сказала я в свою защиту. – Так зачем там висят эти яйца?»

«Потому что моя религия называется “Свободу Роковым Ядрам”».

Если бы не корсет, мешавший мне дышать, я бы точно рассмеялась. И все же Азазель был ненормальным...

«Может, яйцам? И что? Ваш девиз – “Стоп презервативам – свобода сперме”?» – съязвила я.

«Не совсем, – загадочно улыбнулся он. – У него намного... как бы сказать... более глубокий смысл. Значительно более глубокий».

«Ага, поняла... более глубокий. Может, “Виагра для всех”?»

Он тяжело вздохнул, даже не усмехнувшись моим подколам. По-моему, придуманные мной лозунги были великолепны.

Последователи продолжали монотонно декламировать.

«Специально для меня в 1857 году Шарль Бодлер написал “Литанию Сатане”, – хвастался Азазель. – Классный был мужик, с ним можно было пить абсент до рассвета».

Один из мужчин в капюшоне благоговейно склонился еще сильнее, потерял равновесие и упал. Капюшон слетел с его головы.

«Это самый большой олух, которого я смог найти, – гордо сообщил мне Азазель. – Здесь я собираю в основном всяких глупцов – ими легче манипулировать».

Я уставилась на Павлика, который быстро надел обратно на голову свой уродливый капюшон. Так вот что за суперсекретная известная организация! Только зачем он в нее записался?

Последователи закончили свои воспевания.

«А теперь будет небольшая оргия!» – Азазель аж захлопал в ладоши от радости.

У меня не было желания на все это смотреть, что очень его расстроило. Я попрощалась и в глубине помещения наколдовала дверь, через которую вошла в свою квартирку.

«Не забудь снова стать видимой», – услышала я последние мысли Азазеля.

Я сделала так, как он сказал.

В своей квартирке я тут же уничтожила платье, которое, может, и было красивым, но носить его было невозможно. И как женщины когда-то могли ходить в подобном и терпеть это целыми днями? Или раньше им не нужно было дышать? Наверное, поэтому они все время теряли сознание.

Я едва успела одеться, как раздался звонок в дверь. Я открыла. Передо мной стоял Петруша с озадаченным выражением лица.

– Ты в порядке? – спросил он с порога.

Он протянул мне руку, но тут же отдернул ее.

Мы виделись всего-навсего несколько часов назад, но у меня было ощущение, будто с этого утра, когда он проснулся в моей постели, прошла куча времени. Петрек побрился и переоделся. Я внимательно оглядела его. Он определенно нравился мне больше с сексуальной щетиной.

– А что, со мной должно что-то быть не в порядке? – удивилась я. – Я же тебе говорила, что все хорошо. Входи.

– Я на одну минутку, – ответил он, но вошел в квартиру.

Бегемот тут же стал тереться о его ноги.

– Я звонил тебе раз десять, но ты не брала трубку, – сказал Петруша, обеспокоенно глядя на меня.

Я посмотрела на телефон, который оставила на столе. Я не брала его в Ад, там ведь не было связи...

– Прости, я... долго спала... а затем пошла в магазин, – солгала я.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – снова спросил он.

– Да-да, хорошо. – Я улыбнулась.

Наконец успокоившись, он улыбнулся в ответ.

– Ладно, тогда я побегу. Договорился встретиться с Павлом в городе, но, конечно же, этот болван не пришел, а у него моя флешка. Она мне нужна... Поеду к парням домой, может, вместе с Томеком где его найдем.

– Наверное, у Павла появились какие-нибудь неотложные дела, – сказала я.

Например, небольшая оргия. Такие важные дела нельзя откладывать на потом. «Бог» мог разозлиться, в конце концов, он ведь оделся в сюртук, и вообще...

– Дела появились, – пробормотал Петруша, – а мозг нет.

Я рассмеялась. Петруша никогда не злился и не кричал. Он всегда был олицетворением спокойствия. Если кто-то особенно действовал ему на нервы, то Петруша становился просто... ну... менее довольным. И все же он даже тогда оставался спокойным. Иногда это меня раздражало, с другой стороны, эта черта его характера сильно меня привлекала.

– Думаю, у него были благие намерения и он правда хотел встретиться, – снова рассмеялась я.

– Да-а-а... Только знаешь, что вымощено благими намерениями?

Я вспомнила Азазеля. Неделю назад он организовал небольшую акцию протеста возле резиденции Люцифера, требуя заменить в Лос-Дьяблосе дорожное покрытие. По словам Азазеля, большого сторонника всяческих удобств, ездить на машине по узким мощеным улицам просто невыносимо.

– О нет, уже нет. Вчера они залили ее бетоном, потому что... – Я прикусила язык, внезапно осознав, что говорю.

Петруша посмотрел на меня подозрительно, будто опасался, что у меня проявились какие-то поздние симптомы после вчерашнего инцидента.

– Шутка, – слабо рассмеялась я.

Как только я перестала смеяться, наступила тишина.

– Ладно, не важно. – Петруша покачал головой, когда понял, что я в порядке. – Я пойду вместе с Томеком обыскивать комнату Павла. Если не умрем от вони его нестираных носков, то, может,

найду свою флешку.

Он подошел к двери.

– До встречи, – сказала я.

Петрек вдруг потянулся ко мне, но одернул себя.

– Да, – пробормотал он, – пока.

Я закрыла за ним дверь и уткнулась в нее лбом. Чуть было не проговорила... Мне надо четко разделять то, что происходит в моей смертной и бессмертной жизни, иначе я могу создать себе кучу проблем.

На стене напротив появилась черная дыра. Черт возьми... Не слишком ли много событий за один день?

В мою комнату проникла только окутанная рясой рука и бросила на пол папку – теперь уже привычная картина. Смерть явно меня избегала, с тех пор как Бегемот появился в моей жизни и поселился у меня. Кто бы мог подумать, что она так отреагирует? Какой-то там котенок, а у нее сразу белая горячка.

Я задумалась. Может, стоило подарить Мареку и Наталье кота?

Нет... Многие держат их в домах, но Смерть все равно к ним приходит и забирает их души. Невозможно было обеспечить им бессмертие таким образом. Споры отпадают, потому что она, а точнее, оно обычно побеждает, котов тоже. Придется оставить эту затею...

– Спасибо, – фыркнула я исчезающей дыре.

Я подняла безвкусного вида папку с полустертой надписью «Совершенно секретно». В Аду все думали, что у них неповторимое чувство юмора. Ага, а я украинская принцесса, и где-то там, в далекой степи, стоит мой замок...

Я села на диван и открыла папку. Кот уселся рядом со мной, тыча в меня треугольной мордочкой, которую я должна была гладить. Я бездумно почесала его за ухом, листая документы.

Завтра ровно в десять утра от сердечного приступа умрет госпожа Анна Ковальская. Прекрасно... Я посмотрела на настенные часы. Они показывали пару минут двенадцатого. Меня ждала напряженная ночь.

Я решила остаться в своей квартирке, а не дома в Лос-Дьяблосе, на случай, если Петруша вдруг снова захочет мне позвонить. Что, конечно, было так же вероятно, как и дождь из лягушек...

Я улыбнулась сама себе. Он так беспокоился обо мне – иначе бы не пришел проведать меня, умерла я или нет. Видимо, я была ему небезразлична!

Сделала себе крепкий кофе. Кофеин на меня не действовал: достаточно было прилечь – и я тут же оказывалась в объятиях Морфея. И все же мысль о том, что я выпила кофе, немного стимулировала меня держать глаза открытыми. Я могла бы просто сотворить себе кофейник, но мне нравилось заваривать чай или кофе самой – так я чувствовала себя нормальной.

Я включила тихую музыку, Дайдо печально пела о неразделенной любви, Бегемот мурчал на подушке, за окном давно стемнело. Я сотворила несколько свечек, чтобы дополнить картину.

Учить наизусть грехи будущей покойницы было последней вещью, которую мне бы хотелось делать. Я бы предпочла сейчас пить с кем-нибудь вино и смотреть друг другу в глаза. Но все-таки это была моя работа.

Проворчав себе под нос, я легла на диване на живот и принялась за чтение биографии Анны Ковальской. Это будет мое шестое задание. Пока что я выиграла три раза. Не могу сказать, что все шло преотлично, но плохо тоже не было.

С каждой новой страницей я ужасалась все больше. Она была... она была... отвратительна!

Я перевернула последнюю страницу, на которой были написаны дата и время смерти. Посмотрела на погруженного в сон кота, желая поделиться с ним моими чувствами по поводу этой демонической старушки.

Бегемот лежал на спине, подняв лапки кверху. Не хотелось его будить.

Завтра будет тяжелое задание. Очень тяжелое.

Могу ли я позволить себе проиграть? Может, Белет не разозлится слишком сильно... В конце концов, я все еще иногда проигрываю. Я ведь не непобедимая Клеопатра, которая смогла уговорить отправиться в Ад даже одного из Пап.

Во всяком случае, вероятность того, что я выиграю, была минимальной.

С мыслью о том, что никому в Аду не нужна эта бабка, я положила голову на подушку и заснула.

Я находилась в месте вне времени. Белые клубы тумана плавали у ног. Ангела, с которым я должна была сегодня торговаться, еще не было. Белет тоже опаздывал.

Я забеспокоилась. Мне хотелось поговорить с ним до появления Смерти и Анны Ковальской, земля ей пухом. Поделиться с ним своими страхами и нежеланием вообще проводить этот торг. Ладно бы я была гомофобкой или кем-то в этом роде, мне просто не нравились такие люди, как сегодняшняя покойница.

Рядом со мной появилась резная сосновая дверь. Из нее вышел высокий мужчина, одетый во все белое. Каштановые волосы непослушными локонами падали на его зеленые глаза.

– Здравствуй, я Узиэль. – Он протянул мне руку.

– Привет. Виктория. – Я пожалала ее.

– Очень приятно познакомиться, – сказал ангел. – Ты первая дьяволица, которую я вижу.

– Я рада, – искусственно улыбнулась я.

Ангелы реагировали на меня по-разному. Либо как Мюриэль, с презрением и превосходством, либо как Узиэль – искренне интересовались моей особой и дивились тому, что обычная девушка смогла стать могущественной дьяволицей. Но все-таки ангелы, подобные Мюриэлю, преобладали...

В этот момент перед нами появилась черная дыра. Из нее вышла Смерть, ведя перед собой милую старушку. На женщине было толстое мешковатое платье, покрывавшее ее с головы до ног, и свитер ручной вязки. На шее висели крестик и маленькая золотая иконка Девы Марии. Серебристые волосы были убраны в тугой пучок на макушке. Она поглядывала на нас с любопытством, не переставая вязать.

Ну прямо-таки олицетворение бабушки. Мне даже казалось, что сейчас она вытащит из кармана пакет с печеньем, которое сама испекла.

Где этот Белет?!

– Начинаем? – спросил Узиэль, искренне мне улыбаясь.

– Моего консультанта пока нет. – Я беспомощно огляделась вокруг.

– Консультанта? – спросила старушка, садясь на стул, сотворенный для нее ангелом.

– Дьяволица Виктория новенькая, – объяснил ей Узиэль. – Пока она не научится правилам работы, ей должен помогать дьявол.

Старушка нахмурилась и резко посмотрела на меня:

– Женщина должна быть самодостаточной и не ждать помощи от мужчин.

Я даже раскрыла рот от удивления. Классно...

В этот момент, к счастью, рядом с нами появилась дверь из множества разноцветных стеклышек.

– Куда ты подевался? – рявкнула я на Белета.

– Прошу прощения, – ответил он. – У меня были важные дела на Земле. Ну так что? Начинаем?

Я схватила его за руку и отвела в сторону.

– Белет, – шепнула я. – Послушай, я не уверена, что мы должны бороться за эту душу. У этой женщины довольно специфическое прошлое.

– А что? Она поступала плохо? Как раз для нас.

– Нет, послушай. Она была... была... «мохеровым беретом».

Белет удивленно уставился на меня.

– Ну и? – спросил он. – Ксенофобией попахивает, не находишь?

– И без тебя знаю, – огрызнулась я. – Наверное, поэтому я в Аду, а не на Небе.

Он отвел взгляд куда-то в сторону.

– И что с того, что она «беретка»? – спросил Белет.

– Она умерла сегодня от сердечного приступа во время мини-пикета у Сейма, – быстро сказала я. – Вместе с подружками со своего района ходила с транспарантами против ЭКО и аборт.

– Ну и? Опуская тот факт, что она слегка непоследовательна, не желая ни делать детей, ни прерывать беременности.

– Белет... – У меня опустились руки. – Вдобавок к этому она противница контрацепции, но большая сторонница феминисток. Она будет постоянно ко всем придирается и попытается переделать Ад. Представляешь себе ее пикеты против бикини у резиденции Люцифера? Разве он не будет зол на нас за это?

Ад был вполне себе увеселительным местом. Сюда попадали души, которые либо хотели веселиться целую вечность, либо только узнавали, что могут веселиться. Я не была уверена, хотела ли я развлекаться... Однако, даже по сравнению со мной и моей достаточно сильно развитой (по адским стандартам) совестью, старушка явно не подходила на роль жителя Нижней Аркадии.

Дьявол глянул на нее, но быстро перевел взгляд обратно на меня.

– Вики. Тебе всего лишь надо получить ее душу. За остальное не переживай. Знаешь, сколько проблем сначала было от Жанны Д'Арк?

Теперь настала моя очередь удивленно уставиться на него.

– Она отправилась в Ад? Она случайно не святая? – спросила я.

– Так и есть, – поморщился он, – но это земной титул. Честно говоря, она хотела попасть в Ад, чтобы попытаться его исправить. Ох уж эти ее показательные самовозгорания у Канцелярии и резиденции Сатаны... Нет слов. К счастью, она уже оставила эту затею. Дорогая, тебе всего лишь надо получить душу этой старушки, понятно? К делу.

Я тяжело вздохнула. Мы подошли к остальным. Узиэль с любопытством смотрел на нас – он выглядел так, будто никуда не спешил. Бабка была другого мнения.

– Что так долго? – забурчала она, не переставая вязать. Спицы выстукивали гневный ритм.

– Мы должны были кое-что обсудить, – извинилась я.

Меня удивило, что я произнесла эти слова таким услужливым тоном. Это не я должна сейчас быть напугана и кротка.

Старушка неодобрительно кивнула и гневно скрипнула протезом.

Узиэль принял эстафету и рассказал госпоже Ковальской, что с ней произошло и что ей придется решить, куда она хочет пойти после торга. Он подождал, пока я утвердительно кивну, и начал перечислять все ее добрые поступки. Основная тактика ангела заключалась в том, чтобы обрисовать нашу покойницу как особу очень религиозную, которая каждое утро ходит на мессу и каждые два дня исповедуется.

Я простонала. Священнику в исповедальне должно было быть дико скучно... Сколько можно нагрешить за два дня? Белет кинул на меня многозначительный взгляд. Я решила больше не издавать странные звуки во время следующей речи ангела.

Наступила моя очередь. Я была не в состоянии посмотреть бабке прямо в глаза. Обычно я смотрю на мертвых, давая им понять, кто тут главный и кого следует уважать. Но она буравила меня таким злобным взглядом, что я просто не могла.

Я повернулась к Узиэлю. Он любезно мне улыбался.

– Божьи и церковные заповеди не нарушены, – смиренно сказала я. – Эта женщина в жизни не ругалась матом... Ни разу не лгала.

Белет прочистил горло:

– Вики, ты потакаешь ангелу...

– Ах, да. Простите, – скривилась я. – Ни одним из семи смертных грехов она особо не злоупотребляла. Хотя! В 1993 году она съела слишком много пирога, и ей поплохело. На именинах некой, – мне пришлось достать из кармана шпаргалку, на которой я это записала, – Божены

Заскорницей.

Узиэль тяжело вздохнул.

– Это не имеет значения, – сказал он. – Если бы все попадали в Ад за чревоугодие, то в Раю никого бы не было.

– Могу я кое-что сказать? – вклинилась старушка. – Я хотела бы кое-что сказать. Насчет этого пирога.

Ангел кивнул в знак согласия, мило улыбаясь.

– Я его съела только потому, чтобы он не испортился. На самом деле мне не особо хотелось его есть.

В месте вне времени невозможно было лгать. Она говорила правду. Черт побери...

– Я сдаюсь, – уступила я. – Помимо того, что она параноидально одержима отрицанием всего, что способствует прогрессу и развитию, я не вижу в ней недостатков...

Руки Белета опустились. Узиэль довольно улыбнулся. Золотистые глаза моего дьявола смотрели на меня с неодобрением. Я проиграла.

– Как это? – спросила старушка. – Дьяволица не будет меня искушать? Я не отправлюсь в Ад?

Ангел похлопал ее по руке:

– Все хорошо, вы попадете на Небеса. Там ваше место, и там вы получите должную вам награду.

Я задумалась о том, как живется в Раю. Так же как в Аду, только там нельзя пить и в целом плохо себя вести? Тогда этой бабке станет там скучно: не будет никого, кого она могла бы раскритиковать и попытаться наставить на божественный путь мудрости.

Я невольно усмехнулась. О нет, наградой для нее это не будет.

Пожилая женщина скривилась.

– Но я не хочу идти в Рай, – сообщила она.

Улыбка Узиэля сползла с лица, на моем отразился ужас. Смерть визгливо захихикала.

– Почему? – спросила я. – В Раю наверняка находятся все ваши подружки, любимый священник, который сыграл в ящик полвека назад!

Белет толкнул меня локтем между ребер.

– Что ты творишь? – прошипел он. – Ты можешь выиграть!

– Это не имеет значения, – торжественно ответила старушка. – Я чувствую, что это мое призвание – нести слово Божье в адские пучины.

Я застонала. Не дай бог она сговорится с Жанной Д'Арк и они подожгут лучшие клубы.

– Госпожа Ковальская, – ангел присел перед ней на корточки, – подумайте хорошенько. Вечность очень длинная. Вы добросовестно трудились на Земле, сея добро и правду.

Я не удержалась и фыркнула. Добро и правду? Скорее тьму и невежество...

Я верила в то, чего могла коснуться и почувствовать, поэтому я доверяла науке и прогрессу. Признаю, что, попав в Ад и обретя сверхъестественные способности, мне пришлось немного поменять свое мировоззрение, продолжая считать, что наука стоит на первом месте. Такие люди, как она, тормозили прогресс.

Бабка кивала, не переставая вязать какой-то шарфик. Клубок пряжи прятался у нее в кармане.

– Я все это прекрасно понимаю, мой милый, – ответила она, – но это еще не конец моего пути. Я верю, что Бог, сотворив меня, держал в голове более обширный план. Он хотел, чтобы Ад уверовал.

– Нет-нет-нет! – быстро возразила я. – Пожалуйста, поверьте мне. Не было у него никакого плана. Чистая случайность.

Белет не выдержал и закрыл мне рот рукой.

– Добро пожаловать в Ад, – улыбнулся он ей. – Там много проклятых душ, вы не будете

разочарованы.

– Я хочу попасть в Ад, – усмехнулась она нам.

Узиэль протянул мне руку.

Торг окончен.

«Мохеровые береты» отправляются наводить в Аду порядок.

Какое счастье, что хотя бы радиоволны их любимой станции туда не проникают...

– Что это вообще было? – с упреком спросил Белет, когда мы уселись на мягких подушках плетеных стульев на крыльце моего дома.

– Представляешь себе, как теперь будет выглядеть Ад? – поинтересовалась я. – Больше он не будет местом вечного пьянства, веселья и разврата.

– Для тебя он никогда таким и не был, – обиженно подметил он. – Хотя я предлагал!

Я оставила его слова без внимания. Мне не хотелось играть с ним в очередные игры. Мои руки лежали на подлокотниках кресла. Он потянулся, чтобы коснуться меня, но я убрала руки. Он тяжело вздохнул.

– Почему ты не хочешь быть со мной? – не сдавался он.

– Потому что ты лжешь, убиваешь – или пытаешься убивать. Кто знает, чем ты занимался до этого.

– Ну, случалось и убивать. – Он беспокойно поерзал в кресле и с тревогой посмотрел на меня.

– Я еще никого не убила, – гордо сказала я.

Вспомнила, что должна была навестить своего убийцу. Не знаю, зачем я стала играть в эти игры... Я всего лишь хотела узнать, почему я умерла. Но стоило ли беречь старые раны? Я уже хотела рассказать об этом Белету, но вдруг передумала. Больше не доверяла ему так безгранично, как раньше.

Дьявол громко смеялся надо мной.

– Чего ты смеешься? – спросила я в замешательстве.

– Ты сказала «еще не убивала», – весело ответил он. – Это предоставляет много возможностей.

Я невольно улыбнулась, но затем снова приуныла. Может, мир, обрисованный дьяволом, и был привлекательным, но не для меня. Я снова положила руки на подлокотники.

Он тяжело вздохнул и похлопал меня по кисти. Он точно никогда не сдавался.

– Но ты мне все равно нравишься, – сказал он, вырисовывая пальцами круги на моей коже.

Хотя я все еще злилась на него за попытку убить Петрушу, мне стало жарко. Белет знал, как влияет на меня, и все равно этим пользовался. Это начинало раздражать.

– Расслабься, – хмыкнул он.

– Рядом с тобой у меня с этим проблемы.

Мне хотелось убрать руку, и в то же время нет. Все это время он вырисовывал на ней круги. Нежные прикосновения, говорящие больше слов.

– Я заметил. – Он улыбнулся с иронией.

Мы сидели так еще какое-то время, разговаривая о каких-то глупостях, но я все-таки убрала руку.

Когда он наконец исчез, я быстро перенеслась в свою квартиру. Нужно было узнать, в какой больнице держали моего убийцу.

В поисках я провела остаток дня. Интернет не хотел предоставлять мне точную информацию, а хакером я не была. Мне пришлось использовать силу, чтобы обойти некоторые защитные системы. Было уже темно, когда я наконец смогла выудить нужную мне информацию.

Шел весенний дождь. Фонари освещали улицу, но их свет не достигал того места, где стояла я. Я пыталась понять, как туда пробраться. Могла бы просто пройти сквозь стену, но вдруг моя дверь появилась бы прямо перед чьим-то носом.

Это правда была психиатрическая лечебница. Если меня увидит врач или медсестра, то я снова подниму шумиху. Выходки в стиле поджога Поля Мокотовского не были мне на руку.

Фасад здания был окружен забором из тонкой металлической проволоки. Во дворе рос высокий каштан, уже начавший цвести. Знак неизбежных выпускных экзаменов.

Ворота караулил охранник в небольшой будочке.

Я подумала о том, чтобы стать невидимой.

Прошла мимо него, шлепая по лужам. Только по ним можно было догадаться, что я пересекла весь двор.

Входная дверь была открыта, и я с силой дернула тяжелые ворота. Внутри было темно. Коридор тонул во тьме. Часы посещения давно закончились. Лечебница, желая обеспечить своим пациентам относительное спокойствие, закрывалась около восьми вечера. Дверь, ведущая в амбулаторию, была закрыта наглухо. В поисках помощи, а точнее – цветных таблеток пациенты придут только утром.

Я прошла через коридор, минуя закрытую справочную. Вода капала с моего плаща на веселенький персиковый линолеум, помечая мой маршрут.

Я вбежала по лестнице на первый этаж, где находилась сестринская. Вошла в отделение. Мне пришлось обратиться к силе, потому что дверь была закрыта, чтобы никто не мог выйти.

– Да, а я ей тогда сказала... – услышала я удивленный женский голос.

Я тихонько подошла к месту, из которого он раздавался. За бронированным стеклом стоял стол. Командный пост медсестер. Две женщины из ночной смены потягивали кофе и сплетничали о чем-то усталыми голосами. Я посмотрела на доску за их спиной – там были расписаны фамилии и номера палат.

Своего убийцу я нашла в изоляторе под номером 6. Занимательный выбор цифры...

Ключи лежали на столе перед женщинами в маленькой корзинке.

В этот момент где-то в коридоре раздался оглушительный крик.

Худая женщина раздраженно вздохнула и поднялась со стоном. Стул заскрипел, будто радуясь, что тяжесть исчезла.

– Иди. Наверняка снова надо успокоить этого из четвертой. Клянусь, если он еще раз мне скажет, что к нему заглянул Майкл Джексон, то я дам ему двойную дозу лекарств...

Из коридора раздался заунывный голос. Пациент кричал: *«Love me tender!»*

– Нет... – засмеялась другая женщина. – На этот раз к нему пришел Элвис.

– Ну, я сейчас вылюблю тебя tender, – рявкнула первая, все еще раздраженная.

Они вышли из сестринской. Воспользовавшись этим, я проскользнула внутрь, вытащила из кучи ключей нужный и пошла дальше по коридору.

Внезапно из-за стены вышел охранник, и я, напугавшись, нырнула под низкий столик рядом со стульями для посетителей. Меня бы он не увидел, но свободно летящий в воздухе ключ мог бы вызвать его беспокойство, совсем ненужное в данный момент.

Когда он прошел мимо меня, я высунула голову из-под столешницы. Вылезла и простонала, когда наконец выпрямилась. Старость не радость... Какая старость? У меня уже никогда не будет старости.

И все из-за него.

Я встала перед дверью изолятора номер 6.

Вставила ключ в замок.

В комнате было темно. Единственная лампочка под потолком мигала время от времени. Капли дождя яростно бились о зарешеченное окно и исчезали навечно.

На узкой кровати сидел сгорбившийся мужчина. Я подметила, что на нем была смирительная рубашка. Он не смотрел на меня. Сидел, уставившись пустым взглядом в окно, уверенный, что к нему заглянула медсестра или врач. Я снова стала видимой.

– Здравствуй, – отозвалась я, закрывая за собой дверь.

Убийца резко повернул голову ко мне и начал пищать через нос.

– Да, это я. – Я прислонилась спиной к стене напротив него.

Мужчина забрался на кровать и забился в угол. Глянул на дверь. Я махнула рукой, и она исчезла. На ее месте появилась белая стена.

Он начал пищать еще громче.

– Успокойся, – тихо сказала я. – Я всего лишь хочу поговорить.

Позволила ему «покричать» еще пару минут. Наконец он выдохся и упал на четвереньки, будто потерял сознание. Ничего удивительного. В конце концов, он гипервентилировал в течение долгого времени, вдобавок ко всему через нос.

– Я не причиню тебе вреда. Хочу только поговорить. Я верну тебе голос, если пообещаешь, что не будешь кричать.

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Не верил мне.

– Клянусь, что верну тебе голос. Навсегда. Я просто хочу поговорить.

В прошлый раз я ничего от него не добила. Клеопатре так не терпелось кастрировать его. Она не хотела, чтобы я с ним поговорила, чтобы попробовала вытянуть из него какую-нибудь информацию. Это заставило меня задуматься. Почему она так сильно торопилась?

Я потерялась в своих мыслях, что не заметила, как мужчина стал что-то мычать. Он кивнул мне.

– Согласен поговорить в обмен на голос? – убедилась я.

Он закивал.

– Обещаешь, что не будешь кричать? – допытывалась я.

Он снова нетерпеливо кивнул, глядя на меня с надеждой.

Я щелкнула пальцами.

Он напряженно наблюдал за мной. Не знал, получил он обратно свой голос или нет.

– Теперь ответь мне... Почему ты убил меня?

Мужчина смотрел на меня с безумством. Эти глаза, светло-голубые, водянистые, пустые... Не могла в них смотреть и опустила взгляд на его подбородок.

Он открыл рот, но не смог произнести ни звука. Попробовал еще раз.

– Яхх... – прохрипел он.

Радостно улыбнулся, услышав этот звук. Прокашлялся.

– Я сожалею, – сказал он.

Я подняла глаза вверх.

– Мне все равно, жалеешь ты об этом или нет, – сказала я раздраженно. – Я хочу узнать, почему ты это сделал. Как это случилось? Я мало что помню из той ночи и требую объяснений.

Он съежился и забился в угол. Стал монотонно кивать головой.

Вверх...

Вниз...

Вверх...

Вниз...

Я напряженно ждала.

– Я тоже мало что помню, – сказал он и снова закашлялся.

Его голос от долгого молчания был грубым и хриплым.

– Я пошел в «Стодолу». Хотел найти какую-нибудь дурочку, которая дала бы вытащить себя в парк...

– И что тогда?! – прервала я его. – Ты изнасиловал бы ее, ублюдок?!

Убийца сгорбился еще сильнее, напуганный моей вспышкой гнева. Снова начал ритмично качать головой. Это его успокоило. Прекрасно... Мало того что у него были явно выраженные психические проблемы, так еще госпитализм!

- Да, - ответил он, - я бы ее изнасиловал...

- Зачем ты меня убил? Тоже хотел меня изнасиловать?

- Нет, - он снова начал кивать, уставившись в пустоту, - все было не так. Я не хотел тебя насиловать. Я вообще тебя не хотел: ты слишком худая, слишком серенькая, без вызывающей одежды. Мне другие нравятся.

Меня пробрала дрожь отвращения. Чертов психопат.

- Тогда зачем ты пошел за мной? Чего ты хотел? - добивалась я.

- Не знаю...

У меня опустились руки. Зачем я возвращала ему голос, раз он не может мне ничего сказать?!

- Там был мужчина... брюнет...

Меня как будто окатили холодной водой.

- Высокий, пил чистый алкоголь, а не коктейли. Он был какой-то такой... мрачный...

Я подошла ближе, но он затрясся от страха и резко закачал головой.

Я отошла обратно к стене. Убийца медленно успокаивался. Как мало нужно, чтобы превратить человека в развалину. Достаточно его кастрировать и отобрать голос. Смотри-ка...

- Кто это был? - спросила я.

- Не знаю. У него были черные волосы, выглядел он странно. Пригласил меня выпить, оплатил выпивку. Разговаривал со мной.

- О чем?

- Я не знаю. - Он бессильно посмотрел на меня. - Я не помню!

- А что помнишь?

Мужчина недолго кивал. Лампочка замигала под потолком, когда где-то поблизости ударила молния. Дождь яростно бил в окно.

- Нож... - произнес он так тихо, что я не была уверена, слышалось ли мне.

- Нож? - убедилась я и невольно коснулась живота.

На коже не осталось ни одного следа от нанесенной мне раны, но иногда по ночам я просыпалась с криком и тупой болью в области желудка.

- Он дал мне нож... - тихо объяснил он. - Я никого не калечу, не раню. Не ношу с собой ножа.

Силой воли я заставила себя удержаться от комментариев. Он был мне ненавистен.

- Зачем ты его взял?

- Не знаю...

Разозлившись, я оттолкнулась от стены и стала ходить по кругу.

Темноволосый, нож, провалы в памяти. У меня было предчувствие, что кто-то из дьяволов приложил к этому руку. Белет? Азazelь? Только зачем им моя смерть?

- Как выглядел этот брюнет? - спросила я.

- Высокий...

- Волосы собраны в хвост или уложены в ирокез? - напирала я. - Глаза черные или золотистые?

- Не помню. Наверное, черные... не знаю, не помню...

Я смотрела на сгорбленного мужчину, который сейчас только отдаленно напоминал человека. Прах и пыль. Для них это была обычная забава.

- Это он приказал тебе убить меня?

Испуганный мужчина боязливо наблюдал за мной. Кивнул.

Я не была уверена, кивнул он потому, что пытался успокоиться, или в ответ на мой вопрос.

– Приказал? – прикрикнула я.

Он вжался в угол.

– Он говорил о тебе, – быстро пролепетал он. – Приказал мне смотреть на тебя, а потом дал нож. Я не помню, что он говорил! Правда не помню! Не знаю почему...

Это как раз было мне понятно – я тоже мало помню о том вечере. Это должно быть как-то связано.

– Почему я ушла из «Стодолы»? – поинтересовалась я. – Не помню этого. Ты что-то мне подсыпал в коктейль?

Его взгляд впервые был ясным. Он перестал кивать. Это произвело на меня такое ужасающее впечатление, что я даже отступила на шаг.

– Я к тебе не подходил. Тот мужчина, темноволосый. Он подошел. Сказал что-то на ухо, и ты вышла. Я должен был идти за тобой.

Я застыла.

Как он подошел ко мне и что-то сказал? Я закрыла лицо руками. Ничего такого не помню! Не помню никакого брюнета!

Мужчина уставился на меня, снова ритмично качая головой. Мне тоже захотелось так поделаться...

– Ты вышла, а я пошел за тобой. Потом я вытащил нож и нанес удар. И еще раз... и еще... А потом ты рассыпалась в прах, как демон, как вампир.

Мне не хотелось его слушать. Я вернула дверь в изолятор, но выходить тем же путем не собиралась. Вытащила из кармана дьявольский ключ.

– Голос я тебе вернула. Прощай! – Я вставила ключ в стену.

– Подожди, – крикнул он, прежде чем я открыла дверь, – а мои...

– Их не получишь. Радуйся, что потерял только их. Клеопатра предупредила тебя, что станет, если ты еще хоть когда-нибудь навредишь какой-либо женщине.

Мужчина сгорбился.

– Нож, нож, это был не мой нож, – начал шептать он.

За дверью находилась залитая дождем территория перед больницей. Я вышла прямо под ливень. Не хотела пока возвращаться домой; мне нужно было подумать.

Когда я стояла в потоках воды, контур двери размывался в воздухе. Я повернулась и посмотрела на здание. В маленьком зарешеченном окне я увидела лицо напуганного мужчины, который повторял одно и то же слово:

– Нож, нож, нож...

Спала я всего несколько часов. Была суббота. Вечером у Томяка должна состояться очередная попойка, на которую я, естественно, собиралась пойти. Я ненадолго задумалась, сколько денег, должно быть, загребают производители алкоголя. Пришла к выводу, что, наверное, я выбрала не ту профессию – алкогольная промышленность определенно была более прибыльным занятием.

Я сунула Бегемоту открытую банку кошачьего корма и вышла. Он обиженно мяукнул. С тех пор как он поселился у меня, он перестал есть из банки – еду ему всегда подавали на тарелочке. Несколько недель комфорта, и он уже забыл, что когда-то с удовольствием лакомился испорченной рыбой из мусорного бака...

Я бесцельно бродила по Варшаве, минуя немногочисленных прохожих. Еще было рано. Десять утра в субботу? Большинство молодежи отсыпалось после пятничной ночи. Я села на парапет «сковородки», то есть, говоря по-человечески, а не по-варшавски, на небольшой площади у входа на станцию «Метро Центрум».

Наблюдала за красочно одетыми людьми. Только здесь, как обычно, былолюдно. Каждые несколько минут толпы людей выходили со станции.

Одна линия метро. Тоже мне, европейская столица...

Я оглядела площадь, окруженную артистичными граффити. Под вечер здесь наверняка соберется индейский ансамбль, несколько парней, танцующих брейк-данс на грязном картоне, и парень, играющий на стуле, притворяясь, что это современная барабанная установка. Мне нравилось это место.

Я стала напевать песню Т. Love о Варшаве. Подумала о Петреке. О... у них даже есть подходящая строчка. «Зеленый Жолибож, чертов Жолибож», – почти весело запела я.

– Что делаешь?

Я чуть было не упала с парапета.

– Белет! – вскрикнула я. – Хочешь, чтобы я умерла от сердечного приступа?!

Он воздержался от ответа, который был довольно очевиден.

– Сиж, скучаю, – пробормотала я, чтобы Белет отвязался, потому что он все еще ждал ответа на свой вопрос.

– Поскучать с тобой? – предложил он, широко усмехаясь, и, не дожидаясь ответа, сел рядом со мной.

Для полной ясности, сидел он очень близко ко мне. Мне совершенно не хотелось касаться его ногой или бедром, поэтому я отсела.

Он тяжело вздохнул.

– Неужели ты не рада меня видеть? – печально спросил он.

– Хочешь, чтобы я была рада?

– Да. – Он широко улыбнулся и объяснил: – Ну, знаешь... было бы приятно, если бы кто-то радовался моему появлению.

– Купи собаку, уверяю тебя, она будет от тебя в восторге.

– Ты снова не в духе?

Я не собиралась доверяться ему. Тем более я не знала, что за брюнет был тогда в «Стодоле». Кто вынес мне приговор. Кто в действительности убил меня, используя в качестве орудия того мужчину.

– Что случилось? – спросил он снова.

В его глазах плескалось беспокойство.

– Тебя кто-то обидел? Убить его?

Я не знала, говорит ли он серьезно или просто шутит, чтобы рассмешить меня. Ну что ж... не рассмешил.

– Я была у своего убийцы, – честно ответила я.

Он беспокойно поерзал.

– Как это ты была у него?! – раздраженно спросил он. – Подпалила что-нибудь по ходу? Вышла из воздуха? Или, может, снова кого-нибудь покалечила?

– Представь себе, нет.

– Зачем ты была у него?

– Узнать, почему я умерла. – Я внимательно вглядывалась в его лицо, но не заметила никакого всплеска эмоций.

– И что он тебе ответил? – осторожно спросил он.

– Что не помнит.

Белет медленно выдохнул. Единственный признак того, что он нервничал. Что-то внутри кольнуло. Не знаю почему, но мне хотелось верить, что он в этом не замешан. Но его реакция на мои слова... Черт побери!

– Тебе лучше в этом не копать, – сказал он. – Ты только причинишь себе боль. Что сделано, то сделано. Ты уже мертва.

Я уже собиралась ответить ему, что это моя смерть и он не должен вмешиваться, как вдруг через площадь раздался крик:

– Вики! Бартек!

Я повернулась к своему брату Мареку, который бежал в нашу сторону. Прекрасно... Я и так звоню ему каждый день, обязательно на него еще и наткаться?

– Привет, что делаете? – Он поцеловал меня в щеку и пожал руку Белету.

– Сидим скучаем, – быстро ответила я.

Марек покивал, как будто не поверив. Затем он подробно расспросил меня, как моя учеба, что я съела на завтрак, что собираюсь готовить на ужин и так далее. Его родительский инстинкт, появившийся из-за меня, был, как никогда, силен.

После пары минут непринужденной беседы Марек посмотрел на Белета и спросил:

– Вы все еще встречаетесь?

– Да, – рьяно ответил дьявол и обнял меня.

– Хм... – пробормотал мой брат. – Ну а так, в общем... Бартек... ты же учишься с Вики, верно?

– Да.

– А чем еще занимаешься? Где-то работаешь? Где именно?

Дьявол посмотрел вверх, будто о чем-то сильно задумался.

– Бизнес-консалтинг, Бартек... – быстро сказала я, но он меня прервал:

– Сейчас я занимаюсь в основном моббингом. У меня не очень получается, сам знаешь, как это бывает. Встречаются упрямые кадры. – Он похлопал меня по плечу.

Марек подозрительно посмотрел на нас.

– На самом деле он раздает листовки у Дворца Культуры, – сказала я.

– Листовки? – Дьявол возмущенно посмотрел на меня. – Может, еще эти, с голыми бабами?

– Видишь? – Я обратилась к Мареку. – Он так устал от этой работы, в печенках уже сидит. Она и правда плохо влияет на его психику.

У моего брата была такая мина, будто он общался с двумя людьми, которые мыслят как-то иначе. Белет, пользуясь тем, что обнимает меня, а я не могу оттолкнуть его на глазах у Марек, нежно мяло мое плечо.

- Честно? – начал мой брат. – Честно, у меня нет желания вникать в вашу психику. На следующей неделе в субботу, малышка, ты приходишь к нам на ужин. Я побежал. Берегите себя.

Короткий поцелуй в щеку, легкое рукопожатие с Белетом, и Марек понесся к метро.

Я поняла, что забыла спросить его, нужно ли мне звонить ему сегодня, раз уж мы виделись. Наверняка придется позвонить...

Я повернулась к дьяволу:

- Ты делаешь все, чтобы усложнить мне жизнь, не так ли?

- Вообще-то, во-первых, ты мертва, и все время об этом забываешь, а во-вторых... я желаю тебе только добра.

Он наклонился ко мне и стал целовать мою шею. Я соскочила с парапета, поправила волосы и воротник кожаной куртки.

Посмотрела на него через плечо.

- Добра? Конечно... – Я смешалась с толпой людей, оставив его в одиночестве.

Я надела свободную красную блузку, поверх которой накинула легкую куртку, и подходящие джинсы. Две бутылки вина с нижней полки (точнее, из коробки под полкой...), спрайта и какое-то печенье я создала прямо под дверью.

Вошла в кишасшую людьми квартиру Томека. Я удивлялась его соседям: это была четвертая вечеринка в этом месяце.

- Вики! – Томек широко мне улыбнулся.

Пропустив меня внутрь, он слегка пошатнулся. Я глянула на часы. Было только десять вечера.

Петруша уже был тут. Теперь настала моя очередь улыбаться, как полная идиотка.

- Вики! – Зуза дернула меня в сторону, увлакивая в ванную, прежде чем я успела подойти к Петреку.

- Эй, что случилось? – спросила я.

Подруга совсем меня не слушала. Она хлопнула дверью и защелкнула щеколду. Приложила ухо к белому стеклу. Ее паранойя начала меня беспокоить.

Я села на край ванны. Бутылка стукнулась о кафель. Я прошипела, уверенная, что разбила ее.

- Мы совсем не видимся, – бросила Зуза. – А мне нужно с тобой поговорить. О чем-то очень важном.

Она опустила сиденье унитаза и уселась на него. Я огляделась. Типичная мужская ванная: полный беспорядок, куча дезодорантов, пены для бритья, бритв, геля для волос. Ну, и в целом было довольно грязно.

- Я влюбилась! – простонала Зуза.

- В кого?! Почему ты мне не позвонила?

- Потому что до тебя не дозвониться, глупая. Ты либо не берешь трубку, либо вне зоны. Где ты пропадаешь?

- Я много работаю, – уклончиво промямлила я.

- С этим Бартеком и Клеопатрой?

- Да.

- Они еще встречаются? – Она задумалась. – Они как-то друг другу не подходят... Впрочем, все для нее недостаточно хороши.

«Кроме Цезаря и Марка Антония», – подумала я. Зуза откинула назад свои каштановые волосы и выжидающе посмотрела на меня.

- Нет, уже нет, – ответила я.

Зуза проницательно следила за мной. Я знала, что она хочет сказать – это было видно по ее лицу.

– Знаешь... он тогда внимательно наблюдал за тобой. На других он тоже смотрел, конечно. Не знаю почему, но Петрек особенно его заинтересовал. В любом случае он на тебя запал. Ты определенно ему нравишься.

Хм... как ни крути, Белет действительно мной интересовался. Очень сильно.

– Да, знаю... – неохотно пробормотала я. – В последнее время он действительно меня немного понимает.

– Но Вики. Он милый, – Зуза улыбнулась своим воспоминаниям, – и красивый... Такой непослушный мальчик. Я бы с ним позабавилась!

Я задумалась. Конечно, в этом что-то было. Белет был идеальным парнем. Опуская тот факт, что парнем он не был, но это мелочи. Он заботился обо мне, был чуток, интересовался мной, бегал, пытался завоевать. Инициатива исходила исключительно от него. Я могла совсем ничего не делать и просто позволять ему обожать себя.

Красивый, романтический, привлекательный, заинтересованный. Одни преимущества.

Конечно, существовала громадная вероятность того, что он каким-то образом приложил руку к моему убийству.

И все же он был очарователен.

– Эх, и он такой красивый, – вздохнула Зуза, будто подтверждая мои слова.

Я поняла, что схожу с ума. Белет – подозрительный тип, который лжет и убивает. Кроме того, он не человек! Он не мог мне нравиться! Просто не мог!

– Так в кого ты влюбилась? Расскажи мне скорее! – воскликнула я, меняя тему. Моя подруга вскрыла бы мне сердце, если бы узнала, что Белет хоть капельку мне нравится.

Зуза скривилась.

– Что у тебя есть выпить? – спросила она.

Я посмотрела на пластиковый пакет какое-то мгновение, не зная, что ответить.

– Вино, – наконец отозвалась я. – Белое, «София».

– То есть мое любимое. – Зуза улыбнулась, но затем погрузилась, глядя на дверь. – Нам придется выйти за штопором...

Она очень не хотела выходить из ванной. Непонятно почему.

Я полезла в карман куртки. Усиленно подумала и тут же стиснула пальцы на металлическом предмете, которого раньше там, естественно, не было.

– Спокойно, – сказала я ей. – Я взяла на всякий случай, если парни потеряют свой.

Зуза умело открыла бутылку. Я не умела пользоваться штопором. Немного техники, и человек уже теряется...

– Жаль, нет стаканов или кружек. – Она сделала большой глоток прямо из горла.

– Так расскажешь или нет? – поторопила ее я.

Она сделала еще глоток и протянула бутылку мне. Я пригубила немного полусладкого вина. Вино для студенческого кошелька. Было бы подозрительно, если бы я пришла с каким-нибудь супердорогим алкоголем. Во всяком случае, «София» была... «София» была ничего.

Бутылка еще какое-то время переходила из рук в руки, пока Зуза не решилась ответить:

– Павел.

Я даже подавилась.

– Что? – воскликнула я. – Павел?!

– Тссс! – прошипела она, уставившись на дверь.

К счастью, нужда пока никого не приперла.

Она попыталась вырвать из моих рук бутылку, но теперь мне нужно было выпить.

– Как это Павел? Этот придурок?! – Я не могла в это поверить.

Зуза опустила взгляд.

– Так вышло. – Она вздохнула. – Он постоянно ходил за мной. В общем, он и не такой плохой. Конечно, пока он не говорит об этом своем суперсекретном известном обществе.

– Зуза, будь осторожна. – Я взяла ее за руку. – Это какая-то секта. Не вмешивайся в это.

– Знаю-знаю, я не дура. Точнее, дура. Бо-о-о-оже, каким образом этот хам смог мне понравиться? Этот грубиян и эгоист, думающий только о себе.

Я сделала глоток. Алкоголь, выпитый на пустой желудок, давал о себе знать: у меня стала немного кружиться голова. Я отдала ей бутылку. Первая, уже пустая, каталась по полу. Мне нужно было что-то съесть. Я стала рыться в пакете, пытаюсь вытащить пакет печенья.

– Не знаю, Зуза... – я откусила печенье, – но у меня такая же ситуация.

– Ну, знаешь... Петрек вполне нормальный, а Павел? – Она улыбнулась самой себе. – Хотя он тоже милый...

Я косо посмотрела на нее.

– По-своему, – добавила она, видя выражение моего лица. – Как так получается, что мы влюбляемся не в тех парней?

– Потому что тех самых нет.

– Ну как это, есть! А этот твой Бартек? Такой крутой парень, красивый, интересный, и вообще. Я никак не могу встретить кого-то нормального... Хотя в целом наш Томек... Наш Томек очень милый.

Я не перебивала ее и продолжала грызть печенье. Зуза быстро перечислила всех знакомых нам парней. Безнадежный случай.

– Что-то с нами не так, – наконец подытожила она. – Нам всегда нравятся те, кто каким-то образом недоступен.

– Павел очень доступен, по крайней мере для тебя, – уколола ее я.

– Ну да, – согласилась она, – но знаешь же, что говорят про запретный плод? Чем тяжелее им завоевать кого-то, тем больше их это привлекает.

– А он знает, что он тебе нравится? – спросила я, меняя тему, потому что мне вспомнился Белет и его попытки заполучить меня хотя бы на одну ночь.

– Шутишь, что ли?! – вспыхнула она. – Никогда в жизни я ему не расскажу! Не хочу, чтобы он знал! Я не отважусь...

Откуда мне это знать?

– Ну что, Зуза? Пойдем к людям?

Я надеялась, что Петруша еще не ушел...

– Ладно... – неуверенно ответила она и допила вторую бутылку «Софии».

Мы вместе вышли в гостиную. До полуночи оставалось где-то полчаса. Посреди комнаты несколько человек качалось в такт некой тихой мелодии. На диване с приятелями сидел Петрек. Рядом с ним было свободное место.

Чувствуя себя более раскованной после вина, я уселась именно там.

– Привет. – Он обрадовался моему появлению. – Только пришла?

– Нет, где-то пару часов назад.

Он сдвинул брови, будто бы глубоко задумавшись, почему он меня не видел.

– Ну, Петрек, наливай еще! – подгоняли его парни. – Вики, тебе налить?

– Нет, спасибо. – Мне хватит на сегодня.

Я смотрела, как все, держа в руках разнообразные стаканы и кружки (студентам всегда не хватает рюмок – отличный подарок на все случаи жизни), выпили водку.

– Мы болтали с Зузой, – объяснила я Петреку.

Снова посмотрела на студентов, танцующих под грустную и очень медленную мелодию. Идеальная песня!

– Потанцуешь? – спросила я Петрушу, кокетливо ему улыбаясь.

Если бы не вино, то я никогда не осмелилась бы спросить. Хотя кто знает?

Петрек тоже наблюдал за танцующими. Для него эта песня наверняка была слишком быстрой. Я знала, что услышу в ответ...

– Не-е-е... – пробормотал он.

Я не расстроилась, но не сдавалась так просто.

– Может, хотя бы потопчемся на месте? – предложила я.

Он искренне рассмеялся, но его ответ снова был предсказуем.

– Не-е-е-е...

Боже, неужели парни не понимают, что когда девушка приглашает на танец человека, который очевидно не умеет танцевать, то это не значит, что она хочет с ним именно танцевать? А хочет просто с ним пообниматься?

Мужчины такие тупые...

– Может, хотя бы постоим друг напротив друга?

– А мы не можем посидеть? – Он посмотрел на столик, где кто-то из парней уже наливал снова.

Томек поторавливал его выпить очередную стопку. При таком темпе употребления алкоголя нам скоро придется лечь, потому что он не сможет даже сидеть...

Павел продефилировал мимо нас, гордо играя мышцами под тугой футболкой. Я взглянула на Зузу, которая уставилась на него в безмолвном восторге. Как влюбленная школьница. Ужас...

Спустя какое-то время я перестала считать количество выпивки, которую вливали в себя парни. Я больше не пила, но от приглушенной музыки и разговоров вполголоса стала засыпать. Я устроилась на диване поудобнее, голова моя опустилась на плечо Петрека, и меня окутала дрема.

Разбудило меня легкое похлопывание по руке.

– Вики? Вики, просыпайся, – тихо прошептал Петруша.

Я открыла глаза и потерла их тыльной стороной ладони.

– Что такое?.. – пробормотала я неосознанно.

Я поняла, что во сне заняла большую часть его плеча.

– Сейчас около четырех утра. – Петруша вытащил из-под меня свою онемевшую руку и пошевелил пальцами несколько раз, чтобы вернуть чувствительность. – Я собираюсь домой, тут даже лечь негде. Идешь? Я тебя провожу.

– Да-да. – Я быстро кивнула, обрадовавшись его предложению.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы найти куртку, а затем надеть ее и натянуть ботинки. В такой час даже остатки моей координации полностью исчезали. Петрек терпеливо ждал, прислонившись к двери, пока я пыталась засунуть ноги в сапоги на высоком каблуке. Мы попрощались с теми, кто еще не спал, и ушли.

Снаружи нас встретил холодный весенний воздух. Я сильнее закуталась в свою куртку, которая была тонковата для такой погоды. Когда я прыгала из Лос-Дьяблоса в Варшаву, я не учла, что возвращаться домой буду перед рассветом – в самую холодную пору суток.

Фонари освещали лужи на асфальте. Сильный, должно быть, шел дождь, пока мы были на вечеринке.

Не говоря ни слова, мы шли к автобусной остановке, надеясь поймать какой-нибудь ночной транспорт. Скамейка на остановке, естественно, была мокрой: над ней не было ужасного красного навеса, как обычно обклеенного листовками о дешевых кредитах или курсах английского.

– Долго нам ждать? – спросила я.

Петруша без слов подошел к столбу. Сверил время на телефоне и, светя себе экраном, пытался прочесть расписание, исписанное хулиганами.

Совершенно не заботясь ни о какой секретности, я махнула рукой над скамейкой, которая тут же высохла. *Sorri*, но я не собираюсь мочить штаны...

Петрек подошел ко мне.

– Автобус будет через пятнадцать минут. – Он посмотрел на скамейку и удивился: – Сухая?

– Сухая.

Он мне не поверил. Провел по ней ладонью и удивленно сел.

– Видимо, уже высохла, – равнодушно сказала я.

Он не стал разбираться, какое чудо тут произошло. Мы молча сидели плечом к плечу. Мне хотелось что-то сказать, но я понятия не имела что. Даже молчать в компании Петрека было приятно, хотя мне всегда хотелось что-нибудь ему рассказывать. Все, что угодно.

– Хорошая вечеринка. – Я наконец проявила чудеса красноречия, чтобы как-то нарушить тишину.

– М-м-м, – пробормотал он, – я слишком много выпил...

Я качнула ногой над лужей, собравшейся под скамейкой. Было холодно, и меня стала пробирать дрожь. Я обняла себя руками.

– Холодно... – настала моя очередь говорить очевидные вещи.

Видимо, в четыре утра после вечеринки ни у него, ни у меня не было настроения вести беседы.

Он молча обнял меня рукой, притягивая ближе к себе. Я прижалась к нему и уткнулась лбом ему в шею. От него так приятно пахло одеколоном. Щекой он коснулся моих волос.

Дрожь никак не проходила. Петрек отодвинулся, снял куртку, накинул ее мне на плечи и снова обнял. Остался в одной футболке.

Я почувствовала себя глупо. На самом деле мне ведь не было холодно и не может быть. Это все у

меня в голове. Я никогда не умру от обморожения, даже насморк не схвачу. А вот он...

– Замерзнешь, – осторожно отметила я, поднимая голову и глядя ему прямо в глаза.

– Не замерзну, – ответил он.

Будто бы в опровержение его слов с неба начал капать мелкий дождь, оставляя круги на лужах под моими ногами.

– Теперь точно замерзнешь, – сказала я.

Он слегка улыбнулся, не спуская с меня взгляда. Наши лица отделяло всего несколько сантиметров. Я почувствовала, что мне стало не хватать воздуха и по телу словно прошелся огонь. Воздух как будто загустел.

– Не замерзну, – хрипло повторил он.

Мы прильнули друг к другу в этот же момент. Сначала мы целовались нежно, лишь слегка касаясь губами. Потом все горячее, глубже. Он засунул руку мне под куртку, я положила ладонь на его грудь.

Дождь усилился. Капли стекали по нашим лицам, одежда прилипала к коже. Наше дыхание превращалось в пар.

Мы пытались прижаться еще ближе друг к другу, хотя это уже было невозможно. Холод мы тоже больше не чувствовали.

Сначала я волновалась, куда положить руки, вдруг я делала что-то не так. Я целовалась впервые в жизни. И именно с ним! Все было внове. Мог ли первый поцелуй быть еще прекраснее?

А потом я перестала об этом думать вовсе. Я просто чувствовала, желала, жаждала. Не нужно было думать.

Где-то в конце улицы раздался рев допотопного автобуса. Грохот подвески, дребезжание плохо закрепленных стекол, стук усталого двигателя. Это наверняка был наш ночной автобус.

Петруша оторвался от меня и посмотрел в глубь улицы. Я перевела взгляд следом за ним. Сквозь дождь и лужи продиралось желто-красное пятно. Наш автобус.

Петрек встал и замахал рукой. Мне стало так пусто и холодно, когда исчезли его рука и грудь... Я тоже встала, перескакивая через лужу.

Автобус обрызгал нас, останавливаясь в глубокой колее у поребрика. При резком торможении он даже застонал.

Петруша пропустил меня вперед. Я взобралась по крутым ступенькам. Было тесно, и мы стояли у самых дверей. Он больше не касался меня. Я взяла его за руку. У него были такие большие, сильные ладони.

Мы ехали молча, и только пьяный смех какого-то пассажира нарушал тишину. На следующих остановках одни люди выходили, другие садились. Грустные или счастливые, но такие же уставшие.

Петруша нажал на кнопку над дверьми. Следующая остановка по требованию была моей. Когда мы выходили, он отпустил мою руку и больше ее не касался, пока мы шли по тихой темной улице. Я разочарованно вздохнула и плотнее укуталась в его куртку.

Она пахла им и дождем.

Дождь перестал. Иногда на нас падали капли с деревьев, под которыми мы шли.

Мы подошли к лестничной клетке в моей многоэтажке и остановились на лестнице. Я с сожалением сняла с себя его куртку и отдала ему. Футболка на нем промокла вконец и прилипла к телу. Ему наверняка было холодно.

– Может, ты зайдешь и просушишь одежду? – предложила я.

Он отрицательно покачал головой:

– Я уже пойду.

Как обычно, он стоял в полутора метрах от меня, словно боялся подойти ближе. Я поборолла свои колебания, наверняка порожденные стеснительностью, подошла к нему и нежно поцеловала в

щеку.

– Спасибо, что проводил меня.

Смутившись, он слегка пожал плечами:

– Нет проблем. До встречи.

– Пока, – улыбнулась я.

Он надел куртку и спустился по лестнице на улицу. Я пошла к двери, вытаскивая из кармана ключи.

Прежде чем вставить ключ в замок, я задумалась. Импульсивно сбежала по лестнице и выскочила на улицу, желая позвать его.

Но он был уже далеко – свернул на боковую улицу.

Я разочарованно вздохнула.

Я спала очень долго, укрывшись одеялом с головой, чтобы свет не мешал мне. Около трех часов дня меня разбудило мяуканье Бегемота. Он проголодался и очень старался это показать, бегая по моей спине и мяукая. Я пробормотала что-то себе под нос и пошевелилась, чтобы сбросить его с себя. Глупый кот не давал мне спать.

Бегемот вонзил все свои когти мне в спину.

– АУ! – взревела я и вскочила.

Довольный собой кот уселся на моей теплой подушке.

– Маленький террорист, – буркнула я.

Я бросила ему в миску немного кошачьего корма и направилась в ванную, чтобы принять душ. Вода на коже напоминала мне холодный весенний дождь, который застиг нас вчера ночью врасплох. Только бы Петруша не простудился. Я коснулась кончиками пальцев своих губ. Значило ли это что-нибудь для него?

Для меня да... и очень многое.

Я завернулась в пушистое полотенце и вышла из ванной, чтобы рассказать Бегемоту, что случилось со мной вчера. Может, это признак сумасшествия, но я всегда рассказывала своему коту обо всем. Самое интересное, что он внимательно слушал.

Я чуть было не уронила полотенце, зайдя в комнату.

На моей кровати сидел Белет с котом на коленях.

– М-м-м... дорогая, ты выглядишь восхитительно, – сказал он низким голосом.

– Что ты тут делаешь? – буркнула я.

Вода капала с моих мокрых волос на ковер. Полотенце прикрывало совсем немного, и я стала отступать к ванной.

– Я постучал, но ты не ответила, поэтому я вошел так. Бегемот рассказал мне, что ты принимаешь душ.

– Он рассказал тебе?

– Ты забыла, что это я сотворил котов? – спросил он с улыбкой. – Я умею с ними разговаривать.

Я не вникала в подробности, может, он действительно умел с ними общаться...

– Еще он рассказал, что ты еще не завтракала, – добавил дьявол. – Значит, я похищаю тебя в Лос-Дьяблос съесть что-нибудь вкусненькое.

– Клеишь кота? Прискорбно, – фыркнула я, но тут у меня громко заурчало в животе. – Подожди, мне надо высушить волосы.

Конечно, я могла щелкнуть пальцами, и уже была бы сухой, ароматно пахнущей и красиво одетой. Но я не собиралась облегчать ему жизнь. Подождет.

– Можно я включу компьютер? – крикнул он.

– Да! – крикнула я в ответ и включила фен.

Уставшее отражение скривилось при виде безжизненных спутанных волос. Сама привлекательность...

– У тебя что, нет «Дьябло»? – услышала я его возмущенный голос, но не обратила на него внимания.

Где-то сорок минут спустя я вышла из ванной. Привела волосы в порядок, оделась и нарядилась.

Встала над Белетом, который даже не заметил, что я вышла. Он лежал на моей кровати и яростно стучал по клавишам ноутбука. На экране какая-то светловолосая куколка ударила монстра копьем.

– У меня слишком много снаряжения, – сказал персонаж на экране.

– Что делаешь? – спросила я.

Белет наконец оторвался от ноутбука.

– Играю в «Дьябло», – ответил он, усмехнувшись. – Отличная игра.

Я ничего не ответила, только вскинула брови.

– Это RPG. Ты выбираешь себе любого персонажа – Амазонку, Варвара, Некроманта, Волшебницу или кого-то там еще – и убиваешь чудовищ, сбежавших из Ада. За убийство монстров ты получаешь очки опыта и различные предметы. Отличная игра, – повторил он.

– И ты играешь за Амазонку? – спросила я. – Почему не за какого-нибудь парня – например Некроманта?

Дьявол слегка растерялся.

– Потому что... у нее сексуальный голос. – Он резко закрыл ноутбук. – Ладно, пойдем завтракать, пока я не выставил себя еще большим идиотом...

После обеда в небольшой кафешке на набережной у моря мы отправились на прогулку. Просто бесцельно шатались по городу. У меня не было никакого желания возвращаться в свою земную квартирку. Искусственное солнце приятно грело кожу. На Земле, как обычно, наверняка шел дождь.

На мгновение я забыла обо всех своих проблемах. Как обычно, я позволила Белету убедить меня в том, что он милейший невинный дьяволенок, который желает мне исключительно добра. Вопрос только в том, который милейший дьяволенок меня убил...

Мы сидели на скамейке, наблюдая за заходом солнца. Огненный шар выглядел так, будто тонул в волнах. Я навестила уши, но не услышала шипения испаряющейся воды. Просто оптический обман.

Я вспомнила, что хотела спросить Белета о времени работы Канцелярии.

– Ты знаешь, когда работает Отдел кадров в кабинете 6? – спросила я.

– Круглосуточно, – ответил он. – Но в полночь начинается тринадцатиминутный перерыв. Зачем тебе?

Я заколебалась. Что я могла ему рассказать?

– Смерть рассказала, что моя смерть была случайной и совершенно незапланированной. Я собираюсь вытянуть что-нибудь из демона, – ответила я. – Мой убийца мне не помог, но, может, служащий что знает. У него должна быть моя биография. Там непременно будет написано, почему я умерла.

Белет застыл. Он перестал моргать, его грудная клетка не вздымалась. Он даже не смотрел на меня.

– Что-то случилось? – спросила я.

– Нет, ничего, – ответил он наигранно беспечно и спокойно улыбнулся мне. – Просто что-то вспомнил. Демон наверняка тебе поможет.

– Ага, – фыркнула я. – Особенно учитывая то, что он меня ненавидит, потому что я громко думала о том, какой он уродливый...

Он похлопал меня по плечу, без особых чувств. Это меня удивило.

– Он тебе поможет. В конце концов, это его работа. Мне пора идти. – Он поцеловал меня в щеку. – До встречи.

Белет быстро наколдовал свою разноцветную дверь на стене возле нашей скамейки и исчез. Он вел себя подозрительно.

Я пожала плечами. Не собиралась разбираться с его перепадами настроения или даже пытаться понять его сложную и невменяемую психику.

Я глянула на часы. До полуночи осталось около четырех часов.

Придется еще подождать. В конце концов, я не собиралась идти в Канцелярию, когда служащий был на своем рабочем месте. Могу поспорить, что он бы мне точно не помог.

Я загляну в Канцелярию и архив, когда уродец уйдет на обед, в туалет, пугать детей в каком-нибудь темном лесу, или что там обычно делают демоны.

У меня было всего тринадцать минут. Я вышла из своей вишневой двери в маленький кабинет демона с рогами. К счастью, слюнявого служащего нигде не было. Как и говорил Белет, он ушел на перерыв.

Я включила свет. В кабинете ничего не поменялось. Он выглядел так же пусто и безлично, а папоротник доживал свою жизнь на шкафчике.

Ну, один в один налоговая...

Я огляделась. Хм... Тут стояли только металлический стол, два стула, небольшой шкаф с картотекой меньше метра высотой. Я подошла к нему и стала открывать все ящики по очереди.

Не особо удивилась, ничего в них не найдя.

Черт знает что...

Уперев руки в бока, я критически оглядывала картотеку. Должен же быть какой-то способ. Невозможно ведь хранить биографии миллиардов человеческих существ в одном месте. Они просто нигде бы не поместились.

Я усмехнулась себе под нос. Хочу, чтобы в этом шкафу нашлись файлы Виктории Бьянковской!

Дернула верхний ящик. Ха! Все-таки гений есть гений.

Я уселась на стуле чиновника со своими документами и из любопытства стала листать файл с моей биографией.

Читать про свою жизнь, увиденную глазами кого-то другого, – это нечто особенное. Я никогда не считала то, что в начальной школе я пнула своего одноклассника за то, что он заглянул под мое платье, чем-то плохим. И не назвала бы свои чувства к Петруше «юношеским увлечением без будущего». Прекрасно... поистине...

«Первое произнесенное слово: дай!». А Марек всегда мне говорил, что первое, что я сказала, это «Малек». Самодовольный мерзавец...

Мое ворчанье прервал появившийся на стене дверной контур, который становился все более реальным.

Черт возьми! Я вскочила со стула, бросила документы в шкафчик и захлопнула ящик. Ручка огромных черных ворот уже опускалась. Мне было негде спрятаться, у меня не было времени наколдовать дверь.

Черт бы его побрал! Чего он так рано пришел с перерыва? Блин, нашелся трудоголик, отрабатывающий триста процентов нормы!

«Хочу стать невидимой для тех, кто сюда войдет! Пусть они не заметят моего присутствия!» – быстро подумала я, прильнув к стене. Мои руки стали белыми, как мел. Я поняла, что слилась со стеной.

Черные ворота тихо отворились. В маленький кабинет вошли... Азазель и Белет. Я сосредоточенно наблюдала за ними.

Что они тут делают?!

– Быстро, этот придурок скоро вернется. Даже свет не выключил. Вот так он печется об Аде, – шепнул Азазель и подошел к картотеке.

Дьявол старался не трогать ничего руками. Стул демона он оттолкнул бедром, чтобы освободить проход.

– Мы поступаем плохо, – пробормотал Белет. Я почувствовала, как его взгляд скользит по моему телу, пока он с недоверием оглядывал помещение.

– Заткнись, – рявкнул на него Азазель, неуклюже выдергивая из ящика папку с моими данными. На его руку при этом был натянут рукав его пиджака.

Однако он тоже обвел взглядом весь кабинет. У меня создалось впечатление, что его взгляд оставался на мне дольше, чем следовало. словно он смотрел мне прямо в глаза. Он улыбнулся, но затем посмотрел в другую сторону. Он же не мог меня видеть...

– Никого здесь нет, – сказал он весело.

Белет удивленно посмотрел на него.

– Чего это ты вдруг повеселел? – спросил он.

Азазель растерянно кашлянул. Мне снова показалось, что он смотрел на меня. Но это невозможно! Я сказала, что хочу стать невидимой. Он не мог меня видеть.

Я приблизилась к нему, не отрываясь от стены. На моей груди появились очертания дешевой акварели, висевшей за моей спиной.

– Думаю, – сказал Азазель, кидая на стол биографию и документы при поступлении, – что она в любом случае стала бы вынюхивать. А все из-за Смерти и ее длинного языка. Вот. Кончина в 1.43. Удар ножом.

Белет стоял на расстоянии метра от него, словно не хотел в этом участвовать.

– Белет! Возьми себя в руки! – прикрикнул на него Азазель. – У нас нет времени, нужно все поменять. Знаешь, как нам попадет, если выяснится, что это не было запланировано?

– Я говорил тебе, что не надо было этого делать, – сказал Белет, подходя ближе.

– Хватит нравоучений. Мы оба это задумали. Ты был нужен мне. Ты же знаешь, что демон бы мне в этом не помог. Не любит он меня.

– Тебя никто не любит... – кисло ответил Белет.

– Кроме тебя.

– Я был твоим должником.

– Ясно, – фыркнул Азазель. – Такое себе оправдание. Мы уже сотни тысяч лет прикрываем друг друга задницы. Не ворчи, это же хорошо. Должно было быть весело. Ты хотел себе дьяволицу, а я хотел хаоса.

– И уничтожения человечества? – иронично буркнул мой прекрасный дьявол.

Азазель остановился на полпути.

– А это неплохая идея. – Он хищно оскалился. – Но эта Вики слишком уж правильная и добренькая.

Разозлившись, я отошла от стены. Должно быть, в воздухе что-то замерцало, потому что Белет настороженно поднял голову и посмотрел прямо на меня. Я застыла. Он решил, что ему показалось, и снова посмотрел на документы.

– Ты уверен, что тут нужно что-то менять? – недоверчиво спросил Белет, глядя, как рука Азазеля стирает большие куски текста и заменяет их на новые.

– Конечно.

– Но ты не сказал мне, что она владеет Божьей Искрой! – Белет указал пальцем на какую-то строчку, которую коварный дьявол еще не успел стереть. – Ты прекрасно знаешь, что тогда я бы не позволил тебе ее убить! Ты знал об этом?!

Божья Искра? О чем он? Я снова попыталась подойти, в этот раз медленнее, чтобы не колебать воздух.

– А ты прекрасно знаешь, что без Божьей Искры она могла бы не стать дьяволицей. Да, я был уверен на все сто процентов. Кроме того, я узнал об этом, только когда она умирала. Было слишком поздно повернуть все вспять. – Азазель вырвал у него документы и махнул над ними рукой.

– Ты не мог проверить это раньше, кретин? Ты нас погубишь, – сказал Белет похоронным голосом. – Однажды она...

– Что? – Азазель продолжал махать рукой над биографией, стирая куски текста.

– Вики... Когда она разозлилась на меня за попытку убить ее земную любовь... она... она чуть не воспользовалась Искрой.

Азазель резко к нему повернулся. Его рука застыла над страницами.

Я вспомнила, как Белет прервал тогда нашу ссору, сказав, что с моими глазами что-то не так.

- Ты шутишь? – довольно усмехнулся он.

- Чего ржешь? – рявкнул на него Белет. – Я мог погибнуть! Мы пропали!

- Мы уже пропали и были прокляты, если ты еще не заметил. Мы подданные Ада, – злобно рассмеялся Азазель. – Так что будь другом и поставь здесь свою печать, пока не вернулся этот долбанутый демон. У нас осталось мало времени.

Белет тоже махнул рукой над документами, которые тут же засветились.

- Теперь все в порядке, – сказал Азазель. – Есть мотив, проявленная ранее одержимость, ее беспечность, а также вмешательство предназначения.

- Мы не должны этого делать. – Белет, качая головой, сделал пару шагов назад.

Азазель выругался, наспех закидывая мои документы в шкаф с картотекой.

- Ты с ума сошел?! – Он потряс его. – Угрызения совести?! Мы оба этого хотели. Теперь уже все! Люцифер не может об этом узнать. Ты знаешь, что тогда бы со мной было, брат. Я бы не увидел Землю в течение следующих десяти тысячи лет, и ты не скоро бы вышел из-за своего стола. Радуйся тому, что имеешь сейчас.

- Но... – начал Белет.

Разозленный Азазель ударил его по лицу.

- Ты придурок, – процедил он. – Она тебе так важна? Это женщина! Прах и пыль!

- Она никогда такой не была, и ты скрыл это от меня. Она владеет Искрой! Это не прах и пыль!

- Я тебе уже сказал, что даже не заметил этого. В общем, это даже хорошо. Вот почему она так легко приняла силу. Тебе следует радоваться, что она не страдала от этого – нормальный человек восстанавливался бы неделю. – Он беззаботно пожал плечами и воткнул ключ в стену. – А теперь держи рот на замке, иначе все закончится плохо, и не только для нас двоих. Если хочешь защитить ее, молчи.

Белет молчал. Он был в ярости. Воздух пульсировал и искрился вокруг него крошечными электрическими разрядами.

- Какой же ты болван все-таки... – злобно сказал Азазель. – Ты должен был ее контролировать, но даже соблазнить не можешь. Любовь тебе разум затмила? Какой из тебя дьявол?!

- Не хуже тебя, – ответил Белет. – Я бы заметил, что убиваю кого-то, кто может меня уничтожить.

- Ой, ладно... недосмотрел слегка, – беспечно сказал он.

Азазель, проходя мимо выключателя, нажал на него. Комната погрузилась во тьму.

- Даже свет не выключил, когда уходил, – начал ворчать он себе под нос. – Совсем об Аде не думает. Вот если бы я был здесь Сатаной...

Споря, они быстро прошли через дверь, которая тут же исчезла. Я отошла от стены и снова стала видимой. Мне тоже надо было скорее убегать, пока не вернулся демон.

Ну что же... Неужели в моей случайной смерти не было ни капли случайности, хотя все твердили мне иначе? К тому же теперь я знала, который брUNET присутствовал при моей агонии, виновником которой был он сам.

Азазель...

На следующий день, улыбаясь как кинозвезда, я шесть раз (правила есть правила...) постучала в дверь кабинета номер 6. Ответом мне было бурчанье, которое при большой доле доброжелательности – к счастью, ее у меня было в достатке – можно было принять за «войдите».

– Здравствуйте! – с порога весело воскликнула я.

Демон смерил меня подозрительным взглядом:

– Это ты... – Он с размахом ударил красной печатью по документу, лежавшему перед ним.

– Да, это я. – Я продолжала улыбаться как в рекламе зубной пасты. – Подумала, что надо бы заглянуть, провести.

Рука демона застыла с печатью над документом. Он посмотрел на меня исподлобья, отложил печать и переплел пальцы. Слюна капала с его длинных клыков. Я отвела взгляд. К сожалению, толстые бараньи рога, растущие за его ушами, снова привлекли мое внимание. Я приложила все усилия, чтобы смотреть только в его красные глаза.

– Правда?.. – пробормотал он.

Ладно, может, я слегка перестаралась с желанием показать, насколько я мила и вежлива...

– Ну-у-у, честно говоря, я хотела бы узнать, почему я умерла. – Я села на неудобный стул напротив него.

В этот раз я старалась не вертеться – он этого не любил.

В целом я не представляла, что получится из моего прихода сюда. Данные в документах уже были фальшивыми – Азазель и Белет позаботились об этом прошлой ночью. Но мне хотелось увидеть предложенную ими версию.

– Зачем?

Вопрос демона сбил меня с толку.

– Что значит – зачем? Я не знаю, почему погибла. Все слишком непонятно. Мой убийца появился из ниоткуда, – тараторила я, бурно жестикулируя.

– Вы, люди, слишком много думаете о прошлом. – Он подошел к картотеке. – Фамилия!

– Виктория Бьянковская, – вежливо ответила я.

Он выдернул мою папку и сел напротив меня.

Я протянула руку, но демон демонстративно убрал от меня папку.

– К собственным документам доступа нет!

Я убрала руку и терпеливо ждала, пока демон прочтет, почему я умерла.

– Только, пожалуйста, не плюй туда... – пробормотала я.

– Что? – Демон взглянул на меня.

Он не понял, что я сказала, зачитался моей биографией.

– Ничего-ничего, – быстро ответила я. – Пожалуйста, прочти все внимательно. Не хочу упустить ни одной детали.

Он кивнул и вернулся к чтению.

Струйка слюны стекала все ниже. Еще секунда, и она коснется страниц. Я невольно поморщилась. Какая мерзость! Вдруг демон вытер слюну рукавом серого костюма в елочку. Я выдохнула с облегчением.

– О-о-о! – воскликнул он.

– Что?! – крикнула я в ответ.

– Ничего... – Он продолжил читать.

У меня опустились руки.

– Ты не можешь высказывать такие эмоции, а затем говорить «ничего».

Демон косо посмотрел на меня, а затем неохотно сказал:

– Тут просто написано, что ты владеешь Божьей Искрой.

Я постаралась театрально удивиться.

– А что это значит? – спросила я.

– Это значит, что тебе не должны были давать силу дьяволицы. Если руководство об этом узнает, то кому-то сильно попадет.

– А что такое эта Искра?

– У меня нет полномочий на предоставление подобной информации. Тебе стоит обратиться в Отдел жалоб и претензий, кабинет 4.

Четыре – еще одна важная цифра. Так называемое Число Демона. Они что, не могут использовать в Аду нормальную нумерацию?

Я буркнула что-то невнятное в ответ. Чертова бюрократия. Теперь придется идти в комнату номер 4!

Демон закрыл достаточно тонкую, по сравнению с остальными, биографию. Мне не довелось, как некоторым, прожить еще несколько десятков лет, которые можно было бы описать. Внезапно я почувствовала себя обманутой. Я даже не успела по-крупному нагрешить, а уже попала в Ад. Возмутительно!

– Здесь написано, что твой убийца, Камил Старогардский, был одержим тобой и следил за тобой несколько месяцев. Наблюдал. Скрывался. Той злополучной ночью ты с друзьями отправилась в «Стодолу». Тебе было грустно из-за того, что какой-то Петр не захотел пойти с вами. Когда оказалось, что этот Петр уже точно не придет, ты ушла из «Стодолы» в одиночестве. Этим самым моментом убийца и воспользовался. Он загнал тебя в парк, где и убил. – Демон довольно улыбнулся. – Ну как, счастлива?

На этот раз я смотрела на него исподлобья.

– Все было не так, – сказала я. – Петрек не мог пойти с нами, потому что двумя днями ранее он уехал к семье в Мальборк, мне не было смысла его ждать. Если я его не ждала, то не могла расстроиться из-за того, что он вдруг не пришел, потому что знала, что он не появится. Что-то тут не так.

Демон сдвинул брови. Он снова открыл мою биографию и стал перечитывать.

– Странно, – сказал он, – но тут написано именно так.

– Значит, написано неверно, – сообщила я.

– Такого не может быть! Здесь всегда все написано правильно. Есть особые протоколы, биография не пишется абы как, наспех. Каждую биографию создает беспристрастный коллектив демонов. Прежде чем публиковать, они проверяют все шесть раз.

– Но написана она неверно, – повторила я.

– Невозможно. – Демон уставился в текст с надеждой, что он исправится сам собой.

Я ждала его реакции: попытается ли он это выяснить или исправить, может, позовет кого-нибудь.

Вместо этого он захлопнул книжечку.

– Ну что ж... видимо, случился казус, – сказал он, убирая мои документы в шкаф.

– погоди, погоди! – запротестовала я. – И что теперь?

– А что должно быть? – Он захлопнул ящик.

– Никто не будет это выяснять?

– А зачем?

- Ну, потому что что-то не так...

Демон снова пожал плечами и вернулся к официальному тону:

- Не я этим занимаюсь. Если у вас остались какие-либо сомнения, прошу обратиться в Отдел жалоб и претензий, комната номер 4, или договориться о личной встрече с Люцифером. Записаться на прием и узнать о свободных датах можно в кабинете 6666, там располагается секретарша Сатаны.

Я устало вздохнула. Замечательно, просто замечательно...

- Сдались вам эти шестерки. Вам самим не надоедает? - злобно сказала я. - Другие цифры ничем не хуже.

Демон претенциозно цыкнул и заслунявил стол. На меня, к счастью, капли слюны не попали.

- Шесть - это счастливое и идеальное число. Это атомный номер углерода, который является строительным материалом всего живого на Земле, столько же атомов углерода находится в глюкозе, основном элементе земной пищи. Шестерка встречается везде. На глубине шести метров хоронят мертвых, столько струн у гитары, шестой знак Зодиака - Дева, в буддизме это число парамит, необходимое для достижения необыкновенного состояния, то есть нирваны. Волейбольная команда состоит из шести игроков, звезда Давида шестиконечна, за шесть дней Бог сотворил Землю, и на шестой день, если помнишь, возникли Адам и Ева. На Земле сейчас обитает около 6,6 миллиарда человек, а с момента сотворения первого человека всего на Земле побывало около 60 миллиардов людей. Это вправду исключительное число. В свою очередь, 666 - это Число Зверя. Мы испытываем к шестерке большую любовь, - наконец закончил он свое длинное рассуждение.

Трудно не заметить...

Стол был обслунявлен еще больше. Я решила не спрашивать его, что означает цифра четыре, а то он бы и меня запачкал, восторгаясь ей.

Я тяжело вздохнула. Мне хотелось узнать, что это за Искра и почему Белет так истерил из-за того, что я могла его убить. Дьявола нельзя убить. Это вечные существа. Я совсем уже запуталась.

- О чем... вы... еще хотели бы спросить? - фыркнул демон. - У меня много работы!

- Ни о чем.

- Дверь прямо за вами, - вежливо подсказал он.

Служака...

- Знаю. - Я встала.

- До свидания, хорошего дня, - выговорил чиновник заученную формулу таким тоном, будто желал мне скорой смерти.

Я собиралась выйти из кабинета, но остановилась на пороге.

- Знаешь что? - буркнула я.

Он прищурился.

- Ваши стулья неудобные! - крикнула я и хлопнула дверью.

Ну вот! Мне сразу полегчало.

Я думала, что, как и прежде, как только я выйду, передо мной появится дверь с номером 4, но этого не произошло. Передо мной была только белая стена.

Провела по ней рукой и на всякий случай постучала. Без сомнения, настоящая стена. Нет глухого отзвука, даже не кирпичная. Литая стена.

Я посмотрела в обе стороны длинного коридора. В одном конце я увидела толпившихся людей и пошла в этом направлении.

Они были дальше, чем я думала. Я шла и шла, окруженная белыми стенами. У меня было ощущение, будто они напирают на меня. Я вытянула руки в стороны. Стоя посередине, я едва касалась стен кончиками пальцев.

Через несколько метров я могла опереться о стены ладонями. По моей спине пробежала паническая дрожь. Хотя мне было страшно, еще через двадцать метров я снова вытянула руки. Я не

смогла их даже выпрямить, настолько узким сделался коридор.

Я остановилась и сделала глубокий вдох. Это иллюзия! Точно такая же, как и меняющееся расстояние. Это все только для того, чтобы отбить у меня охоту свернуть головы этим чиновникам. Это все неправда.

Я снова вытянула руки. Они не касались стен.

Точно!

Стоящие в коридоре фигуры тоже перестали отдаляться от меня. Я подошла к ним. Люди, демоны и странно выглядящие монстры стояли в довольно хаотичной очереди, начала которой даже не было видно.

- Хм... - пробормотала я демону, стоявшему в конце очереди. - А вы стоите в...

- Кабинет номер 4, - рявкнул он, сплевывая на стену.

Я посмотрела на свою белую юбку, по которой стекала какая-то желтая субстанция. Как только увижу Люцифера, ей-богу, заставлю его оказывать демонам надлежащий стоматологический осмотр!

Я щелкнула пальцами, чтобы убрать пятна.

Демон уставился на меня с благоговением.

- Долго ждать? - спросила я, пытаюсь разглядеть начало очереди.

- Ты дьяволица, - только и смог шепнуть он.

- Сколько ждать?! - разозлившись, повторила я.

- Я стою уже два месяца, - ответил он извиняющимся тоном.

Я посмотрела на него. Красная кожа покрыта бородавками, скрученные бараньи рога торчат над ушами. Желтые глаза, напротив, разглядывали меня с восхищением.

- Сколько? - простонала я. - Я не могу столько ждать!

Огромная очередь ассоциировалась у меня с очередями у магазинов в коммунистическую эпоху. Слава богу, эти времена знакомы мне только по картинкам и рассказам старших. Ну... здешняя форма правления немного даже напоминает коммунизм с их «давайте помогать другим», «зачем нам деньги?»... Паранойя...

- Ты дьяволица, - констатировал демон.

- Какой ты догадливый, - ответила я, лихорадочно думая, как бы мне обойти очередь.

- Это значит, что тебе не надо ждать, - сказал он, снова облизав мою юбку, но в этот раз я его простила. - Ты можешь пройти вперед.

- Серьезно?

- Да.

- Спасибо, - улыбнулась я ему.

Я убрала пятна и начала проталкиваться вперед по узкому коридору.

- С дороги! - крикнула я повелительным тоном. - Дьяволица идет!

Они расступались передо мной, испуганно глядя на меня. Хм... неужели у дьяволиц в Аду настолько дурная слава? Интересно, кто в этом виноват? Я подумала о Клеопатре. Ну да... глупый вопрос.

Я подождала, пока из кабинета 4 не выйдет проситель, и вошла внутрь.

- Добрый день, - сказала я демону, очень похожему на своего собрата из кабинета номер 6. - Я по поводу неверно написанной биографии. Кроме того, я хотела бы узнать, что такое Божья Искра.

- Здравствуйте. - Демон скрестил руки на груди. - У вас есть красное прошение?

- Какое опять красное прошение? - Я даже не успела сесть.

– Пожалуйста, пройдите в комнату 44, чтобы получить красное прошение, а затем возвращайтесь. Только тогда мы сможем разобраться с вашей биографией и пояснить про Искру.

Я даже не знала, что ему ответить, поэтому просто вышла. Кабинет 44 был недалеко. Перед ним тоже скопился народ, но я ловко миновала очередь. Да, ничто не открывает двери так, как связи.

– Я за красным прошением, – сказала я, едва переступив порог.

– У вас есть зеленое прошение? – спросил демон в черном траурном костюме. – Без него мы не можем выдать красное.

– А где?..

– В кабинете 444.

– Да вы издеваетесь... – простонала я. – Вы не можете просто выдать мне красное прошение? Я дьяволица.

Однако моя должность не произвела на него ни малейшего впечатления, и он продолжал смотреть на меня пустым взглядом.

– Зеленое прошение, комната 444, – повторил он.

То же самое повторилось в кабинете 444:

– У вас есть желтое прошение? Без него вы не можете получить зеленое. Пожалуйста, пройдите в кабинет 4444.

– Дайте белое прошение. Как это у вас его нет? Тогда не могу выдать вам желтое. Пожалуйста, пройдите в кабинет 44444.

– Чтобы получить белое прошение, вам нужно получить фиолетовое. Кабинет 444444.

– Вы пришли без розового прошения? Тогда как я могу дать вам фиолетовое? Мне жаль, но таков протокол, мы обязаны его придерживаться. Розовое прошение вы получите в кабинете 4444444.

На прошении в цвете эскрю в какой-то из последующих комнат, когда нормальные цвета кончились, мое терпение лопнуло. Черт побери, я даже не знаю, что это за цвет! Это что, оттенок кремового, алебастрового, бежевого, жемчужного, розового, яичного или какой-нибудь слоновой кости?! Я уже была сыта всем этим по горло.

Разъяренная, я вернулась в комнату номер 4.

– А можем мы пропустить процедуру с этой разноцветной хренью, и ты скажешь мне наконец, что там с этой Искрой?! – рявкнула я, уперевшись обеими руками на стол и нависнув над демоном.

– Если вы хотите пожаловаться на работу нашего подразделения, то прошу подать аквамариновое прошение в секретариат Сатаны. Кабинет 6666.

Я вырвала зелено-голубую карточку из его рук и, выходя, гневно хлопнула дверью. Сразу нужно было идти прямо к Люциферу. Зачем я вообще возилась с этой бюрократией?

У дверей в кабинет 6666 никого не было. Я вошла в помещение, когда тихий голос разрешил мне войти.

За столом, в длинном платье до пят и с глубоким вырезом на плоской груди, сидел Бельфегор. Я вспомнила дьявола-трансвестита – мы встретились во время моего первого визита «Под головой Анубиса». Так это он был секретаршей Люцифера?

– Бельфегор! – выкрикнула я его имя, радуясь, что наконец вижу знакомое лицо, а не ряд одинаковых темных демонских морд.

– Ах, Виктория! – Он встал и поцеловал меня в обе щеки. – Наша малышка дьяволица! – продолжал ворковать он. – Как ты, детка? Как твои дела?

Я села на мягкое кресло напротив него. Удивительно – первое удобное сиденье в этой чертовой Канцелярии!

Бельфегор сотворил пузатый чайничек и две подходящие чашки. Белый фарфор, вручную расписанный розовыми цветами, весело блестел в свете люминесцентных ламп. Дьявол разлил ароматный чай по чашкам и протянул мне ложечку.

- Вкуснее всего, если размешать шесть раз, - посоветовал он.

Нарушая этикет, я стала яростно размешивать чай, не ограничиваясь шестью вращениями.

Я быстро рассказала ему о своих последних заданиях, а также о проблемах с биографией и некой таинственной Божьей Искрой, которой я якобы обладала.

Как только я упомянула Искру, его рука, осторожно размешивавшая чай в крошечной чашечке, задрожала. Он так сильно стукнул ложечкой о край, что хрупкая посудинка перевернулась. Чай пролился на документы.

Но Бельфегор даже не пошевелился, чтобы вытереть лужу.

- Искра? - тихо сказал он.

Я махнула рукой, высушивая бумаги. Красные чернила, которыми документы были заполнены, уже начали расплываться.

- Ага, - кивнула я. - Ты можешь мне побольше о ней рассказать?

Дьявол покачал головой:

- Мне не позволено говорить о таких вещах. Нет полномочий. Тебе надо поговорить с Люцифером...

Я глянула на другую сторону кабинета. Еще одной двери там не было, но зато было окно.

- Ну ладно, - ответила я. - Ты как-нибудь меня представишь?

- Дорогая, - Бельфегор улыбнулся впервые с тех пор, как я произнесла слово «Искра», - у Сатаны плотный график, в конце концов, он занимает очень важную должность. Он не может принять тебя вот так сразу. Надо посмотреть, когда у него есть свободное окно.

Я тяжело вздохнула. В общем, чего я ждала? Что босс всех боссов примет меня просто так? Сама наивность...

- У Люцифера есть время... хм... ближайшее свободное окно... - Бельфегор повысил голос, - утром в шесть часов шесть минут шестого июня...

- Что? - разочарованно простонала я.

Погодите, сейчас был апрель. Если свободное окно в июне, то мне придется ждать два месяца. Я закусила губу. Два месяца это не так уж много.

- Мне придется ждать два месяца? У тебя не получится втиснуть меня где-нибудь пораньше?

- Милая, ты не дала мне закончить. Самая ранняя дата, на какую я могу тебя записать, - это утром в шесть часов шесть минут шестого июня, но 2016 года.

У меня не нашлось сил, чтобы громко возмутиться. Я просто уткнулась лбом в стол секретарши Сатаны. Он сможет встретиться со мной только через шесть лет...

- Меня может кто-нибудь прикончить? - простонала я.

- Золотце, ты ведь уже мертва, - заметил Бельфегор, успокаивающе гладя меня по волосам.

Я медленно шла по коридору университета. Темой дня среди студентов стало неожиданное возвращение голоса у таинственного мужчины из парка. Он якобы утверждал, что его нашел сам Сатана. Думаю, что провозглашение таких речей не ускорит его выписку из психиатрической лечебницы. Тем не менее я была польщена, что он считает меня такой злой и ужасной.

Боже... я превращаюсь в Азазеля! Определенно провела слишком много времени в его компании.

Я так задумалась, что прошла мимо Петруши, сидевшего на скамейке.

– Эй, Вики, – сказал он, когда я миновала его с отсутствующим выражением лица. – Хм... Вики? Вики?

Вздвогнув, я остановилась и, выдернутая из транса, повернулась в его сторону.

– Ох, привет. – Я подошла и поцеловала его в щеку в знак приветствия.

Он сделал удивленное лицо.

Чему он так удивляется?! Мы ведь позавчера целовались. Его руки как ни в чем не бывало трогали меня под курткой. Он сейчас должен тепло улыбаться, увидев меня, вспоминать тот вечер с нежностью, а лучше всего – снова меня поцеловать.

Бо-о-о-оже! Я мысленно простонала, садясь на скамейку рядом с ним. А вдруг он был настолько пьян, что ничего не помнит из той ночи?! Нет, это было бы явным преувеличением. Неужели судьба так меня ненавидит?

– Ты... – начала я, но прервалась.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Ведь... – Я снова сделала паузу, не зная, какие слова подобрать, чтобы не выглядеть идиоткой.

И сама рассмеялась над своей глупостью.

– Ты хочешь мне о чем-то рассказать? – спросил он, вынимая из сумки свой ланч.

Я смотрела, как он кусает бутерброд. Он сидел спокойно, расслабленно, может, ему даже было весело. На его губах играла эта слегка снисходительная улыбка, часто меня раздражавшая.

– Я хотела сказать, что... – В этот момент зазвонил мой мобильный.

Черт возьми!

Я вытащила из кармана серебряную коробочку размером с пудреницу с твердым намерением утопить ее в первом попавшемся туалете.

На дисплее высветился не номер звонившего, а красная надпись: ЭТО Я, КЛЕОПАТРА. ДОЛЖНА СКАЗАТЬ ТЕБЕ КОЕ-ЧТО ВАЖНОЕ! ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ!

Как она это делает, интересно?

Петруша нахмурился и вдохнул.

– Это что, запах серы? – Он посмотрел на мой телефон.

– Нет-нет, – быстро ответила я. – Может, что-то внутри перегорело...

Я гневно сунула телефон в карман и встала.

– Слушай, мне надо идти. Важные дела! – Я наклонилась и чмокнула его в щеку. – Увидимся!

Когда я бежала по коридору в поисках какого-нибудь уединенного места, мне показалось, что я слышала его тихий голос:

– У тебя все время важные дела...

Должно быть, мне показалось. Он никогда бы такое не сказал.

Я заперлась в самой большой кабинке женского туалета. Бросила сумку на подоконник возле окна, окрашенного в белый цвет масляной краской, и всунула ключ в стену.

Без стука я ввалилась к Клеопатре. Раз уж она позвала меня, то должна была знать, что я появлюсь, поэтому стучать не было смысла.

– Что такое? – бросила я, переступив порог. – В этот раз он не может его убить! Он обещал мне, что не будет этого делать!

Клео поднялась со своего золотого трона, стала драматично заламывать руки, но вдруг остановилась на полпути. Мои слова наверняка заставили ее выйти из роли.

– А кто говорит об убийстве? – спросила она удивленно.

Я, вздыхая, села на ступенях рядом с ее троном.

– Если я не ошибаюсь, то определение «вопрос жизни и смерти» подразумевает как раз это, – ответила я.

Неужели она помешала мне просто так? А я уже почти спросила Петрека о прошлом вечере! Почти решилась! Черт, мне почти удалось выдавить из себя этот вопрос!

Да, я прекрасно понимаю, что «чуть-чуть не считается», но... я ничего не могу поделать со своей несмелостью и закрытостью. А при Петреке... при нем я всегда веду себя как идиотка.

Клеопатра села рядом со мной.

– Что случилось?

– Ты меня об этом спрашиваешь? – воскликнула я.

– Слушай, никто не хочет никого убить. – Она взяла меня за руку. – Сначала расскажи, что произошло. Я вижу, что ты сердисься. И грустишь...

Я посмотрела Клео прямо в глаза. Не была уверена, что хочу ей что-либо рассказывать. Вчера я позвонила Зузе, и мы почти два часа визжали от радости, что он меня поцеловал, что наконец что-то происходит.

И тут вдруг оказывается, что ничего, видимо, не происходит...

– Мы с Петреком поцеловались, – сказала я.

Глаза Клеопатры стали похожими на блюдца.

– О-о-о... – Она нахмурилась, но тут же сдвинула брови обратно. – Подожди. Тебе не понравилось? Да? Это было отвратительно? Петрек придурок?

Я косо на нее посмотрела. Чему она радовалась?

– Меня пугает то, как тебе важно, чтобы я была с Белетом!

Я не могла усидеть на месте и стала кружить по тронному залу. От живой пальмы в овальном горшке и прямо до клетки с дрессированным соколом, на маленькую головку которого был надет капюшон.

Несколько раз я открывала рот, но останавливалась на полуслове.

Наконец я встала напротив Клео.

– Все не так, – сказала я. – Мне ужасно понравилось. Ты себе даже не представляешь, как бы мне хотелось пережить это снова.

– Тогда я ничего не понимаю.

– Он просто ведет себя так, будто ничего не случилось. Будто это ничего для него не значило. Сидит такой с этой своей усмешкой на лице и еще удивленно вздрагивает, когда я приветствую его поцелуем в щеку. Словно он хотел отпрыгнуть... – Я понизила голос, прежде чем сказать то, чего я боялась больше всего: – Он наверняка этого не помнит...

Это было бы хуже всего, потому что означало бы, что я снова на отправной точке. Было бы намного лучше, если бы он был бессердечным мудаком и просто целовал всех подряд. Тогда мне было бы все ясно. А так? Я снова ничего не понимаю.

Я ругалась на чем свет стоит, проклиная свою собственную глупость и бессилие. Я всегда болтаю без умолку, без проблем могу спросить у незнакомцев дорогу или попросить о помощи. Я могу прямо в глаза сказать кому-то, кто мне не нравится, что он конченный придурок. Но когда передо

мной стоит Петрек, я превращаюсь в школьницу из дешевых романов.

Клеопатра вскинула свои идеальные брови в виде тонких дуг.

– Мы были пьяны, – сказала я и остановилась, не дойдя до пальмы.

Я уставилась на горшок. Как непрактично: когда поливаешь, то вода вытекает на мраморный пол. Я глянула вниз. Наверняка трудно потом отмывать.

– Ой, Вики, – вздохнула царица. – Ты делаешь из мухи слона. В конце концов, это просто мужик.

О... готовится еще одна феминистическая речь. Как меня это раздражало!

– Слушай, им все равно с кем, был бы кто-то... За тысячу лет они совсем не изменились.

К моему удивлению, больше она ничего не сказала, лишь уставилась вдаль, погрузившись в свои воспоминания. Помимо своей «великой биографии», она никогда не рассказывала про Цезаря и Марка Антония. Я вдруг поняла, что ни одного из них еще не встречала в Аду и что Клео никогда о них не вспоминала, не считая рассказа о своей земной жизни.

– Знаешь... Азazel мне рассказал, что Белет поведал ему о своем новом плане, как убрать Петрека из твоей жизни, – сообщила она.

Так вот в чем дело.

– Но Белет обещал мне, что не сделает ему больно и не попросит об этом кого-либо еще. Он не может его убить, иначе он нарушит данное мне слово, – возразила я.

Черт, бывают ли какие-то последствия за нарушение данного слова? А может, нет... Людей с каждым днем все меньше это беспокоит, так почему беспокоиться дьяволам?

– Как я уже сказала, никто не собирается никого убивать. – Клеопатра тяжело вздохнула из-за моего тугодумства.

– Тогда что он хочет с ним сделать? – воскликнула я.

– Он придумал три решения. Первое – найти ему какую-нибудь красивую, решительную и веселую девушку. Он в нее влюбится и уже не сможет влюбиться в тебя.

Я почувствовала нарастающую панику. А может, у него уже есть девушка и поэтому он такой черствый? Я никогда не думала об этом раньше. Вдруг он уже любит кого-то?!

– Если это не сработает, Белет устроит ему чрезвычайно дорогой грант на обучение на другом конце света. В конечном счете, будучи дьяволицей, ты сможешь навестить его даже, к примеру, в Японии, но чаще чем раз в год ты поехать не сможешь. Ну, и как ты ему объяснишь, что обычная студентка так часто бывает на другом конце света? А видется раз в год – это слишком мало, чтобы полюбить.

Я стиснула зубы и сама скривилась от этого звука. Черт бы побрал этого Белета! Черт бы побрал это все!

– Каков третий план? – нервно спросила я.

– Повлечь его отчисление из университета, чтобы ему оставалось только вернуться в свой родной городишко, – ответила она с улыбкой.

Я снова начала вышагивать от горшка до клетки. Каким-то образом это меня успокаивало.

– Для этого Петрек слишком умен, – сказала я. – Его не отчислят.

– Результаты экзаменов легко подделать.

Эта ситуация веселила ее. Улыбка играла на ее губах, когда она рассказывала мне о гнусных планах прекрасного дьявола.

Девушка. Красивая девушка. Решительная девушка. Веселая девушка. Может, она уже где-то там? Черт... это бы объяснило, почему он не обращает на меня внимания.

Подавленная, я снова села рядом с Клеопатрой. Не было сил ходить. Не было сил даже дышать.

– Он уже начал... реализовывать свой план? – спросила я.

– Не знаю. А что? Тебя уже отпускает? – Клеопатра прямо-таки засияла.

Честно, меня это задело. Я привыкла, что обычно добиваюсь того, чего хочу. А теперь у меня не получалось. Мягко говоря...

- Красивая, решительная, веселая, - повторила я как мантру. - А я тут ни при чем?

Клеопатра закусила губу, чтобы удержаться от ответа. В конце концов она не выдержала, утешительно похлопала меня по плечу и сказала:

- Знаешь, Вики... не обижайся, но ты такая недотепа...

Дверь, которую я толкнула изо всех сил, громко хлопнула о стену. Часть искусной мозаики откололась и упала на пол, разбившись на мелкие кусочки. Я не обратила на это внимания и прошлась по уцелевшим осколкам, втаптывая их в мраморный пол.

– Вики, какая приятная неожиданность. – Белет беспокойно поерзал на стуле.

Напротив него за партией в шахматы сидел Азазель, только что передвинув одну из своих черных фигур. Конь. Он тоже наблюдал за мной с тревогой.

– Я, наверное, уже пойду, – быстро сказал он и встал.

– Сидеть, – рявкнула я.

Светящийся контур за моей спиной начал бледнеть. Через мгновение единственным воспоминанием о моей двери, которую я открыла с таким гневом, была стертая в пыль мозаика.

Азазель послушно опустился в украшенное кресло и уставился на свои ногти. Он вообще не поднимал взгляда, явно занятый своими пальцами.

– Вам обязательно портить мне жизнь?! – крикнула я, уперев руки в бока.

Белет мрачно уставился на меня, кашлянул и сказал:

– Ты мертва...

Я глубоко вдохнула.

– Это ничего не значащая деталь! – взревела я. – И не притворяйся придурком! Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду!

Он встал и остановился прямо передо мной.

– Я что, его обижаю? – теперь кричал Белет. – Убиваю? Мучаю?! Нет! Он будет еще счастливее, когда встретит свою великую любовь! Разве ты не хочешь, чтобы он был счастлив?

– Хочу!

– Тогда зачем ты делаешь все, чтобы не был?

– Вовсе нет! – воскликнула я, но мой голос дрогнул.

– Вообще-то да! – Белет и дальше давил на мое слабое место.

– Вы что уже... – Я замолчала.

Белет заколебался, и Азазель ловко принял эстафету.

– Ну конечно, – заверил он меня, крадя одну из белых фигур Белета, пока он не смотрел. – Он уже счастливо влюблен. Уверяю тебя! Что теперь поделать?

Он лукаво улыбнулся.

Я почувствовала вскипающую во мне злость и нахмурилась.

Он улыбнулся еще шире.

– Это девушка из Гданьска, – услужливо сказал он. – Ты сходишь с ума, да? Если бы я был так зол, то сразу бы представил себе, как взрывается целый город. Один огромный огненный шар, дымящийся от Длинного рынка вплоть до самого Эдема. Что скажешь? Можешь себе представить?

Белет шикнул на него, чтобы он заткнулся.

– А в общем, почему взорваться должен только Гданьск? – спросил Азазель сам себя. – Пусть дьяволы разорвут все Труймасто! Ну, подумай об этом, Вики. Представь себе. Разожги свою ярость!

Белет подошел к нему и со всей силы ударил его кулаком по лицу. Азазель с разбитым носом упал на турецкий ковер, заливая его кровью. Несколько шахматных фигур (все белые) выпали из его кармана.

– Прекрати, кретин! – зарычал на него Белет. – Хочешь, чтобы она разрушила города?! Ты

свихнулся?!

Я села на низкий диван рядом с их столиком и упала на подушки, расшитые восточными орнаментами. Я злилась. Была в ярости. Но кроме того... Я почувствовала, как по моей щеке сползла слеза. Мне было так грустно!

Я расплакалась. Я одна. И всегда буду одна. Петруша меня не хочет! Я мертва! Моя жизнь была такой короткой! У меня никогда не будет нормальной работы, дома, детей. Я больше не человек.

Однако все это не шло ни в какое сравнение с тем, что Петруша меня не хочет! Я уже не плакала, а рыдала, заливаясь слезами.

- Что? Она плачет? - пробурчал Азазель через сломанный нос. - Почему она плачет? Почему не злится? Почему ничего не разрушает? Где злость, где ярость?

- Радуйся, что она такой не стала! - сказал Белет и опустился на колени у моих ног.

Я плакала, вытирая слезы рукавом блузки.

- Детка, не плачь. Ты же знаешь, что в этом никогда не было никакого смысла. - Он неловко похлопал меня по колену и протянул мне наколдованный носовой платок.

- Зна-а-а-ю, - всхлипнула я.

- И знаешь, что он никогда ничего не чувствовал к тебе...

- Зна-а-а-а-ю, - простонала я еще жалобней.

- И знаешь, что сама ты тоже никогда его не любила. Тебе просто показалось. Ты на самом деле любишь меня.

Я замолчала и резко посмотрела на него:

- А этого я как раз не знаю...

- А я уж подумал, что тебя заело.

Он пытался меня рассмешить, но я продолжила плакать.

- Ну-ну, дорогая, не плачь. - Он взял меня за руку. - Мы еще ничего не сделали. Не плачь. Ты должна понять, что он не твоя собственность. Вы никогда не будете вместе.

Я сердито выдернула руку.

- Вот именно, что мы не будем вместе. Никогда. Из-за тебя! Из-за вас!

- Что? - фыркнул Белет и встал. - Из-за меня? Дорогая, странно, что тебе все еще нужно напоминать об этом, но ты мертва. Понимаешь? У тебя нет тела!

Я поднялась. Больше не плакала.

- Все из-за тебя.

- Из-за меня? - недоверчиво спросил Белет. - ТЫ МЕРТВА! Пора уже это понять!

Ярость вернулась с двойной силой.

- Я мертва, потому что вы меня убили! Я видела, как вы изменили документы в кабинете номер 6! Я была там! Видела вас! ЭТО ВЫ УБИЛИ МЕНЯ!

Белет быстро отошел назад и посмотрел на Азазеля, сидевшего рядом с незаконченной партией в шахматы. Я тоже посмотрела туда, но хитроумного дьявола уже не было. На стене слева от нас исчезал контур его огромных черных ворот.

- Гребанный трус, - пробормотал Белет.

- Вы убили меня, - прошептала я.

- Послушай, успокойся. - Дьявол медленно отступал, чтобы быть как можно дальше от меня.

- Зачем? Почему я? Почему вы не убили кого-то другого? - спросила я.

Дьявол тяжело вздохнул, провел рукой по черным волосам и сел на диван. Больше он не пытался

убежать. Сдался.

– Не я тебя выбрал. Это был Азazelь.

Я с ненавистью посмотрела на стену, с которой уже давно исчезли его черные врата. Ну, когда-нибудь я доберусь до его задницы!

– Ты даже не представляешь, как скучно в Аду. Я уже больше трех тысяч лет понижен в должности и сижу в Распределении. Азazelь недавно вышел на свободу после десяти тысяч лет заключения. Нам немного снесло крышу, а потом у нас появилась гениальная идея, как сломать всю систему изнутри. Никто из нас не хотел оказаться взаперти, но в то же время мы хотели хорошенько повеселиться. Каждый может ошибаться.

Я не перебивала его. Сидела молча, слушая его признания, хотя у меня было свое мнение касаясь их желания повеселиться.

– Азazelь всегда хотел править. Вбил себе в голову, что усядется на трон Нижней Аркадии. Сначала я насмеялся над ним, но потом увидел в этом открывавшиеся мне возможности. Если бы он был боссом, то я наконец мог бы делать то, что захочу. У нас не было громадных планов – мы всего лишь хотели устроить небольшой беспорядок, вину скинуть на бездарную власть Люцифера и наблюдать из укрытия, как все разваливается. Ты была нужна только для того, чтобы наделать шуму. Нам нужна была новенькая необученная дьяволица, из которой мы могли вылепить, что нам хочется. – Он усмехнулся себе под нос. – Но оказалось, что тобой не так просто манипулировать. Ты слишком сильная. Ну, и обладаешь высокими моральными устоями. Неслыханная в Аду вещь...

– Тогда, в Канцелярии, Азazelь сказал, что ты хотел дьяволицу, а он – хаоса, – заметила я.

– Это тоже, – кивнул он. – Мне пришла в голову мысль, что нам бы пригодилась молодая дьяволица, которая потерпела бы несколько крупных неудач. За всех новоприбывших отвечает Люцифер. Абы кто не может стать дьяволицей. Мы представили ему твои поддельные документы, а также шесть разных постановлений, вынесенных независимыми группами, которые, конечно, были под нашим контролем. Люцифер повелся на это и подписал. Затем нужно было подождать, пока ты не наделаешь шуму.

Я скривилась. В этом отношении я их не разочаровала. В конце концов, я зациклилась на преследовании своего убийцы.

– По словам Азazеля, ты не шевелилась, поэтому он начал подстрекать тебя найти твоего убийцу – якобы читая мои мысли, – сказал Белет. – Он манипулировал тобой. Иногда мне кажется, что он манипулировал всеми нами.

Это было вполне возможно. У коварного дьявола к этому были громадные склонности. Я даже не осознавала, что он манипулирует мной, хотя это было очевидно. Каждой совершенной мной ошибке предшествовал разговор с ним.

– Но это Клеопатра часто подавала мне идеи, – пробормотала я.

– Дорогая... они любовники уже лет триста.

Ага... вот почему Клеопатра так быстро узнавала, что Белет рассказывал Азazелю. Что было, конечно, полной ерундой. Изначально это все были придумки Азazеля, а я узнавала о них не потому, что ему было меня жалко, а для того, чтобы я наделала еще больше шуму, пытаюсь остановить Белета.

– А ты что с этого поимел? – спросила я.

– Мне хотелось кого-то. Для себя одного. Так же как тебе хотелось заполучить Петрека. Так же я хотел заполучить тебя.

Ах, как все просто! Чертовы дьяволы!

– Кажется, я люблю тебя, – признался он.

– Ты любишь только самого себя, – просветила я его. – А что касается меня, то это исключительно желание мной обладать. Не больше.

Он сильно задумался. В конце концов он посмотрел мне прямо в глаза, довольный тем, что нашел ответ.

– Может, ты и права, – беспечно улыбнулся он. – Но это очень сильное желание обладать. Я никогда такого не чувствовал. Ни к кому в этой реальности...

– Ты понимаешь, что вы убили меня? Отобрали мою жизнь?! Самое главное на свете! – прервала я его.

Мне не хотелось, чтобы он снова очаровал меня. Не сейчас. Лучше уже никогда... Хотя я не могла себе этого пообещать: Белет умел подчинить меня себе.

– Знаю, – он опустил голову, – но сама посмотри. Разве тебе плохо?

– Да, мне плохо. У меня не может быть Петрека, не может быть семьи. Я хочу нормальной жизни. Такие чудеса, – я начертила в воздухе полукруг, – должны быть после смерти. Естественной. Не преждевременной!

– И у кого тут сильное желание обладать? – огрызнулся он.

Я с укором посмотрела на него.

– Прости, – буркнул он, – но ты должна признать, что мы похожи больше, чем ты думала. Мы руководствуемся теми же побуждениями и чувствами.

Я не ответила ему.

– Мы идеально друг другу подходим...

На этот раз он сильно преувеличил, я снова укоризненно посмотрела на него и спросила:

– Почему я? Почему не кто-то еще?

Дьявол посмотрел мне прямо в глаза:

– Выбирал Азазель, не я. Дьяволица должна была быть красивой. Других критериев не было. Это чистая случайность. Азазель питал слабость к Польше, там находятся самые преданные ему последователи, и, хотя самая ярая его секта располагается в Северной Корее, он провел в Польше достаточно много времени. Думаю, именно поэтому он выбрал женщину из этой страны. Почему тебя? Не знаю.

– Может, это из-за Искры? – спросила я.

Он поморщился. Ему явно не хотелось разговаривать об этом со мной. Он отвел взгляд.

– Расскажи мне о ней, – настояла я.

– Не знаю, что взбрело Азазелю в голову, почему он решил убить именно тебя. Искра опасна, обладают ей немногие. Бывает, что она не проявляется у целых поколений. Думаю, поэтому ты умерла. – Он вздохнул. – Азазель настаивает, что он ничего об этом не знал, но он наверняка лжет. Ему это было только на руку, и теперь он притворяется, что понятия об этом не имел. Он знает, что это могло бы потопить Люцифера, и непременно потопит. Вопрос в том, потянет ли он нас за собой...

Он скривился, будто уже видел, как его понизят на еще несколько тысячелетий из-за собственной глупости.

– Что такое эта Искра? – спросила я.

Он не ответил сразу – задумался на довольно долгое время, словно хотел вспомнить все в подробностях.

Гостиная в его доме очень напоминала спальню. Мебель была низкой, буйство красок захватывало дыхание. Турецкие лампы, мозаика на стенах в восточном стиле. Как в одной из сказок «Тысячи и одной ночи» или в гареме султана.

А посередине он. Восточный принц с манящей чувственной улыбкой и обещаниями в золотистых глазах.

– Я знаю далеко не все. Это тайное знание, доступ к которому имеет только Сатана, – сказал он наконец. – Насколько я помню, люди с Искрой рождаются очень редко. Они прямые потомки Адама и Евы.

– Как это? – возразила я. – Ведь все люди являются их потомками.

– Так и есть, но одни больше, а другие меньше, – сказал он.

– Не понимаю... – недовольно пробормотала я.

Теперь он, судя по всему, собирался играть в какие-то глупые загадки. Я тяжело вздохнула. Всегда откладывала чтение Библии на потом – видимо, поступала я не очень мудро. В этом мире все вращалось вокруг нее.

– Послушай. У Адама и Евы было три сына, верно?

– Три? – простонала я. – Не два?

Белет сокрушенно посмотрел на меня:

– И чему они вас учат на этой религии? Разве это не обязательный предмет в польской школе?

– Обязательный, – кивнула я и сменила тему: – Так что с этими сыновьями?

Я не собиралась вступать с ним в дискуссию. На уроках религии мы с моей лучшей подругой играли в точки или в крестики-нолики либо просто болтали о мальчиках. Думаю, это могло оскорбить чувства даже бывшего ангела.

– У них было трое сыновей: Каин, Авель и Сет. Сет родился после убийства Авеля.

Довольная собой, я покивала. Каин убил Авеля – по крайней мере, это я знала и до Белета!

– А откуда, как ты думаешь, они достали своих жен? – спросил дьявол.

Я погрузилась в раздумья. Никогда об этом не думала. И правда... Откуда они достали своих жен?!

– Как видишь, кроме них должен был быть кто-то еще. – Он скривился. – Кроме того, какие были бы генетические дефекты, если столько миллиардов людей происходило бы от одной пары!

Я снова погрузилась в свои мысли. То есть я – прямой потомок Адама и Евы. Ага! Так вот откуда взялась моя аллергия на пыль! Генетический дефект!

Впрочем, нет... объяснять так происхождение всех врожденных заболеваний на свете – это уже притягивание за уши.

– Но вернемся к Искре, – сказал Белет. – Люди, обладающие ей... скажем так, они не прах и не пыль. Они тлеющие угольки. Понимаешь? Это не пламя, то есть ангел, но и не прах, то есть человек. Это что-то между.

– Ну, допустим, я поняла, – ответила я.

– Как у уголька, у тебя есть сила, и ты становишься Искрой. Ты не человек.

Что-то мне подсказывало, что сейчас я услышу, раз я не человек, мое место рядом с ним, а не на Земле рядом с Петреком.

– Искра – это дар творения и разрушения. Сильные эмоции «запускают» этот дар. Ты можешь уничтожать, можешь убивать. Можешь убить даже бессмертного. Мало кто обладает такой силой. Поэтому Азazel так испугался и сбежал. Думал, что ты хотела нас убить.

– Но я не хотела вас убивать, – возразила я.

Хотя, если честно, на секунду я подумала о том, что неплохо было бы устранить их из моей смертной и бессмертной жизни. Однако я бы не стала прибегать к этому.

– Знаю, твои глаза были нормальными, – ответил он.

– Мои глаза?

– Когда ты злилась на меня в прошлый раз за то, что я пытался убить Петра, у твоих глаз пропал ирис. Знак того, что ты используешь Искру. В этот раз этого не было. Ты не была так разгневана. – Он нахмурился. – Тебя больше разозлило то, что я хотел убить его, чем то, что я убил тебя.

– Что еще ты знаешь о Божьей Искре? – Я сменила тему.

– Больше ничего. Если бы ты попала в Ад или Рай и не получила силу дьяволицы, у тебя все равно была бы эта сила. Зато теперь, когда ты съела еще и яблоко... Ты обладаешь большей силой, чем многие ангелы и дьяволы. Больше я правда не помню. Я довольно давно изучал эту тему. Там было еще что-то о смерти, о судьбе человека с Искрой. Ничего больше я не знаю. Прости.

– А кто может рассказать мне больше?

– Люцифер.

Я поморщилась. С ним я смогу поговорить только через шесть лет, если все будет хорошо и моя запись не отменится.

– Я пыталась договориться о встрече с ним, но у него нет времени, – рассказала я.

– На твоём месте я бы не разговаривал с ним об этом. Неизвестно, как он на тебя отреагирует. Может, он захочет тебя уничтожить. Пожалуйста, не говори с ним. – Белет умоляюще посмотрел на меня.

У меня были сомнения, действительно ли хочет он уберечь меня или скорее своё положение и задницу.

– Как мне достать больше информации? – поинтересовалась я.

– Зачем тебе это знать?

Я не ответила. Белет подал мне одну идею: раз я обладала силой творения и разрушения, может, у меня бы получилось сотворить себе новое тело? Может, я смогла бы снова жить? Волнение охватило меня. Я должна обязательно это выяснить! Но я не собиралась говорить ему о своей идее, а то он попытался бы меня отговорить.

– Хочу, – коротко ответила я.

– Ну ладно, не хочешь – не говори, – капитулировал он. – Люцифер хранит все документы в своей резиденции. Мы должны туда попасть.

– Мы?

– Я не отпущу тебя одну...

Впервые за сегодня я улыбнулась ему. Хорошо, что он хотел пойти со мной. Я побоялась бы лезть туда в одиночестве. Думаю, я бы тогда отказалась от этой идеи. Удивительно, но с ним я чувствовала себя в безопасности.

– Как мы попадем в его резиденцию? – спросила я. – Сам он нас не впустит.

Белет лукаво улыбнулся:

– О, уверяю тебя, впустит. На следующей неделе будет большой бал. Годовщина его падения с Небес и принятие бразд правления над Адом. Мы проникнем на этот прием...

Бал у Сатаны... Как у Булгакова. Меня охватило беспокойство. Я надеялась, что он не будет похож на бал, описанный русским писателем. Мне не хотелось встречаться с убийцами и преступниками, веселой свитой короля грешников. Ад был достаточно цивилизованным местом, здесь не должны пить кровь из бокалов для шампанского и танцевать голыми.

Белет без труда добавил нас в список гостей. Ни он, ни Азазель не были приглашены. Судя по всему, Люцифер не особенно их жаловал... Тем не менее Клеопатру пригласили. Белет попал на вечеринку в качестве ее спутника. Клео сказала, что не возьмет с собой Азазеля, потому что на балу будет Цезарь, который терпеть его не может и не одобряет новые отношения своей бывшей супруги. К Белету как к другу и советнику царицы он относился более терпимо.

Вопрос с моим приглашением решился довольно просто. Белет обратил внимание Бельфегора на то, что я не получила приглашения. Милейший дьявол очень смутился, объясняя это своей оплошностью. Просто-напросто все приглашения были высланы до того, как я стала дьяволицей.

Я тоже сказала, что не возьму Азазеля с собой. Разозленный дьявол потребовал от меня объяснений. Я пояснила свое решение просто:

– Ты подонок, и ты мне не нравишься.

Он сразу все понял.

Каким-то чудом Бельфегор сжалился над ним и сказал, что в качестве спутника возьмет его он.

Выражение лица Азазеля – бесценно.

Сейчас я сидела в своей маленькой квартирке. На ручках шкафов висело несколько красивых платьев, переливающихся в тусклом свете старенькой люстры разными цветами: бордовым, бутылочно-зеленым, эрю. В каждом из них я чувствовала себя принцессой, но никак не могла принять окончательное решение.

Наконец я выбрала черное платье, украшенное карминовыми розами, с кружевным вырезом и отделкой. Оно немного напоминало платье, в которое насильно одел меня Азазель для встречи с его последователями, но выглядело современно, хищно и откровенно, да и корсет был свободнее.

Из динамиков лилась тихая спокойная музыка. Белет одолжил мне этот диск. Восточные мелодии приятно окутывали уши.

Я посмотрела на мобильный телефон. Ни сообщений, ни пропущенных звонков. Прошла неделя, Петрек не отзывался. Меня это не удивляло, потому что он почти никогда не звонил сам. И все же я ждала какого-то знака, хотя бы малюсенького сигнала, что тот поцелуй что-то значил. Именно поэтому я перестала жить в Лос-Дьяблосе и насовсем поселилась в своей крошечной квартирке.

Звонить первой я не собиралась. Последнее, что мне хотелось услышать, это: «О, мы правда целовались? Серьезно? Черт... Сорри... Я был пьян». А так, если я не буду звонить ему, то почти со стопроцентной уверенностью этого не услышу.

На учебе я появлялась периодически – у нас все равно не было совместных пар. В какой-то день передо мной промелькнула его черная шевелюра, но он не увидел меня, заболтавшись с друзьями.

А может, он в кого-то влюбился?

Мне не хотелось об этом думать. Я села на пол напротив высокого зеркала, стараясь сильно не мять ткань платья, и стала заниматься своими волосами, укладывая их в замысловатый пучок, который бы сочетался с моим нарядом.

Сегодня бал. Бал у Сатаны.

Часы на стене уже громко били. Было шесть часов вечера. Белет должен прийти около восьми.

Весь день у меня было впечатление, что время ужасно тянется, что стрелки всех часов в мире специально замедлились, чтобы позлить меня. Я боялась, что Люцифер застукнет нас, схватит и нам придется заплатить за неповиновение. Хотелось, чтобы все это поскорее осталось в прошлом. Дошло до того, что я начала жалеть о собственном любопытстве и хотела отказаться от своих планов.

Я посмотрела на свое отражение с необычной прической, которая заняла у меня целый час. Я могла просто щелкнуть пальцами, и волосы уложились бы так, как мне хотелось, но... Укладывать волосы было так... по-человечески, нормально. Я старалась как можно чаще делать обычные,

повседневные вещи, которые заставляли меня чувствовать себя человеком.

Я снова подумала о Петреке.

Я недотепа... Клеопатра была права.

Бегемот лежал рядом со мной, играя с ленточками и розочками на моем платье. Наверняка он сейчас порвет мне что-нибудь, и мне придется срочно это исправлять. Вдруг он громко мяукнул и посмотрел на дверь. Потеряв к платью всякий интерес, он побежал к входной двери и стукнул по дереву лапой.

Мгновение спустя кто-то тихо постучал.

- Секунду! - крикнула я и с трудом встала с пола.

Это было не так-то просто из-за неподвижной талии и торчащих из странных мест обручей, которые поддерживали всю конструкцию платья. Неудивительно, что когда-то женщинам приходилось ждать, пока их не поднимут.

Несколько прядок выбилось из пучка и упало на мое покрасневшее от натуги лицо. Чертово платье.

- Иду! - закричала я, хватаясь за дверную ручку.

Напротив меня стоял Петруша. Не знаю, кто из нас был больше удивлен. Мы стояли так пару мгновений. Он уставился на меня, оглядывая с ног до головы, а я окаменела, лихорадочно думая, как объяснить ему свой странный наряд. В то же время я не могла нарадоваться, что вижу его. Дурочка.

- Ты прекрасно выглядишь, - сказал он первым.

- Спасибо, - ответила я. - Зайдешь?

Я сгребла платье, больше не заботясь о том, что помну его, и прошла в комнату. На ногах у меня ничего не было, кроме черных кружевных чулок. Туфли на невероятно высоком каблуке стояли у двери. Квартира выглядела еще меньше из-за висевшей повсюду одежды.

Поскольку на вешалке у входной двери тоже висело платье, Петрек бросил свою куртку на пол рядом с ботинками и рюкзаком, из которого он до этого вытащил бутылку красного вина.

Я изумленно посмотрела на него.

Он рассмеялся, увидев выражение моего лица.

- У тебя сегодня день рождения, - напомнил он, вручая мне красные розы, которые он прятал за спиной все это время.

Я совершенно о нем забыла! По традиции в Аду справлялись не дни рождения, а годовщина дня смерти. Дни рождения уже не имели значения. Никто из нас уже не мог состариться.

- О, он сегодня? - воскликнула я. - Я совсем забыла.

- Сегодня, сегодня, старушка, - ответил он. - Тебе уже двадцать один год. Ха, а мне всего двадцать.

Он поставил вино на столик у дивана и пошел на кухню за бокалами и штопором.

- Да-да, младенец, - рассмеялась я, садясь на кровать. - Через три месяца ты тоже будешь старичком. Радуйся, пока можешь.

Мне как раз не исполнился двадцать один год. Теперь мне всегда будет двадцать. На целую вечность... Я понюхала цветок, пряча нос в его лепестках.

Петрек сел рядом со мной. Он умело открыл бутылку и разлил вино. У него был такой же цвет, что и у роз на моем платье.

- Сорри, что я без приглашения, но я был неподалеку. К тому же хотел сделать тебе сюрприз, - сказал он.

- У тебя получилось, - заверила я его и улыбнулась поверх лепестков.

Он пожелал мне много всего и поцеловал в щеку. Затем, хотя по правилам *savoir-vivre* это дурной тон, мы чокнулись бокалами.

- Спасибо, что вспомнил. - Мне захотелось плакать, и я снова уткнулась носом в розы, желая

насладиться их ароматом. – Даже Марек обо мне забыл.

К брату у меня на самом деле не было претензий. Он обычно даже не знал, какой сегодня день недели, не говоря уже о днях рождениях.

Петрек скромно пожал плечами и сделал еще один глоток вина. Бегемот прыгнул ему на колени, требуя ласки, но Петруша начал оглядывать висевшие платья.

– Ладно, меня распирает любопытство. Почему ты так одета? – Он засмеялся и мельком глянул в глубокий вырез моего платья, соблазнительно окруженный черным кружевом. – Идешь на бал?

– Э... да, – ответила я и для храбрости выпила весь бокал. – Сегодня я иду на бал.

– О, – удивился он, – в честь дня рождения?

– Нет-нет, – стала отнекиваться я. – Это вечеринка... по работе, – dokonчила я, восхитившись таким простым решением. – Сегодня годовщина основания компании. Будет скучно, но всем сказали прийти.

Несколько минут мы весело болтали, потягивая вино. На дне стройной бутылки осталось совсем мало алкоголя. Бегемот лежал на коленях Петрека и громко мурчал, как сломанный холодильник.

От вина у меня приятно шумело в голове. На балу у Сатаны я буду слишком весела, не отдавая отчет в своих действиях... Несмотря на это, я не собиралась раскаиваться за хороший вечер в компании Петруши. Я была счастлива как никогда раньше.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Я тут же забыла, о чем рассказывала.

– Давно не видел тебя на учебе, – сказал он.

– Давно там не была, – призналась я.

Он слегка улыбнулся. Его улыбка была немного снисходительной, чуточку всезнающей, но искренней. Как всегда.

– Ты чудесно выглядишь, – прошептал он, убирая непослушную прядь за мое ухо.

– Спасибо. – Я улыбнулась.

Он нежно провел пальцем по моей щеке, касаясь изгиба слегка приоткрытых губ. Я не могла отвести взгляд от его завораживающих черных глаз.

Бегемот спрыгнул с его колен и отправился на охоту. На полу валялось множество шпилек, ленточек и других украшений для волос и одежды.

В куртке Петрека зазвонил телефон. Звук был выключен, но сотовый громко вибрировал. Кот бросился на нового противника.

Я глянула в сторону звонившего телефона.

– Ты... – начала я, но он перебил меня:

– Пусть звонит.

Я поставила пустой бокал на стол рядом с его пустым бокалом.

Петрек наклонился и поцеловал меня в губы. Мы медленно опустились на диван. Причудливый пучок рассыпался по подушке, шпильки упали на пол, но мне было все равно. Я обняла Петрушу за шею, притягивая его ближе к себе. Запустила пальцы в его волосы и нежно помассировала заднюю часть его шеи. Юбка упала на диван и пол.

Его пальцы скользили по моему животу, расстегивая маленькие жемчужные пуговички. Когда он расправился с первым слоем ткани, оторвался от моих губ и удивленно посмотрел на мой живот.

– Это корсет, – объяснила я со смехом. – Он развязывается сзади...

– Хм... жаль, что на тебе так много одежды, – пробормотал он, тут же потеряв интерес к корсету.

Он снова стал меня целовать. Восточная музыка окружала нас, тихие звуки мандолины и глухой стук барабанов негромко вибрировали, словно биение наших сердец.

Мы оторвались на мгновение. Я убрала черные волосы с его лба. Он был таким красивым. Провела пальцами по его щеке, колючей из-за однодневной щетины, ото лба до чувственных, полных губ.

Он улыбался. В его глазах горело желание.

Я прижалась к нему, и какое-то время мы просто лежали, наслаждаясь близостью. Он начал целовать мою шею. Его теплое дыхание на моей коже... По телу пробежала дрожь. Я засунула руки под его футболку и потянула ее вверх.

Телефон в кармане его куртки уже давно перестал звонить. Бегемот предусмотрительно унесся на кухню, чтобы не мешать нам.

Тьма за окном, приглушенный свет, длинные тени от висевших повсюду платьев – все это придавало моменту необычную нотку. Я не знала, от вина или от близости Петруши и его прикосновений мне кружило голову.

Рука Петрека медленно скользила по моей ноге: от икры к колену и выше вдоль бедра. Провел пальцами по краю кружевного чулка. Я вздохнула.

Вдруг Бегемот, громко шипя, выскочил из кухни и бросился к входной двери. Дверь открылась и ударилась о косяк. Животное едва успело затормозить, а то его бы придавило.

Я и Петрек отскочили друг от друга. В дверях, в элегантном шикарном костюме, с кроваво-красными розами в руке стоял Белет. Расстегнутая на несколько пуговиц белая рубашка контрастировала с оливковой кожей. Я снова увидела на его шее таинственную подвеску. Черный, отливающий темно-синим ирокез добавлял ему мальчишеского очарования.

Дьявол уставился на нас с нескрываемой яростью.

Петрек сел на диване, помогая сесте и мне.

– Эй, ты вообще к... – крикнул он, но не договорил. – Подожди... Бартек, верно? Ты работаешь с Вики? Ты парень Клеопатры?

– Да, – ответил Белет и, естественно, добавил: – Только мы с Клео уже не встречаемся.

Петрек враждебно нахмурился.

Белет упрямо смотрел на меня. Я знала, что он увидел. Смятое и расстегнутое платье, поднятое до чулок, растрепанные волосы, неосмысленный взгляд.

Пока Петруша не смотрел, занятый натягиванием футболки и громко и грубовато объясняя Белету, что в современном мире все стучатся в дверь, прежде чем войти, я поправила платье, приводя его в порядок. Волосы уложились в пучок, когда я щелкнула пальцами.

Петрек повернулся ко мне и остановился на полуслове. Я сидела рядом с ним в идеальном наряде и с безупречной прической.

– Нам пора идти. Мы опаздываем, – рявкнул Белет, не сводя с меня взгляда.

В его глазах была только пустота. Тихая, осуждающая пустота. Он не имел права так на меня смотреть, я не сделала ничего плохого. Я не его собственность.

– Ох, да... бал, – пробормотала я.

Петрек растерял часть своей самоуверенности. Он поднялся с дивана и подал мне руку, чтобы помочь мне встать. Меня удивила эта галантность – он никогда не вел себя так раньше.

– Прости, – сказала я Петруше. – Мне правда нужно идти. Бартек обещал подвезти меня.

Петр кивнул, но продолжал недоверчиво поглядывать на дьявола.

Я стала быстро надевать туфли, хотя это было непросто. Пол кружился перед глазами. Каким-то чудом мне удалось застегнуть ремешки на лодыжках.

Оба мужчины стояли в маленьком коридорчике, глядя друг на друга с завистью и ревностью. Бегемот, несмотря на симпатию к Белету, превратил его штаны в свою когтеточку, но дьявол даже не заметил этого. Я усмехнулась себе под нос. Значит, мой кот предпочел Петрушу. Либо у него был хороший вкус, либо он вел себя так потому, что я его кормила и ему выгоднее было принять мою сторону.

– Это тебе. – Белет вручил мне букет роз. Я поблагодарила его и взяла цветы.

– Подождите минутку.

Стуча каблуками, я исчезла на кухне в поисках вазы. Нашла две, поменьше для розочек Петруши, побольше – для метелки от дьявола. Честно говоря, розы почти ничем не отличались, но воспринимала я их именно так.

Мне было стыдно, что Белет появился в моей квартире в такой момент. Кроме того, я была уверена, что дверь была закрыта. Он прекрасно знал, что я наедине с Петрушей, и сделал это специально.

Розы я поставила на столике у дивана. Судя по лицам мужчин, они явно были довольны, что я не поставила их цветы в одну вазу. Белет смотрел на Петрека снисходительно – его букет был больше.

Я накинула на плечи шаль.

– Идем? – спросила я.

Молча мы вышли на лестничную площадку. Я быстро запихнула Бегемота обратно в квартиру и заперла дверь на замок.

Не обращая никакого внимания на взбешенного дьявола, я подошла к Петруше и поцеловала его в губы. Наши губы нежно соприкоснулись, и мы проникновенно посмотрели друг другу в глаза. Белет выглядел так, будто я по меньшей мере изменила ему прямо у него на глазах. Хотя кто его знает... может, это и было изменой – в конце концов, мы с Петреком не были женаты.

У подъезда стоял красный «Ламборгини» дьявола. Мы не могли попасть в Ад на машине, но, к счастью, дьявол был готов подыграть мне в этой комедии. Он открыл мне дверь шикарного авто. Ошеломленный Петрек застыл на месте, разглядывая невиданную на польских дорогах машину. Он глянул на Белета с завистью.

Я помахала ему, беззвучно произнесла «прости» и села в машину. Дьявол сел рядом со мной с лицом победителя.

– Твой смертный и за миллиард лет не заработает на такое авто, – сказал он, довольный собой, и завел мотор.

Петрек, видимо, думал точно так же, потому что лицо его не выражало счастья. Шины взвизгнули, и мы тронулись, оставляя его одного в облаке выхлопных газов.

– Мы не попадем в Ад на машине, – заметила я сердито.

Я злилась из-за того, что он прервал нас. Злилась, что он существовал. Злилась на весь мир.

– Если ты не хотела, чтобы я застал вас во время вашего randevu, то нужно было договориться о встрече с ним в другое время, – прорычал он.

Я рассмеялась про себя. Рандеву? Откуда он берет такие старомодные слова?

– Сегодня мой день рождения, – ответила я и мысленно поморщилась. Зачем я ему это объясняю?

– И что с того? – все еще рычал он.

Я не стала объяснять ему, что для меня это важно.

Красный автомобиль несся по городским улицам. Впереди нас ждал крутой поворот. Мы пролетели мимо дорожного знака, предупреждающего об опасности.

– Белет, поворот, – сказала я.

– Знаю, – фыркнул он, но не замедлился.

Он еще сильнее нажал на педаль газа и открыл окно. Вытащил из кармана пиджака свой ключ – продолговатый, золотой, со змеей, оплетающей головку.

Змей, искушение. Ключ идеально подходил прекрасному дьяволу.

– Белет! – крикнула я и оперлась руками о приборную панель.

Прямо перед нами была стена здания, на которую мы мчались с головокружительной скоростью.

Не обращая на меня внимания, он высунул руку из окна и кинул дьявольский ключ прямо в стену. Как только ключ коснулся ее, в последний момент стена расступилась перед нами, открывая дорогу, бегущую вдоль побережья Лос-Дьяблоса.

Подвеска автомобиля ударилась о поребрик, а колеса загрохотали о гравий, когда мы въезжали в стену. Белет резко крутанул руль, выезжая на узкую адскую дорогу, вьющуюся над обрывом. До

края зубчатой скалы оставались считанные сантиметры.

– Ты все еще утверждаешь, что мы не доберемся до Нижней Аркадии на машине? – самодовольно спросил Белет, останавливаясь, чтобы поднять ключ.

Белет резко затормозил. Меня рвануло вперед, ремни безопасности болезненно впились в тело. Я подавила стон.

Перед огромными воротами из кованого железа, ведущими к резиденции Люцифера, была какая-то суматоха. Перед нами еще два автомобиля и карета ждали возможности проехать.

Нетерпеливый дьявол барабанил пальцами о руль. Он не заговаривал со мной, пока мы ехали по извилистой дороге прямо над пропастью. Дорога, освещенная лишь лунным светом, не вызвала доверия. Где-то далеко внизу слышался рев волн, разбивающихся об острые скалы.

Он знал, что мне было страшно там ездить, но все равно вдавил педаль газа в пол, словно делал это мне назло. Предупреждающие знаки сливались в одну красную линию...

Однако у его манеры вождения были определенные плюсы: адреналин вытеснил из крови весь выпитый мной алкоголь.

– Ну что там?! – гневно прорычал он.

Белет, конечно, просто солнышко...

Я открыла окно и высунула голову. У ворот увидела какую-то фигуру. Кто-то низенький, с небольшим транспарантом в руках рьяно спорил с охранником у входа.

– Видимо, какие-то протесты, – сообщила я.

– Прекрасно, твою мать! – прорычал он.

Я удивленно посмотрела на него. Белет, несмотря на то что был дьяволом, ругался не слишком часто. Если бы у него было хорошее настроение, то он наверняка заметил бы, что это еще одна черта характера, присущая нам обоим. Я закрыла окно и громко вздохнула, устав от его поведения.

– Хватит уже дуться, – пробормотала я.

Он косо на меня посмотрел, но не стал комментировать мою попытку примирения. Извиняться я не собиралась, потому что не чувствовала себя виноватой. Это скорее он должен просить у меня прощения за то, что вторгся в мою личную жизнь.

Мы двигались вперед черепашью шагом. У меня была прекрасная возможность осмотреть резиденцию Люцифера. Однако резиденцией это было трудно назвать. Здание чем-то напоминало Версальский дворец, построенный Людовиком XIII и расширенный Людовиком XIV. Не только размером, но и пастельным фасадом, богато украшенным замысловатыми орнаментами. Количество крыльев дворца тоже совпадало.

Я простонала. Как мы сможем найти там документы об Искре? В этом здании, должно быть, несколько сотен комнат. Ну и к тому же дьяволы – настоящие шизофреники, когда дело касается тайн и секретов. Наверняка по всему Лос-Дьяблосу простираются подземелья. Я посмотрела на злого Белета. Не была уверена, что он все еще хотел мне помогать...

Охранник у ворот только прогнал протестующего. Ворчавшая женщина медленно шла по дорожке в нашу сторону. Транспарант с надписью «Нет разврату!» она мрачно тащила за собой по земле.

Прелестная старушка, Анна Ковальская, как раз проходила мимо нашей машины.

– Я же говорила, что от нее будут одни проблемы, – сказала я, но Белет проигнорировал мои слова.

Я понимала, что это глупо, но мне стало обидно.

Старушка остановилась рядом с нами и постучала в мое окно. Я опустила стекло.

– Наша малышка дьяволица, – проскрипела она, критически разглядывая мой наряд.

К счастью, черная шаль прикрывала глубокий вырез. Видимо, старушке мое платье показалось довольно скромным – в конце концов, даже цвет не был вызывающим, потому что она сказала:

– Ну хоть ты оделась прилично. Некоторые пришли совсем голыми! Какой разврат! Деморализация! Упадок!

– Нам пора ехать, – прервал ее Белет. – Хорошего вечера.

Сказав это, он тронулся. Охранник, прогнав назойливую женщину, широко распахнул ворота. Мы

поехали по длинной подъездной дороге между деревьями в сторону светившейся, как рождественская елка, резиденции.

– Это было грубо, – отметила я.

Он буркнул в ответ что-то невразумительное. Я сердито пожала плечами. Хватит с меня попыток помириться с ним этим вечером, надоело.

Мы остановились перед входом. Я решила даже не двигаться с места, пока Белет не откроет мне дверь. Посчитала, что, может, он меня и не уважал, но все-таки оставался джентльменом до конца. Он не только открыл мне дверь, но и подал руку и склонил при этом голову.

Вместе мы поднялись по мраморной лестнице распахнутых настежь дворцовых ворот. Позади нас «Ламборгини» тут же растаял в воздухе, освобождая место для следующей машины в бесконечной процессии гостей Сатаны.

Хрустальные люстры освещали вестибюль. Демон в ливрее взял у меня шаль и сумочку и направил нас по широкому коридору направо. Как и в настоящем Версальском дворце, стены были покрыты золотом, демонстрируя богатство барокко.

– Люциферу нравится та же эпоха, что и Азazelю? – спросила я.

Белет вздрогнул, не ожидая услышать мой голос.

– Нет, – ответил он. – Азazelь – сторонник рококо. Рококо пришло после барокко, хотя некоторые считают его упадком барокко. Два этих течения немного отличаются.

– Почему именно рококо? – продолжала любопытствовать я, довольная тем, что он наконец начал со мной разговаривать.

Очередной демон указал нам дорогу, вежливо склонив голову.

– В те времена он чувствовал себя лучше всего – он притворялся человеком.

– Притворялся человеком?

– Он тебе не рассказывал? – удивился Белет. – Он ведь всем этим хвастается...

– Мне не хвастался...

– Он был Джакомо Казановой. Азazelь правда тебе не рассказывал? Это самое известное его воплощение. Он тогда очень долго притворялся человеком. Естественно, он устроил полный кавардак, это же Азazelь. Люциферу тогда пришлось с ним изрядно повозиться.

Азazelь – Казанова. Да уж.

– Он не похож на Казанову, – сказала я. – Ты больше подходишь.

Белет поморщился, как от боли, и посмотрел на меня:

– Как видишь, неважный из меня Казанова.

Я не прокомментировала этот намек.

В конце концов мы дошли до громадного бального зала. Стены были украшены огромными зеркалами, оптически увеличивающими все помещение, которое и без них было большим. Я не была уверена, что вижу его конец. Или это просто отражение зеркал?

Гостей было довольно много, но, благодаря громадному размеру зала, толкучки не было. Мое платье слегка выделялось из толпы. Большинство женщин надели разноцветные наряды, но каждая выглядела так, будто принадлежала другому времени и эпохе.

– О, Люцифер вон там. – Белет потянул меня в глубь зала. – Мы должны представить тебя ему. Этого требует этикет.

Сатана возвышался над окружающими его фигурами. Он совсем не походил на дьявола. Худое лицо, выражавшее спокойствие и самообладание, обрамляли светлые кудри. Фигура у него была действительно впечатляющая. Широкие плечи обтягивала белая, как снег, рубашка, на которую был накинут свободный сюртук. Кружева на воротнике-жабо и рукавах рубашки придавали наряду изысканность. Черные штаны были заправлены в высокие сапоги для верховой езды.

Мы подошли ближе. Его голубые глаза пристально следили за нами. На губах появилась слегка

усталая улыбка.

– Это новая дьяволица, Виктория, – представил меня Белет. – Виктория, это Люцифер, правитель Нижней Аркадии.

– Зачем так официально? – Сатана тепло мне улыбнулся и коснулся губами моей руки. – Очень приятно с тобой познакомиться.

Я улыбнулась в ответ.

– Мне тоже, – заявила я.

Пара человек с укором посмотрели на меня. Судя по всему, мой ответ правителю был слишком фамильярен.

– Считаю себя одной из самых важных гостей в моем доме этим вечером, – сказал Люцифер.

Затем он сухо кивнул Белету. Видимо, с ним он не собирался любезно здороваться.

– Кажется, ты не сильно ему нравишься, – заметила я, когда мы отошли подальше.

– Мы повздорили некоторое время назад, – ответил он беззаботно.

Мы направились к Клеопатре, без труда отыскав ее в толпе. Наверняка именно о ней говорила старушка, когда заявила, что некоторые пришли на прием голыми. Наша любимая египетская царица была одета в полупрозрачное платье, которое прикрывало только некоторые части тела. Возле нее крутилась стайка мужчин.

Белет схватил два бокала шампанского с подноса проходящего мимо официанта и вручил мне один из них. Я быстро взглянула на демона. К счастью, он ничего не говорил, поэтому он наверняка не наплевал нам в бокалы.

– О, мои дорогие! – зашебетала Клеопатра при виде нас.

Азазель, одетый во все черное, стоял рядом с ней с угрюмым выражением лица. Ему явно не нравилось то, что вокруг Клео вилось столько поклонников и она совсем не обращала на него внимания. Мы встали рядом с ним. Царица потеряла интерес и к нам. Тут к ней подошел невысокий мужчина, уставившись на ее наготу, лишь слегка прикрытую платьем. Он выглядел почти как...

– Это Наполеон? – прошептала я.

– А как же... – подтвердил сердитый Азазель.

Мы соответствовали друг другу – мы все оделись в черное, из-за чего, к сожалению, выделялись из разноцветной толпы.

В одном углу зала на помосте высотой в полметра расположился оркестр.

Сатана громко хлопнул в ладоши, и он начал играть. Танцоры направились в центр зала, а тьюфаки вроде нас встали у стен. Мы отошли к зеркалам, чтобы освободить больше места для танцоров.

Раздался громкий звук аккордеона, но эха не было. Здесь была прекрасная акустика. Я сразу узнала мелодию.

– Потанцуем? – спросил Белет.

– Я не знаю, как танцевать танго.

– Это не проблема, – сообщил он и коснулся пальцем моего лба. – Так что, идем?

Я фыркнула:

– То есть ты коснулся моего лба и теперь я знаю все движения танго?

– Да.

– О... прикольно.

Мы всучили наши бокалы Азазелю и, взявшись за руки, направились в центр.

– Конечно, не стесняйтесь, – пробормотал Азазель, – я могу и тут постоять. В полном одиночестве. Мне это даже нравится. Это так расслабляет.

Не обращая внимания на его ворчание, мы встали друг напротив друга.

– Я не знаю, что делать, – сказала я.

Он положил мою руку себе на плечо, сделал первый шаг. Я понятия не имела, что делаю, но, видимо, мои ноги знали. Мы начали танцевать. Чувственные, кошачьи движения, его ладони, скользящие по моей талии. Я влюбилась в танго.

– Ты замечательно выглядишь, дорогая. – Белет бесстыдно уставился на мое декольте.

– Спасибо, но мои глаза выше, – иронично пробормотала я.

– Я прекрасно об этом знаю, – ответил он, похотливо улыбаясь, – но твой вырез гораздо соблазнительнее.

Я громко рассмеялась. Простота и честность его ответа, как обычно, обезоружили меня.

– Знаешь, откуда танго родом? – спросил он, глядя мне прямо в глаза.

– Понятия не имею, – ответила я. – Южная Америка? Аргентина?

– Да, – улыбнулся он, – но я имел в виду, где именно оно зародилось.

– Не знаю.

– Танго зародилось в публичных домах и на улицах, и танцевали его проститутки, – объяснил он.

Мы выполнили довольно сложное движение.

– Да, идеальное начало бала грешников в Аду, не находишь? – спросила я.

Он рассмеялся.

– Бал грешников, – сказал он тихо. – Я сам чувствую себя величайшим грешником, когда вижу тебя в его объятиях.

– Белет, – устало вздохнула я, – хватит уже, а?

– О нет, красавица моя. Не хватит.

Мне в очередной раз пришлось передвинуть его руку с моей задницы на талию. Все это время его руки скользили по этой части моего тела.

– Ты лапаешь меня.

– Я? – удивился он, коварно улыбаясь, и снова опустил ладони намного ниже моей талии. – Ничего не могу с этим поделать. Меня тянет туда сила гравитации.

Мы закружились. Он закинул мою ногу себе на бедро и придержал ее под коленом, потому что этого требовала следующая танцевальная фигура. Мое платье задралось, обнажив кружевной чулок. Наши лица отделяло всего несколько сантиметров. Он с жаром смотрел мне прямо в глаза.

Музыка внезапно остановилась. Мы застыли в этой позиции.

– Можешь отпустить мое бедро, – заметила я.

– Тебе не кажется, что оно идеально сюда подходит? – как специально спросил он, но отпустил меня.

Следующим был вальс. Танцевали мы медленно. Ни я, ни он не хотели соблюдать правила и держать спину прямо, поэтому мы просто смотрели друг другу в глаза.

– Смотри. – Белет головой указал на пару, танцевавшую рядом с нами. – Это Мэрилин Монро с Монтесумой II.

Рядом с нами действительно танцевала белокурая красавица в розовом платье родом из фильма «Джентльмены предпочитают блондинок» в объятиях невысокого мужчины в набедренной повязке и шкуре ягуара, перекинутой через плечо. Ее партнер с носом с горбинкой был намного ниже ее, но Мэрилин это никак не заботило.

– Кто этот Монте-что-то-там? – поинтересовалась я.

Белет нежно прижал меня к себе в танце. Я машинально напряглась, и он слегка отстранился.

– Монтесума II – это последний правитель ацтеков. Затем прибыли испанцы, и целой цивилизации пришел конец, – объяснил он. – Посмотри на ту стену. Видишь этого бородатого брюнета, который внимательно следит за Монтесумой?

– Которого? – Я не могла найти его.

Здесь было множество бородатых мужчин...

– Вон там, у стены. Рядом с Элвисом Пресли. Это Эрнан Кортес. Угадай, почему они с Монтесумой терпеть друг друга не могут.

Я рассмеялась и огляделась. Знаменитые лидеры, герои, артисты и завоеватели обменивались любезностями или прожигали друг друга взглядом. Люцифер пригласил все адские сливки общества. Убийц и преступников, как я боялась, не было. Хотя, например, Кортес был спорной фигурой.

Звения слегка заржавевшими доспехами, мимо нас прошел какой-то заросший мужчина. Он вел под руку пожилую матрону с двумя подбородками, одетую в тяжелое платье, отороченное собольим мехом.

– Кто это? – спросила я.

– Это царица Екатерина II Великая и король Артур, – объяснил Белет, пользуясь моей невнимательностью, чтобы приблизиться ко мне.

– Король Артур? – удивилась я. – Я думала, это все брехня. Он действительно существовал?

Дьявол косо посмотрел на меня, а затем полным осуждения голосом спросил:

– И что? Может, сейчас ты попытаешься убедить меня, что Беовульфа тоже не существовало?

– А что, существовал? – спросила я, сбита с толку.

– Ну да, посмотри туда. Вон там, у колонны.

Естественно. У колонны потягивал шампанское какой-то мохнатый тип бандитской внешности. Рядом с ним оживленную дискуссию вели Джим Моррисон и Курт Кобейн.

С ума сойти.

Люцифер с довольным лицом кружил среди гостей, останавливаясь с каждым немного поболтать.

– Когда мы отправимся искать информацию об Искре? – спросила я, слегка устав топтаться на одном месте.

– А мне и здесь хорошо, – пробормотал он в мои волосы.

– Я догадалась, – фыркнула я.

Однако, так как мое лицо было на высоте его шеи, то мой осуждающий взгляд и тон не возымели на него никакого действия.

Эдит Пиаф начала петь со сцены одну из своих самых известных песен «Милорд».

– Давай. – Я дернула Белета за рукав. – Пошли.

– Я люблю эту песню, – начал нудеть он, но послушно пошел за мной. – Хорошая музыка, бесплатная еда и алкоголь, а тебе скучно...

– Бесплатный алкоголь и еду можно найти в Аду где угодно, – сказала я.

– Но не в такой компании, – отметил он.

Мы подошли к Азазелю, одиноко стоявшему у большого зеркала. Он продолжал хмуро глядеть на Клеопатру, которая разговаривала с Наполеоном. Недалеко от них я увидела Цезаря и Марка Антония, которые тоже не сводили глаз с болтавшей парочки и шепотом обменивались, видимо, не слишком лестными замечаниями.

– Я выпил ваше шампанское, – сообщил нам Азазель.

Рядом с ним на низком столике стояло еще около дюжины бокалов. На всякий случай демон-официант, ловко снуя между гостями, избегал места, где стоял Азазель.

Белет встал рядом с ним и неуверенно оглядел зал. Из него вело около шести коридоров. Судя по всему, он решал, каким из них нам следует воспользоваться.

– Ты не знаешь, где они, правда? – спросила я разочарованно.

– А чего вы ищете? – поинтересовался Азазель.

При этом он небезопасно накренился в мою сторону. Белет взял его под руку и вернул в вертикальное положение.

– Тайные комнаты Люцифера, в которых будет секретная информация о Божьей Искре, – сообщил ему Белет.

Я ударила его в плечо:

– Ты рехнулся? Зачем ты ему это рассказываешь?! Он настолько пьян, что тут же всем разболтает.

– Дорогая, – Азазель смерил меня укоряющим, слегка мутным взглядом, – можешь быть уверена, что я никому об этом не расскажу. – Он тоскливо посмотрел на Клеопатру. – У меня есть дела поважнее.

– Конечно, – фыркнула я.

– Вам нужен южный коридор. – Он неожиданно трезво указал на коридор прямо напротив нас. – Затем идите прямо около трехсот метров. Потом вам нужно свернуть налево. Запомните, налево, потому что там есть и правый поворот, но это обходной путь до оранжереи. Затем, через пару десятков метров, снова поворачивайте налево. Дойдете до небольшой лестницы и спуститесь на два этажа. Прямо по коридору до больших позолоченных дверей. Это кабинет Люцифера, а точнее, передняя.

Я удивленно смотрела на него.

– Откуда ты это знаешь? – поинтересовалась я.

– Не ты одна хотела узнать что-то, чего никто не хотел тебе рассказать.

– Дьяволица Виктория? – за моей спиной раздался спокойный голос Сатаны. – Мы можем поговорить?

Люцифер обнял меня за плечи и повел между танцевавшими парами. Я глянула через плечо на Белета, но он стоял как вкопанный, с фальшивой, но вежливой улыбкой, приклеенной к лицу. Азазель начал что-то шептать ему, показывая пальцем на Наполеона.

– Ты меня заинтриговала. Расскажи что-нибудь о себе, – попросил Сатана.

– Ох, да на самом деле и рассказывать особо нечего, – ответила я, глядя в его голубые глаза.

Люцифер совсем не походил на короля грешников, которого я представляла в своих мыслях. Он выглядел спокойным, слегка утомленным жизнью мужчиной. Мне всегда казалось, что Сатана должен быть более... ну... кровожадным. Даже Азазель (как он сам повторял снова и снова) больше подходил на эту роль – во всяком случае, он явно сильнее неуравновешен психически.

– Все такое... непривычное, – призналась я.

– Догадываюсь, догадываюсь. – Люцифер по-дружески похлопал меня по плечу. – Как к тебе относятся дьяволы? Никто ни к чему тебя не принуждает? Как ты сама заметила, здесь постоянно играют в разные политические игры. Мне бы не хотелось, чтобы это как-то отразилось на тебе.

– Нет-нет, – быстро возразила я.

В конце концов, разве меня кто-то к чему-то принуждает? Всего-навсего два дьявола пытались использовать меня для уничтожения мира смертных. Нет, вообще ничего не происходит...

– Это хорошо. – Он улыбнулся сам себе и посмотрел на оркестр. – Хотя мне кажется, что ты попала в плохую компанию. Нет, я прекрасно понимаю, что это Азазель рекомендовал тебя на эту должность, а Белет – твой консультант, но я бы хотел, чтобы ты остерегалась их. Не все, что они говорят, может оказаться правдой. Не хочу, чтобы ты навредила самой себе... – Люцифер пристально посмотрел на меня.

Хотя в бальном зале было очень тепло, мне стало холодно.

– Мне не причинишь вред ни ты, ни любой другой дьявол. Ты должна это понять, Виктория, – продолжал он. – Но ты можешь причинить вред себе. Тебе бы этого не хотелось, правда? Жалко было бы такую красивую дьяволицу...

Я отрицательно покачала головой, не в силах произнести ни слова.

– Чувствую, мы пришли к соглашению, – ответил он довольным голосом. – Я провожу тебя к твоим спутникам.

Я перестала сомневаться, почему спокойный как океан Люцифер был Сатаной. У него просто был необычайный дар... убеждения.

Когда мы вернулись к двум моим дьяволам, которых я должна была остерегаться, Сатана склонил голову и поцеловал мою руку.

– Приятного вечера, Виктория, – сказал он, а затем исчез в толпе гостей.

Я до сих пор не могла справиться с легкой дрожью. Я боялась его. Очень боялась.

Неосторожный официант прошел совсем рядом с нами.

– Эй, ты! Противная рожа! – рявкнул на него Азазель. Настроение у него явно поднялось. – Иди сюда.

Демон, скривившись, подошел к нам. Азазель схватил два бокала, Белет тоже.

– Каждому гостю по одному бокалу, – попытался возразить демон.

– Но у меня две руки, – огрызнулся Азазель. – Проваливай.

Затем он выпил содержимое обоих бокалов одним махом. Белет глянул на него и сделал то же самое.

– Отлично, идем! – приободрившись, командовал он.

– Оторвитесь там, – буркнул Азазель, оглядываясь в поисках очередного официанта.

– Ты не пойдешь с нами? – спросила я.

– Дорогая, – снисходительно улыбнулся он. – Я слишком люблю свою задницу и не хочу, чтобы кто-то мне ее отстрелил.

Я побледнела. Белет взял меня под руку.

– Расслабься, никто ни в кого стрелять не будет. Наверное.

Мы пошли в сторону коридора, на который ранее указал нам Азазель.

– Что Люцифер хотел от тебя? – спросил Белет.

– Он убеждал меня... довольно настойчиво... остерегаться вас, – объяснила я. – Не доверять вам.

Он пробормотал что-то в ответ. Мы проходили мимо веселившихся людей и дьяволов. Бельфегор ослепительно улыбнулся нам, болтая с гостем, который немного напоминал мне какого-то президента.

– Я его боюсь, – сказала я.

Белет настороженно огляделся.

– Его? – Он удивленно показал на какого-то разбойника в расшитой национальной рубашке белого цвета, который только что прошел мимо нас. – Нечего бояться. Он похож на головореза, но это просто Яношик.

– Не его, – фыркнула я. – Сатану. Он напугал меня.

– О, дорогая. – Белет обнял меня и прижал к себе. – Не переживай. Это обычный дьявол. Он тут шеф, это правда, но, в общем-то, что он может сделать? Убить тебя он уже не сможет. Слишком поздно, – беззаботно добавил он.

У выхода в слегка затемненный коридор стояла огромная ваза, высотой добрых полтора метра. Из нее торчали две короткие ножки в белых гольфах и ботинках с бантиками. Ноги яростно дергались в воздухе. Из вазы раздавался чей-то панический визг. Двое демонов стояли рядом с огромным сосудом, неуклюже пытаясь вытащить несчастного.

Интересно, зачем парень прыгнул в такую вазу головой вниз? Я обернулась, когда мы прошли мимо нее. Что-то показалось мне знакомым.

– Эй, – я дернула Белета за рукав, – вроде бы Наполеон был в такой обуви?

– Я ничего не знаю, – быстро пробормотал он и ускорился.

Мы миновали демона, который услужливо показал нам дорогу в туалет, не обращая внимания на то, что мы повернули в совершенно другую сторону. Звуки музыки из бальной залы постепенно затихали за нашими спинами. Освещение в коридоре было приглушенным и создавало определенное настроение. Белет взял меня за руку. Нежно массировал мою ладонь большим пальцем.

– Ты никогда не сдаешься? – спросила я.

– Никогда, – ответил он с улыбкой.

Приглушенный свет поблескивал теплым светом на его черных волосах. Золотистые глаза смеялись. Губы были такими соблазнительными, прямо-таки созданными для поцелуев.

Ах, Белет. В этом весь он.

Мы шли по темному коридору. Толстые ковры заглушали наши шаги. В одной из ниш эротично стонала какая-то дама, ей вторило тяжелое мужское дыхание. Смутившись, я быстро отвела взгляд.

– А может, вместо того чтобы искать эту тайную комнату, найдем какое-нибудь уединенное местечко? Только для нас двоих? Где будем только ты и я? – тихим низким голосом предложил дьявол, вдохновившись звуками, которые мы слышали.

Я споткнулась о торчащий ковер.

– Нет-нет, – быстро сказала я и выдернула руку из его хватки. – Мы должны найти информацию об Искре.

– Зачем она так тебе нужна?

– Хочу знать, что я могу делать. Насколько я сильна.

Он обнял меня за плечи, притягивая ближе к себе. Коснулся губами моей шеи.

– Ох, уверяю тебя, ты можешь многое, – шепнул он мне на ухо, прикусывая мочку.

Я резко отскочила от него, из-за чего стукнулась о низкий столик у стены. Декоративная ваза опасно накренилась, будто хотела перевернуться и упасть. Белет схватил ее и пододвинул ближе к стене.

Посмотрел на меня смеющимися глазами:

– Ты всегда спотыкаешься или что-то рушишь, когда разговариваешь с таким невероятно красивым и привлекательным мужчиной?

Я попыталась вспомнить, сколько раз я падала в присутствии Петруши...

– Вовсе нет! – сердито возразила я и в тот же самый момент я споткнулась об очередную толстый ковер. Я бы красиво упала лицом вниз, если бы Белет меня не поймал.

Какого черта они разложили тут эти ковры?! Нельзя нормально в шпильках пройти!

– Понимаю. – Он еле сдерживал смех.

Я не стала это комментировать. Старалась идти, высоко поднимая ноги и внимательно следя за каждым шагом, чтобы ему не пришлось ловить или трогать меня.

Мы шли так, как сказал нам Азазель. На пути никто нам не встретился. Коридоры были пусты. Если недалеко от бальной залы в боковых нишах можно было иногда услышать чье-то хихиканье или... ну... стоны, то теперь нас окружала идеальная тишина.

По небольшой лестнице мы спустились на два этажа. Следующий коридор подозрительно напоминал коридоры в Канцелярии.

– Подземелья Сатаны соединяются с Канцелярией, что ли? – спросила я.

– Да, – ответил Белет, – даже из дома выходить не надо, а ты уже на работе. Очень удобно. Ну... либо лень.

Мы прошли несколько десятков метров по очень узкому коридору. Как же я его ненавидела. От минималистического дизайна Канцелярии меня бросало в дрожь. Уж лучше перегруженная барочная обстановка в резиденции Люцифера.

К тому же рядом был Белет. Совсем близко. Даже слишком... Я чувствовала тепло, исходящее от его тела, запах лосьона после бритья, которым он пользовался, хотя дьяволы не бреются.

Перед нами возникла золотая дверь с номером 6666. Я уже ее видела. За ней будет небольшой секретариат, в котором заседает Бельфегор, а затем двери лифта, ведущего в кабинет Люцифера.

Мы прошли мимо стола, на котором царил беспорядок, и подошли к незаметным серебряным дверцам. Я нажала на кнопку, которая засветилась в темноте красным светом.

Двери лифта открылись перед нами с тихим звоном. Мы зашли в узкую, как гроб, кабину, отделанную зеркалами.

Белет посмотрел на ряд кнопок.

– Понятия не имею, на каком он этаже, – поморщился он. – Азазель об этом не сказал.

Чудеса, да и только, – персональный лифт Сатаны был единственным местом в Аду, где существовала нормальная нумерация. 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й или 6-й этаж? Вот это вопрос.

– Дай я угадаю, – пробормотала я и нажала на кнопку с номером 6.

Не думаю, что Люцифер был настолько коварным и сделал кабинет на другом этаже. Это бы наверняка противоречило какому-то адскому этикету...

Лифт ехал медленно. Вся кабина резко дернулась, тросы закрипели. Я взяла Белета за руку. Он удивленно посмотрел на меня в одном из зеркал.

– Не люблю лифты, – пробормотала я.

Его лицо озарилось улыбкой:

– О, дорогая. Ты такая милая! Даже если бы он упал, мы бы не погибли...

– Знаю, но мое мнение по поводу лифтов это не меняет.

Он слегка сжал мои пальцы, довольный тем, что это я инициировала движение. Я видела эмоции на его лице. Он начал воображать себе неведомо что...

– Если ты думаешь, что в кабинете Люцифера я стащу с тебя костюм, то ты ошибаешься, – сообщила я, и он соорудил разочарованную гримасу, как у побитого пса.

– Может, хотя бы просто штаны? – несмело предложил он.

Я косо посмотрела на него:

– Извращенец...

– Ты первая начала. – Он улыбался во весь рот.

Двери распахнулись с громким скрежетом, когда кабина резко остановилась. Я вышла из этого металлического гроба с настоящим облегчением.

Кабинет Люцифера не был похож на тот из «Адвоката дьявола», где Аль Пачино прекрасно себя чувствовал в окружении бетонных стен. Здесь было много теплых тонов, дерева, плюшевой обивки. В углу стоял солидный горшок, в котором росло небольшое деревце. Яблоня. Рабочее место Сатаны было выдержано в том же стиле, что и остальная часть его резиденции.

Кроме лифта, здесь были красивые двойные дубовые двери. Это наверняка была дорога прямо из дворца, о которой Азazelь либо не знал, либо не захотел нам говорить.

Прямо за письменным столом, заваленным документами, у стены стояла витрина с двумя каменными таблицами. Помимо этого необычного офисного атрибута, не похожего даже на пресс-папье из-за его размеров, на другой стене стоял большой окровавленный крест, происхождение которого я не захотела бы узнать ни за какие сокровища мира. На другой стороне был кусок мачты с маленькой табличкой «Ноев Ковчег».

Ого... частный музей.

По пути к каменным таблицам я внимательно осмотрела остальные витрины. Стоптанные пыльные сандалии с надписью «собственность Иосифа», праща «собственность Давида», пучок волос «собственность Самсона», первое печатное издание Библии, открытое на титульном листе, на котором было написано: «Моему другу Люцеку – Гутенберг».

Вот это знакомства у Сатаны!

Наконец я подошла к каменным таблицам. Это были не Десять заповедей, как я думала сначала. Мелкими буквами, которые выглядели как набор ничего не значащих точек и запятых, на них был записан текст с абзацами. Это не могли быть заповеди. Это должна быть информация об Искре!

Я повернулась к Белету, который уселся на вращающееся кресло Сатаны и примеривался к столу. Еще один дьявол с амбициями...

Он повернулся на стуле ко мне.

– Ну что? – спросил он, развалившись в кресле. – Может, все же подумаем о том, чтобы стащить костюм?

– Успокойся. – Я открыла витрину. – Смотри. Это наверняка оно! Но я не могу это прочитать.

Белет разочарованно вздохнул и придвинулся ко мне и к таблицам вместе со стулом на колесиках, который явно пришелся ему по вкусу.

– Зачем тебе это читать? – удивился он.

– Потому что здесь наверняка что-то написано про Искру!

– Эх, милая, мы же не в каменном веке.

Сказав это, он нажал на какую-то кнопку сбоку от витрины. С легким сопротивлением таблицы отъехали в сторону, и вперед выехал экран компьютера.

– О... – пробормотала я.

Признаюсь честно, я была немного разочарована. Я ожидала каких-то пыльных рукописей, рассыпавшихся в руках табличек, а тут? Раздалась веселая мелодия Windows, извещающая о входе в

систему.

– Даже пароля нет, – презрительно сказал Белет. – Азazelь мало того что поставил бы пароль из шестидесяти шести знаков, так еще и двух демонов-качков перед дверью...

Обои на рабочем столе Сатаны были очаровательны, хоть и отвратительно отфотошоплены. Грубо вырезанная голова светловолосого властелина Ада была приклеена к изображению Анджелины Джоли. Это был кадр из фильма «Мистер и миссис Смит», где главные герои танцевали танго. Лицо Брэда Питта Люцифер заклеил.

На экране было несколько иконок. Я указала на одну из них под названием «Секретные документы».

– Нажми на нее, – приказала я.

– Подожди. – Белет открыл папку с названием «Игры». – О! У него есть «Дьябло»! – восторженно воскликнул он.

Я заглянула ему через плечо. Попыталась вырвать мышку, но он не дал мне этого сделать, оттолкнув меня локтем. «Скипетр власти» временно был в его распоряжении.

– О... у него есть и «Симс»? Зачем она ему? – проворчал Белет. – Девчачья игра...

– Белет... – проворковала я ему на ухо.

Он тут же выпустил мышку. Попался! Я быстро схватила ее.

– А я уж подумал... – буркнул он, когда я кликнула на «Секретные документы».

К счастью, Люцифер любил порядок. Документы были разделены на категории и упорядочены в алфавитном порядке. Я присела на подлокотник кресла. Белет начал нежно массировать мою спину. Я шикнула на него, и он довольствовался тем, что держал руку на моем крестце.

– О, вот она! – воскликнула я, найдя нужный ярлык.

Я кликнула на документ под названием «Божья Искра». Мы начали его читать. В нем говорилось примерно то же самое, что рассказал мне Белет. Кроме того, было упоминание о том, что смертные не отличаются какими-либо особыми способностями до смерти. Способности появляются только после.

Мы дошли до описания силы человека, обладающего Искрой.

Бла-бла-бла... Могу сжигать предметы и вблизи, и на расстоянии, могу брать верх над любой стихией, могу убить ангела или демона, если представлю, что они превращаются в пар и рассеиваются в воздухе... Бла-бла-бла... Могу плавить металл, ускорять рост сельскохозяйственных культур и животных, но не людей, могу в разы увеличить урожайность... Бла-бла-бла... Несколько страниц о том, что я могу делать с растениями, – и почему это так важно? Кому есть дело до сорняков?

Я вытянула палец в сторону яблони, растущей в углу комнаты. Деревце стало вдвое больше. Зеленые яблочки покраснели и упали на пол. За ними посыпались листья, а затем выросли новые. Я усиленно подумала и сосредоточилась. Вместо яблок на деревце в этот раз выросли сочные помидоры.

– О-о-о, – восхищенно воскликнул Белет. – Я так не умею. Ты можешь изменять вещи! Знаешь, что это значит?

– Нет.

На наших глазах один из сочных помидоров оторвался от ветки и с громким шлепком упал на ковер, который в одно мгновение перестал быть бежевым...

– Это значит, что ты можешь менять абсолютно все, – продолжал восторгаться Белет.

Я перестала обращать на него внимание. В конце концов, я просто превратила яблоки в помидоры. Подумаешь, большое дело.

Вернулась к чтению документа о Божьей Искре. Кроме того, я могла дышать под водой, спокойно переносила экстремальные температуры и обладала еще некоторыми способностями, совершенно бесполезными в повседневной жизни.

Глава о том, что я могла делать, закончилась. Теперь речь шла о том, чего я делать не могу. Черт!..

Я быстро проглядела ее. Помимо того что я не могла влиять на чувства и эмоции людей и управлять ими, вещей, которые мне были не под силу, почти не было.

Ни слова о сотворении тела и оживлении мертвых. Проклятье!

Я разочарованно вздохнула.

– Что случилось? – спросил Белет.

– Я думала, что там будет написано, что я смогу создать себе тело и снова стать смертной. Раз я могу создавать, думала, что смогу создать и это... И я снова была бы жива, – пояснила я. Хранить эту тайну больше не было смысла.

– Ох, дорогая. Этого никто не может сделать, кроме Всевышнего. – Он погладил меня по плечу. – Но можно сделать это с помощью...

Оставшуюся часть предложения заглушил громкий треск. В дверях, распахнутых с такой силой, что отвалилась пара частей косяка, стоял разъяренный Сатана. За его спиной пряталась кучка демонов.

– Что вы тут делаете?! – прогремел он.

Белет вскочил со стула и показал на меня пальцем.

– Она собиралась сорвать с меня одежду в каком-нибудь укромном месте, – быстро сказал Белет, а затем нахмурился, будто о чем-то глубоко задумался. – Но у нее немного не вышло...

– Немного не вышло?! – Люцифер подошел ближе. – НЕМНОГО?! И так же случайно ее рука соскользнула с твоей ширинки на кнопку моего тайного компьютера?!

Белет улыбнулся и извиняющимся тоном сказал:

– Да, она такая неуклюжая... У нее порой, – добавил он тише, – в темноте даже проблемы с застешкой от лифчика бывают.

– Хватит! – Сатана выглядел так, будто вот-вот взорвется. – Пойдете со мной!

Мы послушно двинулись за ним. Внезапно Люцифер резко остановился.

– Что случилось с моей яблоней?! Это же был единственный отросток Древа Познания Добра и Зла!

Мы сидели в маленькой камере площадью, может, шесть квадратных метров. Я, Белет и... Азазель. Последний был с жутким похмельем. Он лежал на узкой скамейке, из-за чего нам с Белетом пришлось сидеть вплотную друг к другу. Ну, что же... мне пришлось. Красивый дьявол был в восторге от этой ситуации.

У нас отобрали ключи, чтобы мы не попытались сбежать при любом удобном случае. Я со злостью сорвала очередную розочку со своего платья и швырнула ее в противоположную стену. Уже несколько часов я развлекалась этим чрезвычайно интеллектуальным занятием.

Я посмотрела на лежавшего без сил Азазеля.

– Откуда у тебя похмелье? – спросила я. – Ты же дьявол. У тебя не должно быть похмелья.

– Это не похмелье, вызванное алкоголем, – буркнул он, прикрывая глаза, как примадонна. – Это похмелье моральное и эмоциональное. Клеопатра всю ночь танцевала с Цезарем. Кажется, он снова ей нравится.

– Ну, знаешь... они были женаты.

– Ну и что с того? – проворчал он. – А мы были любовниками. Нас связывала дикая страсть.

Я представила себе это и тут же пожалела.

Взглянула на Белета, который снова косился на мой вырез. Он снял пиджак, расстегнул еще несколько пуговиц на рубашке. Выглядел он чрезвычайно притягательно.

– Я вообще не понимаю, почему меня тут тоже закрыли! – воскликнул Азазель. – Я ведь ничего не сделал! А меня заперли с этими дегенератами, которые вламываются в тайные покои Сатаны. Что я делаю в такой компании?!

Мы с Белетом переглянулись. Азазель смог все это себе внушить. Даже невиновность...

– Ты посадил Наполеона в вазу, – заметил мой красавец дьявол.

– А потом подрался с Цезарем, – добавила я.

– В разгар драки вы упали на оркестр, – пробормотал Белет.

– А бедный Майкл Джексон, пытаясь убежать от вас, выпал из окна, – сказала я.

– И упал в фонтан, – добавил он.

– В котором Люцифер держит декоративных пираний, – рассмеялась я.

– Кроме того, во время суматохи, когда ты бросил Цезаря в стену, то попал в зеркало.

– Которое упало на Эрнесто Гевару и Боба Марли, – уточнила я.

– И они облили царицу Екатерину шампанским.

– А у нее было дорогое платье.

Белет повернулся к Азазелю и сказал:

– Я подозреваю, что привлекли тебя как раз за это платье. В конце концов, понимаешь, оно было оторочено соболем и расшито бриллиантами...

– Конечно, смейтесь надо мной, – проворчал Азазель, садясь на скамье. – А Цезаря почему-то не привлекли.

– Ты же знаешь... Цезарь, в отличие от тебя, Люциферу нравится, – сухо заметила я.

– Сразу видно, насколько в Аду процветает коррупция! Сплошное кумовство, – воскликнул он. – Если бы я был тут Сатаной...

Металлическая дверь отворилась. На пороге стоял Люцифер.

– Но Сатана здесь не ты, – злобно процедил он.

Азазель поднялся и встал напротив него.

– Я требую предъявить нам обвинения. Не знаю, что я вообще тут делаю!

– Обвинения будут предъявлены вам в пятницу на суде, – ответил Люцифер. – До тех пор вам строго запрещено покидать Ад. Впрочем, ключей вы все равно не получите.

– Что? – Я даже поднялась. – Как это? Мы не можем вернуться на Землю? Я должна!

– Я предупреждал тебя, Виктория. Теперь уже слишком поздно, – сказал Люцифер и ушел, оставив дверь открытой.

Азазель потянулся:

– Ну что ж... В таком случае надо повеселиться. У нас есть несколько дней свободы.

– Конечно... радуйся, – буркнул Белет. – Это не тебя осудят за проникновение в покои Люцифера.

– Я знаю. – Лицо Азазеля озарила улыбка. – И это во всем этом самое прекрасное!

Я без слов вышла, оставляя их одних. Камера была там, где я и думала, – в огромных подземельях Люцифера. Демон, ожидавший меня у двери, провел меня по лабиринту белых коридоров. Из резиденции Сатаны я вышла через запасной выход.

Приближался закат. Красный диск был уже совсем низко. Мы сидели взаперти гораздо дольше, чем я думала, – почти целый день. Наверняка Люцифер хотел нас этим сломить.

Уже давно сняв туфли, я шла босиком через площадь, неся их в руках. Платье волочилось по земле с тихим шелестом. Нагретая солнцем мостовая приятно согревала ноги, промерзшие во влажной темной камере.

Я прошла по длинной подъездной дороге и вышла через приоткрытые ворота. Передо мной была широкая набережная, за которой располагался спуск на пляж. Крик чаек и блеск волн притягивали меня.

Даже не оглядываясь по сторонам, я пересекла улицу. Была середина дня, поэтому движение было довольно плотным. Может, адские водители и всадники привыкли к пешеходам с отсутствующим выражением лица, потому что меня никто не переехал.

Впрочем, я все равно не могла умереть дважды. Белет уже успел вбить мне это в голову.

Я села на низкую стену, отделяющую тротуар от пляжа, и погрузила ноги в песок. Песчинки скользили между пальцев. Я вздохнула. Запертая в Аду на целую неделю. Снова не пойду на учебу... хотя, честно говоря, это меня совсем не волновало.

Загоравшие люди медленно собирали свои вещи. Солнце уже начало опускаться в море.

Будет ли кто-нибудь меня искать?

Безусловно, Марек... Мне нужно попробовать дозвониться до него. Правда, здесь нет связи, но Белет что-нибудь придумает.

Хм... Зуза? Нет, она не будет меня искать, она ведь улетела вчера, у нее в семь вечера был самолет в Египет.

Ее сестра нашла какую-то супергорящую путевку. У них обеих иногда появлялись подобные безумные идеи. Они могли собраться и в тот же день улететь на другой конец света. Зуза оформила себе липовый больничный, чтобы не ходить на учебу, и наверняка сейчас катается на верблюде по пустыне.

Несколько дней назад я помогала ей собираться. Зуза выложила все содержимое своего шкафа на кровать и пыталась выбрать, что взять.

– Кинешь это в чемодан? – попросила она, протягивая мне три блузки. – Куда-нибудь. Все равно помнутся. В общем, я хочу взять все, что в путеводителе отметили как необходимое. – Она указала на потрепанную книжечку, на которой стояла кружка с кофе.

Я послушно подошла к огромному чемодану на колесиках, который открытым лежал на полу у двери. Пока что Зуза упаковала в него две бутылки минеральной воды, одну пол-литровую бутылку горькой желудочной водки и пачку прокладок.

Я громко рассмеялась.

– Значит, самое необходимое для женщины в Египте, согласно новейшим путеводителям, это вода,

водка и прокладки?

– Вода – потому что надо много пить. Водка для дезинфекции, там грязная еда. Наш пищеварительный тракт не переносит их бактерий. А прокладки ясно зачем... – прокричала она из другой комнаты.

– Ты, Зуза... возьми меня как-нибудь с собой, – сказала я тогда. – Ваши с сестрой поездки наверняка проходят интересно.

Я вздохнула, глядя на красное солнце. Когда я снова увижу Зузу? Я заперта здесь до самой пятницы. До самой, черт побери, пятницы...

А Петруша? Интересно, он обо мне думает? Мать божья, мы же целовались. Снова. И даже больше, чем просто целовались. Только бы он не придумал какие-нибудь глупости о моей связи с Белетом...

Словно призванный моими мыслями, дьявол сел рядом со мной. Его пиджак куда-то исчез. Рукава рубашки были закатаны до локтей.

– Что делаешь? – спросил он.

– Дышу воздухом. У меня такое чувство, что это единственное, что получается у меня в последнее время...

Его губа кровоточила. Красная капля упала на белоснежный воротник. На моих глазах еще одна потекла назад, возвращаясь к небольшой ранке, которая тут же зажила. Припухлость мгновенно исчезла. От разбитой губы не осталось и следа, кроме одной капли крови на рубашке.

– А ты чем занимался?

– Объяснял Азazelю, что нехорошо смеяться над другими.

– Ага...

Мы сидели молча. Чайки кричали над нашими головами. Недалеко от нас полуголые люди шли к выходу с пляжа.

– Не переживай. – Белет взял меня за руку и переплел наши пальцы. – Посмотри на них. Будь такой же, как они. Радостной, беззаботной...

– Мертвой, – закончила я за него.

Он посмотрел на меня и убрал волосы мне за ухо.

– Да, дорогая. Мертвой... Я не знаю, что решат на суде, – вздохнул он. – Мы должны быть готовыми ко всему. Тебе наконец придется научиться быть мертвой.

Я грустно кивнула:

– Но, Белет... мне хотелось бы попрощаться с ними.

– Мы попытаемся это сделать. – Он обнял меня и поцеловал в лоб. – Попробуем перед процессом. Потом это может быть труднее...

– Тогда, в покоях Люцифера, ты сказал, что вернуть тело можно и другим способом, – напомнила я. – Каким?

Белет поморщился.

– Это довольно простой процесс, но сделать это могут только дьяволы. Не дьяволицы. Кроме того, есть определенные... неприятные побочные эффекты. Ну, и нужно иметь ключ.

У нас не было ключей. Их отобрали. Возможно, навсегда. Жаль, что я не спросила его об этом раньше. Хотя тогда он бы все равно не рассказал мне, потому что боялся бы, что я попросту исчезну.

– Все так быстро закончилось, – пробормотала я. – Так неожиданно.

– Да... Я тоже не думал, что Люцифер ворвется в свои покои. Интересно, как он узнал, что мы там?

– Не знаю, – тяжело вздохнула я.

Я задумалась о том, что теперь будет с нами. А мои отношения с Петрушей только начали

многообещающе развиваться. Черт побери...

– Вы выглядите как кучка горя, – проскрипел какой-то голос рядом с нами.

Мы повернулись к старушке Анне Ковальской, которая как раз поднималась по ступенькам с пляжа.

– Загораете? – удивился Белет.

– Конечно, – с достоинством ответила она.

Этому слегка противоречила ее одежда. На ней был какой-то старинный купальный костюм со штанами до колен и рукавами. И он был розовым... Он ассоциировался у меня с мусульманками, купающимися на общественных пляжах и бассейнах в буркини, то есть сочетании бурки и бикини. Этот костюм закрывает все тело, кроме рук, стоп и лица, и все же каким-то образом в нем можно плавать. Женщина, плавающая в бассейне в брюках, блузке с рукавами и платке на голове, – это действительно необычное зрелище.

Анна Ковальская тоже повязала на голову цветастый платок, но не думаю, что она тайно симпатизирует исламу. Просто для мохерового беретика стояла слишком теплая погода. В руках она держала маленький раскладной шезлонг.

– Кроме того, я раздаю листовки. – Она протянула нам одну.

На листовке в глаза сразу бросалась красная надпись «НЕТ наготе!».

Обожаю эту женщину.

– Ну и безнравственность тут некоторые разводят. Сидят голые на пляже либо в этих ужасных нарядах. Стринги! Тьфу! – крикнула она проходящей мимо блондинке, которая покачивала попой именно в таких трусах.

Девушка смерила ее злобным взглядом и, как ни в чем не бывало, пошла дальше.

– Это ведь даже одеждой назвать нельзя, – продолжала спорить старушка. – Кроме того, кто это вообще выдумал? Один шнурок! Они ведь жмут! И натирают геморрой!

Я посмотрела на блондинку, которая отошла от нас на приличное расстояние.

– Я должна всучить ей листовку. Она не знает, что делает. До свидания, дети, – сказала она и побежала за девушкой.

– Натирает геморрой? – медленно сказал Белет. – Откуда она об этом знает?

– Поверь мне, ты не хочешь этого знать...

Прощания. Ненавижу прощаться. Они похожи на... конец. Никогда не знаешь, увидишь ли ты кого-нибудь, кому прямо сейчас пожимаешь руку и кого целуешь в щеку, кому машешь издали. Может, это последнее прикосновение, последние слова?

Нет ничего хуже прощаний.

Бельфегор помог мне дозвониться до Марека. Единственный телефон в Аду с выходом на Землю находился, конечно же, в Канцелярии.

Я предупредила брата, что на несколько дней уезжаю с друзьями в глушь, где нет связи, поэтому он может меня не искать.

Он очень переживал. Сразу же в красках описал мне убийцу с топором, единственная цель в жизни которого – это отрубить различные части тела глупым двадцатилеткам, которые спят в палатках посреди леса.

Затем ему в голову пришли безумные водители фур, которые насилуют все, что движется, а разговор наш завершился довольно милой, но катастрофической фантазией о нападении животных, зараженных бешенством. По его словам, даже белка может убить человека. Как он сам заявил, это такие зомби из «Обители зла», только поменьше.

Я хотела попрощаться и с Петрушей, только не по телефону. После всего, что между нами было, мне было важно сделать это лично. Увидеть его в последний раз. С тех пор как мы виделись, прошла почти неделя. Запертая в Аду, я даже не могла проверить, звонил ли он мне на мобильный.

Я боялась, что он может подумать, будто у нас с Белетом есть какие-то отношения. Не хотелось, чтобы он решил, что Белет – мой парень. Тогда он внезапно прервал нас и был так зол. Кроме того, я хотела... сама не знаю, чего я хотела.

Но я приняла решение. Я наконец скажу, что чувствую к нему, осмелюсь это сделать. Я еще никогда не говорила о своих чувствах, потому что не хотела быть отвергнутой. Теперь, когда я не знала, что со мной будет и увижу ли я его когда-нибудь снова, я решила, что скажу ему.

Скажу. Наверняка.

Я даже знала, кого попросить о помощи.

– Ну, Клео, – простонала я. – Не поступай так со мной!

Царица с упрямой миной сидела на своем золотом троне и барабанила пальцами по подлокотнику.

– У меня могут быть из-за этого проблемы, – сказала она. – Я не хочу никаких проблем.

– Ради бога, какие проблемы? – крикнула я так громко, что перепуганный сокол запищал на золотой жердочке рядом с Клеопатрой. – Разве тебя поймали? Разве тебя вызвали в суд? Привлекли тебя в качестве свидетеля? Нет...

Она пожала плечами и устремила взгляд в сторону. Знаю, что ее допрашивали. Впрочем, она сама мне об этом рассказала. Полагаю, Сатана вытащил из нее всю важную о нас информацию.

– Пожалуйста, Клео. Ты знаешь, как для меня это важно.

– Знаю. И это самое худшее. Ты не понимаешь, что это глупо? Он ведь даже не испытывает к тебе никаких чувств...

– Но я хочу кое-что ему сказать, – заупрямилась я.

– Глупая ты, – подытожила она.

– Знаю. Так как? Поможешь мне?

– А у меня есть выбор? – Она скривилась и сунула свой ключ в стену. – У тебя есть полчаса. Затем я открою проход в том же месте. Тогда ты должна вернуться, слышишь?

Кивнув, я прошла через дверь. На другой стороне все было совсем не так, как в Аду. Уже сгущались сумерки. Небо было темным, грозовые тучи низко висели над зданиями. На неровном тротуаре образовались огромные лужи, через которые я перескакивала, направляясь в сторону многоэтажки Петрека.

Наконец я стояла перед ней. Гигантский муравейник из большой плиты, с квартирами идеальных

для гномов размеров. Я поднялась по лестнице и встала под козырьком, бросавшим тень на вход в его подъезд. Нажала номер его квартиры на домофоне.

Долгое время никто не отвечал. Я стала беспокоиться. Может, его нет дома? Я снова нажала на кнопку.

– Алло-алло, – отозвался так хорошо знакомый мне голос.

– Привет, это я, Вики. Слушай, ты можешь спуститься на минутку? Я хотела бы поговорить с тобой, а Мацек наверняка в квартире.

– Э-э-э, ну ладно. Подожди немного.

Я села на ступеньках, терпеливо ожидая.

Я скажу ему. Я должна.

Дверь за моей спиной отворилась. Я встала.

– Привет. – Петрек спустился ко мне.

Он не поцеловал меня в щеку и не сделал никакого движения в мою сторону. Трудно... но я все равно ему скажу!

– Слушай, прости, что я вытащила тебя из дома посреди ночи, но я хотела тебе кое-что сказать, а завтра я уезжаю...

– Уезжаешь? – удивился он. – Куда?

– Далеко. – Я неохотно улыбнулась. – Не знаю, когда вернусь...

Не знала, вернусь ли я вообще когда-нибудь...

Он нахмурился и провел рукой по волосам. На нем была красная футболка, которая так мне нравилась и которая так ему шла.

– Что значит, ты не знаешь, когда вернешься? Вики, во что ты вляпалась? Тебе нужна помощь?

Он взял меня под руку и усадил на скамью неподалеку. Она была слегка влажной, но мы не обратили на это ни малейшего внимания. Все это время он не выпускал моей руки. Придвинулся ближе.

– Нет, я ни во что не вляпалась. – Я попыталась широко улыбнуться. – Все в порядке. Но я пришла не по этому поводу. Я должна тебе кое-что сказать.

Он убрал руку.

– Слушаю.

Я не могла смотреть ему в глаза, поэтому уставилась на криво уложенную тротуарную плитку.

– Я... – начала я, но остановилась.

Мне стало стыдно говорить это ему. С другой стороны, почему меня это заботило? Я все равно ходячий труп, вероятнее всего, я никогда его больше не увижу, если только он случайно не попадет в Ад, потому что Белет с Азазелем забудут отправить его на Небеса.

– Ты мне нравишься, – выпалила я и впервые посмотрела ему прямо в глаза. – Уже давно, около года.

Петрек смотрел на меня совершенно изумленно. Даже не моргал. Чему он удивляется? Мы целовались. Я бы не стала целоваться с тем, кто мне не нравится.

Тишина затягивалась. Я в напряжении закусила губу, сжала руки в кулаки. Сейчас он, наверное, скажет, что я для него всегда была лишь подругой, что он никогда даже не думал обо мне как о своей девушке, что ему на меня наплевать.

Однако он не говорил ничего.

Ну, скажи что-нибудь! Пожалуйста! Эта тишина пугала меня еще сильнее.

Я снова уставилась на тротуарную плитку.

- Я тебе уже так давно нравлюсь? - спросил он наконец.

Как это? Он этого не замечал? Этих месяцев, когда я смотрела на него с восторгом в глазах, когда у меня заплетался язык, когда я пыталась найти возможность оказаться с ним рядом? Как этого можно не заметить? Зуза была права... Мужчинам нужно объяснять все, как маленьким детям.

- Да, - тихо ответила я.

- Я не знал, - честно сказал он.

Я ничего не ответила.

- Правда. Я не понимал. Думал, что ты воспринимаешь меня только как друга. Не более. Ты всегда рассказывала мне обо всем, доверяла. Я чувствовал себя твоей подружкой.

Я вспомнила все наши разговоры. Я действительно рассказывала ему обо всем. Он стал мне так близок, что я не видела в этом ничего плохого. К счастью, я старалась не жаловаться на то, что, например, у меня на колготках пошла стрелка или закончились прокладки.

Боже... надеюсь, я не говорила ему о таких вещах! Я ведь могу, когда нервничаю.

- Я действительно считал, что ты стараешься отстраниться от меня, показать мне, что я всего лишь твой друг.

- Что?.. - Я не могла в это поверить.

И что мне надо было сделать? Рассказать ему о своих чувствах год назад?

- Ты был важен для меня, - призналась я. - Вот почему я обо всем тебе рассказывала.

- Я думал, ты меня отталкиваешь. - Он закусил губу. - А потом, когда мы целовались... ну... в первый раз мы оба были пьяны, а во второй просто было такое настроение. Я думал, это получилось случайно.

Случайно? Случайно, черт возьми?!

- К тому же этот твой знакомый, Бартек. Я видел, как он смотрит на тебя. Думал, это твой парень, и не хотел вмешиваться. Кроме того, Вики... ты постоянно куда-то пропадаешь. До тебя нельзя дозвониться. Последний раз я видел, как ты садишься в супердорогое авто какого-то нахала и, не говоря ни слова, исчезаешь на неделю, бормоча что-то о каком-то бале... Что я мог подумать? Я пришел к выводу, что это твой парень.

- Он не мой парень, никогда им не был и не будет, - сказала я. - Просто коллега по работе.

- Вики... по какой работе? Где ты пропадаешь целые недели? Ты не ходишь на занятия, тебя нет дома. Что с тобой происходит? Во что ты ввязалась?..

- Ни во что, Петрек, - отрезала я. - Ни во что. Не об этом я пришла с тобой поговорить. Я хотела тебе сказать, что ты мне нравишься.

Некоторое время он молчал, тоже уставившись на невероятно интригующую плитку тротуара.

- Уже год... Почему ты ничего не сказала? - спросил он.

- Боялась, как ты отреагируешь.

Он кивнул:

- Я действительно тебе нравлюсь?

Мне казалось, что он хотел удостовериться, что на этот раз я не пьяна и знаю, что говорю.

- Да. - Я сжала его ладонь. - Я...

Скажи это.

- Я... - еще раз попыталась я.

Скажи это наконец!

- Кажется, я люблю тебя, - наконец смогла произнести я.

Он сидел молча.

Мне надо бежать, бежать. Весь этот разговор... был ошибкой. Мне надо бежать отсюда!

Я встала, но он схватил меня за руку и не дал мне уйти.

- Подожди, Вики, - попросил он. - Ты тоже мне очень нравишься. Вики!

Но я уже вырвала руку из его хватки и пустилась бежать вниз по улице. Подальше от него, подальше от слов, которые он сейчас скажет, потому что они причинят боль.

Потому что будут последними.

- Вики! - донесся до меня его крик. - Я, кажется, тоже тебя люблю! Стой!

Я перестала сдерживать слезы. Все, абсолютно все я испортила сама. Уже в самом начале. Почему я не подала ему никакого знака, что он мне нравится? Почему ничего не сделала? Почему ничего не сказала?! А теперь было слишком поздно.

Напротив меня на обшарпанной стене возник знакомый мерцающий контур. Я резко остановилась и вляпалась в глубокую лужу.

В потемках я услышала, как кто-то бежит. Это Петрек хотел догнать меня.

Я быстро прошла сквозь двери.

Я сидела между Белетом и Азазелем за металлическим столом посреди огромного зала. Не было видно ни стен, ни потолка – они скрывались в злобешней темноте. По обе стороны от нас стояли длинные скамьи, на которых сидели дьяволы и приглашенные гости.

Я увидела Клеопатру. Ее не будут судить, несмотря на ее явное соучастие в нападении на моего убийцу. Она успешнее всех дьяволов в Аду, вместе взятых: за несколько тысяч лет она не проиграла ни одного торга. Даже в Аду правит экономика. Никто не мог осудить ее даже за самое ужасное преступление.

Рядом с ней сидел Бельфегор. Он крутился, все время беспокойно поглядывая на трон, находившийся перед нами. Трон, на котором восседает Сатана.

Наш судья.

Наш палач.

Я еще раз обвела взглядом весь зал. Собравшиеся в основном смеялись и шутили. Они ждали, что мы хорошенько их развеселим.

Прекрасно... черт бы все это побрал!

Внезапно все повернулись к трону. За ним в темноте появился блестящий контур. Громадные черные врата, кованные в форме людей и животных, отворились. Из них вышел Люцифер.

Он выглядел уставшим. У него были круги под глазами и усталая походка. Я представляла, что он будет одет, по крайней мере, в королевские одежды, но он меня удивил. Он был в темных штанах, заправленных в высокие сапоги, и в черной рубашке.

На нем не было ни короны, ни скипетра, ни каких-либо других признаков абсолютной власти над Адом.

Люцифер сел на трон и тяжело вздохнул. Он был очень уставшим.

– Мы собрались здесь... – начал Сатана.

– ...чтобы сочетать эту пару священными узами брака, – пробормотала я себе под нос.

Белет захихикал и подмигнул мне.

Хм... бывают ли в Аду браки?

– ...потому что эта троица нарушила законы Нижней Аркадии, – закончил Люцифер.

Его голос разнесся громким эхом по залу без стен и потолка.

Азазель вскочил со своего места.

– Я сильно извиняюсь, – крикнул он, – но что я такого сделал? Всего лишь побил Наполеона. Так ему, кретину, и надо! Ну, и Цезаря... но ему тоже так и надо. Совершенно не понимаю, что я тут делаю!

Люцифер потер лоб.

– Кто-нибудь, успокойте его... – сказал он устало.

Словно из-под земли за Азазелем вырос какой-то демон. Он схватил его за плечи и силой усадил на место.

– Нет уж, простите! – продолжал кричать дьявол. – Это нарушение моих прав и... и!..

Демон сильнее стиснул его плечи, лишь бы только Азазель заткнулся.

– И здоровья! – пискнул он, но наконец умолк.

Люцифер вздохнул еще раз. Очередной демон в этот раз встал перед ним и достал из кармана лист бумаги.

– Обвинения! – загремел он, плюясь слюной на добрых два метра. – Дьяволица Виктория...

Я встала.

– Вам вменяется в вину: поджог двадцати семи деревьев на Поле Мокотовском в Варшаве, Польша. Причинение вреда мужчине, то есть лишение его голоса на определенный срок и лишение его ячеек на срок неопределенный, в Варшаве, Польша. Доведение до психических расстройств двух городских стражников в Варшаве, Польша. Незаконное проникновение в Канцелярию в кабинет номер 6 в Лос-Дьяблосе, в Аду.

О... а об этом откуда они знают?

– Незаконное проникновение в кабинет Люцифера в Лос-Дьяблосе, в Аду, – продолжал дальше демон. – Взлом личного компьютера Люцифера в Лос-Дьяблосе, в Аду. Взлом секретных файлов в личном компьютере Люцифера в Лос-Дьяблосе, в Аду. Чтение секретных документов в секретных файлах в личном компьютере Люцифера в Лос-Дьяблосе, в Аду.

Сейчас меня, наверное, обвинят в том, что я переставила ему запятые в этом документе...

– Хочет ли обвиняемая что-нибудь добавить? – спросил демон.

– Нет, но я хотела бы кое-что спросить, – робко ответила я.

Белет грозно посмотрел на меня. Меня совершенно не заботила его физиономия, на которой было написано: «Молчи! Иначе сделаешь нам только хуже!»

– Я хотела узнать об этих городских стражниках, – сказала я. – Что с ними случилось?

– После того как они увидели, что ты стреляешь огнем из руки, им потребовалось психиатрическое лечение, – ответил Люцифер. – Сейчас они оба заперты в психиатрической больнице в Творках.

– Ох... я не знала... И правда, работа городского стражника очень нервная и напряженная. Им пойдет на пользу небольшой отдых. Говорят, в Творках довольно неплохо...

По залу пробежали приглушенные смешки. Люцифер прищурился.

Белет дернул меня за плечо и силой усадил на стул рядом с собой.

Черт побери. Меня обвинили во многих преступлениях, у меня не было ни шанса на помилование, никаких смягчающих обстоятельств. Я прекрасно осознавала, что делаю, и была в полном здравии.

– Дьявол Белет, – прогремел демон и начал перечислять проступки моего друга.

Они были примерно такими же, как мои, за исключением того, что перед каждым обвинением добавлялось: «оплошность в попечительстве над дьяволицей Викторией, которая привела к тому, что...».

Попечительство? Простите, но об этом не было ни слова. Он с самого начала твердил мне, что он всего лишь консультант?

Белета не обвинили в незаконном проникновении в Канцелярию. Я поморщилась. А почему меня тогда обвинили в этом? Мы все туда проникли. Почему виновата только я?

– Хочет ли обвиняемый что-нибудь добавить? – спросил демон.

Белет покачал головой и сел рядом.

– Дьявол Азазель, – прогремел демон.

– Ну, наконец-то! – крикнул вызванный и встал. – Теперь мы выясним, что это за фарс!

– Вам вменяется в вину: мошенничество, в результате которого кандидаткой в дьяволицы была заявлена особа, обладающая Божьей Искрой...

По залу пробежал громкий ропот, который затих, как только Люцифер поднял руку.

Я огляделась. Все с опаской смотрели на меня. Ну конечно, бойтесь меня! Если я разозлюсь, то у вас цветы в горшках быстрее вырастут...

– Твою мать... – буркнул Азазель. – Пять тысяч...

– Незаконное проникновение в Канцелярию в Лос-Дьяблосе, в Аду, – продолжал демон, разворачивая длинный список.

– Стойте, стойте, стойте! – прервал его Азазель, глянув на удивленного Белета.

В конце концов, его в этом не обвинили, а нашего коварного дьяволенка – да.

– Как это проникновение в Канцелярию?! – продолжал кричать он. – Я ничего об этом не знаю!

– На выключателе был отпечаток твоего пальца. – Люцифер довольно улыбнулся.

– Ох, твою же мать... семь тысяч, – пробормотал Азазель, потирая лоб.

Я нахмурилась, не понимая, о чем идет речь.

Действительно – ведь оба дьявола тогда старательно следили за тем, чтобы ничего не касаться. Зато я, как последняя дура, облапала все плоские поверхности, включая стены.

Да, вспомнила! Азазель перед самым выходом начал ругаться, что демон не погасил свет, и нажал на выключатель. На самом деле это я включила свет. Я довольно посмотрела на Азазеля. Наконец и ему досталось. И это благодаря мне! Я ощутила гордость.

– Устройство беспорядков на балу у Сатаны по случаю годовщины вступления на адский престол, – продолжал демон.

Он по очереди перечислил весь ущерб имуществу. Пираньи в фонтане снова меня развеселили. Жаль, что он не держал там аллигаторов...

– Создание незаконной организации под названием «Свободу Роковым Ядрам».

– Стойте, стойте! Я протестую! – снова перебил его Азазель. – Это не моя организация. Это тайная секта Люцифера.

Несколько человек в зале задержали дыхание.

– Это не моя секта, – рявкнул Сатана.

– Да? – зубоскалил Азазель. – Докажи это! Все ее члены чтят твоё имя. В кабинете 646, в Отделе организации и консалтинга малого бизнеса, лежит заявление на регистрацию такой фирмы, на котором стоит твоё имя и твоя личная подпись.

– Да, – Люцифер широко улыбнулся, – это возможно. Однако на буром бланке, поданном в кабинете 466, в Отделе одобрения малого бизнеса, уже есть подпись, подделанная тобой. Какая-то дурная мазня, которая должна была сойти за мою изящную подпись. Шесть наших лучших графологов подтвердят, что это не мой почерк. К тому же на всех документах есть твои отпечатки пальцев.

Азазель открыл рот, но тут же закрыл его. Но я услышала, как он тихо бормочет под нос:

– Ох, твою мать... пятнадцать тысяч.

– Ты в курсе, что создание сект строго запрещено. – Люцифер сидел прямо с веселой улыбкой на красивом лице. Он был очень доволен тем, что поймал непослушного дьявола на крючок. – Зачем тебе это вообще было нужно? Думал, что подорвешь весь мир?

Подорвет весь мир? О чем речь? Я вдруг соединила все факты воедино: «более глубокий смысл», «самая ярая секта находится в Северной Корее».

– А! – воскликнула я. – Так речь шла об атомных ядрах? Ядерной энергии? А я думала, ты обычный извращенец!

В зале наступила тишина. Белет спрятал лицо в ладонях. Его крепкие плечи затряслись от смеха.

– Ох... только я об этом не знала? – проблеяла я и съехала ниже на стуле, пытаясь спрятаться от их осуждающих взглядов.

Люцифер снова посмотрел на Азазеля, теряя ко мне интерес.

– Чего ты хотел добиться? – зарычал он. – Попросту уничтожить мир?

– Да, – ответил Азазель и извинительно улыбнулся публике. – Но я делал только то, чего хотели сами люди.

– Что? – спросил сбитый с толку Сатана.

Все, включая меня и Белета, уставились на него в полном изумлении. Что на этот раз взбрело ему в голову?

– Сколько раз люди хотели, чтобы мир исчез, чтобы черт его побрал? Ну, сколько? – спросил он, улыбаясь.

Я задумалась. Что-то в этом было. Я сама сегодня употребила фразу «черт бы его побрал», наверное, раз шесть.

– Я всего лишь пытаюсь воплотить в жизнь человеческие мечты. – Он скромно пожал плечами.

Люцифер сидел неподвижно, не зная, как отреагировать на эту провокацию. Наконец он заговорил, тщательно взвешивая каждое слово:

– Конечно, ангелам и дьяволам поручено помогать людям, но не таким образом. Не забывай об этом, Азазель. Кроме того, все мы прекрасно знаем, как ты ненавидишь людей. Ты уже давно желаешь их уничтожить. – Он послал ему осуждающий взгляд. – Но откуда взялась мысль использовать ради этого дьяволицу?

Азазель повернулся ко мне, будто только что заметил, что я сижу рядом с ним.

– Использовать? – театрально удивился он, а затем обратился ко мне: – Солнце, разве я когда-либо уговаривал тебя что-либо сделать? Или лгал тебе? Разве я сказал тебе «иди и кастрируй убийцу» или «вломись в покои Сатаны»? Нет. Я только сказал, что поступил бы так, будь я на твоём месте. Это ты принимала решение.

Я слушала его, задумавшись. Азазель внимательно следил за каждым своим словом. Он был прав – он ни разу мне не солгал. Я всегда слышала от него правду. Может, не всю... но правду. К тому же он действительно ни к чему меня не принуждал. Он был потрясен, когда я рассказывала ему о своих поступках, и осуждал мое поведение.

Азазель был очень умен.

Помимо меня так считали и некоторые зрители. Они кивали, восхищаясь находчивостью дьявола.

– Я никогда ни к чему тебя не принуждал, – продолжал он и повторил еще раз: – Я лишь говорил, что я бы сам сделал. С таким же успехом я мог сказать тебе, что... что... – задумался он, – что на твоём месте я переспал бы с Белетом!

Белет чуть не испепелил его взглядом.

– Чего я делать не собираюсь, потому что он не в моем вкусе, – быстро добавил Азазель.

– Надеюсь, что не собираешься... – рявкнул Белет с отвращением.

– Как по мне, то у тебя слишком маленькие сиськи, – прямо заявил ему Азазель.

Хихиканье в зале переросло в громкий смех. Коварный дьявол именно этого и добивался. Теперь публика была на его стороне, очарованная его остроумием и обаянием.

– Тихо! – прогремел разъяренный Люцифер.

Азазель театрально скривился перед собравшимися.

– Ты знаешь, что ты наделал? – прорычал Несущий Свет. – Что могло случиться?

Дьявол не выглядел раскаявшимся. Он вызывающе смотрел в глаза своему правителю.

– Да, – нагло ответил Азазель. – Я чуть не уничтожил человечество, потому что одна девушка открыла свои силы. Тоже мне... Ничего не случилось. Сгорело несколько деревьев. Я просто хотел немного повеселиться.

Люцифер взревел:

– Ты уже второй раз попытался привести человечество к гибели! Я уже не говорю о твоей жалкой секте!

– Как это к гибели? Какой гибели? – воскликнул наконец слегка напуганный Азазель. – В этот раз я ведь не сделал ничего плохого.

– Может, в этот раз тебе и не удалось заморозить все Северное полушарие, но ты и так натворил достаточно дел! – процедил Люцифер. – Еще и эти сверху на меня давят. Ты знаешь, что Гавриил до сих пор ненавидит тебя за вымирание мамонтов?! В конце концов, это он их придумал!

Азазель опустил взгляд в пол.

– Волосатые слоны. Тоже мне! Такая же умная мысль, как и у Ариэля, придумавшего вирусы. «Такие маленькие, безобидные, кому они могут навредить?» – он начал подражать ангелу,

известному своим довольно высоким голосом. – Кроме того, это не я уничтожил мамонтов. Это сделали люди.

– НО ВО ВРЕМЯ ТВОЕГО ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА! – Люцифер выглядел так, будто вот-вот взорвется.

Ах, вот почему Азазеля понизили в должности на десять тысяч лет. В конце концов, примерно столько же времени прошло с последнего ледникового периода. Я с восхищением посмотрела на него. У меня бы не получилось сотворить глобальное оледенение. Ба! Я бы даже не додумалась сделать что-то подобное!

– Теперь я снова должен отстранить тебя на десять тысяч лет! – прогремел Люцифер.

– Десять? – радостно воскликнул Азазель. – А я думал, что заработал не меньше пятнадцати!

Он театрально вздохнул, похлопав себя по груди.

– А если снова что-нибудь выдумаешь, то в следующий раз закрою тебя на срок вдвое больше! – крикнул Сатана.

Азазель сгорбился.

– Я больше ничего уже не придумую... Ариэль придумал даже чрезвычайно очаровательную эболу, которую только что кто-то украл из лаборатории, занимающейся биологическим оружием.

Люцифер замер.

– Где?! Мы должны остановить его!

Глаза Азазеля заблестели. Дьявол лукаво улыбнулся.

– А если я скажу где, ты сократишь мне срок на тысячу лет?

– Ни за что, – буркнул Сатана, – я уже хочу, чтобы мир перестал существовать.

Азазель автоматически поправил свой костюм. Словно адвокат, он оглядел лица собравшихся, а затем вышел из-за стола.

– Я все еще думаю, что это одно большое недоразумение, – сказал он, бурно жестикулируя. – Я же ничего не сделал. Да, я проник в Канцелярию и подделал несколько документов, чтобы образовать секту и дать этой прекрасной даме возможность карьерного роста. – Он указал на меня. – Но это всего лишь мелкие проступки. Нет никаких серьезных последствий, проистекающих, кстати, из-за твоей небрежности, Люцифер. Это ты одобрил принятие Виктории на эту должность и предоставление ей силы. Каждый следующий ее шаг, сознательный или бессознательный, – твоя вина. На самом деле, это ты несешь за нее ответственность. Это ты недосмотрел. В конце концов, как наш правитель ты должен присматривать за нами.

Мне даже хотелось заплодировать. Именно в Аду изобрели многие вещи – налоги, налоговую службу, загорать топлес, – но я не осознавала, что здесь зародилась и адвокатура.

Сатана весь покраснел.

– Да! – заорал он. – Это я недосмотрел, потому что ты подделал документы! Что привело к серьезной ошибке. Она обладает ИСКРОЙ! А мы вдобавок дали ей СИЛУ. Ты понимаешь, что случилось? Она сильнее всех нас.

Азазель пожал плечами, будто ему было все равно. Зал роптал все громче. Я видела полные ненависти взгляды, направленные в мою сторону. Белет взял меня за руку.

– Все будет хорошо, – прошептал он.

– Этого не должно было случиться. Нам очень повезло, что эта дьяволица не сделала ничего плохого, – продолжал Сатана. – Мы должны постараться, чтобы эта ситуация стала для нас уроком. Никогда больше ни один человек с Божьей Искрой не получит силу и не станет гражданином Ада или Рая. Я прошу добровольно вызвавшихся дьяволов явиться ко мне завтра. Мы должны немедленно начать истребление других смертных, обладающих этим даром. – Он устремил на нас свой взгляд: – Вся ваша троица осуждена. Азазель наказан на десять тысяч лет, Белет – на пять. После этого времени вы получите свои ключи.

Азазелю хотелось громко возразить, но Люцифер не дал ему сказать ни слова.

– Послезавтра мы заберем у Виктории силу. Поскольку ты уже стала гражданкой Ада, я запрещаю

тебе использовать Искру. Навсегда. Отныне ты – обычный человек...

Мы втроем вышли из зала, провожаемые неприязненными взглядами зрителей. Азазель отважно боролся за их симпатии, но не смог победить Люцифера. Один только Белет был доволен. Его походка была упругой и полной сил. Дьявол был счастлив.

Мы не разговаривали. Молча шли по длинным, невыразительным коридорам в сторону выхода из Канцелярии.

Когда мы остановились на освещенной горячим солнцем площади Лос-Дьяблоса, Азазель не выдержал. Он яростно пнул камень и начал громко ругаться. Прохожие с тревогой оглядывались на него.

– Снова! Снова он меня сделал! – воскликнул наконец Азазель и завыл в небо.

Мы терпеливо стояли рядом.

– Тебе стало легче? – спросила я, когда он умолк.

– Да, – ответил он.

Мы вместе направились в сторону пляжа. Точнее, направились я, а они последовали за мной. Мы уселись на стену лицом к морю.

– Не понимаю, чего вы так расстроились. – Белет, сидевший между нами, обнял нас за плечи. – Азазель, в прошлый раз, когда тебя понизили в должности на десять тысяч лет, первые пять тебе пришлось отсидеть в тюрьме. Сейчас же Люцифер не приказал запереть тебя в камере.

Я глянула на него. Пять тысяч лет в четырех стенах, без окон и возможности выйти? Неудивительно, что теперь он был таким... своеобразным.

– Виктория, – продолжал Белет, – ты тоже держи выше нос. Тебя он тоже не закроет. Конечно, он отнимет у тебя силу и запретит пользоваться Искрой, но что это меняет? Ты останешься полноправной гражданкой Ада.

– Но я не смогу путешествовать на Землю, – отметила я. – Уже никогда... Лучше пять тысяч лет тюрьмы.

Я задумалась. Мне вовсе не хотелось торчать в Аду тысячелетиями, я хотела иметь возможность возвращаться на Землю к Петреку. А теперь? Я больше никогда не смогу этого сделать! Наверное, поэтому Белету было так весело...

– Больше никогда их не увижу. – Я расплакалась.

Я говорила «их», но главным образом имела в виду его. Он сказал, что любит меня. Ну ладно... сказал, что «кажется, любит меня», но я сказала то же самое. Мы признались друг другу в любви.

А я больше не увижу его вплоть до его смерти. Если он попадет в Ад. Я не могу ждать его смерти, это так... неуместно. Кроме того, до этого времени он может полюбить кого-то другого.

Азазель тоже был разочарован. Он повернулся к Белету и сказал:

– Я тоже недоволен таким исходом. Что с того, что я не буду сидеть в тюрьме? Я ничего еще не успел сделать. У меня был грандиозный, великолепный план, чтобы свергнуть Люцифера, а он остановил меня на полпути.

– Все пошло не так, – сказала я сквозь слезы.

Даже злости на него из-за того, что он хотел меня использовать, у меня больше не было. В конце концов, это я из-за своей глупости и доверчивости так легко впутывалась во все, что придумывал Азазель.

– А я был так близок. – Коварный дьявол скривился. – Тогда, в Канцелярии, когда мы вломились туда, чтобы подменить документы, Виктория чуть не вышла из себя. Я почти довел ее до точки кипения.

Я удивленно посмотрела на него:

– Ты знал, что я была там с вами?

– Конечно. Я видел тебя все это время. Виктория, у меня всегда все запланировано. Помнишь, как мы пошли на встречу с моими последователями? Тогда ты загадала желание – ВСЕГДА быть для

меня видимой. Это было так ловко и умно. Даже для меня.

Это действительно был тот момент, когда мне хотелось злоупотребить Искрой. Белет со свистом выдохнул.

– То есть тогда ты манипулировал нами обоими, не так ли? Документы уже были составлены должным образом. Ты обманул меня, сказав, будто там есть что-то, что может настроить Вики против нас, а я попался на это... Ты просто хотел, чтобы она увидела, как мы подделываем ее биографию.

– Конечно, все так. Я с самого начала вами манипулировал, – согласился с ним Азазель. – Все было для того, чтобы подтолкнуть Викторию к совершению чего-то грандиозного и громкого.

– Боже... ты ненормальный, – вздохнула я.

– Попрошу! В лучшем случае немного эксцентричный. Слушайте, я просто хотел спихнуть Люцифера с его табуретки. Признаю, я использовал вас, но подумайте сами. Стали бы вы помогать мне, если бы я рассказал о своих планах? Вики, устроила бы ты беспорядки? Нет. Белет, стал бы ты подстрекать Викторию совершить какое-нибудь безумство, попытался бы убить ее любовника? Тоже нет.

– Он мне не любовник! – вставила я.

– Потому что ты недотепа, – констатировал Азазель.

Я уже собиралась возмутиться, но он, не дав мне сказать ни слова, вернулся к прежней теме:

– Как видите, я вел себя отвратительно и непростительно. Но я сделал это только потому... что никто меня не любит... Никто не считает меня настоящим другом, ради которого можно, не задумываясь, рискнуть своей головой. Даже ты, Белет. Я люблю тебя как брата, знаю, что ты меня тоже, но на самом деле я тебе не нравлюсь. Никому я не нравлюсь...

Мы молча смотрели на него. Это слезливое раскаяние было подозрительным. Азазель прекрасно заученным жестом потер сухие глаза.

– А если серьезно, то во что ты хочешь нас впутать на этот раз? – спросил Белет.

Азазель на мгновение задумался. В конце концов он широко улыбнулся, сбросив маску обиженного судьбой страдальца.

– В революцию.

Да уж... этого и следовало от него ожидать.

– Сатана хочет незаконно убивать людей. Мы не можем этого допустить, – продолжал дьявол. – Это противоречит всем нашим ценностям.

Белет критически уставился на него:

– Да, особенно твоим ценностям. Как там? Человек – это прах и пыль?

Азазель обиженно посмотрел на него:

– Но я же забочусь о людях!

– Конечно... – фыркнула я. – Скажи правду, чего ты хочешь?

Он вздохнул, изображая усталость, и посмотрел на нас как на полных идиотов.

– Что ж вам так нейдет... я не хотел этого говорить вам ради вашего же блага. Теперь вы станете соучастниками. Если мы помешаем Люциферу незаконно убивать людей, то поднимется шумиха. То, что творится в Аду, те сверху не видят. – Он указал пальцем на небо. – Но то, что произойдет на Земле, они наверняка заметят. Об этом не говорят вслух, но Люцифер подчиняется их власти. Когда они увидят, что он вытворяет, они наверняка сместят его с должности. А кто лучше всего подходит на его место? Кто настолько красив, умен, красноречив, образован и полон идей, которые могут полностью изменить Ад?

Мы не стали отвечать. Вопрос был чисто риторическим.

– Так что? Поможете? – Он посмотрел на нас выжидающе. – На Земле, кроме тебя, Вики, порядка десяти людей, обладающих Искрой. Десять невинных людей, которых он хочет убить.

Я закусила губу. Над нашими головами жалобно закричала чайка. Тихо шумели волны, солнце рисовало на коже коричневый загар.

– Сатана хочет их убить? – переспросила я.

– Дорогая, не убить. Уничтожить, – уточнил Азазель.

Я взглянула на Белета, чтобы убедиться, что Азазель не лжет. Белет кивнул в знак того, что согласен с ним.

– Не понимаю, – тихо сказала я.

– Послушай, – Белет взял меня за руку. – Люцифер хочет попросту уничтожить их как излишне опасных. На Земле у них нет никакой силы, но когда они умрут, то попадут в Рай или Ад, где они уже будут обладать мощью Искры. Он хочет, чтобы они не попали ни в тот, ни в другой загробный мир. Чтобы они перестали существовать.

– Как убийцы, о которых ты мне когда-то рассказывал?

– Да, – подтвердил Белет.

– Но он не может так сделать! – выкрикнула я.

– Именно что может. Если человека убивает ангел или дьявол, то он просто перестает существовать, не попадает ни в одну Аркадию – ни в ту, что наверху, ни в ту, что внизу.

– Это не имеет смысла, – возразила я. – Ты сам говорил мне, как легко убить человека. Достаточно представить, как зажимается один сосудик в его мозгу. Мы не сможем защитить этих людей.

Азазель громко рассмеялся и спрыгнул со стенки.

– Дорогая, если бы так убивали, то все души попадали бы в загробный мир. Чтобы уничтожить раз и навсегда, нужно провести особый ритуал – убить смертного пламенным мечом. Ударить прямо в сердце. Безжалостно.

– Пламенным мечом? – благоговейно повторила я.

У меня возникли ассоциации с иконами, на которых ангелы стоят с пламенными мечами, а у их ног корчатся грешники.

– Да, вот такая ерунда. – Азазель разыграл короткую пантомиму, вонзая меч в воображаемого противника. – Тонкая сабля, окропленная святой водой и благословленная Сатаной. Честно говоря, хватило бы даже зубочистки, но они настаивают на том, что мечи – это традиция. А я говорил им перейти на пистолеты и освещать пули, но нет! Конечно, если это придумал Азазель, то это плохо! Насколько же Ад отсталый... Эх, если бы я был Сатаной...

– В общем, хорошо, что они тебя не послушали, – сухо заметил Белет. – Легче остановить меч, чем развернуть пулю...

Азазель встал перед нами и развел руками:

– Ну, так что? Поможете, друзья?

Мы посмотрели друг на друга. Я колебалась. Не хотелось злить Сатану еще больше. Хотя, с другой стороны, что еще он мог мне сделать? Он и так забрал у меня абсолютно все.

Белет широко улыбнулся. Для него это была возможность хорошо повеселиться. Ему хотелось побегать по Земле с мечом в руке. Он наклонился вперед. Я видела по его лицу, что ему все больше нравилась идея вставить Люциферу палки в колеса.

Он уже принял решение, а я не могла решиться.

Азазель сердито цокнул языком, глядя на меня.

– Я знал, что так и будет. – Он тяжело вздохнул. – Виктория... я не хотел тебе этого говорить, но вижу, что у меня нет выбора. Твой Петр обладает Искрой...

Я рассмеялась.

– Конечно, а сурок сидит, потому что серебро было украдено, – процитировала я известную переделку старой рекламы шоколада Milka.

Оба с недоумением посмотрели на меня.

– Есть такая поговорка, – сказала я.

Они продолжали смотреть на меня; в их глазах была абсолютная пустота.

– Эх... это значит, что я тебе не верю.

– Ага... но я не шучу. Я не вру только для того, чтобы убедить тебя. Когда я искал в Польше человека, обладающего Искрой, я нашел двух таких людей. Тебя и его.

– Конечно, – фыркнула я. – Совершенно случайно человеку, который дорог мне больше всего на свете, грозит опасность, а Сатана хочет сделать из него шашлык?

Азазель пожал плечами.

– Таков этот жестокий мир, – заявил он.

Я посмотрела на Белета.

– Я понятия не имею, говорит ли он правду, – признался он.

– Ох, ты же сама можешь проверить, что в этот раз я не вру, – воскликнул Азазель. – Просто попросим какого-нибудь дьявола показать нам список лиц, находящихся в розыске. Наверняка его раздали всем.

Белет нахмурился и будто ушел в себя. Его желание помочь смертным чрезвычайно быстро улетучилось, зато меня охватил боевой дух. Конечно, если Азазель не врал, я собиралась сначала это проверить.

Азазель хлопнул себя ладонью по лбу, глядя на Белета. Он понял, что теперь, убедив меня, потерял всякий интерес дьявола.

– Брат, не поступай так со мной, – простонал он. – Может, нам не удастся спасти ее любовника.

– Он мне не любовник, – успела вмешаться я. – Перестань так его называть!

– Даже не знаю, – неохотно сказал Белет.

Азазель наклонился к нему:

– Подумай... как этот Петр отреагирует на войну дьяволов? Кроме того, – он повернулся ко мне, – может, у нас не получится его спасти. Надо это учитывать.

Но я уже намеревалась спасти его любой ценой. Азазель прекрасно об этом знал.

– Ну, брат, подумай, как весело будет. Мы сможем быть на Земле самими собой. Снова после стольких миллионов лет. Стихии будут подчиняться нам. Из уважения люди будут становиться на колени при виде нас.

– Скорее от страха... – мрачно пробормотала я, но они не обратили на меня внимания.

– А как мы попадем на Землю? – хмуро спросил Белет. – Ни у кого из нас нет ключа.

Азазель улыбнулся, довольный тем, что Белет перешел на его сторону. Ему удалось убедить его, нарисовав картину того, как они будут резвиться на Земле, никак не отвечая за свои поступки.

– Нас проводит Бельфегор. – Азазель театральным жестом откинул волосы со лба. – Я ему нравлюсь.

Мы с Белетом переглянулись, но воздержались от комментариев.

– Так что? – спросил он и протянул руку. – Революция?

Белет положил свою руку на его и сказал:

– Революция.

Они выжидающе посмотрели на меня. Я повернулась к возвышающейся над городом резиденции Сатаны. Она больше не казалась мне радостной и нежной. Горгульи, которых я раньше не замечала, отбрасывали на площадь мрачные тени. Их искривленные морды насмехались над всем миром.

Хочешь убить Петрушу, мерзавец?

Я положила свою руку на их:

- Революция!

Я выглянула из-за занавески. День клонился к вечеру, но темные дождевые тучи успешно заслоняли солнечный свет. Скоро начнет смеркаться. Для столь раннего времени было довольно темно. Прямо под окном проскрежетал трамвай. Люди сновали по улицам, возвращались домой после работы, шли в магазин за продуктами.

Прошло уже две недели с тех пор, как мы сбежали из Ада. Весть об этом разошлась повсюду. Это был беспрецедентный случай – кто-то осмелился удрать из Нижней Аркадии. Жаль, что я не видела лица спокойного Люцифера, когда ему сообщили эту радостную весть.

Белет сидел на диване и играл в «Дьябло», периодически покрикивая на свою грудастую героиню на экране ноутбука.

Азазеля не было. Он делал обход. Его параноя не знала границ. Каждый час он проверял все десять постов по всему миру. Когда он спал? Понятия не имею...

Мы не могли находиться в стольких местах сразу, поэтому мы расставили караульных – старых знакомых Азазеля, как он сам их называл. Мне не верилось, что это были его знакомые. Наверняка он втянул их в это, требуя отплатить за давно забытую услугу, которую он им оказал.

Мы могли спокойно передвигаться по всему миру благодаря дьявольскому ключу. Украденному, ясное дело, – так сообщили адские газеты две недели назад.

Я не была уверена, действительно ли он был украден. Его прежним владельцем был Бельфегор...

– Умри, зараза! – Из задумчивости меня вырвал возбужденный крик Белета, которому вторил яростный стук по клавиатуре.

Дитя, ей-богу...

Наш объект в квартире многоэтажки на другой стороне улицы только что зажег свет на кухне. Я внимательно следила за каждым его движением. Как и все люди с Искрой, он должен был находиться под постоянным наблюдением. От нас зависела его жизнь.

Я видела его фигуру. Он открыл холодильник и некоторое время стоял неподвижно, оглядывая пустоту. В конце концов он, видимо, пришел к определенным выводам, потому что вытащил из кармана телефон и набрал какой-то номер.

Он заказывал пиццу.

Погасил свет и пошел в свою комнату. Старая люстра съемной квартиры отбрасывала теплый свет на голубые стены. Объект сел на кровать и, вздыхая, потянулся за толстым томом. Лег и положил книгу себе на живот.

Он учился. Вот это новость!

Я потянулась за биноклем. Страницы прижатой рукой книги не переворачивались, а грудь вздымалась при глубоком, спокойном вдохе и выдохе. Глаза Петруши были закрыты. Он спал...

А это совсем не новость...

Внезапно стена за моей спиной засверкала. Наше временное убежище было типичной квартирой в коммунистическом панельном муравейнике. Потолок был довольно низким, поэтому высокие врата тут не поместились бы. Однако ключ Бельфегора подходил к маленькой белой двери с занавеской, прикрывающей стекло, так что проблем не было.

Азазель вошел в квартиру, неся на руках несколько длинных чехлов, усыпанных драгоценными камнями, и какие-то листочки.

– Я заскочил в Ад, – объявил он нам, бросая на диван свою ношу.

– Ты с ума сошел? – привычно спросил Белет.

– Нет... – весело ответил Азазель. – Я хотел проверить, как обстоят дела.

Я подошла к ним. Этот разговор повторялся изо дня в день, но до сих пор дьявол никогда с собой ничего не приносил.

– Что это? – спросила я.

– Это те сабли и мечи, которыми приспешники Сатаны хотят убивать людей с Искрой. Я стащил

несколько. – Он оскалился. – Им придется делать новые.

Он достал ножны и вытащил из них длинную, слегка изогнутую саблю.

– Я не знал, какие вы захотите, поэтому взял разные, – объявил он и бросил мне одну.

Я неуклюже ее поймала. Оружие оказалось тяжелее, чем я думала. Оно выскользнуло у меня из рук и с громким звоном ударилось лезвием о пол. В полсантиметре от большого пальца моей ноги.

Белет поднял саблю, пока я любовалась выжженной продолговатой и довольно глубокой зазубриной на полу. Даже кроссовки бы меня не спасли.

– Осторожно, – рявкнул Белет на Азазеля и объяснил мне, вынимая из очередных ножен еще одну саблю: – Ты должна быть осторожна: раны, нанесенные таким оружием, плохо заживают. Даже если тебя просто поцарапают, не рассчитывай на быструю регенерацию.

– Значит, если хлестану этой саблей дьявола, то сделаю ему больно? – убедилась я.

Он кивнул, слегка морщась от слов, которые я подобрала.

– Могу ли я так его убить? – Я подняла саблю, теперь учитывая ее вес.

Белет колебался, прежде чем ответить:

– Убить дьявола ты можешь только с помощью своей Искры.

– Поняла.

Я отошла от них и замахнулась саблей. Издав громкий свист, она описала дугу в воздухе. Горящую дугу. Когда я замерла, пламя, льющееся по лезвию, исчезло, но в воздухе еще чувствовался запах раскаленного металла.

Легонько я коснулась пальцами лезвия. Оно было холодным.

Удивительно.

Белет с Азазелем оглядывали оружие, которое украл последний, а я снова взмахнула клинком.

– Ау! – крикнула я.

– Что случилось?! – Белет в одно мгновение оказался рядом со мной.

Я показала ему большой палец.

– Сломала ноготь, – пожаловалась я.

Белет соорудил такую мину, будто хотел меня убить.

– Я думал, ты отрезала себе какую-то важную часть тела, – проворчал он. – Не поднимай ложную тревогу...

– Ложную тревогу? – возмутилась я и спросила с чувством собственного достоинства: – Ты знаешь, как болит сломанный ноготь?

К счастью, на моих глазах ноготь тут же стал прежним.

– Пусть каждый из вас выберет себе оружие, – сказал Азазель, взяв в руки такую же саблю, как у меня.

Моя мне очень понравилась. Она была слегка изогнута, а рукоять ее напоминала птичью голову. Я присмотрелась. Похоже на орла.

– Я знал, что тебе понравится, – сказал Азазель. – Это карабела. Польское оружие, хотя родом из Турции. Его носила ваша шляхта. К тому же сабля достаточно легкая. Ты должна с ней справиться.

Легкая? Это что, шутка...

– Я предпочитаю французскую офицерскую. – Он похвалился мне своей саблей.

Ее рукоять прикрывала пальцы. Я подумала о своих ногтях. Это было бы кстати... Но нет! Мне уже понравилась моя карабела с орлом и драгоценными камнями.

На мгновение я даже почувствовала себя патриоткой.

– А я возьму катану. – Белет сделал несколько умелых ударов и замахов.

– Катану? – заинтересовалась я.

В этот момент Азазель надел на меня пояс, к которому прицепил ножны с карабелой. Оружие было настолько тяжелым, что, несмотря на пояс, который был довольно плотно закреплен на моем бедре, джинсы стали небезопасно съезжать вниз.

– Да, это японский меч. – Белет показал мне свое оружие.

По сравнению с моей саблей оно выглядело достаточно... скудно. Ни драгоценных камней, ни позолоты...

– Оно такое обычное, – сказала я.

– Вовсе нет, – возмутился он. – Смотри, как красиво украшен эфес.

Он показал пальцем на что-то выпуклое на деревянной рукояти, перевязанной шелковой нитью. Я кивнула, мол, красиво, чтобы он отвязался.

Белет еще раз замахнулся катаной, приняв фехтовальную позицию. Я попыталась представить его самураем. К сожалению, воображение меня подвело. Перед глазами стоял только сексуальный Аладдин в шароварах, с загадочными шрамами на лопатках.

Я уже давно хотела спросить его об этих шрамах, но не было подходящего случая. Если не считать того дня, когда я кричала на него за попытку убить Петрека, я больше никогда не видела его без рубашки.

– К тому же смотрите. – Азазель протянул нам листовки.

«НЕТ диктатуре! Сатана хочет кинуть ВАС в тюрьму! Он отбирает у ВАС ВАШИ права!» Было еще несколько подобных заголовков и подробное описание беззакония, которое проявил Люцифер, наказывая нас за свои собственные ошибки. Вот что называется пропагандой.

Хм... внешний вид этих листовок что-то мне напоминал.

– Мы напечатали таких несколько десятков тысяч, – похвастался Азазель.

– Мы? – спросил Белет.

– Мне помогает одна любезная старушка. У нее есть своя тайная типография, – пояснил он. – Она вас знает. Так переживала, когда услышала, что нас осудили и мы сбежали. Она хочет нам помочь в этом благом деле.

Анна Ковальская вновь появилась на сцене. Я усмехнулась себе под нос. Наконец-то она занимается чем-то интересным. В конце концов, сколько времени можно кудахтать про безнравственность стрингов?

Я засунула свою карабелу в ножны, тоже богато украшенные. Взглянула на Азазеля, который пристегивал саблю к своему поясу. Надеюсь, нам не придется носить оружие все время, потому что мы будем ужасно выделяться из толпы...

– Почему дьяволы еще не начали убивать? – спросила я. – Прошло уже две недели.

Азазель радостно оскалил зубы.

– Малышка, есть несколько веских причин. Во-первых, ты. Ты можешь убить дьявола. Неизвестно, где ты укрываешься, какую цель преследуешь. Будучи вечным, никто не хочет умирать.

Я поморщилась. Я не хотела никого убивать. Ну вот, пожалуйста... дьяволы меня боятся! Ха! И кто тут главный?

– Во-вторых, всегда есть опасность, что те сверху заметят, как такой дьявол кого-то убивает. Тогда сразу начнется расследование. Это еще одна опасность, правда, незначительная. Они, к сожалению, редко смотрят на Землю. Кроме того, я слегка обчистил их оружейную.

– Вот именно. Теперь у них нет оружия, – улыбнулась я.

– Я бы на это не рассчитывал. – Белет поморщился. – В подземельях Люцифера наверняка лежат тысячи мечей...

Я восхищенно посмотрела на Азазеля. Может, он был ненормальным и аморальным, но сердце у

него было львиное. Я бы не осмелилась вломиться в подвалы Сатаны. Только не после суда и после того, как весь Ад был поставлен на ноги из-за нашего бегства.

- Что делает объект номер один? - спросил Азазель.

- До этого он спал. - Я подошла к окну.

Свет в квартире Петруши был потушен. Я нигде не видела его фигуры. Быстро открыла окно и выглянула на улицу. Его нет!

- Он исчез! - крикнула я.

- Ты потеряла его?! - прогремел Азазель.

- Нет, - слабо возразила я. - Он сам потерялся...

– Ты потеряла объект номер один?! – не мог поверить Азазель. – Вы вдвоем при нем сидите и не уследили за ним? Что за халтура... Мне начинает казаться, что я работаю с людьми, а не дьяволами.

Я не стала слушать его немного обидные оскорбления и выбежала из квартиры в чем была. Перепрыгивала через две ступеньки, чтобы быстрее оказаться на улице. Две недели он никуда не выходил без охраны. У меня было плохое предчувствие. Почему я не уследила за ним?! Слышала, как Белет пытается меня догнать.

Я выбежала на улицу. Ножнами сабли я ударила по ногам какую-то пожилую женщину, которая стала громко на меня ругаться. Ее покупки рассыпались по тротуару. Я случайно наступила на пару клубничек. Красные пятна на земле были похожи на кровь.

Плохой знак. Я уставилась на раздавленную клубнику, не в силах сдвинуться с места. Я не суеверная, не обращаю внимания на черных кошек, лестницы и пауков, но сейчас я чувствовала, что опасность близка.

– Простите! – крикнула я, оглядываясь по сторонам.

Может, мне просто показалось. Это наверняка все из-за нервов. Глупая паранойя! Ему ничто не угрожало. Ему ничто не могло угрожать. Мне не хотелось, чтобы из-за меня кто-то погиб!

– Вот молодежь пошла! Никакого уважения к старшим! – охала старушка.

В этот момент из здания выбежал Белет и со всего размаху врезался в нее. Столкновение с таким мощным мужчиной наверняка выбило весь воздух из ее легких, потому что она умолкла. Дьявол, к счастью, успел ее поймать, прежде чем она упала.

Мне показалось, что где-то вдали я увидела красную футболку. Бросилась в ту сторону, пытаюсь ни с кем не столкнуться. Как назло, всем им нужно было сейчас выйти на улицу, несмотря на непогоду. Погулять в смоге им захотелось!

То и дело я со всей силы с кем-нибудь сталкивалась. Я не смотрела под ноги, впившись взглядом в красное пятно.

Кажется, я увидела Петрека. Он шел в ближайший паб. Я пробежала на красный свет. Какая-то машина, визжа шинами, остановилась, а водитель на меня наорал.

– Подожди, Вики! – крикнул позади меня Белет, но я не стала ждать.

Я упрямо бежала вперед, пытаюсь его догнать. Он не мог оставаться без охраны ни на минуту.

Люди с интересом оглядывались на меня. В конце концов, не каждый день можно увидеть девушку с саблей, девушку, которая мчится, будто за ней гонится сам дьявол. Что, в общем-то, мало отличалось от правды.

Неудобный пояс слегка съехал. Я придержала его рукой.

Я увидела Петрушу перед собой и резко остановилась, словно передо мной возникла невидимая стена. Он был не один.

Рядом с ним шла Моника...

Я уже успела позабыть о ней. Когда-то она ему нравилась. Правда это или нет, я не имела понятия – большинство слухов невозможно проверить. Этот мне не хотелось проверять ради собственного спокойствия. Порой о некоторых вещах лучше не знать.

Они шли рядом и громко смеялись. Моника то и дело хватала его за плечо и бурно жестикулировала. Петрек кивал, будто поддакивал ей. Следуя за ними, я прекрасно слышала ее звонкий смех. Она кокетливо откинула волосы назад и посмотрела ему прямо в глаза.

Она клеилась к нему!

Значит, он звонил не в пиццерию. Он звонил ей...

Я уже была в каких-то пяти метрах от них. Стала идти медленнее, в их темпе. Не сводя глаз с их фигур, я размышляла, что делать. Мне так хотелось подать ему какой-то знак, что я жива.

Белет куда-то пропал, но сейчас это было только на руку. Он бы наверняка начал говорить, что в этом-то и дело. Петрек жив, значит, находится среди живых, а я мертва и... для меня нет места

рядом с ним. Кроме того, он накричал бы на меня, что я совершенно не скрываюсь и держу маленькое расстояние. Я не должна ему показываться.

Я обняла себя руками. Становилось холодно, а на мне была одна футболка.

Я взглянула на широкую спину Петрека. Я поступала неправильно, идя по улице и показываясь людям, но я получала от этого своеобразное удовольствие. Наконец-то я была видимой. Впервые за две недели! Я могла смотреть на людей и знать, что они тоже меня видят, ненадолго запоминают. Больше я не была одним лишь колебанием воздуха.

Какой-то идущий навстречу мужчина, разговаривавший по телефону, хлопнул меня по плечу, ударившись о мой меч.

– Смотри, куда идешь! – рявкнул он на меня.

Петруша обернулся. Наши глаза встретились. О нет!

– Вики! – крикнул он удивленно.

– Хочу стать невидимой, – прошептала я.

Петрек, удивившись, остановился на полпути. Он стал оглядываться по сторонам, пытаясь понять, куда я так внезапно пропала.

Азазель заставил меня поклясться, что я не покажусь ему. Если бы Петруша увидел меня, мне пришлось бы и дальше притворяться живой, ведь я не могла рассказать ему правду о себе. А если бы я снова делала вид, что жива, то очень скоро наши адские преследователи появились бы в Варшаве. Азазель убедил меня, что у них тоже есть свои шпионы, которые следят за нашим объектом номер один.

Скорее всего, я и так уже выдала себя, когда бежала через всю улицу, прекрасно видимая для всех. Однако обещание, данное Азазелю, касалось только Петрека, поэтому мне пришлось стать невидимой. Я была связана клятвой.

– Что случилось? – спросила Моника, прервавшая свою длинную речь на полпути.

– Вики? – еще раз крикнул Петруша и сказал своей спутнице: – Кажется, я ее видел.

Я стояла как вкопанная, не в силах пошевелить даже пальцем. Петрек побежал в мою сторону. Он остановился в метре от меня и беспомощно озираясь, пытаясь высмотреть меня в толпе. Его черные глаза скользили по лицам окружающих.

– Вики! – закричал он снова.

На его лице отразились все возможные чувства: удивление, облегчение и, наконец, печаль, когда он не увидел меня. Разочарованный, он опустил голову ниже, но продолжал оглядывать толпу.

В метре от меня. Так близко. Я отчетливо видела каждую щетинку на его щеках и подбородке и темные круги под глазами.

Прежде чем осознать, что я делаю, я протянула руку к его лицу и сделала шаг вперед. Мне так хотелось его коснуться. Его лица... его руки...

Не успела.

Его плечо сжала рука с ухоженными ногтями с французским маникюром.

– Петрек, здесь никого нет, – сухо сказала Моника. – Пойдем уже.

– Да-да, – пробормотал он, но снова посмотрел перед собой.

Словно смотрел прямо на меня.

Краем глаза справа от себя я увидела, как что-то блеснуло.

Блеск пламени!

– СТАТЬ ВИДИМОЙ! – взревела я и со всей силы оттолкнула Петрека назад.

Мы жестко приземлились на тротуар. Прямо за моей спиной с громким свистом о землю ударился пламенный меч. Это была не легкая сабля, как у меня, а обоюдоострый огромный меч, похожий на реквизит из дешевого фильма о короле Артуре.

Сноп искр рассыпался по моей одежде, прожигая в ней маленькие дырки.

– Дьяволица Виктория! – испуганно вскрикнул дьявол и на метр отскочил назад.

Он тоже не видел меня, пока я не сняла заклинание. У меня было небольшое преимущество, потому что он не ожидал, что я буду там. Очевидно, он не следил за ним от самой квартиры.

Я вскочила на ноги, упершись ладонями в грудь Петрека, в то же время сильнее прижимая его к тротуару, чтобы он даже не думал подниматься. Но он и не собирался вставать. Полулежа, он озадаченно сверлил меня взглядом, не говоря ни слова.

В общем-то, меня это не удивляло. Я появилась из ниоткуда, повалила его на землю, а потом какой-то накачанный придурок стал махать пламенным мечом, не заботясь о правилах безопасности...

– Да, кретин! – крикнула я дьяволу. – Это я! Виктория!

Я дернула саблю, но она не хотела вылезать из ножен. Я дернула еще раз.

Черт... чтобы такая деталь испортила грандиозный номер, в котором я отрубаю голову этому верзиле на глазах у нескольких десятков людей.

Я продолжала дергать рукоять карabelы, пытаюсь вытащить ее из ножен. Черт бы побрал!..

– Пошел отсюда либо я... либо я тебя!.. – осеклась я, не зная, что сказать.

Лицо неизвестного мне дьявола скривилось. Он скорчил гримасу, которая была, видимо, неудачной пародией на улыбку. Я прекрасно видела десны над его зубами.

Влажные коричневые волосы прилипли к его потному лбу. Между ними сверкало что-то серебристое. Диадема? На нем был черный, расстегнутый плащ, совершенно неподходящий для весенней погоды. Под плащом были только штаны. На нем даже обуви не было. Голые грязные ноги стояли на замызганном тротуаре, где валялись стекло и сигаретные бычки.

Храбро...

На людной улице вдруг стало удивительно пусто. Люди стали убегать с криками. Ничто так не разряжает атмосферу, как психопат с оружием!

Наконец карabela выскользнула из ножен. Я схватилась за рукоять двумя руками.

– Ага! – торжествующе воскликнула я.

Безумец с мечом посмотрел на меня с сожалением.

– И что ты мне сделаешь? Пырнешь меня этой сабелькой? – съехидничал он.

– Не-е-е-ет. Я превращу тебя в пыль. – Я улыбнулась, а потом театрально прошептала ему: – А сабля для большего эффекта.

Дьявол, увидев выражение моего лица, видимо, понял, что не стоит рассчитывать на поблажки, поэтому он попытался, опуская меч. Испуганным, однако, он тоже больше не выглядел. Лишь слегка улыбался, не сводя с меня глаз. Он хотел, чтобы я почувствовала, что не я здесь хищник.

– Я Паймон, – сообщил он мне. – Я вернусь и уничтожу тебя. Другьям передай от меня привет.

Он слегка склонил голову, а затем быстро развернулся и побежал в глубь улицы, исчезая между расступавшимися перед ним людьми.

В этот момент рядом со мной возник запыхавшийся Белет. Его катана пылала, когда он лихорадочно озирался по сторонам.

– Что случилось? – воскликнул он, но я не обратила на него внимания.

Я смотрела на Петрушу, который сидел на тротуаре с беспомощным выражением лица. Я неискренне улыбнулась ему и оперлась на свою саблю, как на трость.

– Привет, – сказала я беззаботным тоном. – Как дела?

Петруша открыл рот, но тут же закрыл его. Он не сводил с меня чрезвычайно удивленного взгляда.

Белет нагнулся и осмотрел зазубрину на тротуаре. Провел по ней пальцем. Она была глубокой и почерневшей.

- Попытка покушения! Он пытался его убить! - Белет посмотрел на Петрека. - Он что-нибудь с ним сделал? Парень, ты в порядке? Он тебя задел?

Мой любимый в конце концов раскрыл рот и выдавил:

- Твою же мать!..

Петрек сидел на узкой кровати в нашей обшарпанной квартире и подозрительно смотрел на нас. Его взгляд беспокойно скользил по саблям, с которыми мы не расставались ни на минуту.

Я села рядом с ним. Думала, что смогу его этим подбодрить, но он только недоверчиво посмотрел на меня.

Это причиняло боль.

Азазель кружил по маленькой комнате, как лев в клетке. Черная коса мерно билась о его шею, когда он резко останавливался, чтобы развернуться. Он был в ярости, потому что не хотел показываться Петреку. К тому же он все это время надеялся, что конфронтация произойдет еще нескоро.

– Такое разоблачение! – повторял он себе под нос. – Как вы могли раскрыть себя объекту номер один?

– Кто такой объект номер один? – шепотом спросил меня Петруша.

Прежде чем я успела ответить, заговорил Белет, который стоял в нескольких метрах от нас, небрежно прислонившись к стене.

– Это ты, тупица...

Я грозно посмотрела на него, но он не обратил на меня ни малейшего внимания. Он буравил Петрека своими золотистыми глазами, будто хотел просверлить его насквозь. Лицо его выражало отвращение и глубокое презрение.

– Вот это разоблачение, – продолжал бормотать Азазель. – Даже на минуту нельзя оставить вас одних...

Мы с Белетом не стали говорить, что он мог нас проконтролировать, но ему не захотелось бежать вслед за нами. Он предпочел рассестись на диване и играть в брошенную Белетом «Дьябло».

– И что нам теперь делать? – спросила я.

– Подожди, – выпалил Петрек. – Кто такие «мы»? Кто вы вообще? Что происходит? Вики, ты в порядке? Почему ты исчезла на две недели?

– Вот почему я не люблю людей, – обратился Азазель к Белету. – Они слишком много болтают.

Я взяла Петрека за руку.

– Послушай, все так сложно, – начала я. – Мы не совсем те, за кого ты нас принимаешь...

– Во что ты ввязалась?.. – тяжело вздохнул он.

– Во что-то серьезное, – ответила я.

Петрек глянул на двух мужчин напротив нас, а потом на расстояние, отделявшее нас от двери.

– Подожди-подожди, – быстро сказала я, зная, о чем он думает. – Сперва нам надо поговорить, чтобы ты понял, что здесь происходит.

– Но потом мы уйдем, – заявил он, подозрительно глядя на дьяволов. – И вы не станете нам мешать.

Я поняла, что горжусь им. Он хотел меня спасти! Немного неуклюже, учитывая его довольно скромные возможности по сравнению с адскими силами, но в счет шли сами намерения!

– Ты ему объясни. – Белет мрачно мне улыбнулся. – Может, тебе он поверит.

Поверит ли? А кто бы в такое поверил? К счастью, Петрек видел все своими глазами – пламенный меч и ненормального парня со странным именем. У меня тоже под рукой всегда были два дьявола и собственные уловки благодаря силе и Божьей Искре.

– Видишь ли, Петрек, – я поморщилась, – я мертва. И уже довольно давно. Меня убил какой-то мужчина возле «Стодолы». Затем я попала в Ад, где стала дьяволицей. А теперь Люцифер хочет тебя убить, потому что я разозлила его и вдобавок сбежала из Ада, несмотря на то что меня осудили навечно.

Петрек сначала удивился, а потом на его лице появилась спокойная улыбка. Он похлопал меня по

руке, а затем встал, увлекая меня за собой.

– Понимаю, – ответил он мне с той же спокойной улыбкой, а затем сказал дьяволам: – Не знаю, чем вы ее накачали, но не волнуйтесь. Мы не станем вызывать полицию. Просто уйдем отсюда, а вы забудете, что Вики вообще существует, о'кей?

Азазель тяжело вздохнул.

– Вот почему конспирация была так важна... – сказал он сам себе.

– Ты совсем не умеешь рассказывать, – сообщил мне Белет.

Я вырвала руку из рук Петруши и, разозлившись, сделала шаг к дьяволу. Конечно! А Белет наверняка бы объяснил все это лучше.

Азазель вытянул руку в сторону двери. Она с громким треском захлопнулась. Петрек слегка подскочил, но тут же успокоился, когда объяснил себе это простым сквозняком. То, что окна были закрыты, а воздух в комнате никак не колебался, он предпочел не заметить...

– Слушай, болван, я тебе все объясню, – рявкнул Белет.

Петрек демонстративно смерил его взглядом. Дьявол был одет в идеально сидящую на нем черную рубашку и джинсы, плотно обтягивающие его задницу. Идеально уложенные волосы лежали так, как он придумал этим утром. Ирокез даже не шелохнулся во время недавнего пробега по варшавским улицам. Черные густые ресницы красиво обрамляли глаза, которые выглядели так, будто были подведены черным карандашом.

– Нет, спасибо, – заявил Петруша. – У меня нет желания выслушивать объяснения голубого. Я еще раз послушаю Вики.

Я тихо рассмеялась. Белет наткнулся на достойного противника – и хорошо.

– Расскажи еще раз, в чем дело, – попросил меня Петр.

Я потянула его на диван, пытаюсь заставить его сесть. На этот раз я рассказывала медленно, не опуская деталей, шаг за шагом, что произошло с тех пор, как меня пырнули ножом.

Он мне не верил, я видела это по его глазам.

Когда я закончила свой рассказ, сказав ему, что сегодня на него напал дьявол, посланный из Ада Люцифером только для того, чтобы избавиться от него, Петрек поджал губы. Я видела по его лицу, что он не верит ни одному моему слову. Он крепко держал меня за руку и был полон решимости уйти отсюда вместе со мной, нравится мне это или нет.

Я заметила, что он в кровь ободрал локоть, которым ударился о тротуар, когда мы упали. Это была обычная царапина, которая уже давно перестала кровоточить, но она оставалась заметной.

– Петруша. – Я поняла, что впервые назвала его этим ласковым прозвищем, хотя в моих мыслях он уже давно стал Петрушей. – Если бы я была человеком, смогла бы я это сделать?

Я провела пальцами по коже, на которой тут же образовалась темная корочка. Через секунду царапина исчезла. Кожа была невредимой. Не осталось никаких следов, даже малюсенького шрама.

Петруша пораженно разглядывал свой локоть.

– Как?..

– Я больше не человек, – слезы потекли по моим щекам, – я умерла.

Он коснулся моей щеки, вытирая слезы.

– Но ты существуешь, – пробормотал он. – Я касаюсь тебя. Не понимаю.

Я видела его беспомощный взгляд. Он не мог отрицать того, что видел, но в то же время защищался изо всех сил, лишь бы не верить мне. Все это казалось ему фантастическим, сверхъестественным.

Я пожала плечами:

– Я умерла. Теперь я дьяволица. Мы ничего не можем с этим сделать. Сейчас главное – спасти тебе жизнь.

Петрек глянул на дьяволов.

- Это они тебя убили? - убедился он.

- Да.

- Тогда почему ты общаешься с ними?

Этот вопрос немного сбил меня с толку. По сути, Петрек был в чем-то прав. Я неуверенно посмотрела на своих спутников. Белет нахмурился. Ему явно не понравился вопрос Петрека.

- Они хотят помочь мне спасти тебя, - пояснила я. - К тому же я их... уже простила.

Белет улыбнулся, слегка удивившись моим словам. Я посмотрела ему прямо в глаза. Не могла на них злиться: они попросту были такими. Любые попытки очеловечить их были похожи на попытки сделать из льва вегетарианца. Вещь совершенно невыполнимая.

Я не могла злиться на них за то, что они были созданы такими. Это не их вина. Кроме того, порой они могли совершать добрые поступки.

- Парень, можешь считать, что мы пытаемся таким образом погасить свой долг, - кажется, вполне искренне сказал Азазель.

Петрек кивнул, словно давал нам знак, что принимает такой ответ.

- Но ты не можешь рисковать собой ради меня, - сказал он мне. - Если ты умерла, то ты должна быть в Раю или где-то там.

Белет восхищенно присвистнул. Я хотела возразить, но дьявол перебил меня:

- Впервые я согласен с этим неандертальцем. Мы не должны его защищать.

- Отвали, Воланд, я не с тобой разговариваю, - рявкнул Петрек.

Белет прищурился. Я чуть не рассмеялась вслух из-за подавляемой им ярости.

- В том-то и проблема, что я не в Раю, - сказала я. - К тому же, будучи дьяволицей, я получила работу, с которой, впрочем, меня теперь хотят уволить и отобрать у меня силу Искры. Силу, которая есть и у тебя, поэтому Люцифер хочет тебя убить.

Петрек глухо рассмеялся, усталым жестом потер лицо и взъерошил волосы.

- Не могу поверить, что мы разговариваем на такие темы... - Он вздохнул. - Дьяволы, адские силы, Сатана. Я даже не особо верующий!

- Это как раз не имеет значения... - пробормотала я. - В Ад попадают люди, которые продолжают поклоняться Святовиту или богам с головами животных. У нас там... свобода вероисповедания.

Азазель наконец пошевелился. До сих пор он стоял, совершенно не двигаясь. Мне показалось, что он даже не дышал и не моргал. Он сотворил для себя стул и сел на него.

Петрек заморгал, словно полагая, что стул сейчас исчезнет, а дьявол приземлится на задницу.

- Так кто пытался его убить? - спросил Азазель. - Мне очень любопытно, кто наконец отважился взяться за эту работу. Вообще-то, честно говоря, я надеялся, им потребуется немного больше времени, чтобы найти психически уравновешенных кандидатов.

- Он сказал, что его зовут Паймон, и велел передать вам привет, - ответила я.

Азазель шумно втянул воздух, а Белет тихо выругался.

- Беру назад свои слова про психически уравновешенных... - мрачно пробормотал Азазель.

- Вижу, вы знакомы и в прекрасных отношениях, - хмыкнула я, наблюдая за их реакцией. Оба выглядели так, будто они съежились и стали меньше.

Азазель только поморщился в ответ, а Белет сказал:

- Хуже быть уже не может, - заявил он. - Паймон неуравновешен, и очень сильно... Кроме того, там, где Паймон...

- Там и Агарес, - закончил Азазель.

- Расскажите о них больше, - потребовала я.

Белет сотворил себе кресло и устало присел в него. Казалось, что-то вдруг высосало из него все жизненные силы. Если бы он был человеком, я бы сказала, что он постарел на несколько лет. Однако он не человек и никогда им не был.

– Паймон когда-то был моим предводителем, – сказал Белет. – Когда мы еще были ангелами, он командовал Властью, к которой я принадлежал. Тот еще сукин сын, если хочешь знать мое мнение.

– Не называй его так, не забывай, кто нас создал, – отругал его Азазель.

– Да-да, прошу прощения, – раздраженно сказал Белет. – Просто когда я о нем думаю, не могу удержаться. Как он выглядит, ты уже знаешь. Нам повезло, что этот придурок не появился на верблюде... Придумал их и никогда с ними не расстанется, дурак. Кроме того, его можно узнать по диадеме, которую он носит. Не знаю зачем... и впрямь совсем как баба, – продолжал поносить соперника Белет. – Кроме того, он тоже принадлежит к духам Гоэтии, как и я. Большинство из нас присоединилась к ним, когда нас низвергли и покарали.

– Ладно, ладно. К делу, – перебила я его. – Почему вы так напряглись, когда я назвала его имя?

Дьяволы перекинулись многозначительными взглядами.

– Он довольно вспыльчив, – объяснил после минутного молчания Азазель. – Если он решил убить Петра, то ему, скорее всего, удастся это сделать.

Я вздрогнула и взяла Петрека за руку. Он уставился на Азазеля и выглядел так, будто до сих пор не верил нам до конца.

– Чтобы его убить, он сделает все, – говорил дальше Азазель. – Он может даже использовать для этого тебя. Ты должна быть начеку. Кроме того, я думаю, Люцифер мог приказать убить и нас...

Я громко рассмеялась.

– В таком случае Сатана сошел с ума. Ведь только я могу убивать дьяволов с помощью Божьей Искры.

Азазель поморщился, а Белет отвел взгляд в сторону. В комнате вдруг стало очень тихо.

Я опустила руки. Неужели они снова «случайно» забыли мне о чем-то рассказать?! Я была сыта всем этим по горло, всеми этими загадками. Как я могла помочь им и спасти Петрушу, если они что-то мне недоговаривали? Разве это так трудно?!

– В общем, нас можно уничтожить, – тихо сказал Азазель. – Но, дорогая, я не хотел тебе этого говорить, чтобы не нервировать тебя.

– Я бы не догадалась, понимаешь? – фыркнула я. – Так что, как можно нас уничтожить?

– Знаешь... если разрубить нас на шестьсот шестьдесят шесть кусочков дьявольским мечом, нам будет очень тяжело взять себя в руки.

Я вздохнула громко и раздраженно.

– Надо разрезать нас ровно на шестьсот шестьдесят шесть кусочков или ты сказал это просто так? – спросила я.

– Достаточно отрубить голову, – признался он.

– И ты говоришь мне об этом только сейчас?! – закричала я, вставая. – Я стояла напротив этого психопата на расстоянии вытянутого меча и ничего об этом не знала?!

– Дорогая, тебе было бы достаточно подумать о том, что он исчезает, и ты бы уже его уничтожила. – Азазель добродушно мне улыбнулся. – Я верю, ты бы справилась.

– Но он мог в этот момент отрубить мне голову, и я жила бы, убежденная в том, что она у меня отрастет! – прорычала я.

– Тогда ты бы уже ни о чем не думала, – пробормотал Белет, нервно ерзая в кресле.

Прекрасно, просто прекрасно! Подавленная, я села обратно на диван, пряча лицо в ладонях. Я почувствовала, как Петрек обнимает меня, и услышала, как возмущенный и раздраженный Белет громко втягивает воздух. Ну... он сам виноват, что сел так далеко. Если бы Белет сидел рядом со мной, то обнять меня мог бы он сам, но он предпочел не приближаться к Петреку.

Впрочем, кого я обманываю? Мне не хотелось, чтобы он меня обнимал. Я мечтала, чтобы это делал

Петруша.

– Как я уже говорил, раз Паймон появился на Земле, то мы можем быть уверены, что вместе с ним и Агарес, – продолжил Азазель. – Они друзья.

– Расскажи мне больше о нем, – попросила я.

– Такой же индивидуум, как и Паймон, – вмешался Белет, которого никто не спрашивал. – С ним у нас будут проблемы. Одна из его способностей – приводить беглецов. У нас не получится убежать от него. Мы попросту всегда будем там, куда он доберется первым. Такова наша судьба.

– Не понял, – вмешался Петрек.

– Ничего удивительного, – фыркнул Белет. – В конце концов, ты всего лишь человек.

– Белет, – предостерегающе процедила я.

– У него дар предчувствовать, где мы окажемся, – нехотя пояснил дьявол. – Он выглядит как старик. Настоящий чудик. Он мог быть молодым и красивым, как мы, но он предпочитает быть старым.

– Вообще-то, он не уродлив и не стар, – возразил Азазель, соорудив серьезную мину. – Просто зрел.

– Скорее перезрел, – рассмеялся Белет.

– Но, дорогой, у него наверняка толпы поклонниц. В конце концов, кто не поддастся самому последнему пику моды а-ля геронтофилия? – съехидничал Азазель.

Они начали громко смеяться.

Я посмотрела на Петрека. В его глазах была та же растерянность, что и у меня. Я чувствовала, что рвусь в бой с чем-то огромным, победить в котором у меня нет ни малейших шансов.

Петруша был в безопасности. Я сжала его руку. Какое мне дело до других? Я могла остаться с ним и обеспечить его безопасность.

– Предлагаю отправиться к нашему объекту номер два. – Азазель встал. – Они могут появиться там прямо сейчас. Петра нам удалось спасти, но неизвестно, получится ли нам уберечь остальных. Мы и так потеряли слишком много времени.

Белет тоже встал. Мы с Петреком не двинулись с места. Азазель удивленно посмотрел на меня и развел руками, не говоря ни слова.

– А может, мы останемся здесь? – предложила я. – Я буду охранять Петрека.

Азазель фыркнул себе под нос. Смех застрял у него где-то глубоко в горле.

– Ты, наверное, шутишь. Тебе уже все наскучило? – спросил он.

Я поморщилась в ответ.

– Ты не можешь нас оставить, – заявил Азазель. – Без тебя у нас нет ни малейшего шанса. Ты можешь уничтожить дьявола одной мыслью, а нам придется рубить их мечами. В одиночку мы не справимся.

Я посмотрела на Петрушу. Он сидел в задумчивости. Мы не могли оставить его, он должен идти с нами. Только будет ли там безопасно? Смогу ли я защитить его?

Белет тактично молчал. Я видела по его лицу, что, не обращая внимания на Азазеля, он намеревался поддержать мое решение, каким бы оно ни было, лишь бы подлизаться ко мне.

– Хочешь, чтобы из-за твоей лени погибли невинные? – снова уколол меня Азазель.

– Нет... – пробормотала я.

– Тогда спаси их.

– Я пойду с тобой, – неожиданно сказал Петрек.

Белет коротко рассмеялся.

– Парень... у тебя нет выбора, – усмехнулся он.

Я сердито посмотрела на него.

- Ага... - пробормотал Петр.

- Спасибо. - Я улыбнулась ему.

- Мне интересно, как будет развиваться это безумие дальше.

Романтическое настроение из сказки о воинственном рыцаре, который хочет спасти свою прекрасную принцессу, лопнуло как мыльный пузырь...

- Так где объект номер два? - спросил Петрек Азазеля. - Какая следующая остановка?

Дьявол соорудил загадочное лицо:

- Тибет.

Я крепче затянула украшенный пояс своей карабелы. Белет потащил Петрушу к стене, где показал ему коллекцию беспорядочно брошенного оружия и велел что-то выбрать.

Петрек уставился на мечи, не зная, какой взять в руки.

– Возьми этот. – Белет протянул ему почти тридцатисантиметровый нож. – Для тебя в самый раз. Японский меч.

Петрек посмотрел на него с презрением:

– Нет, спасибо. Это вакидзаси, меч для японского крестьянства с односторонней заточкой. Я предпочитаю катану. – Он потянулся за длинным самурайским мечом.

Белет стоял рядом с ним с глупой миной. Он не ожидал, что парень разбирается в оружии. Честно говоря, я тоже понятия не имела, что он знает такие вещи. Выражение удивления на лице дьявола сменилось злостью. Некоторое время они сверлили друг друга взглядами.

Интересно, кто бы выиграл, если бы они вступили в бой?

Я критически оглядела их фигуры. Ну ладно... Белет бы победил.

Азазель вставил дьявольский ключ в стену. Перед нами появилась маленькая белая дверка с закрывающей окошко занавеской. Дверь Бельфегора была просто очаровательна!

Дьявол открыл дверь, когда мы встали позади него. На нас повеяло холодом. В квартире в одно мгновение оказалась куча снега, быстро растаявшего на древнем паркете. Мы двинулись против ветра за Азазелем.

Я ничего не видела. Чувствовала только ледяные иглы, впивающиеся в голые плечи. Я сотворила себе на носу черные очки, защищавшие глаза от ослепительного блеска. Сразу же появились проблемы с дыханием. Морозный воздух вызывал сужение бронхов, к тому же здесь он был более разреженным, чем на привычной для нас высоте над уровнем моря.

Мы провалились в глубокий снег, доходивший нам до половины икры. Перед нами, на вершине холма, стоял сильно разрушенный храм, знавший лучшие времена. Он был совсем небольшим. Доступ к нему защищали снежные сугробы и довольно жалкие красные двери с облупившейся краской.

Рядом со мной Петруша громко застучал зубами. Я тоже вся дрожала. Чувствовала, как мои пальцы сгибаются с все большим трудом, хотя это была всего лишь иллюзия. Холод не мог причинить мне вреда.

Белет с презрением посмотрел на Петрека. Он щелкнул пальцами, и в одно мгновение на моем возлюбленном появилась теплая куртка с капюшоном, отороченным черным мехом. Петруша перестал дрожать. Я была изумлена. Дьявол проявлял к нему сострадание? Он все еще мог меня удивить.

Петрек посмотрел на меня и потянулся к молнии.

– Вики, ты замерзнешь, – сказал он.

Я подошла к нему и застегнула его молнию до самого подбородка, не давая ему снять с себя куртку.

– Не замерзну, Петрек. Я мертва. – Я вздохнула. – У меня нет тела, поэтому ничего не замерзнет и не отвалится.

Он вскинул брови и кивнул. Я критически посмотрела на его промокшие кроссовки. Не хватало только, чтобы он умер от воспаления легких, когда мы только спасли его от ненормальных дьяволов из Ада. Вот это был бы верх иронии! Я сменила его кроссовки на прочные ботинки, идеально подходящие для такой погоды. Вдобавок сотворила ему очки, чтобы он больше не щурился, и шапку.

– И где этот твой объект? – спросил Белет, подходя к Азазелю.

Тот огляделся, явно встревоженный, и громко свистнул. В ответ была только тишина.

Сильный ветер, несущий с собой хлопья снега, уничтожил заботливо уложенный ирокез Белета и трепал его черную рубашку, а черные очки Ray Ban, стилизованные под полицейские, покрылись инеем. Впрочем, мои тоже. Мне пришлось их вытереть, чтобы хоть что-то увидеть.

Азазель снова засвистел. Я не понимала, зачем он это делает.

– Быстро, надо найти Нгапо, – встревоженно сказал он и двинулся вперед. – Мой человек исчез.

– Нгапо? – спросил меня Петруша.

– Объект номер два. – Я перепрыгнула через огромный сугроб.

Мы прорвались к красным воротам. Азазель громко постучал. Я царапнула их ногтем. Как я и подозревала, краска слезила очень легко. Я щелкнула пальцами, и двери стали как новые.

Я глянула на Белета, который внимательно наблюдал за мной.

– Эстетка, – осудил он меня, но тепло улыбнулся.

Двери нам открыл невысокий пожилой мужчина, одетый во что-то похожее на халат, толстые сапоги на меху и огромную шапку.

Да, спасибо большое за отопление, которое явно сюда проведено...

– Мы ищем Нгапо, – сказал Азазель по-тибетски. – Мы друзья. Скажи ему, что он в опасности. Мы пришли предупредить его.

Петруша слушал его речь с возрастающим изумлением. Я быстро объяснила ему, что мы, будучи дьяволами, знаем все языки.

Меня удивило, что Азазель хотел показаться нашему объекту. В конце концов, он так много говорил о конспирации. И вдруг он передумал?

– Зачем мы раскрываемся? – спросила я, когда старик закрыл перед нами дверь и пошел искать Нгапо.

Азазель вытащил из ножен тонкую офицерку.

– Потому что есть большая вероятность, что Паймон и Агарес уже здесь. Мы должны как можно скорее эвакуировать все остальные объекты из других уголков мира. Но сначала проверим, жив ли Нгапо.

– И куда мы их перенесем? – спросил Белет. – Им повсюду грозит опасность.

– Куда-нибудь, – пробормотал Азазель. – Но нам будет легче их защитить, если все они будут в одном месте.

– Может, нам стоит разделиться? – предложила я. – Их двое, нас трое. Хотя бы один из нас наверняка должен успеть.

Как оптимистично...

– Нет-нет, – возразил Азазель. – Это опасно. В любом случае, мы не можем тебя потерять, а так мы сможем защищать друг друга.

Дверь оглушительно скрипнула, когда старик в меховой шапке снова высунулся. Он улыбнулся нам беззубым ртом и сказал:

– Мне очень жаль, но Нгапо сейчас не может подойти. Он медитирует. Приходите попозже.

У меня опустились руки. Я осмотрелась. Снег уже прекратился. Мы стояли на вершине холма или горы, в какой-то дыре в самой глуши Гималаев, окруженные многометровыми сугробами. Чтобы добраться до ближайшего убежища или чего-то в этом роде, нам пришлось бы несколько дней спускаться вниз, а он велит нам прийти попозже? Потому что Нгапо медитирует? Они издеваются, что ли?

Азазель тяжело вздохнул и крепче стиснул саблю.

– Твою мать, – рявкнул он. – Агарес, обязательно нужно играть в эти игры? Что вы сделали с Нгапо?

Старик открыл перед нами дверь. Его лицо начало меняться. Морщины разгладились, исчезла беззубая улыбка, черные глаза стали светло-голубыми. Мужчина стал выше, поношенная одежда исчезла, превратившись в дорогой двубортный костюм.

Старый, но все-таки красивый дьявол поправил галстук.

– Мне жаль, но Нгапо уже не может с вами поговорить. – Агарес улыбнулся нам. – Он больше ни с

кем не сможет поговорить.

Я заглянула через плечо Азазеля внутрь храма. Небольшие сени были залиты кровью, ею были забрызганы стены. У приоткрытой в следующее помещение двери я увидела лежавшего человека. Он не двигался и не дышал. Мне стало плохо. Сколько живых людей здесь было до их появления? Этой крови на стенах было достаточно, чтобы заполнить ею вены нескольких смертных.

Мужчина окинул нас взглядом и остановился на Петреке, не понимавшем, что тут происходит.

– О... как мило, что вы привели его к нам, – сказал он по-польски, чтобы Петруша понял. – Нам не придется его искать.

За нашими спинами раздался громкий свист клинка. Я толкнула Петрека в бок, и мы грузно упали в сугроб.

Раскаленный меч Паймона растопил снег в том месте, где только что стоял Петрек.

– Беги! – крикнула я ему.

Но мне, как и ему, было трудно подняться на ноги. Снег был глубоким, и мы в бессилии рухнули снова.

Белет выхватил свою катану и бросился на Паймона. Искры от столкнувшихся мечей растапливали снег. Желтое пламя освещало перекошенные от ярости лица.

Мне удалось подняться.

Азазель оказался умнее.

Он захлопнул дверь перед носом Агареса и оперся на нее, преграждая выход.

Мы услышали громкие ругательства, доносившиеся из недр храма. Земля под ногами неожиданно затряслась. Я снова упала лицом в снег.

Азазель заварил руками дверь и пробежал мимо меня. На его лице была написана паника.

– Я забыл тебе сказать, что Агарес может командовать землетрясениями! – крикнул он, подбегая с ключом к громадной глыбе, которую мы миновали ранее.

Петрек потянул меня за руку и вернул в вертикальное положение. Мы побежали за Азазелем, который мчался так, словно у него выросли крылья.

Белет продолжал сражаться с Паймоном. Я заметила, что рассеченная рубашка обнажает опаленную рану на его боку. Я в ужасе остановилась. Однако наш враг тоже был ранен – его левая рука бессильно висела вдоль туловища. Черные Ray Ban Белета лежали раздавленными на снегу.

Петрек дернул меня за руку и потянул меня за собой.

– Он справится, – крикнул Петруша.

Я не была в этом уверена. Мне было страшно за Белета. Он дурак, который просто хочет затащить меня в постель, но мне не хотелось, чтобы с ним случилось что-то плохое.

Пробираясь по снегу, мы поднимались выше за Азазелем, который уже создал проход.

Земля затряслась снова. Храм рухнул. Несколько камней вонзились в снег рядом с нами. Разъяренный Агарес стоял на развалинах, размахивая пламенным топором.

Я на всякий случай вытащила карабелу из ножен.

Петрек все это время держал меня под руку и тянул к открытому проходу, в котором стоял Азазель, призывно маша нам рукой.

Белет со всей силы ударил катаной Паймона, а затем пнул его в грудь. Дьявол тяжело рухнул на спину, выпуская меч из руки.

Белет бросился в нашу сторону. У меня камень упал с сердца. До прохода он добрался раньше нас. Не оглядываясь, он прыгнул на другую сторону. Я толкнула перед собой Петрека.

В этот момент земля снова задрожала, уходя у меня из-под ног. Я съехала на несколько метров вниз по склону в сторону Агареса, следовавшего за мной по пятам. Карабела провалилась в сугроб, исчезнув из виду.

- Вики! - взревел Петрек, но Азазель толкнул его в проход.

Агарес встал надо мной, размахивая топором. Я вытянула перед собой руки, растапливая, а затем замораживая снег, в котором лежала. Агарес поскользнулся на созданном мной льду и шлепнулся на задницу. Топор тяжело ударился о землю недалеко от меня, осыпая мою одежду искрами.

- Вики! - Азазель бросил мне дьявольский ключ. - Штаб-квартира!

Я неуклюже схватила маленький ключик на золотой цепочке. Паймон как раз приближался к проходу. Азазель перескочил через порог и захлопнул за собой дверь, которая тут же исчезла.

Я осталась одна...

Я не могла в это поверить! Они бросили меня! Бросили меня! С двумя безумцами, которые хотят меня убить!

Паймон, с лицом, на котором было написано желание убивать, побежал в мою сторону. Он высоко взмахнул мечом, чтобы разрубить меня пополам. Агарес с другой стороны поднялся, громко простонав. Я была окружена.

Я посмотрела на воткнутый рядом топор и быстро потянулась к нему. Схватила за рукоять, пытаюсь вырвать его и использовать в качестве оружия. Я посмотрела на лед. Лед, под которым что-то видела. Точнее, не видела ничего!

Грунт оказался совсем не таким устойчивым, как я думала! Под слоем снега образовалась узкая воронка, ведущая в давно засыпанную пещеру.

От воткнутого топора стали расходиться глубокие разломы, покрывая лед сеткой трещин.

- Черт бы... - начала я, но в этот момент лед подо мной проломился.

Вместе с толщей снега я с криком падала в темноту. В одной руке судорожно сжимала дьявольский ключ, а в другой продолжала держать топор.

Над собой я увидела Агареса, который судорожно размахивал руками, пытаюсь удержаться на краю ледяной пещеры. Ему удалось схватиться за какой-то выступ. Он повис, размахивая ногами.

Я с такой силой стискивала в ладони ключ, что он больно впился мне в кожу, рана до крови. Вблизи показалось дно.

Бах!

В этот момент я ударилась о землю. У меня создалось впечатление, что от этой встречи содрогнулась половина планеты. Я провалилась в многометровую глубину снежного покрова, которая немного смягчила падение, но я почувствовала, как треснула пара ребер.

Я перевернулась на живот и закашляла кровью, оставляя следы на снегу. По крайней мере, одно ребро пробило легкое, и я не могла вдохнуть. У меня закружилась голова и наверняка было сотрясение мозга. Я могла шевелить конечностями, меня не парализовало, но что-то странно хрустнуло в левом запястье, и, кажется, я подвернула ногу.

Спасибо большое за такие приключения! Да, каскадерских способностей у меня явно не было. Перед собой я увидела кусок гладкой ледяной стены, идеально подходящий для создания прохода. Я попыталась встать, но головокружение и нога, вывернутая под странным углом, помешали мне это сделать.

Я закашлялась кровью, хотя мне хотелось как следует выругаться и забросать тухлыми яйцами всех дьяволов на свете. Отбросив бесполезный и адски тяжелый топор, я начала неуклюже ползти к стене, которая была моим единственным шансом выбраться из этой ловушки.

В этот момент сверху с глухим стуком упал Агарес. Он ударился о землю в нескольких метрах от меня. Из его груди вырвался вопль боли.

Мне стало веселее, что не одна я так неудачно упала. Мой противник начал задыхаться. Ха, у него что-то было сломано. Я надеялась, что внутренние травмы не дадут ему подняться слишком быстро, учитывая черепашую скорость, с которой я приближалась к стене. Я уже держала в руках ключик, чтобы открыть проход.

Почувствовала, как мое тело само начинает восстанавливаться. Головокружение исчезло, запястье перестало хрустеть, но мне все еще было трудно дышать, а неподвижная нога болела при каждом прикосновении.

Наконец я доползла до стены, тяжело привалилась к ней и повернулась к своему противнику. Агарес неподвижно лежал на спине. Кажется, он потерял сознание от боли. Слабак...

Внезапно он глубоко втянул воздух, открыл глаза и повернул голову в мою сторону. О черт! Я быстрее вставила ключ в стену. При виде белой двери с занавеской мне захотелось заплакать от радости.

– Виктория, – зло пробормотал за моей спиной Агарес.

– Чтоб ты сдох здесь, придурок, – попыталась сказать я с достоинством, но под конец раскашлялась, что испортило весь эффект.

Я дернула дверную ручку, бессильно выстрелила огненным шаром куда-то в стену над собой и ввалилась в комнату.

Азазель тут же захлопнул дверь, как только я ввалилась в маленькую квартирку в варшавской многоэтажке. На пол вместе со мной упало немного снега. Я бессильно лежала на животе, не в силах пошевелить даже мизинцем на ноге – так мне было больно.

Белет и Петрек одновременно бросились ко мне. Они перекрикивали друг друга так, что я не могла понять, кто из них что сказал.

– Что с тобой?!

– Как ты себя чувствуешь?!

– Что они с тобой сделали?!

– Отойди от нее!

– Это ты отойди! Не видишь, что ли, что она не может вдохнуть?!

– Тоже мне, доктор нашелся! Думаешь, у нее прибавится кислороду, если ты над ней нависнешь?!

– Отвали от меня. Мы должны их убить!

– Как только достану этих ублюдков!..

– Ты сбежал, как трус!

– Я?! Ты тоже удрал! Зато я сражался!

– Потому что Азазель меня толкнул!

Они перекрикивали друг друга еще какое-то время, а я спокойно лежала, плюясь кровью на пол. Диван был на расстоянии вытянутой руки, но никому даже не пришло в голову перенести меня туда.

Люблю их именно за эту безграничную эмпатию...

Наконец ребра встали на место, а нога выпрямилась. Я смогла свободно дышать. Без чьей-либо помощи я приняла вертикальное положение, потому что мои «отважные спасители» были заняты, готовые глотку друг другу перегрызть, а Азазель, как правило, никому не помогал.

Я села рядом с Азазелем на диване и протянула ему ключ. Петрек сел рядом со мной с другой стороны, а Белет опустился на колени у моих ног. Они наконец заметили, что я больше не умираю на полу? Вот это да.

– Я потеряла карабелу, – сказала я Азазелю, тяжело вздыхая.

– Тогда выбери себе какое-нибудь другое оружие. – Он указал рукой на кучу оружия у стены.

Второй карабелы не было. Остались только, на мой взгляд, уродливые катаны.

– Мне нравится твоя офицерка, – нагло ответила я.

– Мне она тоже нравится, – сказал он.

– Но я только что кашляла кровью...

Не говоря ни слова, Азазель протянул мне оружие.

Он встал, хлопнул в ладоши и нервно нам улыбнулся.

– Ладно, дорогуши, нам пора! У нас всего несколько мгновений преимущества, которые нужно использовать. Нет времени пописать или пожевать бутерброд. Следующая остановка – Стамбул!

Я встала со вздохом. Нас ждали еще восемь объектов. Посмотрела на Петрушу, сидевшего в толстой куртке, с пустотой в глазах. Подумала о Нгапо. Надеюсь, он умер спокойно, без мучений. Пока была ничья.

Агарес постоянно улыбался, его забавляли убийства. Мне не терпелось добраться до него и открутить ему голову. Если, конечно, он не погиб в пещере, которую я уничтожила. Однако, думаю, на такое счастье нечего было рассчитывать. Я закусила губу. Я могла убить его в пещере. Могла убить их обоих, когда они напали на нас. И все же я этого не сделала. Почему? Ответ был прост – я

просто боялась это сделать. Я даже мухи не могла обидеть, а теперь должна была лишиться жизни двух вечных существ.

Я посмотрела на Белета, который восстанавливал рассеченную рубашку. Он держался за раненый бок.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я. – Он сильно тебя задел?

Белет устало мне улыбнулся.

– Я в порядке. Заживет быстро, – соврал он. – Обычная царапина.

Петрек неприязненно смотрел на нас. Его не радовала моя забота о здоровье дьявола.

Подойдя к двери, созданной Азазелем, я сменила мокрые джинсы и футболку на юбку ниже колена и блузку с рукавами в три четверти. Не хотелось привлекать к себе лишнее внимание. На стамбульских улицах действительно было множество туристов, одетых довольно свободно и открыто, но я не была уверена, куда приведет нас Азазель. Не исключено, что объект номер три жил в более традиционном районе, в котором почти не было путешественников.

Я щелкнула пальцами. Куртка Петрека и тяжелые ботинки исчезли. Он был одет так же, как и когда нас впервые атаковал Паймон. Он благодарно мне улыбнулся.

Пройдя через дверь, я оказалась в тени раскидистого дерева. Вышла под горячее турецкое солнце, которое сразу же меня ослепило.

Я ошибалась. Мы стояли сбоку от Голубой мечети. Повсюду было множество туристов, и каким-то чудом нас никто не замечал.

Я огляделась. Шорты и глубокие вырезы, мусульманки, одетые так же, как я, и те, кто скрывался за традиционными слоями толстых непрозрачных тканей, смешавшись, создавали неповторимое красочное зрелище Турции.

Мои спутники встали рядом со мной.

– Там. – Азазель двинулся вперед быстрым шагом.

Мы последовали за ним к входу в туалет. Желтые таблички с условным силуэтом мальчика и девочки были едва видны. Сбоку от Голубой мечети, недалеко от входа для экскурсионных групп, на маленькой площади в тени могучего дерева стояли два турникета, за которыми лестница уходила вниз, в уборные. Недалеко от них, прислонившись к ограждению, стоял мужчина сорока лет в бежевой форме.

Жандарм, охраняющий достопримечательности.

У турок был довольно специфический подход, когда речь шла о террористах. Они просто видели их повсюду. Именно по этой причине каждую достопримечательность охраняли особые жандармы – не важно, были ли это каменные столбы в Каппадокии или одно из самых великолепных строений в Стамбуле, а может, и во всем мире.

Из-за страха перед взрывами нигде не висели почтовые ящики. Открытку с отпуска туристы могли отправить только непосредственно с почты или оставить в гостинице, надеясь на работников отеля. По той же причине трудно было найти урну, и их явно не хватало.

– Встретимся у фонтана недалеко от Айя-Софии. Мы не можем привлекать к себе внимание. Ждите меня там, – приказал Азазель и подошел к жандарму.

Небрежно прислонился к ограждению рядом с ним и заговорил.

– За мной, – сказал Белет и взял меня за руку. – Я знаю дорогу.

В этом я не сомневалась. Это не была его любимая эпоха, но это его любимая страна. Я вырвала руку. Петрек коротко рассмеялся и многозначительно посмотрел на дьявола.

Белет не стал комментировать ни мой жест, ни поведение Петруши, но вдруг схватился за бок и скривился. Я сразу же почувствовала угрызения совести.

Коснулась его спины и спросила:

– Сильно болит?

– Немного... – признался Белет полным страдания голосом. – Рана слегка жжет...

Я уже собиралась велеть ему опереться об меня, чтобы ему было легче идти, но заметила, что он с превосходством улыбнулся Петреку.

– Совсем как дети, – укорила я их и двинулась вперед, не собираясь быть пешкой в их игре. – Пойдемте уже.

Петруша послушно шел за мной, с любопытством оглядываясь по сторонам. Если раньше он выглядел уставшим, то теперь на его лице было нарисовано волнение. Он никогда не был в Стамбуле. Белет после моих слов тоже внезапно выздоровел. Правда, он избегал резких движений, но не морщился на каждом шагу, как раньше.

– Хеллоу, хеллоу, здравствуйте, джень добры, – начал кричать нам мужчина с сумкой, набитой путеводителями на разных языках. – Вер ар ю фром? Россия, Польша?

Мы отрицательно покачали головами, чтобы он от нас отвязался. Однако он не сдавался и шел за нами, тряся книжечками.

– Тен юро, твенти лира, десять юро, двадцать лира! Дешево! Дешево!

В конце концов он махнул на нас рукой и бросился к экскурсионному автобусу, из которого выходили туристы.

Мы обогнули Голубую мечеть. Я помедлила, любясь необычным сооружением.

– Быстрее, – поторопил нас Белет, когда мы с Петрушей остановились в немом восторге.

Наконец мы увидели Айя-Софию. Правда, она была слегка блеклой и с такого расстояния казалась совсем маленькой... И все же это была Айя-София.

Мы прошли мимо десятка рядов раскаленных скамеек. Середина дня, около сорока градусов в тени. Я откинула волосы со лба, тяжело вздыхая.

Мы перебежали на другую сторону улицы между машинами, стоявшими в гигантской пробке, а затем двинулись по аллее, по обе стороны которой росли незнакомые мне деревья с розовыми цветами. Остановились возле фонтана. Повсюду бегали дети, десятки туристов делали снимки, турки продавали бутилированную воду и путеводители.

Множество людей. Меня охватила дрожь при мысли о бойне, которую могли учинить здесь дьяволы.

Белет весело улыбнулся, глядя на Голубую мечеть, прямо-таки сиял. У него явно было много приятных воспоминаний, связанных с этим местом.

– Как зовут наш следующий объект? – спросила я.

– Айкют. Он работает где-то здесь, – объяснил нам дьявол. – Жандарм – человек Люцифера. Он наблюдал за ним.

Я кивнула и отошла в сторону, любясь серебристой водой из фонтана Голубой мечети.

– Хеллоу, ду ю нид хелп? – обратился ко мне мужчина, смахивавший на крысу.

– Но, – ответила я и прошла мимо него, желая обогнуть фонтан.

Он неизменно следовал за мной.

– Вер ар ю фром? – спросил он.

Я проигнорировала его.

– Россия?

«Успокойся наконец, мужик!» – хотелось закричать мне.

– Польша? Литвения?

– Польша, – пробормотала я наконец. – And I don't need help!

Мужчина широко улыбнулся, сверкая гнилыми зубами.

– Ю нид э стронг мэн, – ответил он, имея в виду, конечно, самого себя.

Я критически оглядела его. Он был с меня ростом, худощавый, почти анорексик, еще и с хитрой физиономией. Да... вне всяких сомнений, настоящий мужчина. Мне как раз такой и нужен! Я без

слов указала на Белета, который в гневе уже приближался к нам.

– Сорри, сорри, – пробормотал крыс, видимо признав дьявола моим «владельцем», развернулся и быстро исчез.

Петруша обогнул фонтан и тоже оказался рядом со мной. Два моих телохранителя внимательно осматривали толпу в поисках Паймона и Агареса.

– Смотрите. – Петруша показал головой на улицу, ведущую к Голубой мечети.

Азазель шел к нам с каким-то молодым человеком, одетым в форму жандарма. Перекинутая через плечо винтовка ритмично ударялась о его бок. Незнакомец испуганно озирался по сторонам, будто ждал, что злые дьяволы прыгнут на него из-за пальмы. Умный парень!

– Это Айкют, – представил его нам Азазель. – Я уже ввел его в курс дела. Идем, надо создать проход.

Молодой турок широко мне улыбнулся. Он был красив, как и в среднем семьдесят процентов мужчин из этой страны, только немного низок (так же как семьдесят процентов мужчин из этой страны...). Спросил меня, как мои дела и «шайтан» ли я, как Азазель. Он сразу мне понравился.

По-моему, мы все-таки немного бросались в глаза. В конце концов, кто бы не заметил группку нервных людей с мечами, которые все время оглядывались, не следит ли за ними кто, да и вдобавок были такими красивыми? Нет смысла лгать – дьяволы были прекрасны. Петруша тоже притягивал взгляд.

Белет вел нас.

– Сюда, Divan Yolu Caddesi. – Никто из нас, кроме Айкюта, не понял, что он крикнул, поэтому мы просто двинулись за ним.

Быстрым шагом мы перешли перекресток, а затем широкую улицу. Я прочитала название на маленькой табличке: Divan Yolu. Значит, это имел в виду дьявол. Мы проходили мимо баров и ресторанчиков. Официанты пытались уговорить нас попробовать самые разные вариации кебаба. Мы вбежали в первую узкую улочку.

Повсюду было много людей, даже вдалеке от Айя-Софии и дворца Топкапы.

В конце концов мы нашли пустую площадь между зданиями. В окнах никого не было видно. Мы встали в тень, и Азазель вытащил ключ, но заколебался.

– Куда мы их пошлем? – спросил Белет.

– У меня есть идея, – сказал Азазель. – Только не знаю, хорошая ли...

– Тогда, может, расскажешь? – тяжело вздохнула я.

– Я бы предпочел не говорить вам о ней. Так было бы безопаснее, если бы мы случайно разделились.

Он вставил ключик в стену.

– Только если ты умрешь, мы их никогда не найдем, – заметила я.

Азазель открыл было рот, чтобы что-то сказать, но кивнул, передумав.

– Ты права, – ответил он наконец. – Но я не скажу вам, где именно это находится, дам только подсказку. Вы будете знать, о чем идет речь, а никто другой – нет. Кроме того, я считаю, что это прямо-таки инновационная идея. До сих пор никто такого еще не проворачивал. – Азазель стал гордым, как павлин. – Хотя, в общем-то, с Персефой однажды получилось...

Я даже открыла рот от удивления.

– Ты что, совсем спятил? – воскликнула я.

– О-о-о... – Он нахмурился. – Ты знаешь миф о Персефоне? И снова конспирация пошла прахом...

Идиот...

Петруша посмотрел на меня, ничего не понимая. Он не знал этого мифа. Аид, владыка подземного царства, похитил Персефону, в которую влюбился, и унес ее в мир мертвых.

– Они не умрут, если мы отведем их в Ад? – спросила я.

– Нет-нет, – быстро заверил меня Азазель. – К тому же я считаю, что это отличный ход. Уж где-где, а в Аду их точно не будут искать.

Спрятаться у всех на виду? Я улыбнулась. Это даже имело смысл. Дьявольские легионы перелопатят всю планету, но ведь никто не станет искать живых людей в Нижней Аркадии – загробном мире!

– А теперь подсказка. Мы перенесем их в типографию. – Он улыбнулся и повернул ключик. – Вы должны подумать, что хотите оказаться там, где и наша любимая старушка, и все. Никто больше не знает, о какой старушке идет речь. Разве не гениально?

В обшарпанной стене появилась дверь. Азазель открыл ее и сделал рукой приглашающий жест.

Петрек посмотрел на меня и твердо сказал:

– Я не пойду без тебя. Ты не можешь рисковать собой.

– Тоже мне, нашелся рыцарь... – с презрением сказал Белет.

Я радостно улыбнулась и уже собиралась броситься Петреку на шею, когда Айкют слегка удивленно сказал, показывая на что-то за нашими спинами:

– О-о-о... Иблис.

Азазель в одно мгновение толкнул его за дверь и захлопнул ее, вытаскивая ключ.

Мы повернулись к Агаресу, который яростно взмахнул пламенным мечом. Он выглядел устрашающе, неудивительно, что Айкют принял его за Сатану.

– Ха! Мы вас опередили! Мы вас опередили! – начал скандировать обрадованный Азазель.

Агарес посмотрел на него брезгливым взглядом, который он, наверное, часами репетировал перед зеркалом, потому что тот идеально подходил к посеребренным волосам на его висках.

– Да... – пробормотал он. – Но только потому, что со мной приключилось кое-что неприятное в одной пещере.

Я усмехнулась себе под нос. Надеюсь, она обрушилась на него.

– И тем не менее одна Искра все еще здесь, – отметил дьявол. – Можете отдать нам его по доброте душевной.

– Ха! Конечно, – фыркнула я и выхватила офицерку из ножен. Оборки юбки удачно скрывали ее от любопытных глаз.

Агарес мрачно мне улыбнулся.

– Думаю, у нас есть определенный аргумент, который убедит вас в этом. – Он указал рукой на контейнер справа от него.

Из тени вышел Паймон, держа за вывернутые руки испуганную... Монику! Он приставил к ее шее меч. Я видела, как бешено бьется артерия под тонкой кожей. Еще миллиметр, и он оцарапает ее, оставив в лучшем случае уродливый шрам, а в худшем – сотворив на ее шее новый рот...

– Если вы не отдадите нам Петра, – рявкнул Паймон, – то я ее убью. Здесь и сейчас.

Я совершенно о ней забыла. Когда на нас напали в первый раз, она была с Петрушей на этом их псевдосвидании. Затем, когда мы упали, я потеряла ее из виду. Думала, что она, испугавшись, убежала, как и большинство людей при виде дьявола с пламенным мечом, а ее, видимо, похитили эти безумцы!

Мы должны спасти ее!

Я внезапно вспомнила, как она флиртовала с Петреком, как хватала его за плечо. Как заглядывала ему глубоко в глаза, хлопая ресницами, как дурочка. Как громко смеялась, притворяясь, что ее так веселит то, что говорит ей Петрек (даже несмотря на большое расстояние, я знала, что это был фальшивый, прекрасно отрепетированный смех). Подсчитав плюсы и минусы, я пришла к очевидным выводам.

– А, убивайте на здоровье. – Я беззаботно пожала плечами.

После этих слов все повернулись в мою сторону. На их лицах было написано удивление. Азазель

толкнул Белета в бок и сказал театральным шепотом:

– Наконец-то я понял, что ты в ней нашел.

Паймон моргнул, будто это ему привиделось.

– Кажется, я выразился недостаточно ясно, – заявил он. – Я ее убью. Сразу. Капут. Конец. Как «аминь» в молитве. Ее не станет. Она будет мертва. Уже больше не встанет, – добавил он, глядя мне прямо в глаза.

Я уже собиралась сказать ему, что не нужно говорить со мной, как с умственно отсталой, но Белет опередил меня, выйдя вперед.

– Послушайте, – сказал он, поднимая вверх обе руки в знак мира. – Сегодня никто никого здесь не убьет.

Паймон коротко рассмеялся. Он хотел убивать. Это было видно по его лицу.

– Ты не понимаешь, Белет. Это мы здесь ставим условия. Вы отдадите нам Петра, скажете, где находится Айкют, и тогда мы отдадим вам эту прекрасную даму. – Он сильнее стиснул ее плечо, а она громко пискнула.

Я не любила Монику, но все-таки мне стало ее жаль. Тем не менее я не собиралась отдавать им Петрека в обмен на ее жизнь. Я не дуручка.

– Ни за что, – сказал Азазель. – Мы сделаем так: вы отдадите нам девушку, а мы вас не убьем.

– Да, – поддержал его Белет.

– Теперь ты даже разучился думать самостоятельно. Вижу, тебе бы не помешал порядочный командир, – прорычал Паймон, мерзко ему улыбаясь.

– Может быть, но не такой сук... – начал Белет, но Азазель перебил его, кашлянув.

Даже дьяволам не разрешено было использовать некоторые проклятия.

– Мои дорогие, – Азазель развел руками, – она ведь может уничтожить вас одной мыслью. Вы вправду хотите вести переговоры? – Он усмехнулся. – В лучшем случае, вы можете убежать и надеяться, что мы не будем вас преследовать.

Агарес глухо рассмеялся.

– Если бы она хотела нас убить, то давно бы это сделала. Почему-то мы все еще двигаемся, поэтому вывод прост: она либо не умеет, либо не хочет этого делать. Все люди с Искрой руководствуются совестью.

Он посмотрел на запищавшую Монику, а затем на меня.

– Ну... может, почти все, – добавил он.

– Мы просто выбрали не ту жертву, – рявкнул разозленный Паймон. – Мы ее убьем. Она нам ни к чему.

– Эй, погоди, – вмешалась теперь я. – Неужели мы никак не сможем договориться?

Паймон улыбнулся. У него было такое выражение лица, будто я только что проглотила наживку. Что, наверное, я и сделала... Я почувствовала, как пересохло в горле.

Я задумалась. Они ее убьют. Мы ее не спасем. Взгляд Паймона был пуст. В его глазах не было никаких чувств, кроме жажды. Жажды смерти. Он был похож на хищника на охоте. Больше ничего не имело для него значения.

Моника, бледная как стена, судорожно дышала. Не мне решать, должна ли она умереть.

– Послушайте, – сказала я. – Нам нужно это обдумать. Дайте нам на это время. Встретимся здесь завтра в тот же час. Хорошо? Тогда примем решение, заключать с вами сделку или лучше сразу вас убить.

– Ни за что, – загремел Агарес.

Земля под нашими ногами угрожающе задрожала. Со зданий начала сыпаться штукатурка, нетронутая десятилетиями. С площади у Айя-Софии до нас донесся панический крик людей. Громкий грохот потряс город, когда рухнуло какое-то здание. Я надеялась, что не обвалился ни

один из минаретов Голубой мечети или Айя-Софии.

– Ты кретин, что ли, это Анатолийский разлом! – крикнула я, едва удерживая равновесие.

Земля тут же перестала дрожать.

– Знаю, – буркнул разъяренный дьявол.

Континентальные плиты здесь были в постоянном движении. Если Агарес еще немного погневаается, то весь город рухнет к чертям собачьим. Тут и так была сейсмическая зона.

– Это плохое место для встречи, – сказал Паймон. – Мы встретимся там.

В воздухе перед нашими глазами возник образ какого-то пустого недостроенного здания. В несколько этажей, с бетонными стенами и торчащими из потолков кабелями, оно выглядело давно заброшенным. Вероятно, застройщик обанкротился и офисное здание осталось никому не нужным. Где оно находилось, в какой стране, на каком континенте? Этого Паймон нам уже не показал.

– И не в то же самое время, а ровно через шесть часов. Не будет никаких посторонних, мы будем одни. Заберите Петра, мы возьмем Монику.

– Что ты?.. – начал Агарес, но Паймон перебил его:

– Я знаю, что делаю. Ровно через шесть часов вы должны явиться туда, приняв окончательное решение.

Они отступили в тень здания. Созданные ими врата сверкнули на мгновение, чтобы тут же исчезнуть.

Азазель повернулся ко мне:

– У тебя есть план?

– Если честно... не совсем...

Меня удивило, что Паймон так легко согласился на мое предложение. Что-то было не так. Я не могла рассчитывать на его милость и доброе сердце, потому что он попросту не был милостив, а сердца, у него, похоже, вообще не было. На что он тогда рассчитывал?

Черт... это значит, что у него был план и он был умнее меня.

– Ее все равно убьют. – Белет закурил.

До этого он угостил Азазеля и даже меня, хотя я не курю. Петрека он демонстративно проигнорировал.

– Может, и нет, – пробормотал Петрек, старательно избегая моего взгляда.

Что с ним случилось? Он даже лицом ко мне не стоял.

– Ты веришь в чудеса? – усмехнулся Белет. – А впрочем... ты, наверное, даже в Святого Николая веришь.

– Они ее не убьют, – возразила я, пресекая очередную их ссору. – Мы что-нибудь придумаем. Пока что нам нужно как можно скорее эвакуировать следующие объекты. Они тоже наверняка бросятся на их поиски, чтобы убить. Мы должны опередить их. У нас всего шесть часов. Давайте поделимся.

Азазель тяжело прислонился к стене.

– У нас всего один ключ. Забыла?

Точно... это проблема, учитывая мой пока что фрагментарный план.

– А нельзя его просто продублировать? – Я вспомнила французские круассаны.

Азазель глубоко задумался.

– Я никогда не пробовал... – Он бросил мне ключик. – У тебя больше силы, чем у меня.

Я повертела в руке золотой ключик и усиленно подумала о его форме, твердости, блеске золота, которым он был покрыт. О тонких филигранных колечках цепочки, к которой он цеплялся. О скважине дверного замка Бельфегора.

В моей ладони лежали три одинаковых ключа, сверкавших на турецком солнце, клонившемся к закату. У нас было мало времени.

Я протянула ключи Азазелю. По очереди он вставил каждый из них в стену. Все они сработали.

– Удивительно! – воскликнул он, а затем наморщил лоб: – Как я сам до этого не додумался?

Он дал каждому из нас по ключу. Только Петреку ничего не досталось.

– А я? – спросил он, снова не глядя на меня.

Я почувствовала, как в груди что-то кольнуло, что, конечно, никак не могло быть ни признаком инфаркта, потому что я была мертва, ни кислотным рефлюксом, потому что я ничего не ела с самого... хм... кажется, утра.

Петрек избегал моего взгляда, не разговаривал со мной напрямую. Он злился на меня за то, что я так быстро, откровенно и без особых угрызений совести сказала дьяволам, что они могут убить Монику? Мне тоже было плохо из-за этого. Я действительно не хотела, чтобы она умирала, и, самое главное, не имела права этого хотеть.

В тот момент это просто вырвалось.

Зато теперь мне было больно, и особенно оттого, что он переживал. Неужели он любил ее? Неужели она была так ему важна?

– Будет лучше, если ты отправишься туда же, куда и Айкют. Там ты будешь в безопасности. Нам нужно разделить, чтобы собрать всех как можно быстрее. Мы не можем за тобой следить, – сказала я.

– Я не согласен, – объявил он, глядя мне прямо в глаза.

Азазель вставил свой ключ в стену и открыл проход в нашу секретную типографию.

– Она не умрет, – сказала я, проглотив собственную гордость. – Я попытаюсь ее спасти.

Я думала, что он на этом успокоится, но он продолжал нервничать.

– А если из-за этого погибнешь ты? – воскликнул он.

Я удивилась.

– Так ты не о ней беспокоишься? – спросила я.

Азазель наклонился к Белету. До меня донесся его театральный шепот:

– Как будто смотрю мексиканский сериал...

Петрек глянул на них, но перевел взгляд на меня:

– Я больше беспокоюсь о тебе.

– Ох, ну хватит! – воскликнул Белет. – Меня тошнит от выслушивания этих ваших миленьких признаний. Кто так говорит в наши дни?!

Он схватил Петрека за плечо и толкнул его за дверь, не слушая ни его, ни моих протестов. Быстро ее закрыл, чтобы Петрек не попытался вернуться.

– Засранец, – подытожила я его поведение.

– Красивый засранец, – поправил он меня с лукавой улыбкой. – Кроме того, кажется, нам надо спешить?

Как только Петрек исчез из поля зрения, у Белета сразу же заметно улучшилось настроение. Он просто сиял и даже перестал наклоняться к больному боку.

– Слушайте, у нас всего шесть часов, – начал Азазель. – Это очень мало. К тому же наши объекты постоянно перемещаются, а вы, лодыри, ни разу не изъявили желания пойти со мной, чтобы познакомиться с наблюдателями. Мы не успеем найти их всех. Как разделимся?

– Пойдем по очереди, – предложил Белет. – Кто следующий в списке?

– Объект номер четыре – Рикки, Бразилия; объект номер пять – Джон, Австралия; объект номер шесть – Костас, Греция, – быстро процитировал по памяти Азазель. – Ну, и так далее, но сначала сосредоточимся на этих.

– Я когда-то была в Греции, – сказала я. – Остальные страны я не знаю.

Азазель улыбнулся мне:

– Отлично, он твой. Костас живет в Афинах, работает в ресторане на улице Платея Митрополеос, недалеко от пересечения с улицей Одос Никис.

Я кивнула, хотя эти названия ничего мне не говорили. И все-таки я предпочитала Афины Бразилии или Австралии.

– Это недалеко от Акрополя и парламента. Ты обязательно найдешь, – обнадежил меня Белет.

У меня было ощущение, что у них обоих в головах были точные карты городов – они знали каждую забегаловку, каждый переулок. Ну, у них была вечность, чтобы путешествовать по миру. Наверняка они побывали повсюду.

Я постаралась вспомнить окрестности парламента и Акрополя. Перед глазами возникли знакомые образы. Несколько лет назад я пару дней жила в Афинах в маленьком отеле в пакистанском районе. Район не слишком интересный, но дешевый. Я вспомнила площадь перед парламентом, на которой проходила торжественная смена караула, и сквер напротив. За зданием был огромный красивый парк. Туда я и решила перенестись.

– Я уже знаю где, – сказала я.

В конце концов, язык у меня есть, спрошу у кого-нибудь дорогу.

– Наблюдатель – это старик, завсегдатай закуской, где работает Костас. Невысокий, толстый, с бородой до пояса. Кроме того, он ходит в черных очках, с белой тростью и бежевым лабрадором. Ты узнаешь его без труда.

Я стояла, открыв рот.

- Наш наблюдатель слеп? - выдавила я.

Азазель пожал плечами:

- А что, ты думаешь, мне было так просто найти человека, рвущегося шпионить? Не придирайся. Это профессионал.

Догадываюсь... В конце концов, нет лучше шпиона, чем слепой старик с тростью, не так ли?

- Белет, ты в Бразилию, Рио-де-Жанейро, - распорядился Азазель. - Объект номер четыре - полицейский. Патрулирует в основном окрестности Пако Империял. Толстый и усатый. Наш наблюдатель - его коллега. Тоже толстый и усатый... Они патрулируют вместе. Найдешь?

- Это рядом с улицей Президента Антония Карлоса? - убедился красивый дьявол.

- Ага, - кивнул Азазель. - Я лечу в Австралию. После спасения объектов встречаемся в типографии. Не отправляемся к следующим объектам, пока все не вернется. В случае чего придется помочь друг другу...

Он бойко подошел к стене и вставил в нее ключ.

- В путь, - скомандовал он и перескочил на другую сторону. Перед глазами мелькнула пустыня. Видимо, объект Азазеля жил не в городе.

Я подошла к стене, вертя ключик в пальцах. Остановилась прямо перед ней, не в силах решиться вставить ключ в материю. Я боялась Паймона и Агареса. Очень боялась. Я никогда не отличалась смелостью: меня пугали пауки, большая высота, глубокая вода и устные экзамены. Просто было много вещей, которых я боялась. Но ничего я не боялась больше, чем этих двух безумцев.

Белет обнял меня сзади и прижал к себе. Я попыталась высвободиться, но нечаянно коснулась его раненого бока. Он зашипел от боли, и я замерла.

Не выпуская из объятий, он развернул меня лицом к себе.

- Вики, не волнуйся, - подбодрил он меня, поглаживая по щеке. - Все будет хорошо.

- Ты так в этом уверен?

Он отвел взгляд в сторону.

- Я не уверен, - пробормотал он. - И тем не менее мы прикончим этих ублюдков. Ты должна попробовать. Тебе надо начать думать об этом. Потом может не остаться времени на бесполезные угрызения совести.

Я поморщилась и без лишних слов прижалась к его широкой груди. Мне не хотелось никого убивать. От этой мысли мне становилось не по себе. Я поняла, что на самом деле меня пугали не сами враждебные нам дьяволы, меня пугало, что мне, вероятно, придется причинить им вред. Придется их убить. Хладнокровно. Я боялась, что, сделав это, стану такой же, как они.

Белет гладил меня по спине. Он него пахло слегка пряными благовониями и ветром. Мне нравился этот запах. Я знала, что нам пора, на счету была каждая минута, но я не могла от него оторваться. В его объятиях я чувствовала себя в безопасности.

Случайно я коснулась его бока. Он не вскрикнул и не отстранился, только резко втянул воздух и напряг все мышцы.

Я отпрянула от него на расстояние вытянутой руки.

- Белет! Прости, - быстро сказала я. - Я не хотела.

- Ничего, мне совсем не больно, - солгал он с улыбкой.

- Не строй из себя героя. Покажи рану.

Он коротко рассмеялся и начал расстегивать пуговицы, глядя мне в глаза голодным взглядом.

- Но я не строю из себя героя, - ответил он с лукавой улыбкой. - Я и есть герой. Как и ты для меня героиня, моя героиня. Кстати, у тебя даже есть наркотические свойства.

Я не могла сдержать улыбку. Он расстегнул рубашку. Мне пришлось помочь ему снять один рукав, потому что он не мог приподнять эту руку.

- Наркотические, говоришь? - Я рассмеялась.

– Да, твоя внешность, твой запах, прикосновение... Вкус твоих губ парализует. Я просто не могу не касаться тебя.

Я почувствовала, что краснею. Быстро наклонила голову, чтобы волосы прикрыли мои щеки, и посмотрела на его бок. Вдоль ребра с правой стороны тянулась пятнадцатисантиметровая прижатая рана. Она не была чистой. Кусочки обугленных тканей были черными, они раскрывались, обнажая кровавую плоть.

Живая рана. Она совершенно не заживала. Учитывая наши сверхъестественные способности к регенерации, она уже давно должна была затянуться.

– Долго она еще будет так выглядеть? – тревожно спросила я.

– Поболит еще пару недель. Рана закроется примерно через несколько дней, может, неделю, – сказал он. – Потом образуются корочка.

Я не понимала, почему раны, нанесенные пламенным мечом, не заживают. Все остальные травмы исчезали в течение нескольких минут, не оставляя после себя никаких следов.

– У тебя останется шрам? – спросила я.

– Да, – мрачно буркнул он. – Такой же, как шрамы на спине.

Хотя я помнила, как они выглядят, я встала за его спиной. Два длинных шрама на обеих лопатках. Черные, будто бы прижатые. Кусочки пепла и обугленных тканей заросли кожей, оставляя след на ее поверхности, словно огромные, неудачные татуировки.

Я осторожно провела по одному из них кончиком пальца. Белет удивленно повернул голову, но ничего не сказал. Он ждал моего следующего шага. Я коснулась второго шрама и тоже провела по нему пальцами. Он прикрыл глаза.

– Это?.. – мой голос оборвался.

– Да... Это следы от крыльев. В наказание за участие в восстании Люцифера мы все их потеряли.

– Каково это – уметь летать? – поинтересовалась я.

Он уставился в пространство перед собой и грустно улыбнулся собственным воспоминаниям.

– Это невозможно описать словами... Умение летать было единственной вещью, о которой я скорбел после низвержения с Небес. Кроме этого, я ни о чем не жалел.

Я снова встала напротив него. Присмотрелась к ране, которую нанес ему Паймон. У меня была большая сила. Может, если я соединю адскую силу и Божью Искру, то мне удастся ее вылечить?

Осторожно я приложила ладонь к краям гангрены. Область некроза была больше, чем моя рука. Белет вздрогнул от прикосновения.

– Я постараюсь тебе помочь, – сказала я. – Не двигайся.

Я усиленно подумала о его коже – бархатистой, оливковой, теплой на ощупь. О великолепных мышцах, которые видно при каждом его движении. Об артериях и венах, по которым бежит кровь, которые забирают продукты обмена веществ. Наконец, я подумала о нервных окончаниях, которые сообщают информацию о прикосновениях, тепле, холоде, боли, которые регулируют тонус кожи, работу мышц, спазм сосудов.

Было так много вещей, о которых я должна была помнить.

Я перестала что-либо видеть. У меня потемнело перед глазами. Я только чувствовала, как какая-то сила течет из моей груди по руке к ране Белета. Чувствовала, как оживают клетки, как они начинают делиться, заполняя нанесенные мечом повреждения.

Тем не менее рана не хотела исчезать полностью. Она закрылась, перестала кровоточить и болеть. Мышцы восстановились, струп, который мешал бы резким движениям, не образовался. Однако я не смогла вернуть ощущение прикосновения и температуры, при этом шрам все еще был опаленным и черным.

На моем лбу выступили капли пота. Я сосредоточилась еще сильнее.

– Вики? Вики? – словно издали донесся до меня голос Белета.

Я убрала руку. Темнота перед глазами исчезла, я снова стала слышать. Слабость пропала.

Белет удивленно провел пальцами по шраму, который, несмотря на мои усилия, остался, уродуя кожу. Он пошевелил плечом, довольный тем, что больше не чувствует боли.

– Я не смогла полностью его убрать, – сказала я.

Белет обнял меня и поцеловал, прежде чем я успела возразить и отстраниться. Продолжая держать меня в своих объятиях, он сказал:

– Вики! Все прекрасно! Мне не больно, я могу двигаться. А то, что остался след... Не переживай, ничего страшного. – Он снова нежно коснулся своими губами моих. – Если бы не ты, то я бы страдал еще несколько месяцев.

– Ты же сказал, что заживет через пару недель...

– Я солгал, чтобы не беспокоить тебя. – Он подмигнул мне.

Я отстранилась от него. Белет еще раз провел ладонью по коже на ребрах и, обрадованный, надел рубашку.

– Не знаю, как тебя благодарить. Я сделаю для тебя все что угодно!

– Не надо, – со смехом возразила я. – Теперь нам лучше отправиться спасать людей с Искрой. У нас мало времени.

Мы вдвоем подошли к стене, доставая свои ключи. Я повернула свой шесть раз, представив парк около греческого парламента и один из темных переулков, где стоит несколько деревянных скамеек и есть низкая каменная стена, идеально подходящая для моей двери.

Я вытащила ключ и нажала на дверную ручку.

С другой стороны все было именно так, как я помнила. Может, только растения были немного выше и величественнее. Несмотря на вечер, было довольно светло. Я почувствовала теплый душный греческий воздух, пронизанный ароматом цветов.

– Вики, – остановил меня голос Белета.

Он тоже уже открыл свой проход. Я увидела какой-то темный тенистый заулочек.

– Летать... это как первая любовь. Как влюбленность. Я не мог найти подходящее сравнение, пока не встретил тебя.

Затем он прошел через дверь, оставив меня наедине с этим оригинальным признанием в любви.

Дверь за мной захлопнулась и стала исчезать. Блестящий контур еще мгновение мерцал в воздухе. Я никого не замечала и побежала к выходу. Люди удивленно оглядывались на меня. В длинной юбке, с мечом наперевес, я выглядела как актриса массовки, только что сбежавшая от камеры.

Я пробежала мимо нескольких огромных пальм, посаженных в два ряда, и выбежала на улицу, залитую вечерним солнцем. Широкий бульвар Амалиаса был забит автомобилями, люди шли в самых разных направлениях. Я на мгновение потерялась и не знала, в какую сторону идти, вышла ли я с нужной мне стороны парка.

Остановив какую-то пожилую женщину, я спросила, где находится улица Платейя Митрополеос. Она указала на нужное направление. Я была совсем, совсем близко. Мне нужно было лишь миновать парламент, затем пройти мимо прекрасного сквера, расположенного напротив него, до конца улицы Амалиаса и входа в метро, а затем идти прямо по улочке Одос Отонос.

В памяти всплыли эти закутки со времен моего прошлого визита в Афины несколько лет назад. Я безошибочно двинулась вперед.

Наконец я добралась до кафе на перекрестке двух улиц. Мне потребовалось некоторое время, чтобы найти его: здесь каждые несколько метров располагался какой-то ресторан или бар.

Я оглядела людей, сидевших возле заведения. Слепому старика с бородой до пояса среди них не было. Ну, разве что мужчина побрился, покрасился, вложил кучу денег в уколы ботокса и снял черные очки...

Я прикрыла саблю складками юбки и вошла в малюсенький ресторанчик. Внутри я тоже не увидела старика и решила сесть за столик лицом к входу в забегаловку. Ко мне сразу же подошел молодой официант с широкой и какой-то пустой улыбкой на губах и протянул меню. На нем были черные рабочие брюки, белая рубашка и красный платок, причудливо повязанный на шее.

– Спасибо. – Я взяла меню и спросила: – Прошу прощения, а Костас сегодня работает?

Парень сделал такое лицо, будто хотел сказать, что они не разглашают информацию о сотрудниках.

– Он всегда меня обслуживает, когда я сюда заглядываю. Он такой красивый. – Я улыбнулась, изображая из себя влюбленную дурочку.

Я надеялась, что Костас не окажется сорокалетним уродцем, иначе я буду выглядеть полной идиоткой.

Официант мне улыбнулся и понимающе подмигнул.

– Костас сегодня на работе. Час назад он пошел на склад. – Он сделал такое лицо, будто только сейчас это понял. – Я его поищу. Он должен был уже вернуться.

– Спасибо.

Я проводила официанта взглядом, когда он зашел в служебное помещение. Посмотрела на меню. Я была голодна, но у меня не было времени поесть – я тайно следила за входом. Ни Паймона, ни Агареса нигде не было видно, и я смогла немного расслабиться. От постоянного напряжения у меня начали болеть спина и шея.

– Могу ли я принять ваш заказ? – Из задумчивости меня вырвал низкий голос официанта.

Я посмотрела на парня, с которым разговаривала пару минут назад.

– А Костас? – глупо спросила я.

– Мне жаль, но я не могу его найти. Он куда-то исчез. Повар сказал, что он час назад вышел с каким-то мужчиной, и больше мы его не видели. Ветренный парень! Если так пойдет и дальше, менеджер его уволит. А на мне теперь весь зал, – начал жаловаться парень.

Я быстро встала.

– Прошу прощения, но я, видимо, не голодна, – сказала я, прерывая его размышления. – Простите за беспокойство.

– Но?.. – начал официант, но я уже успела уйти.

На улице я огляделась по сторонам. Вдалеке мелькнули белая рубашка и красный платок.

Костас!

Быстрым шагом я направилась в ту сторону, нетерпеливо оглябая туристов, стоявших на моем пути.

Что происходит? Почему он сбежал с работы? Он не мог испугаться меня, он меня не знал. Кроме того, где был слепой наблюдатель?

Когда я догнала мужчину, оказалось, что это просто какой-то ярко одетый турист. Я тихо выругалась. Как мне найти объект? Я даже не знала, где он живет! Я осмотрелась вокруг. Мне ничего не оставалось, как вернуться в ресторан и уговорить официанта дать мне его адрес.

Что-то мяукнуло за мусорным баком.

Я знала это мяуканье и быстро подошла к контейнеру. За ним на тротуаре, спокойнее всех на свете, сидел Бегемот и лизал свою бурую лапку. Я взяла животное на руки.

– Что ты тут делаешь? – спросила я. – Ты сбежал от Клеопатры? Она наверняка о тебе беспокоится.

Кот, естественно, не ответил, но вырвался из моих рук, прыгнул на землю и пошел вперед. Он остановился и обернулся, чтобы посмотреть, иду ли я за ним. Заметив, что я стою на месте, он сердито замахал хвостом и мяукнул.

Я перестала жаловаться на невнимательность Клеопатры, которая умудрилась потерять моего питомца.

– Ладно, я уже иду за тобой, – сказала и пошла за животным, провожаемая любопытными взглядами.

Бегемот повел меня по узкой улочке. Недалеко от нас пестрили витрины модных магазинов западных брендов. Уличные торговцы, в основном пакистанцы, уговаривали купить подделки.

Кот остановился у темной неприметной подворотни. Обшарпанная стена и граффити не вызвали желания углубляться туда. Он тоже не хотел идти дальше, усевшись на поребрике и впившись взглядом в какую-то невидимую мне точку.

Когда я сделала шаг в темноту, кот пронзительно замаякал, словно предупреждая меня, что это плохая идея. Проигнорировав его, я пошла дальше. Чувствовала, как сердце стучит где-то у горла, и надеялась, что он не пытался таким образом сказать мне, что Паймон где-то там поджидает меня со своим пламенным мечом.

В узкой канаве между зданиями стоял только мусорный контейнер. Меня остановил отвратительный смрад. Солнце уже зашло, а проход не был освещен. Я почувствовала под ногами какую-то липкую лужу и быстро отступила назад. Гадость. Наверное, это именно от нее так воняло.

Таинственная, кажущаяся черной в темноте жидкость стекала с мусорного контейнера, ритмично капая на тротуар. От зловония меня начало тошнить.

Я повернулась к выходу, но мой кот исчез. Мне тоже хотелось как можно скорее отсюда выбраться. Я вспомнила, как Белет создал пламя. Моя рука загорелась в темноте золотым огнем.

Я испуганно замерла. Лужа под моими ногами заблестела темно-красным цветом. Стены были забрызганы кровью. Недавно тут произошла резня. Словно понукаемая кем-то, я подошла к контейнеру и потянулась к крышке.

Пламя задрожало, когда я медленно ее подняла. В нос ударил нестерпимый запах смерти, и я чуть не уронила крышку обратно.

Я открыла глаза, которые на мгновение закрыла от ужаса. В контейнере лежали окровавленные трупы старика, собаки и мужчины в униформе официанта из ресторанчика на Платейя Митрополеос. Официант умер недавно – это его кровь из перерезанного горла и проткнутого сердца стекала в канаву. Наблюдатель вместе с лабрадором лежал здесь уже давно. Были видны первые признаки разложения.

Я захлопнула крышку контейнера и, пошатываясь, выбежала из переулочка. Меня вырвало. Я быстро отозвала силу, и моя рука перестала пылать. Какое-то время я сидела, уткнувшись лицом в колени, чтобы успокоиться. Рвотные позывы продолжали сотрясать мое тело, несмотря на то что мой желудок был уже пуст.

Наконец я встала и на негнувшихся ногах двинулась вперед. Будто в трансе я вышла на многолюдную улицу, полную туристов. Смех и шум чьих-то разговоров доносились до меня, как сквозь вату. Я ощущала себя как будто в другом мире.

Кто-то положил руку мне на плечо и крепко сжал пальцы, больно впиваясь ими прямо над ключицей. Это было реально. Слишком реально.

Я окаменела. Мне хотелось кричать окружающим меня людям, молить их о помощи, о спасении. Но я не могла выдать из себя ни звука.

– Дьяволица Виктория? – раздался за моей спиной голос Паймона.

Я медленно обернулась. Он весело мне улыбнулся.

– Ты что-то побледнела, – укоризненно заметил он. – Неужели ты нашла бедного Костаса?

При мысли о нем мне снова поплохело. Паймон, кажется, заметил, что меня сейчас вывернет, потому что он скорее отступил от меня, встал сбоку и грубо схватил меня за локоть.

– А теперь мы пойдем в сквер у метро напротив парламента, – холодно сказал он.

– Никогда! – Я попыталась вырваться.

Он крепче стиснул мой локоть. У меня мгновенно онемели пальцы, когда он надавил на нерв. Я простонала.

– Попробуй только позвать на помощь, и по этой улице потекут кровавые реки. Ты этого хочешь? – Он развернул меня к матери с маленьким ребенком в коляске. – Хочешь, чтобы они все погибли? Погибли из-за тебя и твоей глупости?

Я громко сглотнула слюну и отрицательно покачала головой.

– Не хочешь? – убедился он и усмехнулся. – Хорошая девочка.

Паймон не был красив. Я не представляла, как он мог когда-то быть ангелом. Искажившееся в безумии лицо, острые, словно волчьи, зубы, сальные волосы, в которых сверкала серебряная диадема. Сегодня на нем был его плащ, под которым он спрятал ножны с мечом и штаны. Обuvi он по-прежнему не носил. Удлиненные холщовые штаны прикрывали голые стопы.

– Ты пойдешь со мной и не сбежишь от меня? – спросил он сладким голосом.

– Зачем мне идти с тобой? – выдавила я. – Ты хочешь меня убить?

Паймон глухо рассмеялся.

– Конечно, нет. Я просто хочу поговорить...

Пока мы шли в сквер напротив афинского парламента, Паймон все время держал меня за локоть. Место отдыха для местных жителей, расположенное в конце главной улицы, напоминало мне нашу варшавскую «сковородку».

Прямо перед нами на скейтборде проехал какой-то парнишка. Сильно приспущенные зеленые штаны сковывали его движения, но он спустил их еще ниже. Из-под ядовито-желтой футболки торчали красные боксеры. Ну, что же... главное – это правильно подобрать цвета. По крайней мере, парень сразу же бросался в глаза, как светофор.

– Чего ты хочешь? – прошипела я дьяволу.

Не говоря ни слова, он повел меня к скамейке в тени, на которую не падал свет уличных фонарей. Мы сели. Он по-прежнему молчал, наблюдая за окружающими нас людьми. Взрослыми, маленькими детьми, подростками. В это время здесь было оченьлюдно – вечером это место становилось настоящим оазисом общественной жизни.

– Я хочу просто поговорить, – неожиданно заговорил он. Я удивленно вздрогнула. – Не причиню тебе вреда.

Я презрительно усмехнулась.

– Я тебе не верю, – сказала я.

– Знаю. – Он посмотрел мне прямо в глаза.

В них больше не было безумия. Только интеллект. Это парализовало меня больше, чем когда он смотрел на меня с жадной убийств.

– Послушай, Сатана не выносил вам смертного приговора. Он хочет убить только людей с Божьей Искрой. Вас он велел не трогать. Ну, если только вы не будете мешать нам. Тогда мы можем вас умирить.

Сальные каштановые волосы падали ему прямо на глаза. От него пахло животными – кажется, лошадьми. Азazel говорил, что его животным был верблюд. Они воняют, но разве так? Я не была уверена. Во всяком случае, это был неприятный запах. Мне хотелось отодвинуться, но я не могла, потому что он все время держал меня.

– Я хочу только поговорить. Не убегай и не пытайся атаковать меня, иначе я убью всех людей, которые здесь находятся. – Он вывел рукой дугу в воздухе, показывая мне десятки беззащитных и не подозревающих об опасности афинян.

– Ты знаешь, что я могу тебя убить? – заметила я.

Он иронично мне улыбнулся.

– Если бы у тебя была сила сделать это, ты бы уже давно это сделала. Но ты слаба, и мы оба об этом знаем. В тебе нет столько мужества, чтобы лишить кого-то жизни.

Я хотела начать пререкаться, но он был прав. Я даже насекомых не убивала. Ну... кроме муравьев. Они такие мелкие и отвратительные, что мне их не так жалко.

– Чего ты хочешь от меня? – процедила я.

Он крепче сжал мой локоть.

– Как я уже говорил, поговорить. Думаю, мы можем прийти к согласию.

– Мы? – фыркнула я.

– Выслушай меня наконец.

На его лбу начала пульсировать маленькая жилка. В конце концов мне удалось хоть немного его разозлить. Он нахмурился и снова надел на лицо маску спокойного интеллигента.

– Мы оба не хотим умирать. Ни ты, ни я. Но одному из нас придется умереть, потому что мы стоим по разные стороны баррикад. Ты стараешься спасти людей с Искрой, а я получил задание их убить. Я предлагаю заключить сделку.

– Мы должны договариваться через несколько часов в пустом здании, – заметила я.

- О нет, - фыркнул Паймон. - Тогда мы просто обменяемся заложниками. Кроме того, я хотел поговорить с тобой наедине, без этих интриганов, твоих помощников.

Толпа смертных сгустилась с каждой минутой. Я не могла убежать. Не хотела, чтобы он убил их в приступе безумия.

- Отдай нам людей с Искрой, и мы оставим тебя в покое. Сатана тебя простит. Позволит пользоваться Искрой, - искушал меня Паймон. - Знаю, что тебе важно возвращаться на Землю. Он сделает это возможным.

Я глухо рассмеялась.

- Моя свобода в обмен на смерть Петрека? Но тогда мне незачем будет возвращаться.

- Какое тебе дело до этого смертного?

- Я люблю его, - пожала плечами я.

Я с такой легкостью это произнесла, кажется, я наконец с этим смирилась.

- Ты влюбишься еще не раз, - сказал он. - Ты будешь жить вечно.

- Я его не предаю, - уперлась я.

Он нахмурился, явно не ожидая такого развития ситуации. Наконец он улыбнулся, найдя решение.

- Мы можем договориться. Сатана наверняка позволит ему прожить еще несколько десятков лет. Только после этого его убьют.

- И лишат загробной жизни.

- Большинство людей и так в нее не верят. Для него ничего бы не изменилось.

- Он верит...

- Когда он умрет, ему и так будет все равно. У него не будет сознания. Он не будет тебя жалеть, не будет скучать. Его попросту не будет. Зато он проведет с тобой несколько десятков счастливых лет. Подумай над этим.

- Я не обменяю его загробную жизнь. Петрек мне не принадлежит, - возразила я. - Может, он вовсе не захочет быть со мной все эти десятилетия? Как я могу сказать ему, что он просуществует столько времени, а потом исчезнет?

- Ты не обязана говорить это ему.

- Я не собираюсь врать!

Паймон коротко рассмеялся, увидев выражение моего лица.

- Просто не рассказывай ему всей правды.

- Это тоже будет ложью.

Он тяжело вздохнул:

- На земле 6,6 миллиарда людей, но особа с Искрой, начавшая революцию, обязательно должна была оказаться такой благородной...

Некоторое время мы мерили друг друга взглядами, а я пыталась найти в себе ненависть к нему и разжечь ее, чтобы его уничтожить. Безуспешно. Я слишком сильно его боялась.

- Попробуем договориться, - начал он снова. - Ведь я предлагаю тебе целых несколько десятков лет для твоего возлюбленного. Чем тебе это не нравится?

- Я не верю, что ты сдержишь обещание...

Он рассмеялся:

- Почему ты мне не веришь?

- Потому что ты пытался меня убить.

Что за придурок. У него еще хватило наглости спросить, почему я ему не верю.

– А это интересно. Я только пытался тебя убить, а Азазель и Белет это сделали. Почему тогда ты доверяешь им?

Я не могла ответить ему на этот вопрос. Петруша тоже обратил на это внимание, но я до сих пор не понимала, почему я так сильно к ним привязана. Белет привлекал меня, но не более того. Азазель. Хм... На Азазеля мне было наплевать. Тогда почему я так цеплялась за них?

– Обдумай мое предложение, – сказал Паймон и посмотрел в небо. – Через час встретимся. Ты откажешься вступать в бой и отдашь нам заложников. Взамен получишь несколько десятков лет жизни для твоего Петра.

Он отпустил мой локоть. Я быстро отскочила от него на другую сторону скамьи, как будто эти полметра могли обеспечить мне безопасность.

– До встречи, – кинул он мне, уходя.

Паймон смешался с толпой и через мгновение исчез из виду. Я обхватила себя руками. Мне нужно было возвращаться на нашу базу в типографии. Хотелось как можно скорее убедиться в том, что с Петреком все хорошо, что он в порядке.

Сквозь толпы людей я побежала искать какое-нибудь уединенное место, которое, к сожалению, было непросто отыскать. Наконец я оказалась на станции метро, заперлась в туалете и вставила дьявольский ключ в стену. Передо мной появилась маленькая белая дверка.

Уверенным шагом я вошла в типографию и застыла. Это была гостиная в резиденции Азазеля. В центре стояли печатный станок и несколько столов с компьютерами. «Старушка сама открыла типографию». Конечно... и наверняка сама нашла помещение, сдаваемое в аренду Азазелем.

Я заглянула в соседнюю комнату. Нервный лакей Карлос аж подпрыгнул, когда я хлопнула дверью. Он поклонился мне в пояс. Мне стало интересно, что сейчас делает второй незаконный раб Азазеля.

– Вам что-нибудь принести? – спросил он.

Я колебалась.

– Может, свежевыжатый апельсиновый сок?

Теперь ясно, чем все еще занимался Педро. Я кивнула. В комнате сидела старушка, турок Айкют, Петруша и Белет. Дьявол вскочил со стула при виде меня.

– Вики, любимая, ты в порядке? Дорогая, скажи что-нибудь. Я так волновался, тебя не было так долго. – Белет обнял меня. Над его плечом я увидела кислую мину Петрека.

– Я в порядке. – Я высвободилась из его объятий. – Но мне не удалось спасти объект номер шесть. Он был уже мертв, когда я туда попала...

Белет опустил голову.

– Объект номер четыре тоже был мертв. Я нашел только его останки.

Я подошла к Петреку и села рядом с ним. Он взял меня за руку.

– Ты не виновата в том, что он умер, – сказал он. – Ты не виновата.

Я уже собиралась рассказать ему о предложении Паймона, но сдержалась. Я все равно не собиралась торговать его бессмертной душой. Я хотела бороться за нее до тех пор, пока там наверху кто-нибудь не заметит, что творится в Аду.

Айкют крикнул что-то телевизору. Я посмотрела на экран. Там шла польская романтическая комедия. Главные герои, такие сладкие, что зубы скрипели, и абсолютно нереальные, только что поженились.

– Я не понимаю этих ваших свадебных обычаев, – сказал Айкют старушке Анне Ковальской.

В Аду со всех снималось проклятие Вавилонской башни. Мы могли свободно общаться на любом языке – существующем или давно забытом и мертвом.

– Все просто – они бросают в них монетками на счастье, – терпеливо объяснила ему старушка.

– Не понимаю, – буркнул турок. – Значит, повезет тому, что попадет новобрачной в глаз?

Петрек послал ему многозначительный взгляд.

– Это продолжается уже несколько часов, – пробормотал он.

Я не успела посочувствовать ему, потому что в этот момент на стене рядом с нами засверкал контур белой двери. Азазель вбежал в комнату, увлекая за собой какого-то растерянного пожилого мужчину и молодую девушку.

– Что происходит? – воскликнул он с порога, резко захлопнув дверь.

В ответ я только пожала плечами. Белет отвел взгляд в сторону. Азазель уперся руками в бока. Его лицо выражало глубокое презрение.

– Чтобы мне еще раз пришлось работать с двумя настолько непонятливыми новичками, – тихо сказал он.

– Они не виноваты, – встал на нашу защиту Петрек.

Белет послал ему ледяной взгляд.

– Нам не нужна твоя помощь. А у тебя, Азазель, нет другого выхода, – рявкнул он.

Азазель поднял глаза к небу и подтолкнул к нам своих спутников.

– Познакомьтесь с Джоном из Австралии и Кармен из Испании. Пока вы там халтурили, я успел спасти целых два объекта.

Смертные робко поздоровались со всеми в комнате. Азазель глянул на часы, висевшие на стене. Шесть часов, которые дал нам Паймон для принятия решения, прошли незаметно.

– Так каков наш план? – Он посмотрел мне прямо в глаза. – Осталось меньше тридцати минут – и три объекта на земном шаре.

– Не успеем, – сказал Белет.

– Ты прав. – Азазель скривился и начал беспокойно кружить по комнате.

Карлос подошел ко мне и подал мне полный стакан свежавыжатого апельсинового сока. Я взяла его и нечаянно пролила немного себе на туфли... Собравшись сделать глоток, я заметила, что на поверхности плавает кусочек ногтя. Я быстро поставила стакан на столик.

Опустив взгляд вниз, я вдруг поняла, как выгляжу. Подол длинной юбки был запачкан кровью бедного официанта. Я тут же сменила ее на джинсы.

– Ладно, идем на встречу, – сказал Азазель. – С остальными объектами разберемся позже. Осталось два во Франции и один в России. По одному каждому – идеально. А теперь идем, встретимся с ними лицом к лицу и заберем эту... как ее там? А, Монику.

– Что именно мы будем делать? – спросила я.

Азазель задумчиво почесал подбородок.

– Я бы попробовал посадить их на кол, пронзить им сердце, отрезать их тупые головы, затем порубить на куски, тела сжечь, а то, что останется, положить напротив резиденции Люцифера, прямо под окнами его спальни, чтобы он, только проснувшись, увидел их паршивые окровавленные морды. Но это так, примерное предложение...

Да, про Азазеля нельзя было сказать, что он страдал от недостатка воображения...

Белет хлопнул в ладоши и поднялся с кресла.

– Тогда идем. Совсем скоро мы с ними встретимся, а до этого было бы неплохо осмотреть здание, чтобы они не могли нас ничем удивить.

– Я иду с вами, – Петрек тоже вскочил с места.

– Ни за что. – Я остановила его, положив руки ему на грудь.

Он не мог рисковать собой, ведь именно это нужно было Паймону и Агаресу. Они хотели, чтобы он пришел на эту встречу. Когда они поймут, что я не собираюсь заключать с ними никакие сделки, они попытаются его убить. Таким образом, он сам попадет к ним в руки.

– Почему нет? – спросил Белет. – Если он хочет, пусть идет.

Я остро посмотрела на него, но Белет проигнорировал этот взгляд и продолжил:

– Если он хочет тебя защитить, потому что знает, что ты можешь погибнуть, а он может умереть, – он кивнул на него и снова посмотрел на меня, – то у него должен быть шанс поиграть в рыцаря.

– Белет, не подначивай его, – рявкнула я и обратилась к Петреку: – Ты никуда не пойдешь! Это слишком опасно.

– Ты превращаешься в его мать, – пробурчал себе под нос Белет.

Я даже не успела ничего ему ответить. Петрек вытащил из ножен свою катану и подошел к Азазелю, который уже сжимал в руке дьявольский ключ.

– Я иду с вами, – твердо заявил он.

Резкий свет ранней зари рисовал на бетонном полу бледно-желтые полосы. Недостроенное заброшенное здание пугало пустыми окнами, пленкой, висевшей в дверных проемах, и торчащими из стен кабелями.

Я споткнулась о какую-то трубу.

Неизвестная страна, незнакомый город. Мы только примерно знали, сколько сейчас времени. У нас было несколько минут, чтобы изучить расположение помещений. Дьяволы побежали по темной лестнице исследовать верхние этажи, а мы с Петреком остались на первом.

– Посмотри, есть ли здесь какие-нибудь помещения, где ты мог бы укрыться, – сказала я ему и выбежала наружу.

Вокруг бесконечно тянулись поля. Перезрелые зерна волновались на ветру. По пустому шоссе не ездил ни один автомобиль. Облака цвета стали застилали небо. Дьяволы выбрали хорошее место для встречи – абсолютно уединенное, ни один смертный не путается под ногами. Не должно быть случайных жертв.

Я посмотрела на опустевшее здание. Все было обветшалым – кирпичи, трубы, мешки с цементом. Странно, что местные воры не растащили брошенное добро.

Петрек подошел ко мне и положил руку мне на плечо. Я прижалась щекой к его пальцам. Как мне и хотелось, он обнял меня, откинул волосы с моей шеи и начал ее целовать.

– Я боюсь за тебя, – призналась я.

– Зря, – пробормотал он, не переставая ласкать мою шею.

– Это бессмысленно, – прошептала я. – Ты должен был остаться в Аду. Здесь ты можешь только погибнуть.

– Ты начинаешь вести себя как Белет, – обиженно сказал он. – Я хочу быть здесь. С тобой. И точка.

Я замолчала и уставилась на колышущуюся рожь, сверкающую золотом. Типичная картина для Центральной и Восточной Европы. В голову мне пришла сумасшедшая мысль. Может, это окрестности Чернобыля? Это объяснило бы отсутствие людей в округе.

– Если бы у тебя был выбор прожить всю жизнь, но потом потерять свою бессмертную душу и возможность загробной жизни или сражаться и, возможно, проиграть, что бы ты выбрал? – спросила я.

Он перестал целовать мою шею.

– Почему ты спрашиваешь меня об этом?

Я повернулась к нему лицом:

– Я встретила Паймона в Афинах, и он сделал мне такое предложение. Если я выдам оставшиеся объекты, он не станет тебя убивать еще несколько десятков лет.

– И что ты ему ответила?

– Я сказала, что буду бороться за твою бессмертную душу, – ответила я. – Он дал мне время подумать. Наверное, он считает, что я изменю свое мнение.

Петрек притянул меня к себе и крепко обнял.

– Что бы ты выбрал? – снова спросила я.

– Несколько десятков лет покоя либо возможность немедленной смерти, хм...

– Петрек, тебя ждет вечность, – сказала я. – Что такое десятки лет против вечности?

Я вдруг поняла, что цитирую демона, который сообщил мне, что я шестьдесят шесть лет буду служить Сатане в качестве дьяволицы. Вспомнила свое возмущение, когда узнала об этом.

– Будем сражаться, – сказал он спустя мгновение, которое тянулось для меня как бесконечность.

Я боялась, что он предпочтет покой, оплаченный другими людьми с Искрой. Хотя кто бы отказался от вечности, если бы на сто процентов знал, что она существует?

– Я хочу показать тебе Ад, – призналась я. – Он действительно красив.

– Я видел кое-что из окна типографии.

– Ты не видел скал, утесов, всего города Лос-Дьяблоса, заката и восхода солнца на пляже. Ад... может показаться настоящим Раем. Но я начала нести ересь. – Я рассмеялась сама над собой.

– Зато ты моя еретичка, – сказал он и поцеловал меня в лоб.

В этот момент Раем для меня был даже этот пустырь, в месте, о котором забыл весь мир.

– Снова липните друг к другу? – буркнул Белет, подходя к нам.

Интересно, что из нашего разговора он успел услышать. Подслушивал ли он, когда я говорила о разговоре с Паймоном? Мне стало стыдно, что я даже на мгновение задумалась о возможном предательстве, лишь бы только спасти Петрека. Даже на несколько десятков лет.

– Ты спрячешься в той комнате, – сказал Белет Петреку, показывая на заваленный пленкой коридор. – Там в конце есть лестница. Поднимешься по ней на один этаж, там будет большое помещение. В нем есть отдельный выход. Успеешь убежать, если что-то пойдет не так.

– Мы подождем здесь. – Азазель неизвестно откуда вдруг оказался рядом с нами. – Мы попытаемся отбить Монику.

Он протянул Петреку свой ключ.

– Если что-то пойдет не так, беги, – добавил он.

– Я не хочу прятаться, – запротестовал Петрек. – Хочу сражаться вместе с вами.

Белет посмотрел на него с нескрываемым презрением.

– Ты даже сражаться не умеешь, – хмыкнул он. – Прячься, пока можешь. Прячься, как слабая женщина.

На мгновение мне хотелось возразить в защиту своего пола, но я поняла, что в принципе мне очень хотелось где-нибудь спрятаться и переждать всю эту суету.

Петруша снова начал протестовать, но Азазель перебил его, примирительно сказав:

– Слушай, ты нам только мешать будешь. Мы постараемся отвлечь дьяволов. Ты вмешаешься в определенный момент, когда понадобишься. Кто знает, может, ты спасешь нам жизнь?

Белет начал что-то бормотать себе под нос, но никто не обращал на него внимания.

– Ты наш козырь, – продолжал Азазель. – Посмотрим, как все сложится. Мы определенно не собираемся жертвовать этой смертной...

– Но ты можешь пожертвовать собой, не стесняйся, если что, – встрял Белет.

– Итак, как я уже говорил, – Азазель многозначительно кашлянул, – мы не собираемся ею жертвовать. Они наверняка взбесятся, услышав это, и начнется бойня.

– И самое время вмешаться тебе, – снова перебил его Белет. – Только не забудь оставить свою саблю в другом помещении...

Азазель со свистом втянул сквозь зубы воздух.

– Итак, на это время ты останешься там. Если нам понадобится помощь, мы позовем. Ясно?

Петруша кивнул и легко сжал мои пальцы. Мы ласково улыбнулись друг другу, на что Белет сделал вид, будто его тошнит. Может, это из-за того, что красивый дьявол находился в моем обществе, но у меня было ощущение, что он стал вести себя как малое дитя.

Настал час встречи. Петрек ушел на свою позицию. Белет встал у входа в коридор, как велел ему Азазель. Я сомневалась, что он будет добросовестным охранником. Эти сомнения, видимо, отразились на моем лице, потому что он слегка мне улыбнулся. Я успокоилась, ведь когда-то он пообещал мне, что не причинит Петреку вреда.

Напротив нас на грязной обшарпанной стене появился контур высоких ворот Агареса. Свет зари едва рассеивал мрак. Дьяволы встали прямо напротив нас. Паймон держал за руку испуганную Монику. Тени под ее глазами стали больше.

Агарес многообещающе нам улыбнулся и поднял руки в знак мира.

– Здравствуйте. И как? Приняли решение? – спросил он.

Я вынула саблю из ножен. Агарес нахмурился.

– Стойте, стойте, стойте, – быстро сказал Азазель, пытаясь потянуть время. – Она просто любит ходить с мечом, такой у нее заскок. Итак, что мы решили, вы спрашиваете? Да?

– Об этом можно было догадаться по моему последнему вопросу... – фыркнул с отвращением Агарес.

Азазель сделал несколько шагов вперед, сцепив пальцы.

– К сожалению... мы решили не удовлетворять вашу просьбу. Поняли, что души людей, одаренных Божьей Искрой, слишком много для нас значат. Естественно, не в материальном смысле, а чисто духовном. Однако же...

– Хватит болтать, – прорычал Паймон. – Конец переговоров.

Он выхватил меч из ножен, висевших поперек спины. Я бросилась к нему с вытянутой саблей. Азазель и Белет в ту же секунду подскочили к Агаресу.

Паймон толкнул на меня Монику. Мы тяжело упали на землю. Падая, она ткнула меня локтем в живот. У меня на мгновение потемнело в глазах.

– Где они?! – Дьявол схватил меня за волосы и ударил головой о бетонную стяжку. – Где они? Говори!

Я плюнула ему в лицо. Моника, воспользовавшись суматохой, вскочила и побежала вперед. Она случайно выбрала тот коридор, в конце которого, в комнате этажом выше, спрятался Петрек. Она даже не попыталась мне помочь.

Я уперлась обеими руками в грудь Паймона.

– Ничего я тебе не скажу, – крикнула я и подтолкнула в его сторону силу.

Его швырнуло в потолок, и он тяжело упал на пол.

– Ах ты, сука! Я тебя прикончу! – прорычал он, с трудом поднимаясь.

Я вскочила на ноги и бросилась в коридор, противоположный тому, где находился мой Петруша. Краем глаза я увидела, как Агарес распарывает топором живот Азазеля. Белет, крича и обильно истекая кровью от раны на лбу, в этот момент замахнулся катаной, целясь в шею старого дьявола.

Моя офицерка вспыхнула, когда я случайно ударила клинком о стену. Позади себя я услышала пыхтение Паймона.

Со всего размаху я ввалилась в какое-то небольшое помещение. На земле лежал мешок с цементом, на котором было написано что-то на кириллице. Я споткнулась об него и упала на землю, прикусив себе язык. Паймон тут же вбежал за мной. На его губах появилась отвратительная улыбка. Дьявол в одно мгновение подскочил ко мне и сел верхом мне на живот.

– Что? Больше не хотим сотрудничать? – стал издеваться он.

Я попыталась ударить его офицеркой, но он ловко вырвал ее у меня из рук и поднял их наверх, обездвиживая.

– Пусти меня! – крикнула я.

– А что ты со мной сделаешь? – рассмеялся он.

В его глазах я увидела желание.

– Дьяволица, – задумчиво произнес он. – Женщина.

Ну, просто верх ассоциативного ряда. Настоящий Эверест...

– Помогите! – взревела я ему прямо в лицо.

Он насмешливо засмеялся. Жирные волосы падали ему прямо на глаза. Он облизнулся.

– Так что ты мне дашь за жизнь своего любовника? – спросил он.

Прицепились они все к этому любовнику, ей-богу! Он отбросил свой меч, а другой рукой начал водить по моей блузке.

– Могу дать тебе вечный покой, – рявкнула я.

Я изо всех сил сосредоточилась на мешке с цементом рядом с моими ногами. Надеюсь, что он не был слишком влажным. Закрывает глаза.

Мешок взорвался, и мы оказались в облаке пыли. Он ослабил хватку, чем я тут же воспользовалась, освобождая руки. Когда он начал тереть глаза, я выползла из-под него и со всей силы пнула его обеими ногами.

Как я и думала, я попала прямо в пах. Что-то странно хрустнуло, по комнате прокатился крик, перешедший в кашель, когда дьявол судорожно вдохнул воздух с цементом.

Я двинулась вслепую, держась за стену. Минуту ранее я случайно наткнулась на свою саблю, лежавшую на полу, и теперь судорожно сжимала ее в руках. На ощупь я нашла выход на лестницу и побежала по ступенькам вверх, открыв слезившиеся глаза.

Все здание вдруг затряслось. Пол ушел у меня из-под ног. Я упала, ударившись голенью о край лестницы. Агарес явно разозлился. Я вспомнила, как он распорол топором живот Азазеля. О боже! Останется ли он в живых?!

Я быстро побежала по незнакомому мне коридору. Я пыталась добраться до второй лестницы, по которой я могла бы спуститься к Петреку.

Здание снова затряслось. По стенам пошли трещины. Кто-то пронзительно закричал. Я запуталась в полупрозрачной пленке, висевшей в проходе. Ругаясь и тревожно оглядываясь, не преследует ли меня Паймон, я высвободилась из шуршащей ловушки.

Я сбежала по лестнице на нижний этаж и, конечно же, не оказалась в нужном мне коридоре. Перепрыгивая через брошенные мешки с цементом и мусор, я бежала вперед. Ввалилась в первую комнату, где мы встретились с враждебными дьяволами.

Прямо перед собой я увидела что-то завернутое в пленку. Повсюду были видны следы борьбы. Разбросанные вещи, глубокие опаленные зазубрины от сатанинского оружия, пятна крови. Я подошла к свертку и дернула за угол пленки.

Под ноги мне выкатилась... отрубленная окровавленная рука.

У меня потемнело перед глазами. Я сделала пару шагов назад и упала за несколькими мешками с цементом.

На среднем пальце был огромный перстень с красным камнем. Это не была рука ни Азазеля, ни Белета. Я сглотнула. Должно быть, им удалось покалечить Агареса, а не кого-то из моих друзей. Я прижала ладонь ко рту, пытаясь успокоить желудок.

Услышала шаги.

Двое.

Они бежали навстречу друг другу.

Я спряталась за мешками с цементом, чтобы бежавшие меня не увидели. На всякий случай я прикрыла голову пленкой. Естественно, не окровавленной. При одной мысли о ней мне снова стало плохо.

В тот же момент в комнату с одной стороны ворвался Паймон, а с другой – Белет. Паймон заметно хромал и все время держался за самое уязвимое место. Зато мой друг выглядел как огурчик. Рана на лбу больше не кровоточила, он не хромал и даже не кривился.

Я уже собиралась вскочить на ноги, чтобы помочь Белету сразиться с этим монстром, как вдруг они оба сделали то, что меня изумило.

– Он там! Он побежал туда! – рьяно воскликнул Белет, указывая на коридор, ведущий в укрытие Петруши. – Он там, я только что проверил.

Паймон кивнул ему и побежал в указанном направлении.

Я не могла в это поверить. Белет предал меня. Предал меня и Петрека. Значит, Паймон пытался договориться со всеми нами, не только меня он пытался перетянуть на свою сторону.

Интересно, что он обещал Белету? Владение мной?

Я встала, отбросив пленку.

– Предатель! – крикнула я.

– Твою мать. – Белет удивленно попятился. – Это не то, о чем ты думаешь! – быстро сказал он. Слишком быстро...

– Не то? Не то?! Ты предатель! – снова крикнула я и побежала вслед за Паймоном.

– Твою же мать! – взревел позади меня Белет. – Подожди! Я тебе помогу!

– Отвали! – прорычала я.

Впереди раздался панический крик Моники. Паймон достиг цели. Хотя это было некрасиво и потом мне было очень за это стыдно, я мысленно попросила его убить ее первой.

К сожалению, то, что я увидела, когда вбежала в комнату вслед за Паймоном, не указывало на такое развитие событий.

Петрек, как и подобает храброму рыцарю, закрыл собой Монику и вытянул в сторону Паймона катану, приняв фехтовальную позицию. Именно это дьяволу и было нужно.

Все еще держась за пах, он приближался к ним, в одной руке держа поднятый над головой меч. Я подкралась к нему сзади и всадила свою тонкую саблю куда-то в область его левой почки. Я надеялась, что случайно попала в селезенку – орган с очень тонкими стенками. Был шанс, что он истечет кровью.

Паймон яростно завыл и закружился вокруг самого себя, вырывая из моих рук оружие, застрявшее у него в спине. Его меч совершил дугу в воздухе. Если бы Белет не схватил меня в охапку и не бросился вместе со мной к стене, то у меня бы уже не было головы, так плотно прикрепленной к шее...

Петруша тоже упал, потянув за собой воющую, как пожарная сирена, Монику, когда меч Паймона пронесся над их головами.

Белет крепче стиснул свою катану и бросился на злого дьявола. Тот с криком отскочил и начал отступать к выходу. Видимо, он понял, что остался один. Его сообщник Агарес куда-то исчез.

Хотя Паймон все еще мог рассчитывать на его руку помощи, которая все еще лежала где-то в коридоре...

– Я вам отомщу! Отомщу! – прохрипел дьявол, плюясь слюной.

Он все это время отступал. Кровь из раны на спине капала на бетонный пол. К сожалению, текла она не так быстро и сильно. Если у него не было сильного внутреннего кровоизлияния, то на разрыв селезенки рассчитывать не приходилось.

А я уже надеялась...

Он размахивал перед собой мечом, чтобы мы не могли подойти. Другой рукой он наугад сунул дьявольский ключ в стену за своей спиной. В материи начала образовываться дверь. Он хотел от нас сбежать.

– Я прикончу вас, – прохрипел он. – Клянусь собственной жизнью, прикончу!

Он дернул за ручку и прыгнул на другую сторону. Проход за ним закрылся. Мы остались одни.

Белет тяжело оперся о стену и уставился в пол, старательно избегая моего взгляда. Но мне вовсе не хотелось на него смотреть – я внимательно наблюдала за Петрушей и Моникой.

Девушка повисла у него на шее и неистово целовала его лицо.

– Мой любимый, мой милый, – щебетала она. – Ты спас меня! Спас!

– Моня, все хорошо, – утешал он ее, ласково поглаживая по спине.

Моня? Моня?!

– Спокойно, милая, спокойно, – говорил он ей приглушенно.

– Я люблю тебя, люблю, – как мантру повторяла Моника.

Петрек даже не посмотрел на меня.

Это невероятно, но во второй раз за неполные десять минут я почувствовала себя преданной...

Мой новый рекорд.

Мы быстро перешли в особняк Азазеля. Моника все время обнимала Петрушу. Он не протестовал.

Как только мы прошли через дверь, нас охватила невероятная суматоха. Карлос бегал туда-сюда, прижимая к груди окровавленные полотенца. Старушка плакала в углу, громко сморкаясь в носовой платок. Наши объекты о чем-то спорили. А посреди этого всего на диване лежал бледный, почти прозрачный, Азазель, прижимая к животу белую простыню, которая мгновенно становилась красной.

– Азазель! – Я подбежала к нему и упала рядом.

Он даже не улыбнулся – лежал с полузакрытыми глазами, поверхностно дыша.

– Он получил по животу топором Агареса, – сказал Белет, присаживаясь на корточки рядом со мной.

Моника при виде дьявола начала кричать. Человек умирает, она его пугает. Откуда вообще берутся такие кретинки?

– А кто отрезал Агаресу руку? – спросила я, осторожно поднимая с живота Азазеля мокрую простыню.

Глубокая рана сильно кровоточила. Мелькнули блестящие кишки. К счастью, желудок у меня уже был давно пуст. Смогу ли я залечить эту рану так же, как и рану Белета? Боялась, что у меня ничего не получится.

– Я, – пробормотал красавец дьявол, напряженно вглядываясь в лицо побледневшего Азазеля.

Казалось, он вот-вот умрет, он потерял много крови. Слишком много. Его организм не успевал восстанавливаться. К тому же раны, нанесенные сатанинским оружием, заживали очень плохо.

Моника продолжала стонать, обводя испуганным взглядом всю комнату. Петрек обнимал ее и пытался успокоить. Я слышала, как он объясняет ей, что произошло и где мы находимся. Из-за нее я не могла сосредоточиться и раздраженно вздохнула.

– Мужик, ты можешь ее отсюда забрать? – спросил Белет у Петрека. – Вы мешаете. Некоторые тут умирают.

Как будто он снова мог читать мои мысли. Или я просто подумала об этом слишком громко? Я благодарно ему улыбнулась. Петруша быстро глянул на меня и отвел взгляд. Увидев выражение моего лица, он слегка отстранил Монику, но она тут же прижалась к нему еще крепче. В конце концов он сдался и вывел ее в коридор.

Я просунула руки под окровавленную простыню Азазеля, стараясь не думать о том, к чему прикасаюсь. Я вложила в него всю свою силу.

Не знаю, как долго я пыталась его спасти. Я была как в трансе, перестала видеть и слышать. Белет поддерживал меня, когда я теряла силы. Он что-то мне говорил, может, пытался убедить меня остановиться. Но я не могла. Если бы я это сделала, Азазель бы умер. Это было смертельное ранение.

У меня уже не было сил. Хотелось, чтобы все это кончилось. Хотелось уснуть и больше не открывать глаза. Кажется, я плакала от жалости к себе. Они оба меня предали. Белет – несмотря на свои обещания, Петрек – несмотря на жар в своих глазах.

Под измазанными кровью руками я почувствовала шрам. Рана затянулась. У меня получилось.

Неожиданно точки перед моими глазами вспыхнули белым светом. Глухой шум в ушах превратился в грохот, я не могла вдохнуть. Перед глазами потемнело.

Я потеряла сознание.

– Вики, Вики?! – как сквозь туман доносился до меня голос Белета.

Он был чем-то обеспокоен. Но чем? Я не могла ни на чем сосредоточиться. Где я была? Что случилось? Я медленно начала все вспоминать.

Открыла глаза. Белет держал меня в своих объятиях, нежно глядя по щеке.

– Ты в порядке? – спросил он с нежностью в голосе.

- Да, - пробормотала я и убрала его руки.

Я села. Самочувствие было намного лучше. Каждый раз, когда я слишком долго пользовалась силой и Искрой, я разряжалась, будто батарейка.

- А как он себя чувствует? - спросила я, показывая на Азазеля.

- Почти как новый, - ответил дьявол.

Я внимательно оглядела Азазеля. Он был мертвенно бледен и, что хуже всего, все еще без сознания. Но его дыхание уже выровнялось. На лице играла спокойная улыбка. Он не выглядел умирающим, он просто спал.

- Новый? - усмехнулась я. - Скорее уцененный из-за повреждений и заводских дефектов...

- Что? - удивился Белет.

- Ничего, ничего, - быстро сказала я.

- Он на мгновение очнулся, - сообщил мне красивый дьявол. - Сказал, что чувствует себя хорошо и ему нужно немного поспать. Он оказался верен своему слову. Я пытался его разбудить, но не смог.

Ничего удивительного. Должно пройти некоторое время, прежде чем организм Азазеля восполнит потерянную кровь. Видимо, пока это не произошло, он будет крепко спать.

- У нас есть перед ними преимущество, - радовался Белет. - Их некому лечить.

Я устало посмотрела на него. У меня не было сил на очередную перепалку. Мои окровавленные руки тряслись от изнеможения.

- Они наверняка сейчас спрятались, - предположил Белет, вытирая мои руки чистым полотенцем. - Появятся только через несколько часов, когда наберутся сил.

- Мы атакуем? - спросила я.

Надо так надо. Мне хотелось спасти остальных людей с Искрой, даже когда я сама была на грани истощения.

- Нам тоже надо отдохнуть несколько часов, прежде чем приступить к поискам последних трех объектов. К тому моменту они должны еще быть живы, - сказал Белет. - Кроме того, пока Азазель не очнется, мы не сможем их спасти. Я знаю только имена и страны, откуда они родом, а ты?

Я задумалась. Я тоже ничего больше о них не знала.

- Надо было слушать, что нам говорил Азазель. - Я вздохнула, глядя на погруженного в блаженный сон дьявола.

- И хотя бы раз выбраться с ним на разведку, - согласился Белет.

Я внимательно посмотрела на своего дьявола. Его волосы пропитались кровью и слиплись. Слева на лбу виднелась царапина от меча либо топора. Это была неглубокая, опаленная ранка, которая уже затянулась, но выглядела ужасно.

Петруша был в порядке. Только испачкался, как и все мы. Хотя нет, забыла, не все с ним было в порядке - у него на плече образовался нарост, обычно называемый «Моника».

- Сейчас надо поспать, - сказал Белет. - У меня нет сил совсем. Можем выбрать себе любую спальню, в доме Азазеля им нет числа. Кроме того, он наверняка не будет возражать. Петр, Моника! Слышите? Идем спать! Через несколько часов отправимся спасать остальных!

- Слышим, - сказал Петрек, втянув Моника обратно в комнату. - Пойдем, Моника, приляжешь где-нибудь.

- Только не одна, - воскликнула девушка. - Я боюсь!

Черт бы меня побрал. В прямом и переносном смысле. Я почувствовала, как сердце тревожно забилося в груди. Я ненавидела эту девушку всеми фибрами души. Мне было никак не понять, что влечет его к ней. Она была такая... обыкновенная.

А ведь он мог обладать мной!

Я сорвалась с места и направилась к выходу. Белет, конечно же, побежал за мной. В дверях стоял какой-то низенький мужчина в ливрее. Все его лицо было распухшим, глаза слезились и гноились.

- Чем-нибудь помочь? – спросил он по-испански.

Я резко остановилась.

- Что? – буркнула я.

- Вам что-нибудь принести? Апельсиновый сок?

Я поняла, что это Педро. Очевидно, он воспользовался тем, что Азазель был при смерти, и вышел из подвала, бросив очищать апельсины.

- Нет, спасибо, – буркнула я и прошла мимо него.

Передо мной находился коридор, полный дверей. Только какие из них вели в спальню? Любые? Я подумала об Азазеле и его «дикой похоти». Наверняка все они вели в спальню...

- Подожди, Вики, я все тебе объясню. – Белет схватил меня за локоть.

- Я не хочу с тобой разговаривать. – Я выдернула руку. – Ты обещал, что не причинишь ему вреда, но продал его Паймону!

- Я сделал это ради тебя, – сказал он с нажимом, прижимая меня к стене. – Он обещал мне, что не убьет тебя, если я его выдам. Он поклялся, что пощадит тебя и...

- И тебя тоже? – закончила я с насмешкой.

- Ну, и Азазеля... – Он отвел взгляд. – Ты же понимаешь... Он мой друг. Я бы не простил себе, если бы спас только нас двоих.

Я тяжело вздохнула:

- Мне не хочется с тобой разговаривать. – Я оттолкнула его и пошла по коридору.

Он тихо выругался себе под нос и снова догнал меня.

- Подожди, ты сердишься, что я хотел спасти и Азазеля тоже? Но я его люблю.

- Ты просто прикидываешься идиотом или ты на самом деле кретин? – спросила я с недоверием.

Белет прислонился к стене и устало посмотрел на меня:

- Я думал, что тебя это позабавит.

- Браво, – фыркнула я.

Я снова хотела уйти, но он удержал меня за локоть и не дал двинуться с места. Заставил посмотреть ему прямо в глаза.

- Ты злишься на меня за то, что так много для меня значишь? – спросил он.

- Нет, я злюсь на тебя не из-за этого. Не забывай, что ты снова хотел лишить Петрека жизни. Ты обещал, что не сделаешь этого.

- Ой, зна-а-а-а-аю, – протянул он.

Белет провел рукой по черным волосам. Уложенный ирокез уже давно развалился от снега и ветра. Волосы падали ему прямо на глаза, под которыми красовались темные круги. Он устал точно так же, как и я. Я посмотрела на ранку на его лбу и следы крови. Поняла, что он специально не уложил волосы обратно в ирокез – пытался прикрыть волосами шрам. Щеголь.

Я раздраженно вздохнула и откинула волосы с его лба, коснулась ранки кончиками пальцев. Если она была поверхностной, может, у меня получится ее убрать? Я сосредоточилась на ней.

Он не протестовал. Спокойно стоял напротив, впившись в меня взглядом своих золотистых глаз. Сегодня они были медового цвета. Кое-где сверкали золотые точки.

- Сама скажи, стоит ли его спасать? – спросил он.

- Азазеля? – Я сделала вид, что не понимаю. – Он же твой друг.

- Я говорю не о нем...

- Знаю...

– Ты видела, как он вел себя с этой Моникой. Кстати, она по сравнению с тобой такая уродливая и глупая...

Мы оба знали, что она не такая уж уродливая. Она просто другая – высоченная блондинка с голубыми глазами, я же шатенка среднего роста.

– Думаешь, ты должна его спасать? – еще раз спросил он. – Он не стоит всего этого. Не стоит тебя.

Я убрала пальцы с его лба. Никаких следов от раны. Оливковая кожа была безупречной. Наверное, я совершенствовалась. Мне захотелось попросить показать его шрам на ребрах, чтобы попробовать полностью убрать его, но после его последних слов желание куда-то пропало.

– Оно того стоило, – пробормотала я.

– Ты любишь его, – скорее заявил, чем спросил, Белет. – Но он тебя явно нет. Ты же слышала, что говорила ему Моника. Их что-то связывает.

– Тебе обязательно мне это говорить?

В моих глазах стояли слезы. Я не могла их остановить.

– Кто-то должен наконец тебе это сообщить, – сухо, но без удовлетворения сказал он.

Мы стояли молча. Я легонько шмыгнула носом и быстро вытерла уголки глаз.

– Прости меня, – сказал Белет. – Прости, что позволил Паймону уговорить себя. Прости за мое поведение.

Я кивнула в знак того, что прощаю.

– Пойдем, найдем тебе какую-нибудь спальню. – Дьявол взял меня за руку и повел по коридору. – У Азазеля действительно красиво обставленные комнаты. Прямо-таки созданные для... – Он сделал многозначительную паузу.

– М-м-м, – промычала я, сурово глядя на него.

Он, как ни в чем не бывало, предложил:

– Может, мне лечь с тобой? Это большой дом, полный посторонних звуков. Вдруг ты не сможешь заснуть... Гарантирую, ты уснешь без проблем.

– Нет, спасибо. – Я открыла первую приличную комнату.

– Ты уверена? – спросил он еще раз, внимательно оглядывая мою дверь. Он пытался ее запомнить.

– Абсолютно. – Я хлопнула дверью у него перед носом.

– Я буду в комнате напротив! – крикнул он напоследок. – Может, загляну к тебе перед сном.

Я включила свет. Хрустальная люстра осветила небольшое помещение, центром которого была кровать королевских размеров. Как и все другие комнаты в резиденции Азазеля, эта тоже была заставлена мебелью, украшена подушками, тяжелыми шторами и массой бесполезных безделушек.

Я вошла в примыкающую к комнате ванную, чтобы полежать в горячей воде. Хотелось смыть с себя пыль, грязь и кровь. Я открыла краны мраморной ванны.

Кто-то постучал в дверь моей комнаты.

Я решила не обращать на это внимания.

– Вики? Ты там? Впусти меня, – донесся до меня голос Петруши.

Я закрыла краны. Как я могла его не впустить?

– Секунду! – крикнула я и подскочила к зеркалу.

Взъерошенные, посеревшие от пыли волосы торчали во все стороны. На щеке красовалась полоска от цемента. Сама сексуальность...

Моей противницей была фигуристая (и, как и фигурка, тупая, на мой взгляд) Моника. Я щелкнула пальцами, приводя себя в порядок. Стерла кровь с ладони. Довольная увиденным, я пошла открывать дверь.

В коридоре, прислонившись в небрежной позе к косяку, стоял Петруша. При виде меня он выпрямился.

– Я не помешаю? – спросил он неуверенно.

– Я хотела принять ванну, – сказала я, пытаюсь казаться равнодушной.

Он долго смотрел на меня.

– Ага... – пробормотал он.

Ну ладно... Может, создавать блеск на губах было уже слишком.

– Мы можем поговорить? – поинтересовался он.

– А ты уже проводил Монику до кровати? – поддела его я.

Тут же выругалась про себя. Зачем я на него нападаю? Теперь он наверняка замкнется в себе.

– Все не так, – возразил он.

– А как тогда? – Я продолжала играть обиженную принцессу, хотя, по правде говоря, я не притворялась. Я действительно была обижена. Так сильно, что хотела выбросить его за дверь.

– Именно об этом я и хотел с тобой поговорить, – сказал он с нажимом.

По коридору неторопливым шагом шел Карлос, держа на подносе стакан с апельсиновым соком. Он встал у двери Белета и постучал, при этом изо всех сил наострив уши, чтобы уловить хотя бы обрывок нашего разговора.

– Я могу войти? – попросил Петруша.

– Входи.

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Петрек взял меня за руку и потянул к дивану.

– Вы встречаетесь? – выпалила я прежде, чем он успел открыть рот.

– Нет, – ответил он. – Помнишь, как ты исчезла?

Я разозлилась. Теперь он, наверное, попытается убедить меня, что это все моя вина!

– Я искал тебя. Даже связался с твоим братом, но он...

– Что ты сделал? – прорычала я. – Ты сказал моему брату, что я пропала?!

– Ну, да... – смущенно пробормотал он.

– Спасибо большое. Теперь он, наверное, до смерти волнуется. Как я все это ему объясню?!

Петрек виновато опустил голову:

– *Сорри...* я не знал, что ему нельзя ничего говорить. Я волновался за тебя, понимаешь? А я довольно редко о ком-то беспокоюсь...

Я покивала. Петрек был достаточно... специфическим человеком. Флегматичный индивидуалист, которому лучше всего жилось бы на необитаемом острове. Конечно, исключительно в том случае, если бы у него под рукой были кошка и компьютер.

– А я сходил с ума из-за беспокойства о тебе, – продолжал он. – Искал тебя повсюду, звонил, ходил к твоему дому, кружил по Праге. Однажды я встретил Монику, мы пошли выпить пива. Ничего особенного. Потом еще пару раз куда-то выходили.

– А теперь она кричит во все горло, что любит тебя, – мрачно пробормотала я.

– Она шокирована, – сказал он. – Ее держали в заложниках безумцы, оказавшиеся дьяволами. Быть напуганным в такой ситуации – это нормально.

Тогда я ненормальная, что ли?! Впрочем... когда я впервые встретила дьявола Азазеля во время торга за мою душу, я тоже была ужасно напугана.

– То есть... вы не пара? – тихо спросила я.

- Нет, - уверенно ответил он, глядя мне в глаза. - Хотя до этого было недалеко...

На его подбородке отчетливо виднелась однодневная сексуальная щетина. Прежде чем я успела подумать о том, что делаю, я погладила его по щеке. Черт... я снова сделала первый шаг. Он сначала удивился, но потом улыбнулся.

- Сейчас побреюсь, - сказал он.

- Значит, ты с ней сегодня не спишь? - спросила я, совершенно не слыша то, что он мне говорил. - И не собираешься? Вообще?

Он рассмеялся.

- Нет, Вики. - Он тепло улыбнулся. Его миндалевидные черные глаза весело блестели. - Не надо ревновать. Правда. Прости за сегодня.

Наконец я тоже улыбнулась, принимая эти слегка неуклюжие извинения. Он слегка сжал пальцы моей руки, которую не выпустил даже на мгновение. Я устало вздохнула. Буквально валилась с ног. Мне нужно было поспать хотя бы несколько часов. Я вспомнила, как ласково он шептал ей «Моня».

- Я хочу поспать, - сказала я.

Петрек смешался.

- О, конечно. Тогда я уже пойду, - пробормотал он слегка разочарованно.

Он наклонился и нежно поцеловал меня в губы.

Продолжая сидеть на диване, я смотрела, как он уходит. Я гордилась тем, что не бросилась ему на шею и не воскликнула: «Не уходи!»

Я вытащила золотую пробку из мраморной ванны. Вода начала просачиваться в отверстие. Я с любопытством уставилась на нее – мне было интересно, в каком направлении закрутится вода. В Северном полушарии она всегда закручивается вправо вследствие вращения земного шара. В Южном – влево. А в Аду, в центре Земли?

Вода свободно стекала в канализацию.

А в Аду вода вообще не закручивалась...

Завернувшись в махровое полотенце, конечно же кроваво-красное, я вышла из ванной. До этого я задернула шторы, поэтому комната была погружена в полумрак. Я щелкнула пальцами. Несколько толстых свечей появились на камине и низких столиках около кровати. Настроение и атмосфера сразу поменялись.

Я села на край высокой кровати и опустила на нее. Она оказалась очень мягкой. Хотелось зарыться в одеяла и погрузиться в объятия Морфея. Я кинула мокрое полотенце на стоявшее рядом кресло и сотворила на себе свою любимую пижаму.

Кресло начало ворчать. Через мгновение из-под мокрого полотенца выбрался Бегемот. Он обиженно фыркнул и пошел к двери.

– Котик, не уходи, – сорвалась я за ним. – Хотя бы ты со мной останься. Подожди! Спасибо, что пришел за мной в Ад.

Когда я подбежала за котом к двери, кто-то постучал. Я была слишком занята, пытаюсь поймать вырывающегося питомца, чтобы посчитать, сколько раз постучали. Если шесть, то можно было ожидать какого-нибудь жителя Нижней Аркадии, а если меньше или больше, то нормального человека.

Удивившись, я поставила кота на пол. Никто больше не мог ко мне прийти.

Два предательства.

Два раскаяния.

Больше нечего было сказать. На обоих я была обижена до сих пор.

Я открыла дверь. Он стоял напротив меня. Скромный, как обычно. Мокрые волосы падали ему на лоб. Должно быть, он, как и я, принимал до этого ванную.

– Бегемот! – обрадовался он при виде моего кота.

Животное недоверчиво подошло к нему и понюхало его штанину. Он посмотрел на меня своими большими глазами, а затем снова взглянул на гостя, думая, впустить его или нет.

Наконец он определился – прошел мимо его ноги и величаво пошел по коридору.

– Что может быть лучше, когда тебя отшивает кот, – сказал мой гость.

– Говорят, ты их любишь, – заметила я.

– Люблю.

Мы стояли, глядя друг другу в глаза. Я не знала, зачем он пришел, чего он ожидал. Я была уставшей и раздраженной. Мне хотелось наконец поспать.

– Я понял, что не пожелал тебе доброй ночи.

– Спокойной ночи, – сказала я ему.

Попыталась закрыть дверь, но он придержал ее рукой.

– Подожди... – Он сделал шаг в мою сторону. Я отступила назад, и он закрыл за собой дверь.

– Послушай... – начала я, но он не дал мне закончить.

– Я еще раз хотел извиниться перед тобой, – быстро сказал он.

Я отвела взгляд, любуясь драпировкой на шторах. Не могла смотреть на него. На его лицо, улыбку, блестящие глаза. Все это заставляло меня сразу же его простить, а мне еще хотелось на него

позлиться.

– Ты повторяешься, – поддела его я, усмехаясь себе под нос.

Он снова сделал шаг в мою сторону, а я отступила. Мы стояли посреди комнаты напротив громадного, усыпанного подушками ложа.

Сумрак, царивший в комнате, окутал нас, словно бархат. Немногочисленные свечи горели теплым оранжевым светом. Мы невольно заговорили друг с другом шепотом, как будто так требовал этот момент.

– Романтично... – Он огляделся по сторонам, излишне долго задержав взгляд на кровати.

– В этом вся я, – пробормотала я.

Мы снова стояли, глядя друг другу прямо в глаза. Непослушные волосы падали ему на лоб. Он заодно мне улыбнулся. Будто кто-то управлял моим телом, я протянула к нему руку и погладила по гладкой щеке, вдоль линии нижней челюсти, до полных губ.

Он сделал еще один шаг ко мне.

В этот раз я осталась на месте.

Он слегка улыбнулся. Обрамленные черными ресницами глаза смотрели на меня тяжелым чувственным взглядом.

Он был выше меня. Наклонился и нежно коснулся губами моих губ.

Я вздохнула, когда он оторвался от меня. Не очаровывал, не заговаривал. Просто стоял напротив меня со спокойной улыбкой. Я следила за игрой теней и мерцанием свечей на его лице. Он тоже внимательно изучал меня.

Вдруг я почувствовала себя глупо. Я стояла в своей пижаме с котятками, с волос капала вода, я была не накрашена. Он тоже был мокрым, но хотя бы одетым.

Видимо, он почувствовал мое замешательство.

Убрал мокрые волосы с моей щеки. Его полный восхищения взгляд скользил по моему лицу, по моей шее. Я прикрыла глаза, когда он нежно коснулся моей щеки, и открыла их, только когда он убрал руку.

На его губах играла нежная улыбка. Я поняла, что тоже улыбаюсь.

Пламя свечей тихо шипело. Воск стекал на дорогую мебель и ковры. Портреты на стенах, словно молчаливые наблюдатели, следили за каждым нашим шагом.

А мы стояли друг напротив друга, молча глядя друг другу в глаза.

– Можно мне остаться? – спросил он.

– Можно...

Я проснулась, вырванная из неглубокого сна. Посмотрела на мужчину рядом со мной. Несколько часов мы лежали, нежно обнявшись. Разговаривали обо всем и ни о чем, иногда прерываясь на поцелуй. Было достаточно просто лежать рядом, в объятиях друг друга. Может, нам обоим не хватало нежности.

В какой-то момент я, обессиленная, уснула.

Я начала осторожно отодвигаться от него, чтобы вылезти из-под его руки. К сожалению, он заснул, сжав пальцы на моей пижаме.

Мне не хотелось его будить. Ему надо было выспаться. Я собиралась найти Азазеля и расспросить его о следующих объектах. Надеюсь, он уже пришел в себя. Я не знала, сколько времени мы потратили на сон. Не исключено, что Паймон и Агарес нас опередили. Я не могла допустить, чтобы кто-то еще погиб из-за того, что я так безрассудно пользовалась своей силой и обрушила гнев Люцифера на всех людей с Искрой.

Кроме того, мне следовало хотя бы ненадолго появиться в Польше и успокоить брата. Он наверняка с ума сходил от беспокойства с тех пор, как Петрек его встревожил.

Наконец мне удалось убрать его руку с моей пижамы. Мужчина во сне перевернулся на живот, забирая себе мою подушку. Он был очарователен, когда спал.

Я убрала волосы с его лба, наклонилась и поцеловала в макушку.

Мне не хотелось уходить. Хотелось снова прижаться к его теплоте, сильному плечу, где я чувствовала себя в безопасности.

Вздыхнув, я встала и сменила пижаму на блузку и джинсы. Тихонько вышла из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я решила пройти в главное помещение, где располагался печатный станок для пропагандистских листовок – там мы оставили спящего Азазеля. Может, он уже проснулся?

Я не ошиблась. Азазель сидел в кресле и листал какие-то бумаги. Он все еще выглядел плохо. Бледность кожи резко контрастировала с чернотой его волос, завязанных на затылке в хвост.

Он слабо мне улыбнулся.

– Проснулась? – спросил он.

– Да. – Я вздохнула и села напротив него.

Может, я и не спала, но мысли слишком медленно шевелились в голове. Мой мозг определенно все еще был настроен на сон. Я создала себе кружку крепкого кофе. Просить прислугу Азазеля о чем-то, что было не апельсиновым соком, не имело никакого смысла.

– Понятия не имею, как ты это сделала, но я твой должник, – сказал Азазель. – Ты меня спасла, вылечила. Иначе я бы умер! Я твой должник. Спасибо.

– Не за что. – Я скромно пожала плечами.

– Нет, есть! Я правда очень тебе благодарен. Так и хочется тебя обнять и зацеловать!

– Не стоит, – быстро сказала я и сделала большой глоток кофе.

Моя поспешность не ускользнула от внимания дьявола.

– Бессонная ночь? – спросил он наигранно безразличным тоном, даже не глядя на меня.

– Я спала...

– Одна? – На его губах появилась легкая усмешка.

Моя рука слегка задрожала.

– Не притворяйся, что не знаешь, – фыркнула я. – Твой лакей наверняка подслушивал под дверью.

Он искренне рассмеялся.

– Я просто хотел сохранить видимость приличия. Спросил из вежливости.

Скорее из любопытства – вертелось у меня на языке, но я не стала говорить это вслух.

Азазель снова уставился в листы бумаги, делая вид, что его что-то безумно увлекает, а я – всего лишь один из наименее ярких элементов интерьера.

– И как все прошло? – неожиданно спросил он.

– Что, прости?! – Я поперхнулась кофе.

Азазель с наглой улыбкой смотрел мне прямо в глаза.

– Карлос сообщил мне, что у вас было очень тихо. Только не говори мне, что вы просто уснули. После всех этих усилий это было бы слишком. – Он изобразил в воздухе дугу.

– Я не собираюсь с тобой об этом разговаривать, – процедила я.

– Как хочешь. Но у меня большой опыт в этой теме, так что, если захочешь, я с удовольствием мог бы что-нибудь тебе посоветовать. – Он посмотрел на мое декольте. – И даже показать...

– Какой ты мерзкий, – сказала я.

Он искренне рассмеялся от выражения моего лица, и я поняла, что он снова меня разыграл. Как всегда, я легко повелась на все, что он говорил.

– А его... соперник... уже знает о том, что вы ночевали в одной комнате? – спросил он.

– Если твоя служба не уведомила его, то нет.

Дьявол, развеселившись, кивнул головой. Все мои недоумения и сомнения явно поднимали ему настроение. Конечно, чего еще можно ожидать от ярого сторонника хаоса?

– Вот у него будет лицо, когда он узнает, – захихикал Азазель. – Вот это номер.

– Почему эти «сверху» еще не заметили, что что-то не так? – спросила я, сменив неудобную для меня тему. – В конце концов, где бы мы ни находились, Агарес вызывал землетрясение. Это невозможно не заметить.

Азазель пожал плечами:

– Не знаю... они редко смотрят на Землю. Впрочем, надо признать, что в этот момент кто-то, наверное, заснул на дежурстве.

– А мы не можем послать ангелам какое-нибудь письмо? Дать им знать, что что-то не так?

Дьявол отрицательно покачал головой:

– Об этом не может быть и речи. Если бы они узнали об этом от нас, то сразу же отправились бы к Люциферу за разъяснениями, а тот показал бы им фальшивые документы. Они должны увидеть своими глазами, что мы сражаемся против Паймона и Агареса, что мы защищаем людей. В противном случае мы сами окажемся вовлечены в убийства людей с Искрой. Знаю я Люцифера, он бы свалил всю вину на нас.

Я кивнула. Да... в этом был какой-то смысл.

– Будь я Сатаной, я поступил бы точно так же... – признался Азазель.

– Долго мы еще будем тянуть? – спросила я.

– Не знаю. – Он тяжело вздохнул. – Правда, не знаю. Я тоже уже сыт всем этим...

Некоторое время мы сидели молча. В комнату вошел Карлос с кувшином свежавыжатого сока. Кажется, после моего пребывания здесь я больше не смогу смотреть на апельсины.

– Что с нашими следующими объектами? – спросила я. – Их надо как можно скорее спасать.

Дьявол отложил в сторону бумаги. Я увидела, что это были образцы новых листовок.

– Осталось, как помнишь, три объекта. Номер восемь и девять во Франции и номер десять в России. Какой хочешь?

Я быстро поразмыслила. Во Франции мне придется с кем-то сотрудничать. С Азазелем, который будет расспрашивать меня о деталях моей ночи, либо с Белетом...

– Беру Россию, – сказала я.

В отличие от Франции, я никогда там не была, но что же... Мне всегда хотелось ее увидеть, и наконец-то мне представилась уникальная возможность.

Азазель двусмысленно улыбнулся:

– Хорошо... тогда пойду разбужу Белета.

– Подожди, пусть спит. Он устал. Расскажи мне больше о моем объекте.

Азазель слегка пошатнулся, встав с кресла. С облегчением он сел обратно. Его организм очень медленно восполнял дефицит крови. Интересно почему. Было ли это потому, что рана была нанесена дьявольским оружием? А может, это из-за моего лечения? Вдруг я сделала что-то не так? Может, нужно постараться его вылечить?

Я внимательно посмотрела на него. Так или иначе, он продолжал ходить, говорить и быть вредным. Он определенно не нуждался в дальнейшем лечении и моей заботе.

Азазель быстро рассказал мне об Александре, моем объекте. Он был типичным «новым русским». Двадцатилетний сын состоятельных родителей, проводящий время в развлечениях и трате денег. Он изучал в Москве предпринимательство, чтобы принять бизнес после отца.

Я глянула на часы. День клонился к вечеру. Согласно расписанию его занятий, он вскоре должен был выйти из университета и отправиться обедать с друзьями. По традиции они встречались в понедельник на Красной площади у красочного храма Василия Блаженного, чтобы посмеяться над туристами, а затем шли в какой-нибудь модный ресторан.

Ровно через шесть минут он должен выйти из метро на станции «Китай-город», чтобы встретиться со своей девушкой Леной. Затем они двинутся в сторону Красной площади по улице Варварке.

– Лена – наш наблюдатель, – сказал Азазель. – Она продала мне душу в обмен на увеличение груди.

Он сидел такой улыбчивый и явно гордый собой, что так дешево купил ее благодарность.

– Ты легко ее узнаешь – у нее фиолетовые волосы, – добавил он.

Я кивнула и встала. Свою саблю, завернутую в платок, я держала в руке. Ножны уже давно где-то потерялись. Кроме того, я решила, что такая маскировка будет меньше бросаться в глаза.

Вставив свой дьявольский ключ в стену, я представила себе туалет на станции метро. Они выглядят одинаково во всех странах, поэтому с этим никаких проблем не было.

Поезд только подъехал к станции. Из вагонов высыпали десятки человек. Как я должна была найти Александра и его девушку с фиолетовыми волосами?

Я выбежала на улицу вслед за толпой людей и стала лихорадочно озираться по сторонам. Их нигде не было видно. С одной стороны, уговорить объектов держаться людных мест было разумным шагом. Это уменьшало вероятность того, что Паймон и Агарес обнаружат свое присутствие – они боялись встревожить Рай своими действиями. Но, с другой стороны, нам тоже было намного труднее отследить людей с Божьей Искрой.

Наконец вдали мелькнула фиолетовая солома. Я побежала в ту сторону. Какой-то блондин, тоже крашеный, ласково обнимал пышногрудую девушку с короткой рваной прической баклажанного цвета, которая скорее казалась неумелой работой косилки. Они шли быстрым шагом по улице Варварке. Александр и наш наблюдатель.

Я двинулась за ними, желая догнать их и быстро рассказать, в чем дело, а потом утащить объект номер десять в Ад. Я надеялась, что он не станет слишком сопротивляться и сразу поверит, что я дьяволица.

Как только я собралась позвать его по имени, я вдруг почувствовала, что что-то не так, и быстро обернулась.

Однако за мной не было никого подозрительного. Нормальные люди, идущие уверенным шагом в им одним известных направлениях, какая-то изысканно одетая женщина с пуделем на поводке, бомж в грязном плаще, сидящий на тротуаре с картонной табличкой. Он держал ее только одной рукой. Я прочла надпись, сделанную маркером: «Я военный калека. Помогите, пожалуйста». На вид ему было сорок-пятьдесят лет. Может, это только борода с колтунами так его состарила, а на самом деле он был довольно молодым. Бедный ветеран бутылки.

Я посмотрела на огромное здание, напоминающее наш варшавский ДКиН – Дворец Культуры и Науки. Еще одна столичная аббревиатура, непонятная для приезжих.

Из-за собственной глупости я потеряла Александра и фиолетовую девушку из виду. Быстро побежала к Красной площади. Они как раз шли через небольшую стоянку в сторону сказочного храма.

Я хлопнула Александра по плечу. Он удивленно посмотрел на меня, а затем быстро оглядел мой довольно легкий наряд. Убедившись, что на мне нет дорогой дизайнерской одежды, он пришел к выводу, что не знает меня.

– Да? Вы заблудились? – спросил он с сильным восточным акцентом.

– Вовсе нет, Александр Спасокукоцкий. Я как раз искала тебя, – ответила я.

Удивленный тем, что я знаю его фамилию (которую очень трудно произнести быстро – я была горда тем, что ни разу не запнулась), он отошел от меня на шаг. Я повернулась к девушке с кошмарной прической:

– Ты уже можешь идти, наблюдатель. Я беру объект на себя.

Фиолетовая поморщилась и с сожалением глянула на Александра. Видимо, ей слишком понравилась роль девушки нефтяного магната.

– Лена, в чем дело? – спросил растерянный блондин.

– Саша, прости, – зашебетала девушка, складывая губы бантиком.

Саша? Я никогда не могла понять эти сокращенные имена в русском языке. Дмитрий – Дима, Михаил – Миша, но Александр – Саша? В чем смысл?

– Саша, видишь ли, эта дама – дьяволица. А я заключила договор с дьяволом, – плаксиво всхлипывала девушка. Мечта о деньгах своего избранника растворялась для нее все быстрее.

– Лена... признавайся. Во что ты влипла перед нашей встречей? – настороженно спросил Александр.

– Ни во что, ни во что, клянусь. Я говорю правду, Саша, – заклинала его девушка. – Это дьяволица.

Меня начала раздражать эта слезливая сцена. Вот-вот могли появиться враждебные дьяволы. Самое время убираться отсюда.

Я щелкнула пальцами, и моя рука загорелась. Я огляделась, не заметили ли этого прохожие.

– Теперь ты мне веришь? – спросила я у Саши. – Я дьяволица. Тебе угрожает опасность. Злые дьяволы хотят тебя убить, мое задание – спасти тебя. Лена была моим наблюдателем. Она присматривала за тобой, пока меня не было рядом. Я как ангел-хранитель, только в красном, понимаешь?

Но Александр не собирался ни понимать, ни розумеч, ни андерстэнд. Не говоря ни слова, он бросился бежать.

Я погасила пламя и посмотрела на фиолетовую всхлипывавшую девушку.

– Он всегда такой нервный? – раздраженно спросила я.

– Саша очень милый, – возразила она, а потом тяжело вздохнула: – И богатый...

Я побежала за мужчиной. Видимо, он собирался обогнуть храм, потому что направлялся к Мавзолею Ленина, в центр Красной площади. Для такого худого парня он бежал очень быстро. У меня это получалось не так хорошо. Выпитый кофе плескался в желудке, который требовал чего-то более питательного. К тому же громоздкая сабля, обернутая слишком длинным платком, тоже мне мешала.

– Александр, стой! – крикнула я. – Иначе тебя остановлю я, а это будет больно!

Развеселившиеся люди с любопытством смотрели на нас. Должно быть, мы представляли довольно интересное зрелище: рослый парень, убегающий от маленькой девушки, на лице которой было написано желание убивать.

Я была сыта этим по горло. Представила, как завязываются шнурки его черных кед от фирмы Lacoste. Александр довольно зрелищно упал. Я добралась до него прежде, чем он смог подняться.

У него были ссадины на ладонях и подбородке.

– Не убивай меня! – пролепетал он. – Я больше не буду от тебя убегать.

Я широко улыбнулась прохожему рядом с нами.

– Мы обручились, но Сашка немного разнервничался, – пояснила я.

Прохожий ускорился и поспешно удалился.

– Я не причиню тебе вреда. – Я присела рядом с ним. – Я же говорила, что хочу тебе помочь. Слушай, за тобой охотятся двое психопатов...

– Это какая-то шутка Ленки и Миши, да? – спросил он, развязывая шнурки. – Ну, они у меня получат! Посмотри на мои руки!

На ссадинах появились первые капли крови. Прежде чем он успел среагировать, я коснулась их пальцами. Через секунду его ладони были как новые.

– Что?.. – начал он.

– Теперь ты мне веришь? – спросила я. – Если будешь хорошо себя вести, то вылечу и твой подбородок.

Он кивнул, глядя на меня с немым удивлением.

– Как я уже сказала, за тобой охотятся двое психопатов. Мы должны как можно скорее убираться отсюда. – Я коснулась его подбородка и вдобавок убрала уродливую, на мой взгляд, родинку.

Знаю... Я такая эстетка. До сих пор это слышу.

Я встала и протянула ему руку. Он схватился за нее и со вздохом поднялся.

– А Лена? – спросил он.

– Она просто присматривала за тобой. Теперь ей больше не нужно это делать.

– Ага, – задумчиво пробормотал он. – А это даже хорошо, потому что для меня это был просто секс. Я все равно не собирался жениться на ней – она не понравилась моей маме.

Бедная Лена, мечтам о богатстве так или иначе не суждено было сбыться. И все из-за... свекрови.

– Нам нужно найти какое-нибудь уединенное место, – сказала я. – Там я создам проход, через который мы попадем в Ад.

– В Ад? – снова начал паниковать он.

– Слушай, разве я не говорила, что не причиню тебе вреда? – рявкнула я.

Александр вытаращил глаза, молча показывая на что-то за моей спиной.

Кто-то тронул меня за плечо...

Я быстро обернулась, выхватив из платка саблю.

Взвизгнув, от меня отскочил Азазель. Белет с неодобрением посмотрел на него:

– Кричишь, как баба...

– Азазель? Белет? – воскликнула я. – Вы меня напугали! Я могла вас убить!

– В этом я как раз сомневаюсь, – фыркнул Белет.

– Что с объектами во Франции? Вы их нашли? – быстро спросила я.

– О да, они уже в Аду, – ответил мой красивый дьявол. – Вижу, твой тоже жив и здоров.

Он явно был не в настроении. Я избегала его взгляда. Нагнулась за платком и накрыла им свою офицерку. Мое равнодушие, однако, не особо мне помогло.

– Ты спала с ним? – напал на меня Белет.

– Зависит от того, что ты подразумеваешь под сном, – неохотно буркнула я.

Александр и Азазель с любопытством прислушивались к нашему разговору.

– Слушай, сейчас не место и не время, – сказала я.

– Под сном я подразумеваю секс. – Белет уперся руками в бока.

Я злилась на него за эту сцену. Он специально устроил это представление на глазах у всех остальных, посреди площади, чтобы унижить меня.

– Мы не занимались сексом, – рявкнула я. – Мы просто спали рядом друг с другом, обнявшись. И тебя это не касается.

Белет сделал глупое лицо, совершенно удивленный моими словами.

– Вы просто лежали рядом друг с другом? – спросил он.

– Ну, знаешь... еще мы дышали, но это совсем незначительная деталь.

– Просто лежали? – На его лице стала появляться полная недоверия улыбка.

– Боже, неужели мне надо написать это где-нибудь, чтобы ты поверил?

Белет, тут же рассмеявшись, повернулся к Азазелю.

– Сатана побери, да он голубой! – смеялся он. – Камень с души. – Он снова повернулся ко мне.

Разозленная, я стояла, крепко сжимая саблю. Александр, видимо, заметил, что я готова взорваться в любой момент, потому что предусмотрительно отошел от меня.

– Не могу в это поверить, – все еще смеялся Белет. – Он был заперт с тобой в одной комнате. В комнате, где, кроме кровати, ничего нет, и он ничего не сделал? Тебе не кажется, что с ним что-то не так? Я бы, конечно...

– Не упустил случая?

– Я бы так это не назвал.

– Он просто ласковый и романтичный! – воскликнула я. – Не в таких условиях будет мой первый раз!

– Знаю, я уж позабочусь о подходящем антураже, – заверил меня Белет, широко улыбаясь.

– Скорее Ад замерзнет!

– Это легко устроить, – быстро сказал он. – У нас есть несколько курортов, где лежит искусственный снег.

Все это время хихикая себе под нос, Азазель стукнул локтем Александра.

– Разве это не печально, что весь мир вращается вокруг секса? – спросил он театральным шепотом.

Я испепелила его взглядом.

– Меня и так устраивает, – пробормотал Александр.

Азазель улыбнулся во весь рот:

– Мне нравится этот парень. – Он похлопал его по плечу, а затем хлопнул в ладоши. – Ну так что, идем? С теми мы еще не встречались, да и здесь довольно мило, но я бы предпочел оказаться в Аду.

Мы послушно двинулись через Красную площадь к Мавзолею Ленина. Хм, Ленин. Я не могла вспомнить его на балу у Сатаны. Значит, было только два варианта: либо он был в Раю, либо перестал существовать. Интересно...

Грязный бомж, которого я видела ранее, подошел к нам. Это меня удивило – попрошайки не появлялись посреди площади.

– Уважаемый, дайте пару копеек, – взмолился он.

– Отвали, жулик, – отмахнулся от него идущий рядом со мной дьявол.

– Азазель! – с упреком воскликнула я.

Может, он и беден, но это не означало, что мы могли обращаться с ним, как с мусором.

– Я что, ангел? – возмутился дьявол.

– Раньше был им, – фыркнула я.

– Раньше я даже на арфе играл...

Я попыталась представить себе, как Азазель, весь в белом, сидит на облаке и играет на арфе. После нескольких попыток я сдалась. Не было у меня такого богатого воображения...

– Хотя бы копеечку! – снова взмолился бомж, сжимая одной рукой картонку с просьбой.

– Слушай, ты, старый пень... – начал Азазель, но не договорил.

Бездомный выпрямился. Грязные разодранные лохмотья упали, являя дорогой костюм. Один рукав пиджака был завязан. Борода, словно снег, упала на землю.

Перед нами во всей красе стоял Агарес.

– Я убью вас, – заявил он с улыбкой.

Из-за его спины высунулась модно одетая женщина с пуделем на поводке. На наших глазах она превратилась в Паймона с жирными волосами. Он продолжал сжимать в руке поводок с собачкой. Дьявол погладил ее по голове, и пудель вдруг начал расти, белая шерсть пучками опадала с него. Мордочка вытянулась. Острые зубки превратились в плоские желтые зубы. Цвет поменялся на коричневый, а на спине с тихим брнчанием вырос горб.

Люди вокруг нас с криками стали убегать.

Теперь у Паймона на поводке был верблюд, а точнее, одногорбый дромадер. Я вспомнила, как Азазель рассказывал, что это его любимое животное, потому что это он их придумал. Я понимала эту симпатию, но, к примеру, Белет не расхаживал в компании кошек.

Оба злых дьявола были бледны. На их лбах выступил пот. Паймон держался одной рукой за спину, там, где я проткнула его шпагой, Агарес осторожно прижимал к себе завязанный рукав пиджака.

– Это те злые дьяволы? – шепотом спросил Александр.

– Да, – ответили мы хором.

– В атаку! – крикнул Паймон верблюду и отпустил поводок.

Животное зарычало, а затем пустилось галопом прямо на нас. Очевидно, он собирался нас растоптать. Я вскрикнула и хотела отскочить, но Белет, как ни в чем не бывало, вышел вперед, поэтому я сдержалась, чтобы не выглядеть глупо.

Он хлопнул в ладоши.

Верблюд пискнул и с тихим хлопком превратился в облако войлока, которое тут же подхватил ветер.

Паймон завыл:

– Это был мой любимый дромадер!

Белет повернулся ко мне.

– Наверное, им слишком больно думать логически, – сказал он.

Паймон, морщась, выхватил меч из ножен на спине и бросился на нас. Белет уже сжимал в руке катану. Их клинки встретились и зазвенели.

Я схватила Сашу за плечо и толкнула назад.

– Стой здесь, – приказала я.

Агарес сотворил в своей здоровой руке топор и завертел им в воздухе. Сноп искр упал на брусчатку.

Прохожие стали останавливаться и с любопытством разглядывать нас. Они искали взглядом камеры, думая, что мы снимаем какой-то фильм.

Азазель скривился и вытащил катану. Она выглядела жалко по сравнению с тяжелым топором Агареса. Я решила ему помочь и сняла платок со своей офицерки. В тот же миг мы подлетели к дьяволу.

Он быстро замахал топором. Я увернулась в последний момент, когда он неожиданно развернулся ко мне, и упала на землю.

Азазель быстро ткнул его саблей, но смог только слегка коснуться пламенем костюма Агареса. Я поднялась на ноги, благодарная за небольшую передышку.

Агарес замахнулся топором и со всей силы ударил Азазеля рукоятью по лицу. Дьявол полетел на землю. Сплюнул кровь и выбитые зубы. Я громко вскрикнула и вслепую ударила офицеркой. Как ни странно, я попала, но клинок проехался по его ребрам, не причиняя особого вреда.

Я его этим только разозлила.

Он начал атаковать меня с удвоенной силой. Я отступала, постоянно избегая его топора, со свистом рассекавшего воздух.

Азазель наконец поднялся на ноги. Однако вместо того, чтобы броситься в пучину битвы, он бросился... бежать.

– Эй! Помоги мне! – закричала я.

– Как услышишь свист, убегай! – крикнул он напоследок.

Краем глаза я увидела, как он подбежал к стене Мавзолея Ленина и сотворил там для себя проход, не заботясь о смертных, которые могли это увидеть.

Я начала ругаться себе под нос. Если уж он убегал, как трус, то мог хотя бы захватить с собой Александра. Бедный парень стоял рядом с нами, не зная, что делать. В любой момент его могли ранить или убить.

Белет справлялся намного лучше меня. Он ловко парировал очередной удар дьявола. Паймон выглядел измученным, но свирепость и жажда мести неуклонно толкали его вперед. Он был как таран. Белет, как и я, все время отступал. Вдруг он развернулся, присел и ударил катаной по животу дьявола.

Паймон схватился за рану. Между его пальцами потекла теплая кровь.

– Touché, – воскликнул довольный собой Белет.

У меня все было не так хорошо. Напасть на Агареса снова мне не удалось. Я сосредоточилась только на том, чтобы вовремя отпрыгивать от его топора.

Я почувствовала на щеке жгучие искры, когда лезвие почти коснулось моего лица.

– Ты, старый дед! – прорычал Саша и швырнул свой мобильный телефон в Агареса.

Он попал дьяволу в голову. Я восхитилась его смелости. Тем не менее его новенькая «Нокиа», весившая около восьмидесяти граммов, не нанесла Агаресу большого вреда.

Дьявол повернулся к Александру:

– Наш человек, которого нужно устранить. – Агарес мерзко улыбнулся. – Я совсем о тебе забыл.

Саша тут же пожалел о своем благородстве.

Внезапно мы услышали какой-то громкий свист и грохот. Нечто очень большое быстро рассекало воздух. Все удивленно остановилось и уставилось на небо, на котором уже сгущались сумерки. Луна и звезды, не закрытые облаками, появлялись на небосклоне. Красное солнце горело на горизонте.

Белет и Паймон снова принялись яростно сражаться.

Рядом со мной появилась черная дыра. Я опустила саблю.

Смерть в своей коричневой рясе спрыгнула на землю. Черная дыра закрылась.

Агарес, нахмурившись, продолжал настороженно разглядывать небо. Он выглядел так, будто совершенно забыл обо мне и о Саше. Это меня встревожило. Что могло быть важнее нашего боя?

Смерть подошла ко мне и к русскому, который в ужасе прятался у меня за спиной.

– Здравствуй, дьяволица, – сказала она.

– Здравствуй, – ответила я и повернулась к Александру: – Саша, познакомься, это Смерть, Смерть, это Саша.

– Я умер?! – взвыл парень.

Гул нарастал. На горизонте появилась какая-то маленькая точка, стремительно увеличивающаяся в размерах. Я забеспокоилась.

– Смерть, что ты здесь делаешь? – быстро спросила я.

– Дорогая, – закричала она, как несмазанная дверь. – Ты же знаешь, что я всегда в центре событий, когда ожидается какое-то знатное веселье. А сегодня настроение в Москве будет воистину бомбическим.

Ее глухой смех прервал Паймон, столкнувшийся с ней в пылу борьбы. Коричневая ряса взлетела вверх и бесформенно упала на землю. Смерть лишилась и одежды, и в то же время формы.

– Черт возьми... – услышала я ее голос, доносившийся с нескольких сторон. – Ох уж эти невнимательные дьяволы.

Невидимые руки подняли рясу и начали отряхивать ее от пыли.

– БОМБА! – заорала я во все горло и схватила Сашу под руку. – Надо уходить!

Агарес в немом ужасе уставился на очертания ракеты, которая уже через несколько секунд должна была ударить прямо по Красной площади. Из Кремля донесся сигнал, предупреждающий о ядерной атаке. Люди бросились бежать. Даже Белет и Паймон перестали сражаться.

– Мы не успеем убежать, – прошептал Белет.

Я мысленно проклинала Азазеля и филиал его секты в Северной Корее. Это не та помощь, которую я имела в виду!

Сабля выпала из моей онемевшей от страха руки. Казалось, будто ракета приближается к нам в замедленном темпе. Я вытянула обе руки в ее сторону. Она не может ударить сюда! Погибнет много людей!

Я сосредоточилась на бомбе. Остановила ее часовой механизм на несколько секунд, больше не смогла – механизм заклинило. Тогда я сконцентрировалась на самой ракете – хотела изменить траекторию ее полета.

Только куда ее отправить, чтобы она никому не навредила?!

Мне в голову пришла безумная идея.

Четырехметровая ракета с громким свистом летела прямо на нас. В самый последний момент я направила в ее сторону всю свою силу. Бомба резко свернула прямо перед Агаресом. Сила отдачи отбросила его на спину.

Горячий порыв воздуха заставил нас всех прижаться к земле.

Теперь ракета летела вертикально вверх.

Часовой механизм закончил обратный отсчет. Я не успею!

Я изо всех сил подтолкнула ее, чтобы она оказалась вне атмосферы. Белет понял, что я делаю, поднял вверх руку и тоже послал в сторону ракеты всю свою силу.

Ракета сверкнула на солнце и исчезла где-то высоко, перемещенная нашими общими силами. Она была уже за пределами земной атмосферы.

Три...

Точка, теперь уже совсем невидимая, продолжала лететь вперед. Была только одна маленькая проблема. Она летела прямо на Луну...

Два...

Мы с Белетом переглянулись.

Один...

Что-то красное блеснуло на фоне белой Луны. Я зажмурилась. Мне показалось, что я вижу маленький ядерный гриб, но это могло быть исключительно мое воображение.

В следующее мгновение от нашего спутника стали откалываться громадные куски и расплываться во все стороны на фоне темно-синего неба.

Мы с Белетом только что взорвали Луну...

Смерть уже оделась в рясу. Она повернула голову, на которую был накинут капюшон, в мою сторону.

– Мало того что у тебя есть кот, так еще и нужно испортить все веселье, – с упреком сказала она.

Перед ней появилась черная дыра. Смерть ловко прыгнула в темноту и исчезла.

– О черт, – благоговейно вздохнул Саша, наблюдая за движением лунных осколков.

Агарес и Паймон вскочили на ноги. Земля тут же затряслась. От стен храма и Кремля начали отваливаться штукатурка и кирпичи.

– Это уже слишком, – рявкнул старый дьявол. – Мы вас прикончим!

Почувствовав, что наконец готова, я с достоинством поднялась. В конце концов, чего теперь волноваться? Я уничтожила естественный спутник нашей планеты, из-за меня чуть было не взорвался целый город, а до этого из-за меня погибло несколько человек. Мне было больше нечего терять.

Посмотрев на Паймона и Агареса, я представила себе, как они становятся все меньше и меньше. На моих глазах они стали сжиматься. Их оружие, топор и меч, с громким лязгом ударились о землю. Дьяволы стали коричневыми, у них выросли лишние ноги. Исчезли лица, появились жвала и усики.

Я подошла к ним.

На брусчатке прямо подо мной стояли два крошечных муравья. У одного из них не было передней ножки. Ох, бедняжка!

– До свидания, – сказала я.

А затем изо всех сил наступила на них. На всякий случай я перенесла на эту ногу всю тяжесть своего тела и потерла подошвой, будто гасила окурочек сигареты.

Белет смотрел на меня с открытым ртом. Ему казалось, словно я совершила еще одно чудо. Я до сих пор вспоминала, как сильно он восторгался тем, что мне удалось превратить яблоки в помидоры в кабинете Люцифера. Тогда он мне сказал, что дьяволы не умеют такое делать.

Может, дьяволы и не умеют, а дьяволицы с Божьей Искрой справляются без труда.

К нам подбежал запыхавшийся Азазель, поглядывающий в небо. Куски Луны, подвергнувшись гравитации Земли, неторопливо плавали, сияя, как звезды. Это выглядело вполне эффектно.

– Если я говорю «беги, как услышишь свист», то нужно убегать! – заорал он на меня.

Я опустила взгляд вниз. Была слишком напугана, чтобы бежать...

– Как мы это объясним? – Азазель заламывал руки, не отводя взгляда от неба.

Разъяренный, он повернулся ко мне.

– Если тебе так сильно хотелось известить Небеса, то нужно было сделать это как-то иначе! Таким образом до Аркадии ничего не долетит!! Белет, кретин! Почему ты ее не остановил?! – орал Азазель.

Красивый дьявол полностью проигнорировал его. Он все еще не сводил взгляд с моей ноги.

– А где Агарес и Паймон? – спросил Азазель, оглядываясь по сторонам. – Может, хоть у них хватило ума убежать?

Белет показал пальцем на мою ногу.

– Она превратила их в муравьев и растоптала, – выдавил он.

Я подняла ногу. На подошве моей кроссовки и на брусчатке было два пятна. Азазель резко побледнел. Он подошел к останкам дьяволов и низко наклонился.

– Это когда-то были муравьи, – подытожил он. – Даже ножки еще видны...

Он поднялся и сдавленно сказал Белету:

– Когда я оправлюсь от шока, напомни мне больше никогда не выводить ее из себя...

Я отступила назад. Я убила их. Убила двух вечных существ, слуг Сатаны. Лишила их возможности увидеть конец света и Апокалипсис. Не было ни малейшего шанса, что они срastутся обратно. Они перестали существовать.

Я убила их.

Убила!

Я чуть было не впала в истерику, как вдруг до меня дошел один очевидный факт – благодаря этому я теперь была в безопасности. Они больше не могли угрожать ни мне, ни Петруше, ни Белету. Я спасла и людей с Искрой. К тому же я растоптала только двух муравьев.

Прекрасный дьявол подошел ко мне и положил руку мне на плечо.

– Все в порядке? – прошептал он.

Хотя в душе я радовалась, по щекам у меня потекли слезы. Белет обнял меня. Я плакала какое-то время, а он успокаивающе гладил меня по спине, шептал какие-то ласковые слова и то и дело целовал в лоб.

За нашими спинами кто-то громко кашлянул.

Мы повернулись к группе высоких, плечистых, светловолосых мужчин. На их бледных, словно вырезанных из мрамора, лицах не было ни намека на морщины. Даже мимические, свойственные дьяволам.

Все они были одеты в белое. У каждого на шее висел крестик на серебряной цепочке. На них были белые футболки и белые льняные штаны. Под сандалиями из ремешков красовались белые носки.

Ангелы.

Самый высокий из них, самый статный и безупречный, вышел вперед и спросил, даже не сморщив свой гладкий лоб:

– Какого хрена здесь происходит?!

Жесткий стул был ужасно неудобным. Я пыталась поменять позу, но продолжала чувствовать, как больно сиденье впивается в заднюю точку. Белет, сидевший рядом со мной, даже не дрогнул с тех пор, как нас сюда посадили. Он спокойно дышал, выпрямившись, словно струна. На его лице были написаны только скука и усталость.

Мне открывался прекрасный вид на его профиль. Высокий лоб, подчеркнутый сердитым ирокезом, черные брови, золотистые глаза, обрамленные длинными ресницами, прямой нос – не слишком большой, но и не слишком маленький, – идеальные, полные губы, созданные для поцелуев, четко обрисованная челюсть. Гордо поднятая голова давала понять, что он плевать на все это хотел.

Я посмотрела в другую сторону, где Азазель нервно кусал нижнюю губу и что-то тихонько выдумывал, низко наклонившись. Обычно такие похожие, теперь они отличались, как огонь и вода.

У меня не получалось спокойно усидеть на месте. Оглядела затемненный зал без стен и потолка. По обеим сторонам тянулись скамейки для публики, которые совсем скоро будут заняты любопытными гражданами. Напротив нас стояли два трона – один белый, второй черный.

Я тяжело вздохнула.

Уже во второй раз в моей дьявольской карьере меня будут судить. Должно быть, я теперь какой-то исключительный случай.

Белет тепло посмотрел на меня.

– Не волнуйся, – сказал он.

Он слегка наклонился ко мне, будто собирался поцеловать, но в последний момент отодвинулся. Его пылающий взгляд остановился на моих губах. Ему было совершенно все равно, где мы находимся. Хотела бы я тоже быть такой беззаботной.

– Я не волнуюсь, – пробормотала я. – Я просто не могу понять, почему именно нас собираются судить.

Белет тихо рассмеялся.

– Давай подумаем, – сказал он и начал загибать пальцы. – Мы сбежали из Ада, выкрали дьявольский ключ, украли сатанинское оружие, с помощью листовок пропагандировали бойкот Сатаны, вызвали несколько землетрясений, раскрыли себя большому количеству людей, привели смертных в Нижнюю Аркадию, шантажировали некоторых землян, чтобы они стали нашими наблюдателями, взорвали Луну, убили двух бывших ангелов...

У него кончились пальцы на обеих руках. Тогда он потянулся к моей руке и осторожно загнул мой указательный палец.

– ...начали Третью мировую войну. – Он закончил считать.

Я задумалась. Ну, ладно, возможно, у обвинения были некоторые основания требовать суда...

Настоящий хаос начался, когда Россия узнала, какое государство направило на их столицу атомную бомбу. Она сразу собрала всю свою армию, даже отозвала войска из Чечни, явно собираясь полностью ликвидировать Северную Корею.

Пока не помогали ни призывы НАТО, ООН и всех остальных существующих организаций, ни уверения Кореи в том, что произошел саботаж. Людей, ответственных за нажатие красной кнопки, уже поймали. В прессу просочилась информация, что все они были участниками какой-то суперсекретной, но общеизвестной организации, а секретные службы, когда наконец выследили их, арестовали их во время какого-то подозрительного сатанинского обряда.

О традиционных нарядах, то есть набедренных повязках и розовых капюшонах с прорезями для глаз, в газетах не было ни слова...

В аудитории начали появляться зрители. Первыми впустили граждан Рая – по такому случаю их специально пригласили в Ад (они получили одноразовые пропуска). Я заметила, что все они были мужчинами. И все одеты одинаково... Неужели белая футболка, штаны, носки и, конечно же, сандалии из ремешков были для них каким-то рабочим обмундированием? Ангельской форменной одеждой?

Я увидела Мюриэля и Узиэля. Первый бросил на меня презрительный взгляд, зато второй добродушно улыбнулся.

Меня снова поразило то, что я наблюдала вчера. Я никогда об этом не задумывалась – в конце концов, я не встречала ангелов так часто. В основном я имела дело с Мюриэлем, а к нему я уже успела привыкнуть. У всех ангелов был бледный, фарфоровый и идеально гладкий цвет лица. Никаких морщин, складок и растяжек. Они создавали впечатление, будто на их лицах были восковые маски.

Я ткнула Белета в бок.

– Почему у них нет морщин? – спросила я. – У тебя есть мимические морщины от смеха, а на их лицах даже таких нет.

Прекрасный Белет посмотрел на тихую и дисциплинированную публику.

– Морщины появляются, когда мы проявляем эмоции, например смеемся, правда? – Он подождал, пока я не кивну головой. – А чему им радоваться на Небесах? Алкоголь и остальные вещества у нас...

Я не знала, шутит ли он или говорит правду. Наконец его выдали дрожащие уголки губ. Он рассмеялся.

– Не знаю, любимая, – признался он. – Тем не менее, думаю, в моей теории есть доля правды.

Интересно, что они делают в Раю в свободное время? Они не ходят в бары, потому что там их нет. Или есть, но там подают только безалкогольные напитки? Я посмотрела на их ноги в носках. Там, наверное, нельзя ни загорать в бикини, потому что это слишком непристойно, ни водить машину слишком быстро, ни шуметь ночью.

Я с ужасом подумала, что, наверное, рада, что попала в Ад. Я уже перестала считать граждан Нижней Аркадии грешниками. Удивительно, но Ад был в самом деле крутым местом, что ужасно противоречило всему тому, что я узнала в детстве. Страсти какие-то. С таким только на какое-нибудь ток-шоу идти.

Теперь в зал были допущены жители Нижней Аркадии, не только дьяволы, но и обычные граждане. Они вели себя совсем не так, как ангелы, – они шумели, улыбались, красочно одевались.

И никто не надевал носки с сандалиями...

– АЗАЗЕЛЬ! – начала кричать какая-то женщина. – АЗАЗЕЛЬ, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Я удивленно заметила, что это Клеопатра давала такую волю чувствам. Она протиснулась в первый ряд. Стул, который она заметила, занял Наполеон. Без каких-либо угрызений совести она ударила его локтем по голове. Удивленный и слегка сбитый с толку, он сполз на пол. Царица села на его место.

Азазель вскочил со стула и помахал ей рукой. Он не мог подойти, потому что нас на всякий случай приковали к столу...

– АЗАЗЕЛЬ, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! – снова крикнула она.

Я увидела, что от слез у нее расплывается макияж. Диадема с царской короной перекосилась на замысловатой прическе. Полупрозрачное платье мгновенно привлекло внимание ангелов с другой стороны.

– КЛЕОПАТРА! – закричал на этот раз Азазель. – Я ТОЖЕ ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Я увидела Бельфегора, сидевшего позади Клео. Выражение лица у него было вовсе не веселым из-за выслушивания этих признаний, но тем не менее он ободряюще нам улыбнулся. Рядом с ним сидели возмущенный Цезарь и Марк Антоний. Дальше сидели старушка Анна Ковальская, Рамзес, владелец забегающих «Под головой Анубиса», Смерть и мотоциклист, которого я уговорила пойти в Ад. Счастливый парень сидел в окружении едва одетых девушек, которые весело помахали нам.

Царица Египта повернулась к ним и начала бурно жестикулировать. Наши друзья вытащили из-за сидений какой-то большой моток ткани и развернули его по всей длине ряда. Я прочитала кривую надпись:

ВИКТОРИЯ, БЕЛЕТ И АЗАЗЕЛЬ НЕВИНОВНЫ! МЫ ТРЕБУЕМ ИХ ОСВОБОЖДЕНИЯ!

ДОЛОЙ САТАНУ!

Из-за этого у них могли быть огромные неприятности, но они продолжали весело размахивать транспарантом.

- ОНИ НЕВИНОВНЫ! ОНИ НЕВИНОВНЫ! – скандировали они.

Через мгновение все скамейки с адской публикой слаженно прокричали это заявление. Недовольные ангелы, сидевшие на другой стороне, громко комментировали поведение, как я расслышала, «адского быдла».

Белет широко улыбался скандировавшей аудитории.

- Это наши друзья, – сказал он мне.

Друзья. Я посмотрела на эту разношерстную компанию. Настоящие друзья. Кто бы подумал, что я найду их в Аду?

Всех людей с Божьей Искрой, которых мы спрятали в резиденции Азазеля, уже освободили и доставили на Землю, поэтому они не могли сидеть в аудитории и поддержать нас. Я тосковала по Петруше. По его теплым сильным рукам, шепоту, поцелуям. Я вспоминала ту ночь, когда мы лежали, обнявшись. Тогда я чувствовала себя такой счастливой, я чувствовала себя в безопасности.

В темноте за тронами вспыхнул свет. Одновременно появились два прохода. Уже знакомые мне черные врата Люцифера засверкали внутренним блеском. Рядом с ними появились почти такие же, только белые.

Двое мужчин встали напротив нас, каждый у своего трона. Один был одет в белое, другой – в черное. Они были похожи на двух королей, шагавших по шахматной доске.

- Я Гавриил, – начал тот, кто был одет в белое. – Я буду представителем Рая.

- Я Люцифер, – сказал наш знакомый, как обычно, усталым голосом. – Я буду представителем Ада.

Азазель рядом со мной съежился на стуле. Я прекрасно слышала, как он проклинает то, что именно Гавриил был судьей. Я знала, почему он так беспокоится: из-за Азазеля и его ледникового периода вымерли мамонты, которые были творениями Гавриила. С тех пор Архангел на дух его не переносил.

- Начинаем заседание, – сказали они хором.

Заседание? Нас не будут судить? Я почувствовала прилив надежды.

- Гавриил, почему именно Гавриил? – бормотал себе под нос Азазель. – Такой позер! «Кто хочет благовещать Захарию?» – «Я! Я!» Слышал я, как он рвался. А потом еще пробился благовещать Марии. Мерзкий карьерист!

Я посмотрела на Архангела. Каштановые кудри мягкими волнами падали ему на лоб. Ореховые глаза яростно впились в Азазеля. По сравнению с нашим светловолосым Люцифером, Гавриил больше походил на Сатану.

Публика продолжала скандировать.

- МОЛЧАТЬ! – неожиданно взревел Люцифер.

Тут же наступила тишина. Транспарант куда-то исчез. Он словно растворился в воздухе, хотя его наверняка просто кинули под сиденья. Поддержка публики подошла к концу.

- Мы собрались... – одновременно начали Архангел и Сатана.

Они неприязненно посмотрели друг на друга. Наконец Гавриил уступил. Он кивнул Люциферу, чтобы тот продолжал.

В приливе какого-то парадоксального патриотизма я почувствовала гордость за то, что Ад будет говорить первым.

- Мы собрались здесь... – сказал Несущий Свет, – ...чтобы решить, какие дальнейшие шаги предпримут обе Аркадии. А также... чтобы найти виновных в сложившейся ситуации и довольно неудачной цепи событий.

Затем демон, одетый в дорогой костюм, который висел на нем как на вешалке, начал зачитывать обвинения против нашей троицы. И все-таки это было самое обычное судебное заседание... Список совпадал с преступлениями, которые перечислил мне Белет. Все это выглядело для нас не слишком хорошо.

- Предлагаю начать с убийства двух дьяволов, Паймона и Агареса, – сказал Гавриил.

Азазель вскочил с места.

– Погодите! – крикнул он. – Может, лучше начать с того, почему нам вообще пришлось сражаться против них. Давайте начнем с оглашения имени того, кто приказал умертвить всех людей с Божьей Искрой! Я требую, чтобы это произошло сейчас, перед собравшимися здесь свидетелями.

Сатана посмотрел на него с ненавистью.

– Мне жаль, дьявол, но мы уже об этом поговорили, – заявил Гавриил. – По этому вопросу больше нечего добавить.

– Что значит «мы уже об этом поговорили»? – вспыхнул он. – Я ведь даже не давал никаких показаний!

– Твои показания не требовались. Как я уже сказал, весь вопрос был тщательно изучен...

– Что за хрень? – снова перебил его Азазель. – Почему часть слушаний проходит за закрытыми дверями?! Это несправедливо! Я требую, чтобы мы обсудили это сейчас, при всех свидетелях. А как же наши права?!

Гавриил наклонился вперед со своего кресла.

– Дорогой Азазель, – его слова сочли фальшивой сладостью, – не знаю, кто сказал тебе, что в Раю и в Аду царит демократия, но этот человек солгал. Демократию ищи у смертных – они все еще верят в эту систему. А теперь все будет так, как хотим того мы, понимаешь? Садись...

Накачанный демон подошел к скандалившему дьяволу, намереваясь силой усадить его на место.

– Сам сяду, – с достоинством ответил осужденный.

Он явно не мог забыть, как во время последнего слушания демон чуть не раздробил ему плечевой сустав, пытаясь его успокоить.

– Тогда начнем с убийства. – Гавриил кивнул ангелу, который все это время стоял в тени.

Высокий ангел вышел на середину, держа в руках большую банку. Он поднял ее вверх и показал публике.

Я вспомнила эту банку. Сразу после того, как на Красную площадь прибыли ангелы и обругали нас за глупость довольно неосмотрительными словами для таких «чистых» фигур, как они, там появилась группа зачистки. Одетый в белое ангел тщательно соскреб с брусчатки и с подошвы моей кроссовки все останки дьяволов и положил в этот самый сосуд.

– Присутствующая здесь дьяволица Виктория превратила дьяволов Паймона и Агареса в муравьев, а затем растоптала, – заявил Гавриил.

По аудитории прокатился возглас ужаса. Несколько человек довольно эффектно упали в обморок. Особенно те, кто сидел в верхних рядах и которым было дальше всего до пола.

– Убийца! – воскликнул кто-то.

Голос был похож на знакомый мне тенор Мюриэля. Я быстро взглянула на него, но он сделал вид, что внимательно изучает погруженный в темноту потолок.

– Виктория, встань, – сказал Люцифер.

Я послушно поднялась с места. Белет держал меня за руку, ободряюще сжимая мои пальцы.

– Признаешься ли ты в данном преступлении? – спросил Сатана.

– Да, – ответила я. – Но я сделала это, защищая себя и Александра – человека, обладающего Божьей Искрой. До этого Паймон и Агарес успели убить нескольких смертных. Я просто хотела спасти его.

Никто не прокомментировал мои слова. Они смотрели на меня, будто ожидая, что я скажу что-то еще. Но мне было нечего больше добавить. Я не жалела о содеянном и не собиралась извиняться. Эти дьяволы были безумцами и представляли серьезную угрозу всему человечеству.

Гавриил посмотрел на Люцифера. Тот беззаботно пожал плечами. Архангел снова повернулся ко мне и сказал:

– Можешь сесть. – Затем он обратился к зрителям: – Мы запомним вчерашний день как день смерти Паймона, создателя дромадеров, и Агареса, создателя крокодилов. Следующий вопрос это...

И все? Я села на свое место и повернулась к Белету, который подмигнул мне.

– Гавриил справедлив, нам не нужно его бояться, – прошептал он.

– Вам нет, а я убил его проклятых мамонтов, – вставил Азазель.

– Ты сам в этом виноват, – подытожил Белет.

Паймон сотворил дромадеров, Агарес – крокодилов, Белет – кошек, Гавриил – мамонтов. С прошлого заседания я запомнила, что ангел Ариэль изобрел вирусы и эболу. А что создал Азазель?

– А какое у тебя животное? – шепотом спросила я его.

Он удивленно посмотрел на меня:

– Почему ты спрашиваешь?

– Из любопытства, – пробормотала я.

– Комары, – ответил он. – Но потом я их немного модернизировал, чтобы они могли переносить малярию.

Я ожидала от него чего-то совершенно отвратительного, но он застал меня врасплох.

– От имени всего человечества хочется сказать тебе: «Мы ненавидим тебя за это», – сообщила я.

Он пожал плечами, будто это его вовсе не касалось. Думаю, ему действительно было все равно.

– Третья мировая война. – Гавриил тяжело вздохнул. – Надо как-то это исправить.

– Наши советники, находящиеся на Земле, уже начали переговоры с Кремлем, – сказал Сатана. – Кто-то из близкого окружения президента – наш человек. Думаю, нам удастся убедить Россию отозвать войска.

– Это хорошо, – ответил успокоенный Гавриил. – Они и так постоянно толкаются на Ближнем Востоке, больше войн нам не надо. Иначе мы не будем успевать принимать и размещать всех граждан.

– У нас та же проблема. Явная нехватка персонала, – пожаловался Люцифер.

– Вы, по крайней мере, начали набирать на эти должности смертных, – завистливо заметил Архангел.

– Ну и посмотри, что из этого вышло, – мрачно пробормотал Сатана.

– Ты прав...

Мне показалось, что все смотрят на меня с осуждением. Ну что, теперь нельзя совсем чуточку промахнуться? Или немного? Или... много?..

– Тогда займемся сейчас Луной, – предложил Люцифер.

– Осколки летят в сторону Земли, – сказал Гавриил. – Скоро они должны войти в атмосферу. Кроме того, из-за отсутствия спутника серьезно нарушены приливы и отливы морей и океанов. Планета медленно начала менять орбиту. Наши люди из всех сил стараются удерживать ситуацию под контролем, но это ненадолго. К тому же человечество уже начало паниковать и делать припасы. Скоро начнутся беспорядки.

В зале наступила гробовая тишина.

– Что будет, если осколки Луны попадут в Землю? – тихо спросила я Белета.

– Динозавры вымерли от метеорита, который разделился на несколько частей и ударил по поверхности планеты, верно? – Я кивнула. – Теперь умножь эту катастрофу и ее последствия на количество осколков Луны, которые скоро войдут в атмосферу...

Я даже раскрыла рот от ужаса.

– Что нам делать? – простонала я.

– Спокойно, – сказал Белет, хотя сам он был уже не так спокоен, каким был до суда. – Они наверняка что-нибудь придумают.

Гавриил посмотрел на нас своими пронзительными ореховыми глазами.

– У вас есть что-нибудь в свое оправдание? – спросил он.

Белет поднялся с места.

– Это произошло нечаянно. Ракета летела прямо на Москву. Мы с Викторией хотели спасти город и направили всю нашу силу на бомбу. Мы никуда не целились и разбомбили Луну случайно.

Мне вспомнилась любимая фраза моей подруги Зузы: «Целься в Луну, а даже если промахнешься, все равно останешься среди звезд». Мы, к сожалению, попали...

Я тоже встала.

– А разве мы не можем оттолкнуть осколки Луны? – спросила я. – Так сильно, чтобы они улетели обратно в космос и не упали на Землю? Если мы попытаемся сделать это все вместе, то у нас наверняка получится.

Гавриил улыбнулся мне:

– Мы собирались так сделать, но есть еще одна проблема. Луна была создана не только из эстетических соображений, мол, она красиво смотрится, когда темно. Она служит для освещения Земли ночью и является щитом. Мы специально поместили ее на орбите, чтобы часть метеоритов и комет попадала в нее вместо Земли. А теперь ее нет...

Мне хотелось заметить, что они случайно забыли развернуть метеорит, из-за которого вымерли динозавры. Хотя, может, это был преднамеренный шаг? Фильм Спилберга достаточно убедительно показал, что люди не могли бы жить в одно время с большими рептилиями...

Мы с Белетом сели. Нам было нечего добавить.

– Что будем делать? – спросил Сатана.

Гавриил задумчиво почесал подбородок.

– Мы наделали слишком много шума, – сказал он. – Она обладает слишком большой силой для обычной гражданки. Все запуталось...

Публика начала тревожно шептаться. Люцифер поднял руку. В одно мгновение наступила тишина.

– Мы должны вернуть все назад. – Он тяжело вздохнул. – К самому началу.

Белет тут же сорвался с места.

– Я не согласен! – выкрикнул он. – Вы не можете этого сделать. Не можете так с нами поступить!

– Спокойно, – сказал Люцифер. – Вы получите ключи и свободу. Будете нормальными дьяволами, которые могут путешествовать на Землю и участвовать в торгах за души. Никто не будет точить на вас зуб. Все будет в порядке.

Теперь Азазель вскочил со своего стула.

– Прошу прощения, а кто теперь будет Сатаной? Если будут выборы, я бы хотел выдвинуть свою кандидатуру.

– АЗАЗЕЛЯ В САТАНЫ! – выкрикнула из зала какая-то женщина, несомненно, Клеопатра.

– Что значит, кто будет Сатаной? – прорычал Люцифер. – Я! А ты просто смутьян и мошенник!

Азазель повернулся к Гавриилу.

– Вы сохраните ему должность после того, как он чуть не взорвал весь мир? – спросил он.

– Люцифер получил выговор и обещал исправиться, – сказал Гавриил. – Мы милосердны.

– Если бы я был Архангелом... – пробормотал себе под нос Азазель, садясь обратно на стул.

Он вдруг улыбнулся, словно только осознал, что должность Архангела не так уж и плоха.

Белет продолжал стоять, впиваясь пустым взглядом в Гавриила.

– Вы не можете этого сделать, – заявил он. – Не можете...

- Можем, – сказал ему Архангел. – Это самый простой выход из ситуации. Учитывая ваши отношения с Викторией, сделаешь это ты. Как можно скорее, желательно сегодня, сразу после окончания заседания.

Белет поморщился. Я не понимала, что происходит. Что они хотят сделать? Что они хотят делать со мной?

Гавриил поднялся с кресла. То же самое сделал и Сатана.

- Мы приняли решение, – одновременно сказали они. – Мы вернем все обратно...

Сразу перед выходом из зала суда к нам подошел незнакомый ангел и протянул нам наши ключи. Они сильно друг от друга отличались. Грубый и чугунный принадлежал Азазелю. Золотой, с обвивающим ободок змеем – Белету. А маленький и серебряный, украшенный розами, был моим. Я сунула его в карман джинсов.

– Что теперь? – спросила я Белета. – Что значит это возвращение обратно? Объясни.

– Все в порядке, – сказал он. – Не нужно бояться, ничего страшного в этом нет. Все просто вернется на круги своя. Луна снова будет цела, не будет войны, твой брат успокоится, тебя будет ждать Петрек, если не передумает...

Все это звучало просто прекрасно, но Белет почему-то был подавлен. Меня это беспокоило.

– Но в чем именно заключается это возвращение? – не сдавалась я.

Он не успел ответить. Поддерживая платье, к нам подбежала Клеопатра. Она бросилась на шею Азазелю и начала целовать его лицо.

– Пойдем ко мне? – спросил он ее, довольный этим внезапным порывом чувств.

Она закивала.

– Я скучала по тебе, – с жаром прошептала она.

Вдруг они вспомнили о нашем присутствии. Клео повернулась ко мне:

– Я ухаживала за твоим котом, но иногда он сбегал от меня, и я не могла его найти.

– Он сбегал тогда ко мне, – сказала я.

– Я так и думала. – Она улыбнулась. – Тебе повезло, что он выбрал тебя.

Она оторвалась от Азазеля и крепко меня обняла.

– Для меня большая честь познакомиться с тобой, – призналась она. – Ты была настоящей дьяволицей. Правда, не очень успешной... и кошмарно одетой, если бы не я...

Белет многозначительно кашлянул. Клеопатра смутилась.

– Но ты была для меня настоящей подругой. Прости, что помогала им разлучить тебя с Петреком.

– Тебе не за что извиняться. – Я засмеялась. – В конце концов, если бы не вся эта суeta вокруг Искры, то мы бы, наверное, так и не сошлись. Я должна поблагодарить тебя.

Это было правдой. В обычной жизни я бы не осмелилась ему сказать, что я чувствую к нему. Только спустя время я поняла, что это нужно было сделать.

Азазель протянул мне руку и крепко сжал ее.

– Ты оказалась настоящим другом. Ты даже спасла мне жизнь. Я твой должник.

– Не за что. – Меня смущал весь этот поток благодарностей.

У меня было плохое предчувствие. Все были слишком добры и откровенны. Они знали о том, о чем я, по-видимому, не подозревала.

– Мы пойдем. – Клеопатра снова обняла меня.

Нежно обнявшись с Азазелем, они пошли вперед. До нас донесся обрывок их разговора.

– Любимая, у меня новая идея. Послушай, как это звучит: Архангел Азазель. Сокращенно – АА, – разглагольствовал Азазель.

– Так же как Анонимные Алкоголики, – пошутила она.

– Вот именно! Разве тебе не кажется, что это прекрасная ассоциация? Архангел! Мне просто нужно...

Мы с Белетом переглянулись. У Азазеля, очевидно, был новый великолепный план. Дьявол обнял меня за плечи и повел в сторону выхода.

– Так что это за возвращение? – спросила я.

– Поехали ко мне домой. Я тебе покажу. – Он поцеловал меня в лоб.

Прямо перед резиденцией Сатаны (именно в его подземельях находился зал суда) нас ждал красный «Ламборгини Дьябло».

Всю дорогу до своего прекрасного поместья, стилизованного под султанский дворец Топкапы в Стамбуле, Белет искал возможность случайно прикоснуться ко мне. Он был наигранно весел и беззаботен.

Он открыл мне дверцу машины и погладил по плечу. Мы прошли через позолоченные затейливые ворота в первый двор комплекса.

Он взял меня за руку.

Но тут же ее отпустил.

Мы прошли мимо фонтана и через короткий коридор попали во второй двор. Стройные колонны поддерживали крыши зданий. Золотые кружевные решетки вместо дверей сверкали в свете солнца. Был полдень. В Лос-Дьяблосе в это время всегда очень жарко.

Он убрал волосы с моей щеки.

– Белет... ты все время меня трогаешь, – сказала я.

– Я? – удивился он. – Вовсе нет.

Он наигранно рассмеялся.

– Ты расстроен, – заметила я.

– Тебе кажется.

Он лгал. Только почему?

Мы вошли в его красиво обставленную гостиную. Он усадил меня на низкую кушетку и сел напротив.

– Хочешь чего-нибудь выпить? Чаю? Кофе? Апельсиновый сок даже не предлагаю...

Я рассмеялась.

– Нет, спасибо, но ты не стесняйся.

Он посмотрел на свои ладони.

– Помнишь, как я рассказывал тебе о полете? – тихо спросил он. – Тогда я...

– Белет, ты же знаешь, что я люблю тебя как друга и ты мне очень нравишься, но влюблена я в Петрека. Лучше расскажи мне что-нибудь об этом возвращении.

Он раздраженно посмотрел на меня.

– Не прерывай меня, – попросил он. – Для меня это действительно трудно. Мне нелегко дается честность.

– Ну ладно, буду молчать, – недоуменно сказала я.

Я удобнее устроилась на подушках и внимательно посмотрела на него. Идеально уложенный черный ирокез рассекал воздух.

– Тогда я сказал, что летать – это как первая любовь. – Он пристально посмотрел мне в глаза. – Я говорил правду. Я влюбился в тебя. Хочу, чтобы ты знала. Хотя ты все равно забудешь...

– Что значит, забуду? – удивилась я.

– Я люблю тебя, – сказал он снова.

– Ты же знаешь, что я тебя нет... – Я вздохнула.

Он весело мне улыбнулся и подмигнул:

– Мне достаточно того, что ты хочешь меня.

– Хочу тебя? Да конечно! – Я рассмеялась.

– Это видно по твоим глазам, – прошептал он, горько улыбнувшись.

Он встал и протянул мне руку. Я тоже поднялась на ноги.

– Иридолог из тебя такой же, как и Казанова, – фыркнула я.

Он повел меня к стене. Приложил к ней руку, закрыл глаза и начал шептать что-то на неизвестном мне языке. Меня это встревожило. Вавилонское проклятие меня больше не касалось, и я должна была понять, что он говорил. К сожалению, ни одно слово не показалось мне знакомым.

– Белет, что ты делаешь? – спросила я.

Он перестал шептать. Вставил в стену свой ключ, создал белую дверь из множества разноцветных стеклышек и открыл ее. Я с любопытством заглянула ему через плечо, но ничего не увидела на той стороне. Это было странно. Обычно там виднелись пейзажи того места, куда был открыт проход. В этот раз на другой стороне была только темнота.

Белет повернулся ко мне и крепко обнял. Потянул меня к проходу. Теперь он был у меня за спиной.

– В чем дело? – с тревогой спросила я. – Почему ты ничего мне не рассказываешь?

Он грустно посмотрел на меня.

– Помнишь, как ты спросила, можешь ли ты создать себе тело? – спросил он.

Я кивнула. Это прекрасно отпечаталось в моей памяти – мы говорили об этом в кабинете Люцифера, сразу после того, как взломали его компьютер и секретные документы о Божьей Искре.

– Тогда я ответил тебе, что не можешь, но есть способ, при котором можно вернуть себе тело.

– Но его знают только дьяволы мужского пола, – закончила я за него. – Ты хочешь вернуть мне тело? Жизнь? Вот что значит это возвращение? Я снова буду жива?

Я не могла сдержать радости. Мне очень хотелось стать нормальным человеком. Тогда я могла бы выйти замуж, завести детей. Испытать все, что у меня так жестоко отняла смерть.

– Я сказал тебе тогда, что нечто подобное имеет серьезные побочные эффекты, – мрачно сказал он.

– Какие эффекты? – спросила я с опаской.

У меня ведь не вырастет вторая пара рук?

– Ничего серьезного. – Он пожал плечами. – Эти побочные эффекты коснутся скорее меня...

– Не хочу, чтобы из-за меня тебе было больно, – упрямо сказала я.

Белет ласково улыбнулся, погладил меня по щеке и, прежде чем я успела возразить, наклонился и поцеловал меня в губы. Он прижался ко мне, заставляя меня сделать пару шагов назад. Обездвижил мою голову, держа меня за шею и подбородок. Он целовал меня с такой пылкостью и будто... отчаянием?

В конце концов он отстранился от меня. Взгляд его был слегка затуманен.

– Вики, я люблю тебя. Ты была восхитительной дьяволицей. Я не забуду ни одного дня, проведенного в твоей компании.

– Это звучит как прощание, – заметила я. – Белет, почему это звучит как прощание?

Он ничего не ответил.

Я поняла, что стою на самом краю прохода.

– До встречи когда-нибудь... – сказал он и толкнул меня.

Я не успела схватиться за косяк и полетела вниз, прямо в темноту этого странного прохода, созданного Белетом.

Я тяжело ударилась задницей о твердую землю. Застонала от боли и открыла глаза, которые закрыла, напуганная падением.

Где я? Я не знала. Передо мной были серые обшарпанные перила, за которыми открывался вид на погруженные во мрак многоэтажки на Жолибоже. На небе я увидела круглый диск Луны в окружении немногочисленных мерцающих звезд. Луна? Целая? Что случилось? Что со мной сделал Белет?! Виски пульсировали, а перед глазами темнело.

Я почувствовала прикосновение руки и запах крепких сигарет. Только сейчас я заметила, что не одна. Я повернулась к незнакомому спутнику.

Рядом со мной на холодной балконной плитке сидел... Петруша.

– Что происходит? – спросила я, совершенно сбита с толку.

При виде меня он не удивился. Неужели он как-то договорился с Белетом, чтобы перенести меня сюда?

Я снова посмотрела на многоэтажки напротив нас. Почему была ночь? Ведь в Лос-Дьяблосе был полдень. Время в Аду совпадало с польским. В чем дело?

Он удивленно на меня посмотрел. От сигареты, которую он держал в руке, поднималась струйка дыма, таявшая в воздухе.

– Ты заснула. – Он снисходительно улыбнулся.

– Уснула? Почему? – Я до сих пор ничего не понимала.

У меня в голове была полная путаница. Все смешалось. Я не знала, что произошло, что я делала до этого. Перед глазами всплывали какие-то непонятные образы. Голова заболела еще сильнее. Я обхватила ее руками.

– Ты что, не помнишь? Ты курила кальян с травой, которую дал тебе Томек. До этого ты пила. У тебя немного закружилась голова, и ты вышла вместе со мной подышать свежим воздухом.

Я посмотрела на сигарету.

– То есть я вышел покурить, а ты пришла подышать, – объяснил он.

Я нахмурилась. Что здесь происходит? Это напоминало мне сцену, случившуюся несколько месяцев назад. Тот же самый балкон. Тот же самый разговор ни о чем, после которого я влюбилась в Петрушу. Я посмотрела на нашу одежду. Одеты мы были точно так же, как и тогда.

Не понимаю...

– Ты что, правда ничего не помнишь? – все еще удивлялся он. – Ты сегодня звезда вечера. Ты сказала Павлу, цитирую: «Еще немного стероидов, и ты не сможешь взять свой хер обеими руками». Серьезно не помнишь?

О БОЖЕ! О БОЖЕ! О БОЖЕ! О БОЖЕ! О БОЖЕ! О БОЖЕ! О БОЖЕ!!

Белет вернул меня в прошлое! Вот что значило это таинственное «возвращение». Это действительно был тот вечер на балконе! Я жива!

Архангел и Сатана решили исправить все самым простым способом. Я фыркнула себе под нос. Они пошли по легкому пути. Вместо того чтобы ликвидировать ущерб, они просто не позволили моей смерти случиться. Если я не стану дьяволицей, ничего плохого не случится.

Белет вернул мне тело, вернул мне жизнь. Белет... его лицо расплывалось перед глазами. Как он выглядел? Билот, нет, секунду, Белет. Почему все от меня ускользало? Я чувствовала, как воспоминания одно за другим теряют краски. Может, это был просто сон? Что-то вызванное мешаниной из различных напитков и кальяна?

«Побочные эффекты». «Я влюбился в тебя. Хочу, чтобы ты знала. Хотя ты все равно забудешь...» Он имел в виду то, что эти слова еще не были произнесены. Поэтому я не могла их вспомнить, будучи в прошлом. Зато он будет помнить все. В Аду у времени свои законы. Вот почему он говорил, что это

его коснутся побочные эффекты. Он будет помнить. Теперь я все поняла.

Белет... Я затосковала по нему, хотя через мгновение уже не помнила, по кому тоскую.

Я посмотрела на Петрушу. Он выглядел таким реальным.

- Нет, - улыбнулась я. - Уже вспомнила.

Он улыбнулся мне в ответ и перевел взгляд на многоэтажки.

Я почувствовала в кармане какой-то твердый предмет и достала его. Это был маленький серебряный ключик, украшенный затейливыми розочками.

- От чего он? - спросил Петрек.

- Я... - Я замолчала, не найдя слов. - Не помню...

Рефлекторно я вытянула руку в сторону стены и постучала ключом по штукатурке. Не знаю, зачем я это сделала. Я отдернула руку.

Петрек засмеялся надо мной.

- Ой, бедняжка, ты явно переборщила с алкоголем. - Он обнял меня за плечи и забрал ключик из руки. - Замерзнешь. На тебе одна футболка.

Я повернула голову в сторону открытого балкона. В квартире я увидела Монику. Она флиртовала с Кристианом, парнем старше нас на год. Я прекрасно это помнила. Тогда она еще не обращала внимания на Петрушу, пытаясь пленить старшекурсника.

Петрек спокойно курил и даже не смотрел в ее сторону. Его теплая рука на моей спине, идеально лежащая на ее изгиб. Откуда я это знала? Я не могла вспомнить.

Я украдкой наблюдала за ним. Черные, слегка вьющиеся волосы ниспадали ему на лоб чуть выше миндалевидных глаз. Длинные черные ресницы отбрасывали тени на щеки. Прямой нос над полными губами, в уголках которых спряталась улыбка. Сексуальная однодневная щетина. Петрек был чрезвычайно красив.

Как это было тогда? Я лихорадочно пыталась вспомнить. Давным-давно, в моих воспоминаниях, наш разговор оборвался точно так же. Как всегда, у меня было ощущение, что он не хочет со мной разговаривать, что я ему мешаю, что он сидит со мной только потому, что сигарета все еще тлеет.

В тот звездный вечер я отчаянно пыталась расспросить его о чем-то, связанном с учебой. Совершенно неинтересная и скучная тема, но тогда ничего лучше мне просто не пришло в голову. Короткий разговор закончился, когда сигарета догорела, а Петруша вернулся на вечеринку. Я еще долго тогда сидела на балконе, думая о том, какая я глупая.

Я не собиралась совершать ту же ошибку во второй раз.

- Знаешь что, Петрек? - заговорила я.

- М-м-м? - Он повернулся ко мне.

Наши лица разделяло всего несколько сантиметров.

- Ты мне нравишься, - искренне сказала я. - Даже очень.

На его губах играла, как всегда, эта снисходительная спокойная улыбка.

- Я тебе нравлюсь? - убедился он.

- Да. - Я пожала плечами. - И я говорю это не потому, что я опьянена алкоголем или кальяном. Я констатирую факт.

- Понял. - Он по-прежнему улыбался.

Я почувствовала себя глупо, но не собиралась отступаться.

- И что ты собираешься сделать с этим фактом? - спросила я, смело глядя ему прямо в глаза. - Я лично предложила бы свидание, но не уверена, что...

Петруша широко улыбнулся. Он выкинул окуроч с балкона, нежно взял мое лицо в свои сильные руки, заглянул мне в глаза и начал целовать.

О боже! Какое восхитительное чувство!

Тлеющий окурок угодил в траву. Его погасил тяжелый армейский ботинок мужчины, спрятавшегося в тени дерева. Мужчина небрежно прислонился к стволу. Черный ирокез сердито вздымался.

- Едва вернулась и уже снова начала нарушать вторую заповедь... - сказал он наигранно весело своим спутникам, но его слова прозвучали печально.

Двое его друзей стояли еще дальше, спрятавшись в тени могучего тополя.

- Ее ты вернул в прошлое, а взять меня в страну моих предков отказываешься! - Женщина погладила коричневого котенка с одним кремовым ухом.

- Ты тоже бы хотела забыть все, как и она? - съязвил он.

- Ну, нет... - неохотно пробормотала она.

- Это бессмысленно, дорогая. Тебе лучше там, где ты уже есть, - вмешался обнимавший ее мужчина с черными волосами, завязанными в хвост. - Кроме того, когда я стану Архангелом...

Красавец с ирокезом больше его не слушал. Он выскользнул из тени и посмотрел вверх на балкон, на целующуюся там пару.

- И ты так просто сдашься? - спросил его друг. - Отдашь ее без боя этому Петру?

Мужчина улыбнулся и прищурился:

- Я? Сдамся? Азazel... Люди меняются, происходят несчастные случаи... Вот увидишь, она еще будет моей...

Благодарности

Я хотела бы сердечно поблагодарить госпожу Еву Карван-Ястшембскую. Вы моя настоящая духовная наставница, на которую я могу рассчитывать в минуты сомнения, которой могу рассказать обо всем. Не знаю, что бы я без вас делала!

Также благодарю свою дорогую подругу Юлию Карван-Ястшембскую за великолепные фотографии, размещенные на обложке романа, и мир, увиденный через линзы объектива. Часть этих красочных образов мне удалось перенести на черно-белую бумагу.

Эта книга не получилась бы без Яна Зайенца. Спасибо тебе, Янек, за вдохновение, за фигуры Петруши и кота Бегемота, за сексуальную щетину, за задумчивый взгляд с фотографии на обложке, за несколько сюжетных линий, а также за «быструю реакцию» и конструктивную критику (к неконструктивной для меня критике я и так не прислушиваюсь – но ты же простишь меня, правда?).

Спасибо моему редактору Наталии Сикоре за увлеченность, приверженность и терпение в процессе работы над книгой. Знаю, что порой мучила вас постоянно.

Не могу не поблагодарить свою маму, Барбару Мищук, за ее помощь, оказанную мне. Если бы не ты, мама, во многих местах я бы остановилась, не решилась бы идти дальше. Спасибо тебе и за веру в меня и мою книгу, за то, что ты моя поклонница номер один.

Также благодарю всех, кого я встречаю каждый день и кто был моим вдохновением и опорой. Может, вы узнаете себя в некоторых персонажах? Ищите внимательно... Ваши советы (интересно, что они в основном подсказывали, кого мне следует убить и устранить из романа) сильно поднимали мне настроение. Простите, что в большинстве своем я не стала им следовать (не так ли, Томек Цуговский?).

В заключение хотелось бы добавить, что все персонажи и события вымышлены. Конечно, кроме тех персонажей и событий, которые вымышлены не были...

«Стодола» – известный ночной клуб в Варшаве (*здесь и далее прим. пер.*).

Поле Mokотовское – один из самых больших парков Варшавы.

Польская песня, визитная карточка певицы Калины Ендрусик, секс-символа Польши 1960—70-х годов. Песня была впервые исполнена в 1962 году.

Прага – один из районов Варшавы.

Анджейки, или Андреев день, – старый народный праздник, отмечаемый в Польше и приходящийся на 30 ноября. Именно этот день открывает цикл зимних праздников и начинается рождественский пост у католиков. Ночью накануне обычно гадали на женихов.

Жолибож – район Варшавы.

«Черный Петер» – старинная карточная игра, цель которой – избавиться от всех карт. Выигрывает тот, кто первый сбросил все парные карты, а проигрывает – кто остался с единственной непарной картой. Этот игрок и есть «Черный Петер» – на его лице рисуют черные точки.

In flagranti (*лат.*) – с поличным.

Мариуш Пудзяновский (Пудзян) – польский пауэрлифтер, пятикратный победитель конкурса «Самый сильный человек в мире».

Средместье – центральный район Варшавы.

De facto (*лат.*) – фактически.

Мальборк – город на севере Польши, около границы с Калининградом.

Данута Ринн – польская певица и актриса. Песня «Где эти мужчины?» была выпущена в 1975 году.

«Пульс» – канал на польском телевидении.

«День Психа» – польский фильм, выпущенный в 2002 году.

Шарль Бодлер. Цветы зла. СПб: Азбука, 2012; перевод с французского Эллиса.

«Мохеровые береты» – обычно пожилые люди, придерживающиеся взглядов консервативно-национального течения польского католицизма, которые транслируются по «Радио Мария». Название пошло от головного убора, который обычно носят представители этой части общества.

Сейм – нижняя палата польского парламента, представляющая законодательную власть государства.

Love me tender (англ.) – люби меня нежно.

Госпитализм – совокупность психических и соматических нарушений, обусловленных длительным пребыванием человека в стационаре в отрыве от близких людей и от дома.

T. Love – польская рок-группа, образованная в 1982 году. Песня «Варшава» была выпущена в 1991 году.

Моббинг – форма психологического насилия в виде травли сотрудника в коллективе, как правило, с целью его последующего увольнения.

Дворец Культуры и Науки – здание в Варшаве, являющееся самым высоким в Польше. Построено по образцу так называемых «сталинских высоток» в качестве подарка Советского Союза польскому народу.

RPG (Role-playing game) – компьютерная ролевая игра с открытым миром.

Длинный рынок – рыночная площадь с кафе и магазинами, достопримечательность Гданьска.

Trójmiasto (с *польск.* «тройной город») – городская агломерация на севере Польши. Состоит прежде всего из Гданьска, Сопота и Гдыни, а также нескольких меньших городов и предместий.

Savoir-vivre (фр.) – этикет.

Юрай Яношик – легендарный словацкий Робин Гуд.

Горькая желудочная водка – травяная водка, производимая в Люблине с 1950 года.

Творки – район в городке Прушков рядом с Варшавой. В Творках находится известная психиатрическая лечебница.

Люцифер – lux («свет») + ferre («нести»). Это имя, учитывая его историю, вполне можно перевести как «Несущий Свет».

Воланд – дьявол, один из персонажей книги «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова (*прим. автора*).

Святовит – бог войны и победы у некоторых западных славян.

No (*англ.*) – «Нет».

And I don't need help (*англ.*) – «И мне не нужна помощь».

Иблис – имя Сатаны в мусульманской традиции (*прим. автора*).

Святой Николай – польский Дед Мороз.

По-польски это звучит как китайский город – ПеКиН (Pałac Kultury i Nauki).

Touché (фр.) – победа, конец (прим. автора).

Цитата, которую автор приписывает «Парфюмеру» Патрика Зюскинда, в книге отсутствует. В русском сегменте интернета эта фраза приписывается Сесилии Ахерн («P. S. Я люблю тебя»), а в английском – совершенно другому человеку.

Иридолог – человек, который изучает состояние здоровья пациента по радужной оболочке глаза
(прим. автора).